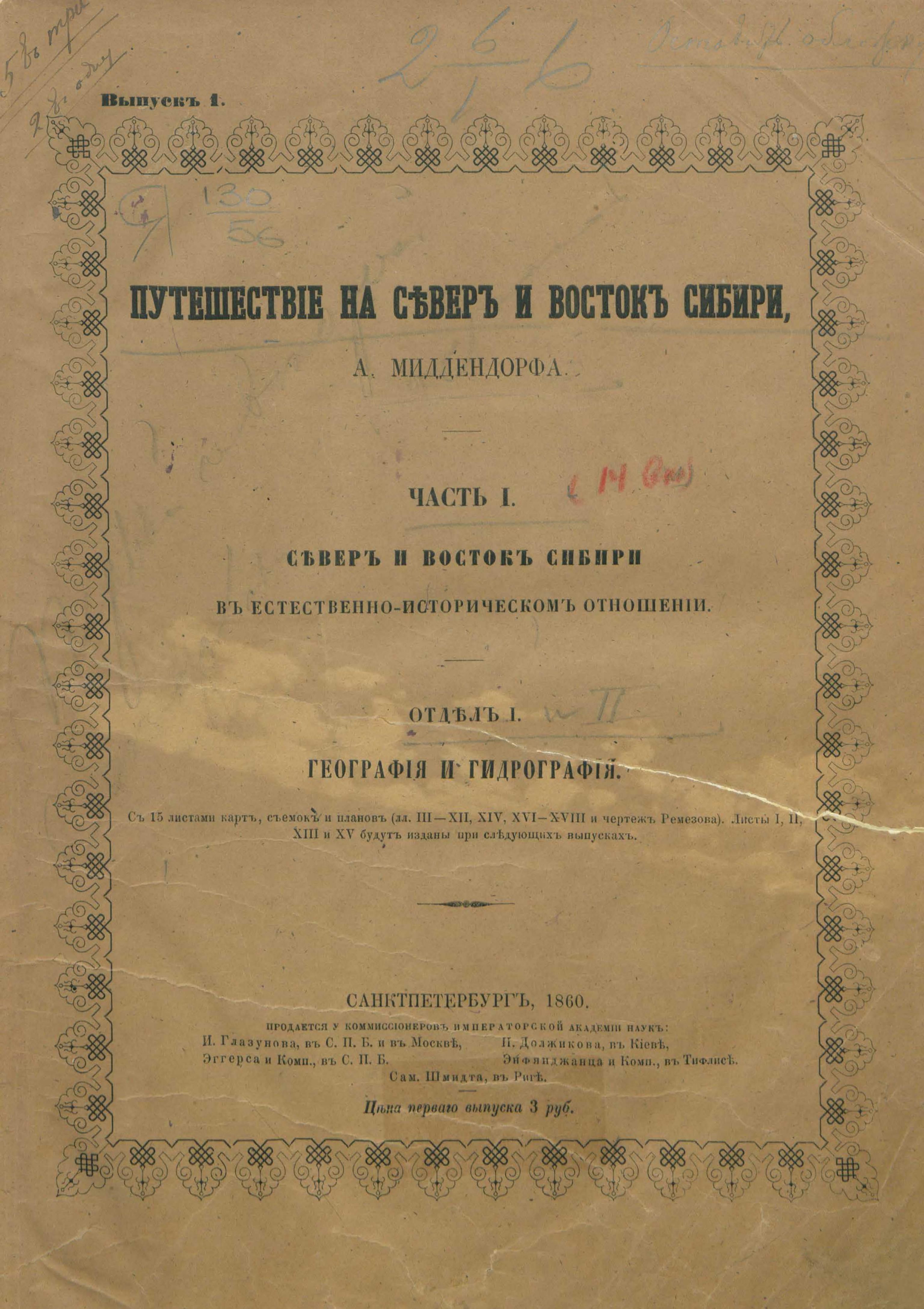

Я 130/56
ч. 1
вып. 1-2


ЭБ



Выпускъ 1.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ,

А. МИДДЕНДОРФА.

ЧАСТЬ I.

СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ

ВЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ОТДѢЛЪ I.

ГЕОГРАФІЯ И ГИДРОГРАФІЯ.

Съ 15 листами картъ, съемокъ и плановъ (лл. III—XII, XIV, XVI—XVIII и чертежъ Ремезова). Листы I, II, XIII и XV будутъ изданы при слѣдующихъ выпускахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1860.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б. и въ Москвѣ, Н. Должикова, въ Кіевѣ,
Эггерса и Комп., въ С. П. Б. Эйфанджанца и Комп., въ Тифлисѣ.
Сам. Шмидта, въ Ригѣ.

Цѣна перваго выпуска 3 руб.


2007110491

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ,

А. Миддендорфа.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ 19 ЛИСТАМИ КАРТЪ, СЪЕМОКЪ И ПЛАНОВЪ.

ЧАСТЬ I.

СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ

ВЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

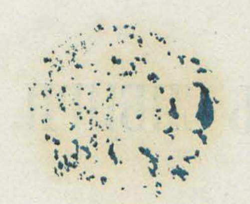
САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1860.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. и въ Москвѣ, Н. Должикова, въ Кіевѣ,

Эггерса и Комп., въ С. П. Б. Энфянджанца и Комп., въ Тифлисѣ.

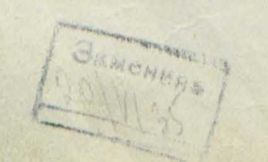
Сам. Шмидта, въ Ригѣ.



Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь, 1860.
Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*



Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.





ОБЗОРЪ КАРТЪ, СЪЕМОКЪ И ПЛАНОВЪ

КЪ

ПУТЕШЕСТВІЮ НА СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ,

А. Миддендорфа.

(Всѣ эти чертежи, изданные на Нѣмецкомъ совокупно, въ видѣ атласа, прилагаются здѣсь порознь въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, по принадлежности, какъ показано въ оглавленіи, сохраняя впрочемъ нумерацію Нѣмецкаго изданія).

На стр. 26 и 57 до 59 издаваемаго при семъ текста я отозвался, какъ надо смотрѣть вообще на мои карты. Тамъ достаточно объяснено, что картографія посѣщенныхъ мною странъ отнюдь не принадлежала собственно къ задачамъ моего путешествія, хотя мнѣ было ясно, сколько оставалось еще огромныхъ пробѣловъ и въ этомъ отношеніи. Потому на мѣстѣ самаго путешествія мной очень скоро овладѣло сознаніе, что я нахожусь почти въ положеніи Африканскаго путешественника Эккара. Еще недавно, при оцѣнкѣ его заслугъ, съ признательностью выставляли, что при отправкѣ въ путешествіе онъ снабженъ былъ палкой отмѣренной длины съ наставленіемъ снимать ею— высоты солнца (ср. Götting. gelehrt. Anzeig. 1856, p. 1779). Конечно, злобный фанатизмъ варварскихъ племенъ тамъ воспрещаетъ всякое вооруженіе какимъ-бы то ни было, рѣзко бросающимся въ глаза инструментомъ, кромѣ первобытнаго и потому единственнаго неподозрительнаго — посоха странника. А по дикости и безвѣстности иныя изъ Сибирскихъ пустынь нисколько не уступятъ Африканскимъ.

Листъ I. Общая карта Сибири.

Листъ II. Карта Туруханскаго края.

Листы III, IV и V содержатъ въ себѣ спеціальныя съемки нашего пути чрезъ Таймырскій край до Таймырскаго залива Ледовитаго моря. Подробности для оцѣнки этихъ листовъ находятся въ I части на стр. 76 съ примѣчаніемъ.

Идя къ югу мы ставимъ по порядку:

Листъ III. Низовья рѣки Таймыры. Этотъ листъ представляетъ, по нашимъ съёмкамъ, западный конецъ Таймырскаго озера съ истокомъ его до самаго моря, равно и нижнее теченіе впадающей въ него рѣки Таймыры. Такъ какъ мы, пользуясь лѣтнимъ временемъ, пробыли подольше на этихъ водахъ, то могли съ особеннымъ тщаніемъ занести на карту эту часть нашего пути.

Этотъ листъ служитъ особенно къ поясненію сообщаемаго въ I части на стр. 91 — 94, равно и всѣхъ естественно-историческихъ разсужденій о Таймырскомъ краѣ какъ въ этой части, такъ и въ изданныхъ на Нѣмецкомъ I и II частяхъ.

МАРШРУТЪ ОТЪ ДУДЫПТЫ ДО ТАЙМЫРА.

Листъ IV № 1.

Листъ V № 2.

Къ листу III снизу слѣдуетъ, какъ продолженіе, листъ IV, къ этому—листъ V. Оба послѣдніе поясняютъ относительное положеніе рѣкъ Логаты, Новой, Боганиды и Дудыпты. Многія озера у Дудыпты даютъ понятіе объ изобиліи ихъ водою, которое зависитъ отъ непро-

ницаемости ледяной почвы. Между тѣмъ, при множествѣ снѣга, окрестности водъ въ частностяхъ, естественно, могли быть схвачены на этомъ мѣстѣ лишь весьма недостаточно.

На Боганидѣ заслуживаетъ вниманія прекращеніе лѣсной растительности.

Листъ VI. Туруханскъ и его окрестности.

Показывая подъ знаками: № I, № II и № III, тѣ мѣста, на которыхъ сдѣланы были мною въ глубь буровыя скважины, подробно объясняемыя въ первомъ томѣ Нѣмецкаго изданія, этотъ листъ имѣетъ своимъ главнымъ назначеніемъ содѣйствовать нагляднымъ представленіемъ критикѣ поразительно-высокихъ температуръ, найденныхъ въ тѣхъ буровыхъ скважинахъ (см. Band. I. Th. I, стр. 87 Нѣм. изд.). Кромѣ геотермическаго разсужденія, см. также I часть (Русскаго изданія) стр. 86, гдѣ говорится объ этомъ листѣ и между прочимъ о льстивой правильности плана этого города.

Листъ VII. Таймырскіе полуострова по журналамъ 1741 и 1742 годовъ.

Эта карта поясняетъ стр. 69—73 (I ч. Русск. изд.), въ особенности же стр. 72. Кромѣ долготъ, относительно которыхъ весь чертежъ надобно подвинуть градуса на четыре къ западу, какъ объяснено въ I ч. на стр. 57, на этомъ листѣ очертанія Таймырскихъ полуостововъ представлены, по моему мнѣнію, правильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо на изданныхъ доселѣ картахъ. Что у оконечности западнаго полуострова стоитъ отдѣльный островъ, не соединенный съ полуостровомъ, это я считаю безспорнымъ.

Листъ VIII. Якутскъ и его окрестности.

Листъ IX. Областной городъ Якутскъ.

Эти двѣ карты имѣютъ цѣлію по преимуществу объяснить положеніе Шергинской шахты и вмѣстѣ дать ближе всмотрѣться въ побочныя орографическія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ находится тамъ температура земли.

Кромѣ геотермическаго разсужденія I части по Нѣм. изд., сюда относятся особенно стр. 125, 126 и климатологическій отдѣлъ I части Русск. изд.

Листы X — XII. Маршруты отъ Амгинска до Удскаго.

Ср. I ч. (Русс. изд.) стр. 128 и особенно сообщенныя на стр. 129 въ примѣчаніи, дополненія мѣстныхъ именъ этой карты; далѣе, стр. 130—134; а для приложеннаго на этомъ листѣ очерка «рѣки Уди отъ Удскаго Острога до моря» стр. 134, 135.

Листъ XIII. Озеро Мыра.

Это озеро Якутскаго округа, въ первый разъ упомянутое Врангелемъ, вызвало Бэра на объясненіе его ледянаго дна: а это побудило меня издать предлагаемую съёмку, найденную мной въ Якутскѣ. Во II части этого сочиненія (на Русск.) въ статьѣ о скотоводствѣ у инородцевъ будетъ подробнѣе объяснено, какъ пониженіе уровня этого озера связывается съ другими подобными суходолами и съ частымъ наименованіемъ ихъ словомъ Уолбутъ, въ-слѣдствіе начинающейся осѣдлости Якутъ и независимо отъ ледянаго дна.

Листъ XIV. Амгинская Слобода и ея окрестности.

Какъ по достопримѣчательному геотермическому состоянію этой мѣстности, такъ и по причинѣ находящейся здѣсь, еще не безплодной границы земледѣлія, Амгинскъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Потому я велѣлъ Ваганову бѣгло снять положеніе этого мѣста посредствомъ мензулы.

Кромѣ относящихся сюда мѣстъ геотермическаго разсужденія въ I части Нѣм. изданія и кромѣ стр. 128 I части Русскаго изданія, въ этой послѣдней, особенно въ ботаническомъ отдѣлѣ, будутъ ссылки на эту карту, когда надобно будетъ говорить о границѣ хлѣбныхъ растеній.

Листъ XV. Накипень на Маломъ Аимѣ.

Эта карточка должна служить къ поясненію геотермическаго разсужденія въ климатологическомъ отдѣлѣ I части сочиненія (въ Русс. изд.).

Листъ XVI. Планъ Удскаго Острога и его ближайшихъ окрестностей.

Ср. I ч. стр. 134 и будущую вторую часть сочиненія.

Листъ XVII.

I. Тугурскій заливъ и заливъ Академіи.

Объ этой части южнаго берега Охотскаго моря, въ первый разъ приведенной въ извѣстность

моимъ путешествіемъ, см. I ч. стр. 113 до 122 и стр. 175 (Русск. изд.).

II. Шантарскій островъ Эгэ или Мутыхангда, у Козьмина — Утичій.

Ср. ч. I, стр. 108, 109 (Р. изд.).

III. Профиль острова Нихзикáна.

Раздвоенный къ краю каменный островъ, лежащій между Эгэ и Большимъ Шантаромъ, покрытъ рѣдкимъ лѣсомъ и окруженъ кекурами.

IV. Морской берегъ между заливомъ Академіи и устьемъ Амура, по начертанію Гиляковъ (въ 1844).

V. Маршрутъ моего пути отъ Тугура до начала Амура.

Разорванная на три части для сбереженія мѣста, нить моего маршрута по южному склону Становаго Водораздѣла служитъ къ объясненію слѣдующаго, послѣдняго листа, потому что по этой линіи, худо ли хорошо ли, какъ было можно, на XVIII листѣ занесены на свои мѣста всѣ показанія Якутъ и Тунгусовъ.

Сказанное въ I ч. I Отд., начиная съ стр. 175 (Р. изд.) служитъ текстомъ для этого маршрута.

Листъ XVIII. Притоки Амура, вытекающіе изъ Становаго Водораздѣла.

Въ этомъ мѣстѣ я сообщаю отрывокъ изъ моей карты, составленной 11 лѣтъ тому назадъ и потомъ уничтоженной, какъ объяснено въ I ч. на стр. 318.

Чертежъ хребтовъ еще очень произволенъ, хотя и то надо сказать, что здѣсь въ первый разъ занесены на карту горныя вѣтви, идущія по южному берегу Охотскаго моря, и особенно протяженіе Буреинскаго хребта, равно и горная обстановка рѣчной долины Уди, и все это уже давно перешло на карты Киперта.

При начертаніи этой карты я старался у Тунгусовъ и Якутъ, странствующихъ для своихъ промысловъ по Становому Водораздѣлу и Буреинскому хребту попеременно, выспрашивать имена и приблизительное положеніе горныхъ ручьевъ и истоковъ рѣкъ, чтобы чрезъ то добиться правильныхъ понятій о перевалахъ, которыми они пользуются, равно и областяхъ ихъ промысловъ и далекихъ странствованій, которыя до моего времени были совершенно неизвѣстны и безъ чертежа непонятны.

Ср. ч. I, Отд. I, стр. 175 и слѣд. (Р. изд).

Ремезова, Чертежъ всѣхъ Сибирскихъ градовъ и земель. Такъ какъ чертежъ этотъ издается съ картографическою цѣлію, то здѣсь не сочтено за нужное передать съ библіографическою точностію самый почеркъ надписей, за исключеніемъ лишь заглавія Чертежа. Значеніе этого листа разсматривается съ 34-й до 39 стр. I Отд. I Ч.

ВВЕДЕНІЕ.

No one can tell how dear the memory of that wild Bush life becomes to him, who has tried it with a fitting spirit. How often it haunts him in the commonplace of more civilised scenes. Its dangers, its risks, its sense of animal health, its bursts of adventure..... We are here among the vast and noble scenes of Nature, we are there among the pitiful shifts of policy; we walk here in the light and open ways of divine bounty, we grope there in the dark and confused labyrinth of human malice.

Bulwer.

Въ Мартѣ 1845 года возвратился я въ С. Петербургъ изъ моего Сибирскаго путешествія. Почти тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и только теперь, въ предлагаемомъ послѣднемъ томѣ всего сочиненія, съ большею подробностью является въ свѣтъ содержаніе дневниковъ, веденныхъ мною въ продолженіе моихъ странствованій. Уже не разъ, и по разнымъ поводамъ, доводилось мнѣ выслушивать увѣщанія за мою медленность, какъ со стороны любителей землевѣдѣнія, такъ и со стороны членовъ правительства, которымъ ввѣрены заботы объ отдаленномъ востокѣ нашего отечества.

Я же, съ своей стороны, всего прежде чувствовалъ на себѣ обязанность — обезпечить матеріалъ, пріобрѣтенный для науки; потому что для ученыхъ собственно цѣлей снаряжено было мое путешествіе нашимъ высшимъ ученымъ учрежденіемъ.

И много лѣтъ прошло, пока этотъ матеріалъ пристраивался къ мѣсту въ предыдущихъ трехъ томахъ сочиненія. И въ эти годы нужно было содѣйствіе многихъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ наукъ,—и я еще разъ пользуюсь случаемъ изъявить имъ мою почтительную признательность. Цѣлый рядъ полновѣсныхъ и уважаемыхъ именъ приводится выставить, чтобы поименно воздать долгъ благодарности всѣмъ тѣмъ, которые своими разнородными трудами, вошедшими въ составъ настоящаго изданія, упрочили для науки пріобрѣтенія моего путешествія. Бэръ, Бётлингъ, Борщовъ, Брандтъ, Гёппертъ, Грубе, Гельмерсенъ, гр. Кейзерлингъ, Ленцъ, Мейеръ, Менетріе, В. Миддендорфъ, Іог. Мюллеръ, Хр. Петерсъ, Рупрехтъ, Траутфеттеръ, Сев. Фишеръ, Эрихсонъ—вотъ имена, которыя я имѣлъ честь совокупить въ предыдущихъ

томахъ изданія подъ общимъ заглавіемъ *моего* «Путешествія на сѣверный и восточный края Сибири» [1]).

Когда, при такомъ блестящемъ содѣйствіи, удовлетворено было требованіе главнаго назначенія моего путешествія, тогда — и только тогда я счелъ себя въ правѣ взяться за передачу, для обширнѣйшаго круга любителей землевѣдѣнія, тѣхъ результатовъ, которые естественнымъ образомъ сливаются съ самымъ разсказомъ о путешествіи въ непрерывномъ его продолженіи. Запрещаютъ же всякую попытку на высшіе взгляды, пока со всевозможною основательностью не установлены частности, которыя служатъ для нихъ опорой; такъ и для предлагаемаго здѣсь содержанія отведено мѣсто въ этомъ послѣднемъ, а не въ первыхъ томахъ сочиненія. Если же изданіе этого тома въ послѣдніе годы задерживалось разными обстоятельствами моего положенія, то задержки этой, конечно, никто не могъ переносить съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ я самъ, хотя при всемъ томъ я остаюсь въ твердой увѣренности, что и до сихъ поръ этотъ томъ сохранилъ въ себѣ столько постояннаго интереса, что еще не будетъ признанъ устарѣлымъ.

Но какую форму избрать для изданія при такихъ обстоятельствахъ? — Всего проще и скорѣе, да и всего обыкновеннѣе было бы — переработать только слогъ веденныхъ на мѣстѣ дневниковъ, и въ этомъ видѣ пустить ихъ въ свѣтъ немедленно, пока событія имѣли всю прелесть свѣжей новости. Обработка этого рода, при поразительной свѣжести красокъ въ изображеніяхъ, составляетъ нынѣ любимую форму путешествій, и передовые дѣятели землевѣдѣнія во многихъ отношеніяхъ отдаютъ ей предпочтеніе. Но она имѣетъ также свои существенные недостатки, и мнѣ кажется, что ихъ неизбѣжно влекутъ за

---

[1]) Кстати здѣсь привести подлинныя заглавія всего нѣмецкаго изданія.

Общее заглавіе сочиненія, повторяемое во всѣхъ четырехъ томахъ:

Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844 mit Allerhöchster Genehmigung auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit vielen Gelehrten herausgegeben. 4 Bände in-4⁰.

Частныя заглавія каждаго тома:

Band. I. Theil 1. Einleitung. Meteorologische, geothermische, magnetische und geognostische Beobachtungen. Fossile Hölzer, Mollusken und Fische. Bearbeitet von K. E. von Baer, H. R. Göppert, Gr. von Helmersen, Al. Graf Keyserling, E. Lenz, A. Th. v. Middendorff, W. v. Middendorff, Johannes Müller, Chr. Peters. (Mit 15 lithogr. Tafeln.) 1848. LVI et 274 pag.

Theil 2. Botanik. (Erste Lieferung): Phaenogame Pflanzen aus dem Hochnorden. Bearbeitet von E. R. v. Trautvetter. Mit 8 lithographirten Tafeln (1847). 190 pag. — (Zweite Lieferung): Tange des Ochotskischen Meeres. Bearbeitet von F. J. Ruprecht. Mit 18 chromo-lithogr. Tafeln (1851). 436 pag. — (Dritte Lieferung): Phaenogame Flor Südost-Sibiriens. Bearbeitet von E. R. v. Trautvetter und C. A. Meyer.

Band II. Zoologie. Theil 1. Wirbellose Thiere: Annulaten. Echinodermen. Insecten. Krebse. Mollusken. Parasiten. Bearbeitet von F. Brandt, W. F. Erichson, Seb. Fischer, E. Grube, E. Ménétriés, A Th. v. Middendorff. (Mit 32 lith. Tafeln) 1851. 516 pag.

Zoologie. Theil 2. Wirbelthiere. (Erste Lieferung): Säugethiere, Vögel und Amphibien. Bearbeitet von A. Th. v. Middendorff. Mit 26 lithogr. Tafeln. (1853.) 256 pag. — (Zweite Lieferung): Fische. Bearbeitet von J. F. Brandt (noch nicht erschienen).

Band III. Ueber die Sprache der Jakuten. Von Otto Böhtlingk. Theil 1. Einleitung. Jakutischer Text. Jakutische Grammatik. 1851. LIV et 397 pag.

Theil 2. Jakutisch-deutsches Wörterbuch. 1851. 184 pag.

Band IV. Nord- und Ost-Sibirien in geographischer, und ethnographischer Beziehung. Bearbeitet von A. v. Middendorff. Mit vielen in den Text eingedruckten Holzschnitten, mit lithographirten Tafeln und Karten. Theil 1. Die Natur. Dieser Theil zerfällt in folgende Abschnitte: Geographie und Hydrographie; Orographie und Geognosie; Klima; Botanik; Zoologie. Theil 2. Der Mensch.

Цѣна 21 р. 60 к. Каждый томъ продается отдѣльно по 6 р. 40 к.

собою тѣ-же самыя обстоятельства, которымъ такія путешествія искони были обязаны своими успѣхами въ большинствѣ публики. Кромѣ внутренняго достоинства такихъ путешествій, любопытство читателя въ нихъ очевиднымъ образомъ завлекается еще положеніемъ живаго человѣка и извѣстною долей необычайности испытываемыхъ имъ приключеній. А не здѣсь ли именно самый опасный подводный камень для правдивости путешественника, разсказывающаго о себѣ самомъ? Не должны ли брать подъ перомъ его слишкомъ большой перевѣсъ заботы объ изображеніи испытаннаго, какъ скоро дѣло идетъ о его страданіяхъ и опасностяхъ? Не видитъ ли молодой матросъ настоящую бурю, когда для стараго моряка вѣтеръ только-что свѣжѣетъ? Опасность жизни не значитъ ли для одного все, а для другаго—ровно ничего, и даже одному лицу та-же самая опасность не кажется ли сегодня чистою гибелью, а завтра едва имъ замѣчается? А кто откажется облечь свое любимое дѣтище, особенно дорогой цѣной пріобрѣтенное, въ самыя яркія, самыя выразительныя формы, когда и безъ того не только позволено, но и требуется обычаемъ одѣвать его какъ можно лучше?

Понятно теперь, что отъ путешественника, проникавшаго въ глушь малоизвѣстныхъ дальнихъ странъ съ ихъ чуждыми для насъ состояніями, всего прежде, во что бы то ни стало, должно требовать самой строгой правдивости, такъ сказать, нагой истины. Блескомъ изложенія онъ добровольно долженъ жертвовать пріумноженію запаса всякаго рода дѣльныхъ свѣдѣній; а этотъ грузъ самъ собою подрѣзываетъ крылья литературному творчеству въ изложеніи, точно также, какъ на самомъ пути странствованій онъ замедляетъ быстроту движенія. Все для самаго дѣла и ничего для славы—вотъ условіе истинно-правдиваго разсказа. При всякомъ же участіи необычайныхъ приключеній, и строгость наистрожайшей истины подъ перомъ путешественника подвергается сильному подозрѣнію.

Въ какой мѣрѣ я, хотя и безъ моего содѣйствія, обязанъ былъ интересу необычайности тѣмъ общимъ участіемъ, съ какимъ въ свое время были приняты извѣстія о моемъ путешествіи, эту долю интереса, думаю, уже достаточно я оплатилъ съ своей стороны научною строгостью предыдущихъ трехъ томовъ настоящаго изданія. Это не значитъ впрочемъ, будто я отрекаюсь отъ того дерзкаго — до безпечности о жизни дерзка о настроенія души, которое дѣйствительно необходимо для такихъ предпріятій. Напротивъ, я и теперь готовъ сказать, что къ тогдашнему моему настроенію, какъ нельзя лучше, шло блестящее выраженіе мыслителя-поэта:

Nur der verdient die Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss.

Но не скрою, съ другой стороны, что иные, вникая въ дѣло глубже, основательно замѣчали мнѣ, что все-же это только «поэтическое воззрѣніе, за которымъ скрывается дурная проза». Дѣйствительно, нельзя отрицать, что тамъ, гдѣ потерпѣли мы крушеніе и гдѣ я, подъ 75° сѣв. широты, 18 дней пролежалъ больной, одинъ, безъ всякихъ средствъ для жизни, преданный на жертву холоду и голоду, — тамъ, при лучшей заготовкѣ средствъ

вѣроятно, все сошло бы намъ съ рукъ благополучно. Представимъ однако, будто у насъ вовсе не бывало несчастнаго обычая пускать въ ходъ подобныя предпріятія тотчасъ послѣ того, какъ они, иногда послѣ долгихъ проволочекъ, рѣшены и предписаны, часто не обращая вниманія, сдѣланы ли самонужнѣйшія приготовленія? Допустимъ напротивъ, что для такихъ предпріятій захотѣли бы и могли воспользоваться примѣромъ экспедицій, у насъ же, сто лѣтъ назадъ, превосходно снаряженныхъ для изслѣдованія Ледовитаго моря Сибири, — и пусть за годъ до моего путешествія заготовили бы съѣстныхъ припасовъ, настроили бы судовъ; пусть утроили бы, удесятерили средства, если они недостаточны. Что же? Остановился ли бы я въ своихъ покушеніяхъ проникнуть на сѣверъ все дальше и дальше, когда въ моихъ мысляхъ уже разъ навсегда было рѣшено сдѣлать все возможное, полагаясь иногда на авось и не останавливаясь робкими разсчетами вѣроятностей? Не лежало ли бы предо мной все также еще безпредѣльное пространство и не оставалось ли бы въ немъ довольно затрудненій, чтобы точно также попасть въ тяжкія обстоятельства? — Надобно прибавить, что путешествія въ сѣверныхъ краяхъ, даже при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ обстоятельствахъ я считалъ и считаю рѣшительно не такъ опасными, какъ путешествія подъ тропиками[1]). Первыя, конечно, невыразимо тяжелѣе, но они не такъ убійственны, исключая, разумѣется, опасность для судовъ, слишкомъ глубоко вдающихся въ ледяныя массы. Подъ тропиками никогда нельзя быть безопаснымъ отъ внезапной болѣзни на смерть; но чѣмъ дольше тамъ выдерживаетъ человѣкъ, тѣмъ надежнѣе впредь для него здоровье: а глубокій сѣверъ, напротивъ, повреждаетъ самый внутренній составъ крови, и изъ числа людей, большею частію сильно убывавшаго въ теченіе трехъ зимъ, проведенныхъ тамъ сряду, всегда лишь весьма немногіе могли бы кое-какъ выдержать четвертую[2]). Жизнь Кена погасла, вскорѣ послѣ его воз-

---

[1]) Это достаточно подтверждается экспедиціями путешественниковъ: E. Parry, Lyon и M'Clure.

[2]) Фактически извѣстно, что изъ 600 слишкомъ человѣкъ, участвовавшихъ въ арктическихъ экспедиціяхъ Англичанъ въ теченіе 9 лѣтъ, только 7 померли тотчасъ, подъ вліяніемъ самаго путешествія. Сосредоточивая все вниманіе на возможности долго бороться съ голодною смертью, нѣсколько лѣтъ болѣе или менѣе основательно надѣялись, что Франклинъ еще живъ. Но въ экспедиціяхъ во внутренность Африки и въ южную Азію, конечно, половина путешественниковъ и ихъ свиты гибла отъ смертельныхъ болѣзней.

Правда, счетъ выйдетъ другой, если примемъ въ соображеніе всѣ суда, погибшія среди льдовъ полярныхъ морей, и множество могилъ на Шпицбергенѣ, и если вспомнимъ о Новой Землѣ, гдѣ, начиная съ открывшихъ ее Голландцевъ, гибли цѣлые экипажи кораблей.

Но пора сказать и то, что большая часть этихъ предпріятій оканчивалась гибелью по скудости средствъ, по небрежности, незнанію и безпечности о жизни. Съ какимъ успѣхомъ можно на глубокомъ сѣверѣ противодѣйствовать цынгѣ діэтетическими изобрѣтеніями новѣйшаго времени, достаточно показываютъ многочисленныя зимовки въ Американскомъ арктическомъ архипелагѣ. Зимовки на Шпицбергенѣ и Новой Землѣ несчастны, вѣроятно, потому только, что зима тамъ не довольно холодна. Суровость Сибирской зимы дѣлаетъ климатъ здоровѣе.

Перелистывая описанія путешествій по Сибири, постоянно встрѣчаешь что нибудь въ пользу ея климата, о которомъ я съ сердечною благодарностью готовъ сказать доброе слово. Уже старшіе путешественники нашей Академіи теряли тамъ лишь немногихъ изъ своихъ людей, да и тѣ гибли по неосторожности, отъ ружейнаго выстрѣла, опрокинувшись, и т. д. (Gmel. Reise I. p. 2; Pallas Reise I. p. 176. 196). Только въ болотныхъ равнинахъ южной Сибири страшны лихорадки и цынга Pallas ibid. II. p. 407. 418). Въ горныхъ странахъ существенная опасность — въ переправахъ чрезъ горныя рѣки. Биллингсъ потерялъ при такомъ случаѣ дорогихъ людей изъ своей прислуги (Сарычева Путеш. I. 53; II. 129 — Sauer Voyage I. 79), и мнѣ самому едва не пришлось потерпѣть чувствительную потерю.

вращенія, отъ тѣхъ-же самыхъ причинъ, которыя озарили его имя непомрачимымъ сіяніемъ славы. Да и былъ ли когда хоть одинъ посѣтитель полярныхъ странъ, которому его предпріятіе обошлось бы безъ дурныхъ послѣдствій въ той или въ другой степени, по мѣрѣ продолжительности его пребыванія между вѣчными льдами?

Но довольно объ этомъ. Пора возвратиться къ главной мысли, съ которой я началъ: сказать коротко и ясно, я желалъ бы наистрожайшимъ образомъ отдѣлить настоящую литературу путешествій отъ беллетристики туристовъ, этихъ любимцевъ новѣйшаго времени. Сочиненіе туриста ставитъ себѣ цѣлью — научать забавляя, а для этого оно незамѣтно должно переходить въ географическій романъ. На первый планъ здѣсь выступаютъ смышленая постановка событій, искусное изображеніе схваченныхъ на лету наблюденій, смѣлые фресковые очерки состояній посѣщенныхъ странъ и народовъ. Чтобы придать описанію видъ цѣлаго, по всему пространству его тянется благовидною, хотя, собственно, вовсе не цѣльною нитью дѣйствительный ходъ путешествія. Въ своемъ описаніи туристъ то бѣжитъ впередъ смѣлыми прыжками, то вдругъ пріостанавливается, находя поживу для любопытства читателей или, въ случаѣ сухости моментовъ, приправляя свой разсказъ интересными положеніями и оборотами, изобрѣтаемыми его юморомъ и остроуміемъ. Такъ ли дѣйствительно было испытано на дѣлѣ, или такъ вышло только въ искусственномъ возсозданіи, читатель не спрашиваетъ, лишь бы изображенія вообще были мѣтки. Но вѣдь надо имѣть нищенски-бѣдную фантазію, чтобы, не стѣсняя власти ея надъ временемъ и мѣстомъ, не умѣть вскрасить дѣйствительность, хотябы только посредствомъ группировки наиболѣе необычайныхъ и удивительныхъ случаевъ. И перо туриста, какъ сказано, дѣйствительно, всегда забѣгаетъ въ область этнографическаго и географическаго романа. Романы эти, конечно, могутъ быть годны и полезны для толпы; но успѣхамъ науки они тѣмъ вреднѣе, чѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія писатель и чѣмъ искуснѣе вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прикрываетъ слѣды спаекъ между дѣйствительно испытаннымъ и придуманнымъ его головою.

Топографическая нить постепеннаго движенія день-за-день и шагъ за шагомъ, въ запискахъ ученаго путешественника, конечно, больше, чѣмъ у туриста, имѣетъ значенія для географа; но она не совокупляетъ составныхъ частей внутренняго хода мыслей изслѣдователя, а, напротивъ, разрываетъ другъ отъ друга наблюденія, по существу своему однородныя, дробитъ ихъ и раскидываетъ по всему сочиненію, тогда какъ новые взгляды въ наукѣ возникаютъ большею частію только изъ полновѣсной совокупности однородныхъ наблюденій. И какъ трудно бываетъ въ цѣлой кучѣ литературы путешествій отыскивать то, въ чемъ натуралистъ, иногда для серьёзнѣйшихъ цѣлей изслѣдованія, имѣетъ надобность по настоятельному требованію минуты, а ему приходится для того копаться въ обыденныхъ мелочахъ дорожнаго дневника или морскаго журнала, въ извѣстіяхъ о погодѣ, въ краснорѣчивыхъ разсказахъ о томъ, съ какимъ самоотверженіемъ бѣдный путешественникъ переносилъ холодъ и голодъ, какъ онъ изнемогалъ въ тоскѣ среди опасностей и какъ послѣ горя и бѣды опять настало довольство, отрада, бодрость

духа и т. д. Подобныя состоянія, какъ бы ни были сами по себѣ истинны и свойственны человѣку и какъ бы сильно ни вызывали этими качествами сочувствіе читателя, все-же въ развязкѣ сами себѣ произносятъ приговоръ, когда видишь напр., и очень часто, что для чудеснаго превращенія горя въ радость и для возстановленія упадавшаго мужества, путешественнику стоило только поддержать въ себѣ основаніе всей силы человѣка — согрѣть желудокъ чашкой чая!

Судя строго, изъ извѣстій этого рода имѣютъ нѣкоторую цѣну только тѣ, которыя могутъ служить будущему путешественнику предостереженіемъ отъ неудачь, или помогутъ ему найдтись въ случаѣ постигшей неудачи. Такъ напр. не безполезно путешественнику напередъ узнать, что Палласъ [1]) не былъ допущенъ къ нужнымъ для него картамъ, потому что не имѣлъ на то прямаго Высочайшаго разрѣшенія, какъ и со мной случилось; что изъ Петербурга надо привозить съ собой особый указъ, которымъ бы путешественнику предоставлялось въ распоряженіе нѣсколько необходимыхъ для него въ глубинѣ Сибири козаковъ; что Врангель [2]), въ противоположность моему счастливому опыту, нашелъ въ Нижне-Колымскѣ мѣры, предписанныя въ пользу его путешествія правительствомъ, не только не исполненными, но и встрѣтилъ со стороны мѣстныхъ властей рѣшительныя препятствія; что у не о [3]) хронометры, отъ застывшаго масла, которымъ были смазаны, равно и отъ неизбѣжной на пути, сильной тряски, сдѣлались негодны къ употребленію; а мои часы остановились отъ набившейся въ нихъ пыли оленьей шерсти; что ртуть, которую онъ хотѣлъ употребить за искусственный горизонтъ при опредѣленіи мѣстъ, отъ холода замерзла и сдѣлалась негодною по причинѣ кристалловъ, образовавшихся на ея поверхности, и что въ подобной неудачѣ пробовали употреблять горизонтъ сиропа [4]); что резервуары ртути въ барометрахъ, работы нашихъ академическихъ мастерскихъ, отъ сырости размякли и, какъ у Пахтусова [5]), такъ и у меня, отпали; что производство барометрическихъ наблюденій часто прекращается по недостатку запасныхъ трубокъ и что Фремонъ [6]) въ такихъ случаяхъ обходился прозрачнымъ пороховымъ рожкомъ; что у Врангеля [7]) порохъ въ рожкѣ отсырѣлъ, а его рукописи подвергались опасности сгорѣть, какъ сто лѣтъ назадъ погибли во время пожара въ Якутскѣ бумаги и собранія Гмелина и т. д. Легко понять, сколько важныхъ предостереженій извлечетъ для себя путешественникъ изъ извѣстій о такихъ опытахъ своихъ предшественниковъ.

Сознавая необходимость выкинуть изъ дневника весь балластъ, а полезныя замѣтки, напротивъ, собрать и расположить такъ, чтобы изъ нихъ составились особыя, однородныя по содержанію отдѣленія, я невольно ушелъ, въ составленіи плана своего изданія, гораздо дальше, чѣмъ полагалъ прежде, пока не началъ откладывать окончанія своего сочиненія.

---

1) Reise durch versch. Provinz. des Russ. Reichs, II. p. 448.

2) Путешествіе по Сибири, I. стр. 272, 274.

3) Тамъ-же, стр. 308, 309.

4) Загоскинъ, Пѣшеходная опись 1847. I. стр 6.

5) Записки Гидрографическаго Департамента, 1842. I. стр. 72.

6) Froriep, Fortschritte der Georgr. u. Naturwiss. 1847. № 46, p. 5.

7) Путешествіе по Сибири, II. стр. 118; стр. 63.

Въ самомъ дѣлѣ, довольно странно, что путешественники пользуются почему-то привилегіей пускать въ свѣтъ свои сочиненія прямо съ поденныхъ замѣтокъ, веденныхъ на дорогѣ. Отъ нихъ вовсе не требуютъ съ такою строгостью, какъ отъ другихъ писателей, вниманія къ литературѣ ихъ предшественниковъ. Никто не спрашиваетъ, не сообщаетъ ли иной изъ нихъ за новость о такихъ состояніяхъ посѣщенныхъ имъ странъ, которыя, простираясь на многіе другіе края, уже давно и не разъ были описаны удовлетворительно? Съ какимъ многорѣчіемъ толкуетъ напр. иной путешественникъ о томъ, что пріобрѣлъ онъ для этнографической характеристики отъ того или другаго Самоѣда, и — находитъ себѣ одобреніе! На-сколько могутъ быть оправданы такія повторенія, здѣсь не кстати распространяться; но я, съ своей стороны, по разнымъ причинамъ почелъ за обязанность обратиться къ существующей литературѣ Сибири. потому что этотъ край нынѣ, со времени моего отъѣзда оттуда, вступилъ на путь необычайно быстраго развитія. Съ каждымъ годомъ являются новыя отборныя силы, готовыя посвятить юношескую свѣжесть своихъ стремленій службѣ на востокѣ, слывшемъ до тѣхъ поръ столь нелюдимымъ. Но переносясь туда съ своего запада, эти люди съ изумленіемъ видятъ себя въ такихъ неожиданно-новыхъ обстоятельствахъ, что само правительство считаетъ своею существенною потребностью сочиненіе, которое въ совокупности изображало бы состоянія этого неизмѣримаго края сѣверной Азіи, называемаго нами Сибирью, и представляло бы въ надлежащемъ свѣтѣ и выгоды и неудобства, зависящія отъ необычайности его природы. Сколько разъ у меня навѣдывались, есть ли у насъ сочиненіе, въ которомъ можно бы найдти вѣрное обозрѣніе Сибири? И всякій разъ, за неимѣніемъ такой книги, я долженъ былъ только присовокупить свой голосъ къ сожалѣніямъ другихъ. Литература Сибири и бѣдна, и устарѣла. Изслѣдованное и сообщенное такъ широко устроенными экспедиціями нашей Академіи, по изволенію великой Государыни, въ концѣ прошлаго столѣтія, до нынѣ составляетъ самое существенное основаніе нашихъ познаній о сѣверной Азіи. При всемъ томъ образованный западъ очень ошибается, разглашая, будто кромѣ иностранныхъ путешествій: важнаго труда Эрмана и несравненно менѣе важныхъ дневниковъ Ганстеена, Гилля и цѣлой вереницы путешественниковъ, посѣщавшихъ и описывавшихъ Камчатку преимущественно со стороны моря, и наконецъ кромѣ путешествія Врангеля, по всему свѣту цѣнимаго и исчерпываемаго во всѣхъ литературахъ, въ самой Россіи въ новѣйшее время почти ничего не написано о Сибири. Совсѣмъ напротивъ: и въ этомъ отношеніи, какъ въ другихъ, преимущественно со времени открытія богатыхъ Сибирскихъ пріисковъ всемогущаго золота, даже текущая журнальная литература съ особенной любовью старается пріумножать число очерковъ Сибирскаго края въ разныхъ отношеніяхъ, какъ это окажется въ приводимыхъ нами источникахъ. Но чѣмъ чаще въ этой массѣ статей немногія дѣльныя, истинно-оригинальныя и вѣрныя извѣстія затопляются недобросовѣстными передѣлками прежнихъ свѣдѣній, и чѣмъ чаще даже трудно бываетъ отдѣлять истину отъ беллетрическихъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ честная правда прежнихъ сказаній переиначивается нерѣдко до жалкаго искаженія; тѣмъ



настоятельнѣе нуженъ для насъ критическiй сводъ всего, что мы въ сущности знаемъ о Сибири.

При такихъ обстоятельствахъ, кстати ли было мнѣ издать только поденныя записки о своемъ путешествiи, которыя умножили бы и безъ того уже необозримое множество разнородныхъ отрывковъ новымъ и довольно обширнымъ отрывкомъ? Къ чему послужило бы такое изданiе, когда тотъ, кто со временемъ возьметъ на себя трудъ совокупить всѣ наличныя свѣдѣнiя о Сибири въ одно цѣлое, конечно, самъ не меньше меня долженъ знать тотъ край изъ собственныхъ опытовъ? И не мнѣ ли слѣдовало взяться за дѣло, когда я чувствовалъ, что литература Сибири такъ коротко мнѣ знакома, какъ едва-ли нынѣ кому другому?

И вотъ я предпочелъ въ этомъ послѣднемъ томѣ, вмѣсто обыкновенныхъ путевыхъ записокъ, представить систематическiй сводъ того, что мы знаемъ въ настоящее время о природѣ и людяхъ Сибирскаго края въ разныхъ отношенiяхъ. Такъ какъ каждый отдѣлъ книги долженъ образоваться вокругъ ядра моихъ собственныхъ наблюденiй, то отъ нея нельзя требовать ни равномѣрности въ обработкѣ разныхъ отдѣловъ, ни полнаго объема всей области естествознанiя и этнографiи Сибири. Что состояло въ ближайшихъ отношенiяхъ къ цѣлямъ моего путешествiя и къ интересамъ моихъ ученыхъ занятiй, то, естественно, выступаетъ на первый планъ; что же не входило въ означенный кругъ, то я старался замѣстить ссылками на извѣстные мнѣ источники, сознавая, что касаюсь такихъ областей, въ которыхъ мое знанiе не можетъ имѣть надлежащей зрѣлости по нынѣшнему состоянiю науки, когда она повелительно требуетъ, чтобы каждый сосредоточивалъ свои занятiя на одномъ какомъ-либо спецiальномъ предметѣ.

Опасенiе быть на избранномъ мною пути несчастною жертвой полезнаго предпрiятiя не удерживаетъ меня отъ его выполненiя, точно также, какъ весьма неблагонадежныя обстоятельства не удержали меня отъ попытки спуститься по Таймыру въ Ледовитое море. Стремленiе къ основательности, я надѣюсь, достаточно видно изъ моего сочиненiя, такъ что мнѣ, даже въ нашъ неразборчивый вѣкъ, нельзя опасаться, что меня смѣшаютъ съ людьми, которые на вопросъ: à quoi es-tu bon? готовы отвѣчать: à tout! je n'ai rien étudié spécialement. Баконъ очень мѣтко раздѣлилъ изслѣдователей на три разряда, сравнивая однихъ съ пауками, изъ себя самихъ выпрядающими свои нити, другихъ — съ муравьями, все набирающими для себя со стороны, третьихъ — со пчелами, вбирающими въ себя медовую росу и переработывающими ее въ соты. Какъ это ни трудно, а я надѣюсь не принадлежать ни къ которому изъ этихъ разрядовъ исключительно, и всего менѣе думаю выпрядать сѣти гипотезъ, хотя знаю, что только тотъ можетъ надѣяться на уловъ, кто не боится труда закидывать сѣти.

Въ пользѣ моего начинанiя я не могу сомнѣваться, сознавая, какъ полезно и нужно дать *точку опоры* и *поводъ* къ продолженiю труда для множества наблюдательныхъ чиновниковъ, которые безпрестанно снуютъ по Сибири во всѣхъ направленiяхъ и въ долгiя зимы имѣютъ довольно досуговъ для передачи того, что замѣтятъ на этихъ разъѣздахъ

новаго. Понимаю также, какъ желательно должно быть мое сочиненіе въ настоящемъ видѣ для Сибирскаго Отдѣла нашего Имп. Географическаго Общества. Въ свое время я живо чувствовалъ нужду въ подобномъ руководствѣ: сохраняя въ себѣ это чувство во всей свѣжести воспоминанія, я постараюсь въ каждомъ отдѣлѣ книги отмѣчать важнѣйшие пробѣлы нашихъ познаній и такимъ образомъ, по мѣрѣ силъ, приложу все стараніе, чтобы мое сочиненіе, въ-слѣдствіе множества новыхъ изысканій, какъ можно скорѣе — устарѣло.

Изъ сказаннаго видно, что мое сочиненіе съ меньшимъ правомъ можетъ называться «путешествіемъ», чѣмъ превосходная книга Марко Поло, такъ долго ожидавшаго, но за то такой блестящей и справедливой оцѣнки дождавшагося Венеціанца. Дай Богъ превзойдти его въ скрупулёзной тщательности отличать своими глазами видѣнное и самимъ обсуженное отъ сообщаемаго по чужимъ разсказамъ! «Чтобы наша книга была правдива и никѣмъ не опорочена», говоритъ онъ, «для того она называетъ видѣнное видѣннымъ и слышанное слышаннымъ» [1]).

Въ какой мѣрѣ у иностранныхъ, особенно у иныхъ французскихъ, притомъ первоклассныхъ ученыхъ недостаетъ даже посредственнаго знанія Сибири, ярко обнаруживаютъ труды одного изъ членовъ Французской Академіи Наукъ, такъ что я смѣло могу считать настоящее мое предпріятіе вполнѣ оправданнымъ предъ глазами просвѣщеннаго запада. Еслибы Бабине [2]) въ своемъ недавнемъ сочиненіи не посвятилъ особой главы

---

[1]) Damit unser puch gerecht und von einem iglichen ungestroft sei: Darumb nennet die gesehen für die gesehen und die gehorten für die gehorten». Die Reisen des Venezianers Marco Polo, von A. Bürck, 1845. p. 610.

[2]) Études et lectures sur les sciences d'observation 1856. II. p. 81, La Sibérie et les climats du nord. Въ предисловіи къ первому тому г. Бабине увѣряетъ, что это отнюдь не эфемерный трудъ, говоритъ о «quantité immense de faits» и о цѣли сочиненія — «conserver une authenticité et une date qui permettent aux travailleurs sérieux d'y récourir en sûreté». Гдѣ же это множество фактовъ, когда г. Бабине, физикъ и метеорологъ, повидимому, знаетъ только одинъ источникъ для метеорологіи Сибири: Travels in Siberia туриста Гилля и когда онъ, вмѣсто многолѣтнихъ наблюденій, уже изданныхъ до тѣхъ поръ, ссылается только на какой-то метеорологическій дневникъ, веденный зимою 1847—1848 г. въ Иркутскѣ, по которому тамъ, отъ Декабря до Марта включительно, средняя температура будто-бы 15—16° мороза по Р.? Если труды Дова, Купфера и Веселовскаго неизвѣстны ему дѣйствительно потому, что они еще слишкомъ новы для него, то наша Академія, конечно, въ правѣ ожидать, чтобы изданныя ею, въ своемъ Бюллетенѣ 1831, десятилѣтнія наблюденія Купфера не были оставлены безъ вниманія. Якутскъ, по Бабине, лежитъ подъ полярнымъ кругомъ; лѣтнюю температуру показываетъ онъ десятью градусами ниже дѣйствительной. О наблюденіяхъ надъ температурой почвы Якутска онъ ничего не знаетъ, но она, по словамъ его, такъ пропитана водою, что не можетъ замерзнуть; мамонтовъ тамъ находятъ въ стоячемъ положеніи, и пр. и пр. Послѣ такого примѣра со стороны члена Института, нечего удивляться, если какой-нибудь флотскій врачъ, докт. Майнаръ, лично посѣтившій Камчатку, въ своемъ, съ завидною живостью написанномъ изображеніи ея (въ Revue Contemporaine 1857 p. 25 etc.) разсказываетъ, что Камчатка есть хлѣбный магазинъ для нашихъ Сѣверо-Американскихъ колоній; что тамошніе особеннаго рода кустарники малины и крыжовника растутъ величиною съ наши дубы (!!) и что даже землянику берутъ тамъ съ большихъ деревьевъ; что въ мѣховомъ магазинѣ онъ видѣлъ тамъ шкуру съ барсука исполинской величины, а о россомахахъ и лисицахъ онъ воскрешаетъ истертыя сказки XV и XVI столѣтій и полагаетъ даже, что еще водятся морскія коровы и т. п. Разсматривая этотъ идеализированный портретъ Камчатки, можно бы почесть его за мистификацію, еслибы выставленныя нами яркія черты не были отраженіемъ того лака, посредствомъ котораго смѣлая кисть автора старается придать эффектъ простымъ и вѣрнымъ показаніямъ чужихъ источниковъ, составляющимъ наибольшую часть содержанія въ его сочиненіи. Изъ такихъ-то свободныхъ созданій ума публика должна почерпать положительныя свѣдѣнія!

Сибири и еслибы притомъ не придавалъ ему особенной цѣны, и такъ выразительно, въ предисловіи, то мы моглибы здѣсь вовсе умолчать объ его имени.

Титулъ роскошнаго изданія, какимъ снабдили мое сочиненіе нѣкоторыя библіографическія извѣстія, отнюдь не оправдается его появленіемъ. Я объявляю себя рѣшительнымъ противникомъ безполезной роскоши и вмѣстѣ съ тѣмъ роскошныхъ изданій, такъ любимыхъ во Франціи и, въ новѣйшее время, въ Америкѣ. При выполненіи рисунковъ, конечно, ничего не должно было щадить для ихъ вѣрности и понятности, особенно при изображеніи предметовъ естественной исторіи. Но, я надѣюсь, мнѣ не откажутъ въ одобреніи за то, что я старался держать себя дальше отъ укореняющейся нынѣ роскоши и, гдѣ можно было безъ ущерба для понятности изображеній, предпочиталъ заказывать двойное число скромныхъ пояснительныхъ гравюръ на деревѣ, вмѣсто того, чтобы за ту-же цѣну имѣть половину ихъ въ лучшей для глазъ отдѣлкѣ. Соотвѣтственно тому, въ моей книгѣ нѣтъ ни одного живописнаго вида. И настоящій этнографъ будетъ благодарить меня, что я не послѣдовалъ общему обычаю: особенно при передачѣ портретовъ, я не позволилъ ни одной черты для пополненія или художественной *поправки* (?) рисунка. Они переданы такъ, какъ были въ дорожномъ портфёлѣ.

Только такимъ образомъ, и благодаря мало цѣнимой щедрости нашей Академіи, можно было назначить такую, сравнительно, дешевую цѣну за все изданіе [1]).

Въ заключеніе этого Введенія мнѣ остается еще замѣтить, что

1) Вездѣ, гдѣ только прямо не означено противное, я употребляю лѣтосчисленіе *стараго стиля*;

2) Подъ милями я разумѣю мили географическія;

3) Маховую сажень я принимаю въ 6′ Англ., а печатную саж. въ 7′ Англ. Дюймы разумѣю Русскіе, одинаковые съ Англійскими. Гдѣ надобно было употребить мельчайшія единицы, я мѣрялъ по миллиметру въ избѣжаніе запутанностей, происходящихъ отъ линейныхъ мѣръ.

И здѣсь, какъ въ предыдущихъ томахъ [2]), хотя они совершенно-спеціальнаго содержанія, я нашелъ нужнымъ приводить много поясненій, то изъ собственнаго опыта, то изъ справокъ съ другими сочиненіями, и нерѣдко вдаюсь въ разборъ мелочей. Я отдѣлилъ эту часть содержанія для примѣчаній, которыя отъ того возрасли до объема, не совсѣмъ выгоднаго для формальной стороны сочиненія. Впрочемъ я надѣюсь въ этомъ отношеніи избѣжать упрека, стараясь вести текстъ такъ, чтобы онъ развивался въ своемъ теченіи самостоятельно и былъ понятенъ даже безъ справокъ съ примѣчаніями.

---

[1]) См. выше, примѣчаніе на стр. 2.

[2]) Въ русскомъ переводѣ является одинъ четвертый томъ всего изданія. Переводить остальные было бы напрасно: ихъ содержаніе имѣетъ интересъ собственно для спеціалистовъ, которые не затруднятся прочесть ихъ въ подлинникѣ, какъ вообще они читаютъ, по предмету своихъ занятій, спеціальныя сочиненія на разныхъ языкахъ. Содержаніе не переводимыхъ частей нашего изданія именно тѣсно связано съ однородными изслѣдованіями у другихъ народовъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ, и потому естественно предполагаетъ въ читателѣ обстоятельное знаніе состоянія разсматриваемыхъ предметовъ науки въ иностранныхъ литературахъ. Безъ этого предварительнаго знакомства съ общимъ состояніемъ спеціальныхъ изслѣдованій, любознательность читателя можетъ рѣшительно обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, на какомъ бы языкѣ ни было предложено содержаніе первыхъ трехъ томовъ нашего изданія.



Снаряженіе, цѣль и ходъ путешествія.

> Un misérable fort au-delà du 70 parallèle .... trois ou quatre cabanes dans les immenses solitudes de l'Asie boréale ...... sont des localités, qui, malgré leur peu de grandeur absolue, acquièrent une importance relative, aux yeux des géographes.
>
> **Balbi**, Abrégé de Géographie, 1844, Introd. XLI.

> Diese Hütte an der Boganida wird ein fester Punkt für Geographie der Pflanzen und Thiere werden.
>
> **Baer.**

Въ этомъ отдѣлѣ я намѣренъ проложить самонужнѣйшую голую нить моего путешествія для тѣхъ, которые не имѣютъ точнаго понятія о его ходѣ. Кто же имѣетъ надобность ознакомиться съ моими путевыми опытами («Erlebnisse») въ первоначальномъ ихъ видѣ, въ живыхъ впечатлѣніяхъ дѣйствительности, тотъ можетъ найдти ихъ въ прежнихъ извѣстіяхъ [1]), гдѣ нѣкоторыя подробности дѣйствительно изложены обстоятельнѣе. Если же здѣсь я выхожу иногда изъ тѣсныхъ предѣловъ сухаго хронолого-топографическаго очерка, то позволяю себѣ это для того, чтобы присовокупить къ прежнимъ извѣстіямъ нѣкоторыя пополненія изъ моихъ поденныхъ записокъ.

Принимая въ соображеніе, что растительное и животное царства далекаго сѣвера были довольно извѣстны только по морскимъ берегамъ, какъ наиболѣе доступнымъ для изслѣдованія, а они не могли давать правильнаго масштаба для познанія органической жизни на глубокомъ сѣверѣ вообще, — на этомъ преимущественно основаніи, Императорская Академія Наукъ, въ 1842 году, опредѣлила отправить экспедицію въ тотъ, еще вовсе неизвѣстный край Сибири, который, ближайшимъ концомъ своимъ прилегая съ востока къ Енисею, простирается на сѣверъ наидалѣе и какъ непрерывное продолженіе

---

[1]) См. мой Bericht über die Expedition in das Nordöstliche Sibirien, während der Sommerhälfte des Jahres 1843 въ Bulletin Physico-Mathématique de l'Acad. des Sciences de St.-Pétersb. Tome II. № 16; Tome III. 1845 № 10, 11, 16, 17, 19. Далѣе: Voyage à Oudskoi и Bericht über die Beendigung der Expedition nach Udskoj Ostrog, auf die Schantaren und durch das östliche Grenzgebirge въ Bull. Phys.-Math. de l'Acad. de S.-Pét. Tom. IV, № 1, 2, 15. 16. То-же самое съ разными прибавленіями въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, von Baer und Helmersen. Neuntes Bändchen, zweite Abtheilung, 1855. p. 344 — 689.

цѣльнаго материка, обѣщалъ, относительно, благопріятнѣйшія условія для органической жизни на глубокомъ сѣверѣ. Этой массѣ земли, двумя полуостровами вдающейся въ Ледовитое море, по главному въ ней водоёму, я далъ названіе Таймырскаго края.

Довѣріемъ Академіи, снисканнымъ мною въ качествѣ спутника г. Бэра въ его второе сѣверное путешествіе, къ Лапландскимъ берегамъ Ледовитаго моря, и благодаря его усерднымъ хлопотамъ[1]), исполненіе этой ученой экспедиціи возложено было на меня. Радуясь счастію предаться наконецъ неодолимому влеченію моей любимой мечты съ ранней молодости, котораго не могли подавить во мнѣ разнообразныя обстоятельства жизни[2]), я немедленно отказался отъ пыльной каѳедры въ Кіевѣ, гдѣ я преподавалъ тогда зоологію.

Уже въ начальныхъ латинскихъ классахъ изрѣдка встрѣчаемыя краткія изрѣченія касательно далекихъ странствованій пробуждали во мнѣ необыкновенное сочувствіе. Говорилось ли напр. у одного изъ темныхъ писателей, когда мы наконецъ дошли до нихъ: «эти низкія и плебейскія души сидятъ дома и прикованы къ землѣ. Но тѣ души болѣе «божественны, которыя подражаютъ небу и находятъ удовольствіе въ подвижности»: мое сердце откликалось своему призванію, и напрасно потомъ учитель географіи осязательно доказывалъ, что небо стоитъ неподвижно; безплодно читалось строгое увѣщаніе Сенеки: «свой образъ мыслей долженъ ты измѣнить, а не климатъ. Уплыви хоть за «отдаленнѣйшее море въ свѣтѣ, твои заблужденія послѣдуютъ за тобой»; даже Сократъ казался нѣмецкимъ педантомъ, когда онъ твердилъ свои предостереженія: «Ты удивля- «ешься, что твое странствованіе нисколько не помогаетъ тебѣ, когда ты вездѣ имѣешь «спутникомъ самого себя. Прежде долженъ ты отринуть отъ себя свою обремененную душу: «безъ этого нигдѣ тебѣ не понравится». Темный писатель блистательно удерживалъ надо мной свои права, и совсѣмъ иначе отзывалось въ глубинѣ души его изреченіе, когда онъ восклицалъ: «По своей врожденной природѣ тотъ божественный огнь съ презрѣніемъ «смотритъ на заключеніе: ему бы все вольный воздухъ да открытое поле»! Какъ свѣжій воздухъ въ душную классную комнату, лилось къ сердцу это изреченіе.

Лишь только мнѣ минуло десять лѣтъ, какъ я получилъ отъ моего отца, отличнаго педагога, ружье, и съ тѣхъ поръ, съ однимъ старшимъ товарищемъ, часто проводилъ дни и ночи на болотахъ и озерахъ Лифляндіи. Тогда (1830) я испыталъ даже настоящіе сибирскіе скачки температуры. Около Иванова дня, стало-быть въ концѣ Іюня, часовъ въ двѣнадцать термометръ пробѣгалъ въ тѣни больше 25^0 Р. Въ полдень пекло едва выносимо, такъ что черная кожа нагрѣвалась выше 35^0; слѣпни и мухи, сквозь легкое лѣтнее платье, мучили нестерпимо. А вскорѣ послѣ полуночи вода, заготовляемая нами около ночлега въ плоской охотничьей посудѣ, насквозь промерзала. Между тѣмъ для насъ покровомъ служило небо. Но я откладываю

---

[1]) См. вышеупомянутое изданіе Бэра: Beiträge и проч.

[2]) Еще въ студентскіе годы я вызывался на свой счетъ сопутствовать Парроту въ его путешествіи къ Нордкапу, но получилъ отказъ. А въ послѣдствіи я хватался за каждый случай, какъ скоро представлялась возможность ѣхать въ Пекинъ, или на Араратъ для изслѣдованія его рушенія по свѣжимъ слѣдамъ. Каждый изъ такихъ случаевъ казался мнѣ моею путеводною звѣздою. Тогда я съ одинаковой охотой поѣхалъ бы во внутренность Африки и къ Ледовитому морю.

говорить о чрезвычайно близкомъ сродствѣ возвышенныхъ моховиковъ нашихъ широтъ съ пустынями далекаго сѣвера.

Между тѣмъ мое неодолимое влеченіе къ странствованіямъ не находило удовлетворенія ни въ первобытномъ состояніи моховыхъ болотъ и болотныхъ лѣсовъ Лифляндіи, ни въ очень подобныхъ имъ мѣстностяхъ Лапландіи, ни въ окраинахъ южно-русскихъ степей. Только силы закалились крѣпче и соотвѣтственно тому еще больше давали пищи внутреннему влеченію. Утомительныя похожденія оставались по прежнему стихіей страстнаго охотника; опасности манили душу; жажда дѣятельности, при свѣжести силъ 27-лѣтней молодости, неудержимо выгоняла вонъ и влекла въ даль. Кто не знаетъ этого влеченія, тотъ и не думай пускаться въ путешествіе для открытій на далекомъ сѣверѣ.

Какъ все это тѣлу, такъ и уму не могли удовлетворить ни серьезныя занятія медициной и другими естественными науками, ни тщательныя микроскопическія наблюденія, бывшія тогда современной новостью. Рано или поздно, должно же было оправдаться изреченіе Шамиссо, которое, бывъ заимствовано изъ его путешествія, не смотря на представленія удивленнаго декана, явилось эпиграфомъ на заглавномъ листѣ диссертаціи[1]) молодаго доктора: «Тому, кто хочетъ видѣть свѣтъ (чуждый цивилизаціи), я совѣтовалъ бы запастись докторскою шляпой, какъ самымъ покойнымъ колпакомъ для путешествія». Дѣйствительно, въ-послѣдствіи я дозналъ собственнымъ опытомъ, что этотъ дорожный колпакъ доставляетъ главѣ экспедиціи наилучшую защиту вездѣ, гдѣ только есть люди. Врачь — всюду пріятный гость, подъ палящимъ солнцемъ тропиковъ, какъ и у полюса.

Гораздо меньше отправленія на край отдаленнаго сѣвера соотвѣтствовало моимъ наклонностямъ намѣреніе Академіи учредить въ Якутскѣ наблюденія надъ температурой земли на разныхъ глубинахъ колодца, почти на четырехъ стахъ футахъ глубины остававшагося безводнымъ. Эти наблюденія должны были показать, въ какой мѣрѣ справедливо, что тамошняя почва на нѣсколько сотъ футовъ остается мерзлою, и повести къ объясненію причины этого состоянія. Въ сущности, это было другое путешествіе только при случаѣ связанное съ первымъ, и мѣстныя назначенія обоихъ отдѣлялись одно отъ другаго разстояніемъ почти въ 900 географическихъ миль.

Наблюденія надъ температурой въ этомъ колодцѣ, съ тѣхъ поръ названномъ мною, въ честь его устроителя, шахтой Шергина, всегда показывали одно и то-же; притомъ на мѣстѣ нашелся надежный и образованный наблюдатель, который вызвался продолжать начатыя изслѣдованія. А меня тянуло дальше. Скоро начертанъ былъ планъ новаго предпріятія, и результаты нашей первой поѣздки въ Таймырскій край тѣмъ рѣшительнѣе снискали этому плану участіе Академіи, что лѣтняя поѣздка изъ Якутска и безъ того входила въ первоначальный планъ всего путешествія и только не могла до тѣхъ поръ получить опредѣленной формы. Вскорѣ пришло и утвержденіе. На меня возлагалось —

---

[1]) Middendorff, Quaedam de bronchorum polypis. Diss. inaug. 1837. Dorpati Livonorum.

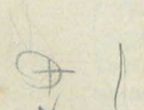
произвести, во второе лѣто моего пребыванія въ Сибири естественно-историческія изслѣдованія по южнымъ берегамъ Охотскаго моря, посѣтить тамъ Шантарскіе острова и въ слѣдующую за тѣмъ зиму возвратиться въ Забайкальскій край и Якутскъ. Этотъ возвратный путь я, подъ своею отвѣтственностью, предпринялъ чрезъ горы, совершенно тогда неизвѣстныя: по картамъ, онѣ полагались на границѣ между Россіей и Китаемъ.



Прежде нежели мы ближе ознакомимся съ ходомъ путешествія, позволяю себѣ ввести читателя въ наше дорожное общество. Сначала Академія назначила мнѣ только одного спутника, который долженъ былъ снять съ меня часть механическихъ трудовъ, какихъ у натуралиста въ подобныхъ путешествіяхъ всегда очень много. Она считала за лучшее ограничить личный составъ экспедиціи наименьшимъ числомъ, потому что возможность пробраться далеко, по предварительно собраннымъ свѣдѣніямъ, оказывалась сомнительною, и во всякомъ случаѣ можно было опасаться, что въ суровомъ сѣверномъ климатѣ каждый лишній членъ экспедиціи будетъ стоить успѣхамъ ея дальнѣйшаго движенія, можетъ быть, цѣлаго градуса широты. Выборъ спутника вполнѣ представленъ былъ моей волѣ.

Счастливый случай свелъ меня тогда съ Датскимъ лѣсничимъ г-мъ Ѳеод. Брантомъ, — тѣмъ самымъ, который позднѣе участвовалъ въ Уральской экспедиціи И. Р. Географическаго Общества, въ качествѣ спутника Гофмана. Крѣпкое и привычное ко всѣмъ перемѣнамъ погоды сложеніе лѣсничаго, искусство въ ружейной стрѣльбѣ, прекрасный талантъ къ живописи и постоянная готовность усвоивать всѣ техническіе пріемы въ метеорологическихъ наблюденіяхъ и въ приготовленіи къ сбереженію естественныхъ предметовъ, обѣщали въ немъ дорогаго спутника и я съ радостью подалъ ему руку на изъявленное имъ желаніе. Кромѣ его, еще изъ столицы ѣхалъ со мною слуга Фурманъ, который также наученъ былъ препарированію зоологическихъ предметовъ и позднѣе, даже по моемъ возвращеніи, могъ быть оставленъ на берегахъ Охотскаго моря для производства имъ самимъ метеорологическихъ наблюденій.

Только въ Сибири стало мнѣ вполнѣ ясно, что назначенія нашей экспедиціи взаимно противорѣчили другъ другу: одна часть ихъ — именно метеорологическіе вопросы — требовала постояннаго пребыванія на мѣстѣ, а другая предполагала самые дальніе и быстрые разъѣзды, такъ какъ требовала, чтобы въ одно, слишкомъ короткое сѣверное лѣто достигнуто было Ледовитое море и съ возможною тщательностью изслѣдовано естественно-историческое свойство края, далеко вдавшагося въ глубину сѣвера. И потому, когда я думалъ, какъ и нужно было, основать станцію и оставить на ней, при полярномъ предѣлѣ лѣсовъ, г-на Бранта и Фурмана для производства правильныхъ метеорологическихъ наблюденій, для меня открывалась настоятельная нужда еще въ одномъ спутникѣ, который былъ бы мнѣ помощникомъ въ дальнѣйшемъ движеніи въ глубину сѣвера. Такого спутника, уже на Сибирской почвѣ, избралъ я себѣ въ лицѣ молодаго унтеръ-офицера изъ Сибирскаго корпуса военныхъ топографовъ въ Омскѣ, Ваганова, который скоро сдѣлался моимъ неразлучнымъ и любимымъ товарищемъ: къ сожалѣнію, позднѣе коварная пуля Китайскаго Даура въ-расплохъ поразила эту предпріимчивую голову.



Нашъ отрядъ составляли, смотря по обстоятельствамъ, то козаки, потомки достопамятныхъ удальцовъ, нѣкогда съ ничтожными средствами покорившихъ Русскому скиптру всю сѣверную Азію, то кочевые туземцы Монгольскаго племени: Самоѣды, Якуты, Тунгусы. Люди смѣшеннаго происхожденія отъ Европейцевъ съ Монгольскимъ племенемъ оказывались въ этомъ отношеніи отличными: точно также въ Сѣверо-Американскихъ компаніяхъ мѣховой торговли для путешествій употребляются по преимуществу креолы. Хотя большую часть пространства мы должны были проѣхать водою, а въ одно лѣто даже моремъ, однако я хорошо сдѣлалъ, что не взялъ матросовъ. Британцы, въ своихъ новѣйшихъ сухопутныхъ экспедиціяхъ, также дознали опытомъ, что матросы плохіе ходоки на сушѣ [1]). Кругъ привычекъ, въ которыхъ проводитъ жизнь свою морякъ, очевидно, слишкомъ одностороненъ; сверхъ того моряки привыкли къ удобству всегда возить свой домъ съ собою. А въ экспедиціяхъ, на половину сухопутныхъ, надобно умѣть ограничиваться наименьшею поклажей, не дѣлая въ этомъ отношеніи даже для платья исключенія, не смотря на суровость климата. Подобно кочующимъ, надобно умѣть продовольствовать себя охотой или рыбной ловлей, и еще лучше всякаго кочевника надо имѣть гибкую готовность и снаровку то управлять парусами, то обращаться съ собаками, оленями или лошадьми; то быть гребцомъ, то неутомимымъ пѣшеходомъ, чтобы такъ или иначе сдѣлать что-нибудь свыше обыкновенной возможности.

Однимъ словомъ, чтобы проложить себѣ путь въ глубину сѣвера при условіяхъ его природы, надобно поставить себя какъ-бы на низшую степень цивилизаціи. Тогда какъ въ наше время раздѣленіе труда составляетъ основное правило всякой дѣятельности и когда это непремѣнное условіе успѣха обрекаетъ людей на постепенно съуживающуюся и притомъ механическую односторонность, — на-оборотъ тому, пускаясь въ путешествія для открытій, надобно имѣть на все готовую сноровку, неистощимую изобрѣтательность на всякіе извороты, не только быть въ одномъ лицѣ всѣмъ: и знатокомъ всякой сухопутной ѣзды и всякаго рода плаванія, и звѣроловомъ и рыболовомъ, портнымъ, сапожникомъ, плотникомъ, кузнецомъ и т. д., но и во всѣхъ этихъ ремеслахъ должно умѣть тотчасъ, по первому требованію минуты, взяться за выполненіе дѣла самыми простыми орудіями полудикаря временъ первобытныхъ.

При этомъ случаѣ я не могу отказать Русскому человѣку въ самомъ рѣшительномъ подтвержденіи свидѣтельства, которое уже не разъ ему воздавали. Во всемъ свѣтѣ едвали найдется другой, кто могъ бы помѣряться съ нимъ въ самой гибкой во всемъ находчивости, особенно съ Русскимъ, выросшимъ въ безлюдныхъ пустыняхъ глубокаго сѣвера. Для него собственно изобрѣтена фраза: *мастеръ на все*, хотя она не одно и тоже, что: «во всемъ мастеръ». И если прибавить къ тому неистощимое юмористическое добродушіе, какимъ сопровождается эта находчивость, то можно рѣшительно сказать, что именно Русскій по преимуществу созданъ быть «вояжоромъ», въ смыслѣ этого слова въ Сѣверо-



[1]) Richardson Searching Expedit. 1851. p. 43. «Few seamen were employed; they march badly».

Американскихъ компаніяхъ мѣховой промышленности и торговли, и въ противоположность извѣстнымъ «commis voyageurs» на желѣзныхъ дорогахъ.

А кочевой человѣкъ Монгольскаго племени? Конечно, въ глуши мы ежедневно имѣемъ случай удивляться его изворотливости, но ему никогда не верстаться съ ловкимъ человѣкомъ изъ числа тѣхъ, которые, обладая огромнымъ запасомъ опытовъ высшей степени цивилизаціи, добровольно становятся на низшую. Во второй части этого сочиненія мы будемъ имѣть случай подробнѣе войдти въ эту разницу; а здѣсь я хотѣлъ только указать на то, что *ловкость* и *находчивость* имѣютъ свои, рѣшительно національные оттѣнки. Когда Франклинъ говоритъ: «худой тотъ плотникъ, кто не умѣетъ, въ случаѣ нужды, употребить пилы вмѣсто бурава», то изъ самаго этого восклицанія ясно видно, что онъ былъ не-Русскій. У Русскаго всѣ инструменты замѣняетъ топоръ: онъ служитъ ему и для срубки деревьевъ и для обтесыванія, и пилой, и молотомъ, долотомъ, буравомъ и т. д. Но довольно объ этомъ.

Теперь я прошу читателя раскрыть прилагаемый атласъ картъ на первомъ листѣ и бѣгло прослѣдить ходъ нашего путешествія.

14 Ноября 1842 года я съ Брантомъ и Фурманомъ тронулся изъ нашей столицы. Тогда еще не было и рѣчи о желѣзной дорогѣ, и мы, при всей поспѣшности и безъ остановокъ, прибыли въ Москву только 17 числа.

Если теперь, начиная съ Москвы, мы по картѣ поведемъ пальцемъ все дальше къ востоку, держась постоянно почти одной и той-же географической широты, то проведемъ линію большаго Сибирскаго тракта, который прямою дорогой идетъ на Владиміръ, Нижній Новгородъ, Казань, Пермь, Екатеринбургъ, Шадринскъ, Ишимъ, Омскъ, Томскъ, Ачинскъ въ Красноярскъ, гдѣ мы, на разстояніи почти 700 географическихъ миль отъ Петербурга, достигли рѣки Енисея. Смотря по погодѣ, то есть, наложитъ ли она снѣгъ ровнымъ покровомъ, или навѣетъ его волнами, зимою по этой почтовой дорогѣ съ поклажей проѣзжаютъ то до 40 географ. миль въ сутки, то по 15, даже 10 и меньше; среднимъ же числомъ отъ 25 до 30. Боясь запоздать, я избѣгалъ всякой остановки, даже на главныхъ пунктахъ этой дороги, но долженъ былъ тамъ или индѣ пріостанавливаться для нѣкоторыхъ приготовленій къ предстоявшему впереди путешествію; а въ Омскѣ, гдѣ я встрѣтилъ новый годъ, своротилъ даже съ большой дороги на югъ, чтобы на Барнаульскомъ заводѣ окончательно устроить нашъ земляной буръ, котораго наконечники и колѣнные винты я везъ съ собой изъ Петербурга. Изъ Барнаула чрезъ Томскъ я пріѣхалъ въ Красноярскъ, гдѣ мы прожили послѣднюю недѣлю Января 1843 года.

I. Таймырское путешествіе.

Съ Красноярска мы оставили наконецъ большой Сибирскій трактъ, поворотивъ прямо на сѣверъ по направленію Енисея. Безъ труда мы проѣхали 47 географическихъ миль до Енисейска, по торной дорогѣ, пробитой ѣздою на золотые промыслы. Дорога эта идетъ прямо, тогда какъ Енисей между этими городами большою излучиной удаляется

къ востоку. Только въ Енисейскѣ пришлось намъ покинуть большія и тяжелыя кибитки, служившія намъ отъ Москвы, и замѣнить ихъ легчайшими, отъ чего число ихъ, къ сожалѣнію, увеличилось до трехъ.

8 Февраля выѣхали мы изъ Енисейска. Только на 10-ти миляхъ, за деревню Анцыферово, дорога соотвѣтствовала нашимъ Европейскимъ объ ней понятіяхъ; а затѣмъ мы должны были радоваться, если, двигаясь шагъ за шагомъ, мало погрязали въ снѣгу и не были принуждены ѣхать нѣсколько станцій на однихъ и тѣхъ-же лошадяхъ, за неимѣніемъ ихъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ. Только въ началѣ, черезъ дремучій лѣсъ, мы имѣли предъ собой проложенный слѣдъ; дальше же къ сѣверу почти исключительно пользуются естественнымъ путемъ, который доставляетъ собою ледяной покровъ Енисея.>Не смотря на излучины этого пути, окрестности видишь съ дороги меньше, чѣмъ изъ вагоновъ на желѣзной дорогѣ; потому что слѣдъ лежитъ большею частію вдоль рѣки по рединѣ, такъ что съ обѣихъ сторонъ видишь только неясные очерки низменныхъ береговъ, поросшихъ лѣсомъ, или такихъ же возвышенностей. Однообразная ледяная равнина рѣки съ обѣихъ сторонъ простирается гораздо больше версты и часто еще больше, а снѣжные бугры ослѣпляютъ зрѣніе своимъ блескомъ; нерѣдко также даль скрывается въ туманѣ или въ вихряхъ мятели. Какъ морякъ гавань, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь одинокія жилища, гдѣ онъ, выплывъ изъ необозримаго снѣжнаго моря, можетъ наконецъ, послѣ дневныхъ трудовъ, пристать къ берегу. Но мы могли въ нашихъ пристанищахъ отдыхать не больше, чѣмъ продолжалась закладка или отдыхъ лошадей; потому что повсюду слышали, что мы ѣдемъ слишкомъ поздо, чтобы успѣть еще въ этомъ году проникнуть внутрь страны дальше на сѣверъ.

Тащась шагъ за шагомъ, съ трудомъ и безъ отдыха, 25 февраля мы добились наконецъ до Туруханска. Не смотря на все свое усердіе, мы должны были 17 дней потратить на этотъ путь по такъ называемому почтовому тракту, хотя разстояніе между Енисейскомъ и Туруханскомъ полагаютъ не много больше 150 геогр. миль. Не проѣзженые, глубокимъ снѣгомъ засыпанные слѣды дороги и недостатокъ лошадей на станціяхъ нисколько не походятъ на то, что мы называемъ почтовымъ трактомъ. На иныхъ станціяхъ намъ случалось находить только одну лошадь, а насъ ѣхало трое; тяжесть поклажи все прибывала, и мы рѣдко, лишь въ видѣ исключенія, могли обходиться однимъ проводникомъ: обыкновенно мы должны были брать ихъ нѣсколько.

Въ Туруханскѣ мы были уже вблизи полярнаго круга; Туруханскъ былъ одною изъ цѣлей нашего путешествія, потому что здѣсь, по назначенію Академіи, я долженъ былъ употребить въ дѣло привезенный мною буръ для наблюденій надъ температурой земной коры; Туруханскъ наконецъ былъ мѣстомъ, гдѣ должны были получить окончательный видъ приготовленія къ дальнѣйшему путешествію; потому что упущеннаго здѣсь уже не-чѣмъ было бы пополнить въ обнаженныхъ пустыняхъ дальнѣйшаго сѣвера. И вотъ мы пробыли въ Туруханскѣ почти четыре недѣли.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи туда мы отправили впередъ свою кладь подъ

присмотромъ трехъ Туруханскихъ козаковъ, которыми съ тѣхъ поръ пополнилось наше общество на все время нашего пребыванія въ глубинѣ сѣвера.

23 Марта мы и сами послѣдовали за ними. До $69^1/_2$ сѣв. широты дорога шла опять по льду Енисея внизъ по его теченію, за исключеніемъ небольшаго переѣзда на прямикъ для сокращенія пути[1]), гдѣ Енисей крутымъ поворотомъ на востокъ образуетъ какъ-бы петлю. Отъ прежняго наше теперешнее путешествіе разительно отличалось только тѣмъ, что вмѣсто лошадей запрягались сперва собаки, а потомъ, съ Усть-Курейскаго, олени, эти безцѣнныя извозныя животныя на далекомъ сѣверѣ: они везли насъ до самой рѣки Таймыры. Отказавшись отъ лошадей, надобно было и наши Енисейскія сани замѣнить легкими на ходу «нартами», и хотя сначала былъ рѣшительно недостатокъ въ оленяхъ, однако превосходство ихъ и всей сѣверной упряжи, при данныхъ обстоятельствахъ, пріобрѣло полное наше одобреніе. Наша неблагодарность къ конской породѣ, вопреки предразсудкамъ привычки, дошла бы до рѣшительной несправедливости, еслибы мы отъ лошадей перешли прямо къ оленямъ, безъ посредничества собакъ.

Въ концѣ Марта мы пріѣхали въ Ду́динское, или Ду́дино, и здѣсь достигли границы произрастанія густаго лѣса. Послѣ нѣсколькихъ дней возобновленныхъ приготовленій, преимущественно печенія достаточнаго запаса морскихъ сухарей, 4 Апрѣля мы опять пустились въ путь, но уже по другимъ дорогамъ: простившись съ старцемъ Енисеемъ, который помогъ намъ проѣхать больше 200 географ. миль, мы поворотили, сперва вверхъ по рѣчкѣ Дудинѣ, потомъ, все больше на сѣверъ, по ровному хребту горъ, затѣмъ по сѣверной половинѣ озера Пя́сина, къ селу Введенскому, на р. Пя́синѣ. Это мѣсто получило въ нашихъ глазахъ особенное значеніе: здѣсь мы пріобрѣли себѣ толмача въ лицѣ одного здѣшняго жителя, почти семидесятилѣтняго старика[2]), достаточно владѣвшаго языкомъ Самоѣдскимъ. Это былъ человѣчекъ въ родѣ гнома, не сгорбленный, но какъ-бы ссохшійся и до того закаленный противъ всѣхъ непогодъ сѣвера, что, смотря на него, думалось, можетъ ли умереть эта мумія. Отъ Введенскаго мы поѣхали первою безлѣсною тундрой — такъ называемой Низовой (т. е. сѣверной); на рѣчкѣ Дудыптѣ, живущіе здѣсь Самоѣды заготовили для насъ пять перемѣнъ оленей, и мы пролетѣли пресловутую тундру въ два короткіе дня, такъ что я, особенно при сильныхъ снѣжныхъ мятеляхъ, не успѣлъ даже составить себѣ точнаго понятія о тундрѣ. Вверхъ по Дуды́птѣ, потомъ черезъ водораздѣлъ Пясины достигли мы, вечеромъ перваго дня Пасхи, 14 Апрѣля, нѣсколько дальше 71° с. шир. въ селеніе Коренное-Филиповское, на рѣчкѣ Богани́дѣ, которая впадаетъ въ Хету́ и посредствомъ ея и Ха́танги отдаетъ свои воды Ледовитому морю уже на востокѣ Таймырскаго края.

(Коренное)-Филиповское было для насъ главнымъ становищемъ въ Таймырскомъ путешествіи: какъ въ Туруханскѣ, мы пробыли тамъ нѣсколько недѣль. Сначала я долженъ былъ именно здѣсь остановиться за неимѣніемъ подводъ, потому что зимующіе на

---

[1]) Около 67° с. ш., между Денежкинымъ и Карасинымъ-Ясашнымъ.

[2]) Тита Лаптукова.

Боганидѣ кочевыя орды, послѣ многихъ отрицаній на мои переговоры, объявили, что они могутъ доставить насъ дальше на сѣверъ только въ томъ случаѣ, если мы согласимся дождаться ихъ весенней туда перекочевки и примкнемъ къ ихъ обозу. Къ этому, уже въ самомъ себѣ достаточно понудительному основанію присовокупилось еще то, что здѣсь, какъ я узналъ, мы были у предѣла произрастанія лѣса: это заставило меня, не теряя времени, начать, подъ своимъ надзоромъ, метеорологическія наблюденія, которыя должны были постоянно продолжаться до моего возвращенія съ дальнѣйшаго сѣвера. Наконецъ я узналъ еще, что низовой части рѣки Таймура вовсе не достигаетъ ни одно изъ кочующихъ племенъ даже въ лѣтнія свои странствованія; что въ Ледовитое море, можетъ быть, можно спуститься только рѣкою и что для этого надобно везти туда съ собой лодку. А для постройки лодки годнаго, при нуждѣ, лѣса надо было искать къ югу отъ Филиповскаго на разстояніи «добраго днища», какъ говорятъ Сибиряки.

Между тѣмъ какъ шли всѣ эти приготовленія, я воспользовался удобнымъ, по здѣшнему, путемъ, переваливъ отъ Филиповскаго чрезъ водораздѣлъ къ рѣкѣ Хетѣ и потомъ по этой рѣкѣ внизъ къ Хатангѣ. Недѣлю я употребилъ на посѣщеніе погоста Хатангскаго и успѣлъ даже побывать въ селеніи Казачьемъ и видѣть лодку, сто два года тому назадъ оставленную здѣсь Лаптевымъ [1]). Не только обшивка, но даже смола и гвозди отлично сохранились, не смотря на то, что ничѣмъ не были защищены отъ вліянія погоды. Сказанное когда-то слово: «собственность Государыни» въ теченіе столѣтія охраняло гвозди отъ завидливости и кочевыхъ и осѣдлыхъ туземцевъ, а дерево — отъ употребленія на топку.

Въ Георгіевъ день (23 Апрѣля) я возвратился изъ отлучки на Боганиду, гдѣ начали появляться признаки весны. 27 Апрѣля наконецъ прибылъ туда и вышеупомянутый топографъ Вагановъ, слѣдовавшій за мною изъ Омска: съ нимъ наше общество достигло полнаго своего состава. Г-нъ Брантъ, иногда занемогавшій и, по видимому, менѣе способный выносить большія трудности, оставался моимъ надежнѣйшимъ намѣстникомъ на метеорологической и естественно-исторической станціи, а препарантъ Фурманъ и одинъ изъ козаковъ [2]) — ему помощниками: въ обоихъ иногда проскакивали признаки расположенія къ спокойной осѣдлости и оба повѣсили голову, когда я объявилъ, что въ предстоящей поѣздкѣ въ дальнѣйшую глубину сѣвера, кто заболѣетъ во время пути, кому бы ни выпало это на долю изъ насъ пятерыхъ, тотъ долженъ остаться на дорогѣ одинъ, гдѣ бы ни случилось. Такимъ образомъ на границѣ лѣсной растительности остались Датчанинъ, Эстонецъ и, по давности смѣшенія породъ, загадочнаго происхожденія козакъ.

Со мной же отправились топографъ Вагановъ, два козака [3]) и старикъ толмачъ. И теперь, когда тринадцать лѣтъ разнообразной столичной жизни пронеслось надъ приклю-

[1]) Въ 1740 году она была оставлена, какъ кажется, по причинѣ мелководья, и въ слѣдующемъ году, 19 Марта, Лаптевъ, какъ вижу я изъ его рукописнаго дневника, велѣлъ вытащить ее на берегъ.

[2]) Викторъ Томиловъ.

[3]) Василій Сѣдельниковъ, нашъ «мастеръ на все» (ср. выше, стр. 15) и Егоръ Даву́рскій или, по выговору многихъ Туруханцевъ, какъ-бы Давудскій.

ченіями тогдашняго нашего странствованія, объ этихъ товарищахъ моихъ въ самомъ трудномъ изъ похожденій въ моей жизни я могу повторить только то, что въ первой части [1]) этого сочиненія сказалъ я о Вагановѣ: во всемъ свѣтѣ едвали гдѣ можно еще найдти такое несравненное душевное довольство, такую находчивость и проворство, во всѣхъ едва вообразимыхъ напастяхъ нагой пустыни, такое непоколебимое довѣріе къ своему предводителю, доходившее до романтической привязанности, какъ въ народномъ характерѣ такъ называемаго простаго Русскаго человѣка. Конечно, нигдѣ во всемъ свѣтѣ простолюдинъ не съумѣетъ съ такимъ тонкимъ, врожденнымъ Русскому тактомъ вести трудную игру между совершенно-товарищескимъ равенствомъ обращенія съ своимъ начальникомъ и безусловнымъ ему повиновеніемъ по внезапному требованію каждой минуты. Теплота благодарнаго воспоминанія отвлекла меня: но возвращаюсь къ нити моего путешествія.

Прошелъ ровно мѣсяцъ, пока мы сперва собирали, въ вышеозначенномъ мѣстѣ, матеріалъ для скелета лодки, потомъ свезли и наконецъ обработали, какъ требовалось. 7 Мая мы оставили Филиповское. Надобно было взять съ собою провіантъ на цѣлое лѣто, платье, прикрытіе отъ непогоды на становищахъ, даже дрова; лодка, какъ она ни мала [2]), занимала больше однихъ саней; ко всему этому — снаряды для ученыхъ изслѣдованій. Какъ мы ни укладывали, какъ ни сжимали поклажу, какъ ни выкидывали, безъ чего можно было съ нуждой обойтись, число саней для нашей клади, къ моему великому горю, возрасло до девяти. Такимъ образомъ намъ нужно было почти стадо оленей — 36 головъ, чтобы тронуться съ мѣста. Больше однакожъ ничего нельзя было выторговать изъ количества поклажи, хотя въ-послѣдствіи оно со дня на день убавлялось.

Теперь я прошу читателя слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ нашего путешествія по V, IV, III и II листамъ прилагаемаго атласа.

Медленно потянулись мы за обозомъ кочевой орды, начавшей свои лѣтнія странствованія, простились въ Коренномъ съ послѣднимъ жильемъ и чахлымъ лѣсомъ и мало по малу вдавались на сѣверъ все дальше и дальше, передаваемые одной Самоѣдской ордою другой. Движеніе и безъ того было медленно и трудно; но насъ еще, отъ самаго Дудинскаго, затрудняли на пути опустошительныя слѣдствія грипа и кори, эпидемически свирѣпствовавшихъ во всемъ краѣ.

Уже 9 Мая прибыли мы на верховую часть рѣки Новой; но такъ какъ договоренные нами туземцы связаны были въ своемъ движеніи больными отъ эпидеміи, то мы должны были простоять 10 дней, прежде нежели переправились за рѣку и продолжали путь, короткими переѣздами, на сѣверъ съ небольшимъ уклоненіемъ къ западу. Тогда удалось мнѣ купить у Самоѣдовъ челнокъ, который послѣ намъ очень пригодился. 30 Мая миновали мы Лóгату, текущую къ р. Таймырѣ съ запада; и 2 іюня были оставлены послѣднимъ нашимъ проводникомъ, наидалѣе проникшимъ къ сѣверу, дѣйствительно до р. Таймыры, но, вопреки нашему ожиданію и противъ условія, еще далеко отъ впаде-

[1]) Стр. LVI нѣмецкаго изданія.

[2]) При 12 только футахъ въ килѣ она имѣла не болѣе $15^1/_2$ всей длины и $4^3/_4$ ширины.

нія этой рѣки въ Таймырское озеро. «Вотъ Таймыра; тутъ она течетъ вплоть; а тамъ озеро!» восклицалъ нашъ лукавый проводникъ смѣшаннаго Долгано-Самоѣдскаго происхожденія, указывая рукой къ сѣверо-востоку на ослѣпительную снѣговую равнину. Въ минуту его олени были отложены; самъ онъ изчезъ и мы остались одни въ пустынѣ, предоставленные самимъ себѣ. Недѣли двѣ прошло, прежде нежели наши больные глаза, въ слѣдствіе неоднократныхъ развѣдокъ перестали видѣть въ предлежащей намъ равнинѣ Таймырское озеро. Послѣ мы опытомъ дознали, что до озера еще нѣсколько дней пути внизъ по рѣкѣ.

Еще мѣсяцъ, весь Іюнь, просидѣли мы на этомъ становищѣ, по Самоѣдскому названію Сяттага́-Мы́лла; потому что хотя ледъ прошелъ уже $\frac{23 \text{ Іюня}}{5 \text{ Іюля}}$, но слѣдующіе за тѣмъ дни мы употребили на поѣздку вверхъ по рѣкѣ въ озеро Фальху́дда и къ примыкающей къ нему горѣ. Другой мѣсяцъ прошелъ въ разъѣздахъ взадъ и впередъ по Таймырѣ до озера, для изслѣдованія этой части рѣки и вмѣстѣ для перевозки нашихъ снарядовъ на озеро.

При разныхъ затрудненіяхъ отъ вѣтра и ненастья, только $\frac{27 \text{ Іюля}}{8 \text{ Августа}}$ могли мы миновать островъ Купферъ и пройти опасный каменистый мысъ Заблеръ: держась отселѣ западнаго берега Таймырскаго озера, 13 августа мы достигли мыса Ленца на восточномъ берегу его, а чрезъ два дня открыли, около полуострова Гофмана, истокъ нижней Таймыры изъ озера. Быстро понесло насъ теперь стремительнымъ потокомъ рѣки. Ночь съ 6 на 7 августа мы провели въ найденной нами просторной пещерѣ, а 13 августа въ 3 часа утра, приставши къ острову Бэру, мы достигли наконецъ Ледовитаго моря. $\frac{14}{26}$ мы покушались-было пройти дальше въ море, но были отброшены и поворотили назадъ, томимые голодомъ и холодомъ, страдая отъ лишеній всякаго рода, равно и отъ поздняго времени года. 23-го мы опять достигли озера у полуострова Гофмана, 24-го должны были бѣжать на мѣль у́ острова Бетлинга и лишь 25 добились до мыса Ленца.

Отбиваемые туда и сюда свирѣпыми осенними бурями, промокшіе и покрытые ледяной корою, мы до изнеможенія, но безплодно работали до 28 Августа, какъ вдругъ въ этотъ день погода унялась. Едва только стихло, льдины, наполнявшія озеро и плывшія съ верхней Таймыры, смыкаясь съ новымъ, кругомъ пристававшимъ къ нимъ льдомъ, съ неимовѣрною быстротою начали смерзаться. Съ трудомъ мы избѣгнули опасности вмерзнуть середи озера; еще съ большимъ трудомъ достигли мы западнаго берега рѣки Таймыры, противъ мыса Ленца, послѣ того, какъ челнокъ потонулъ, а лодка, попорченная льдинами, наполнилась водою.

31 Августа мои люди отправились пѣшкомъ отыскивать нашихъ старыхъ друзей-Самоѣдовъ, которые обѣщались ждать насъ на верхней Таймырѣ, сколько возможно, дольше. Идя по западной сторонѣ высотъ Нго́а-Мо́а [1]) на югъ, черезъ горы, они сократили себѣ путь тѣмъ, что перешли черезъ Льдистую бухту по тонкому, едва держав-

---

[1]) Смотри III листъ атласа.

шему ихъ льду. Они прошли мимо возвышенности Нытира и благополучно встрѣтились съ Самоѣдами, 4 Сентября, недалеко отъ мѣста Нярама.

Я же, больной и истощенный, долженъ былъ остаться одинъ, верстахъ въ трехъ отъ мѣста нашего крушенія, и кое-какъ поддерживалъ жизнь до 19 Сентября[1]), когда взялъ меня отсюда, въ двадцатый день моего томленія голодомъ, Самоѣдскій князецъ, Тойчумъ. 26 Сентября поднялись мы въ путь съ своего становища съ самымъ запоздалымъ изъ откочевавшихъ Самоѣдовъ, и Таймыръ снова превратился въ безлюдную пустыню. Съ упоительною радостью встрѣтилъ я 8 Октября опушку лѣса, а $\frac{9}{21}$, послѣ пяти-мѣсячной жизни подъ палаткой, курную избу — въ Филиповскомъ на Боганидѣ, наконецъ — моихъ товарищей и — мягкій хлѣбъ.

На возвратномъ пути отсюда въ Красноярскъ мы ѣхали тою-же дорогою, какъ и туда изъ Красноярска. $\frac{16}{28}$ мы разстались съ Боганидой; въ Введенскомъ на Пясинѣ нашъ толмачъ былъ дома, а я возобновилъ наблюденія надъ температурою земли посредствомъ бура; черезъ мѣсяцъ за тѣмъ, 18 Ноября, я возвратился въ Туруханскъ, гдѣ опять прожилъ мѣсяцъ. Слѣдующія $2^1/_2$ недѣли (отъ 20 Декабря до 8 Января 1844) мы провели въ дорогѣ отъ Туруханска до Енисейска, пробыли здѣсь 4 дня, а 14 Января въ Красноярскѣ мы достигли того пункта большаго Сибирскаго тракта, который должно считать началомъ и концомъ моего Таймырскаго путешествія, составляющаго первую половину всей экспедиціи.

Обозрѣвая въ заключеніе все продолженіе и главные отдѣлы Таймырскаго путешествія въ совокупности, мы видимъ, что на него употребленъ почти цѣлый годъ, сверхъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ пути отъ Петербурга чрезъ Барнаулъ до Красноярска. Въ теченіе этого года мы два раза по мѣсяцу прожили въ Туруханскѣ; третій мѣсяцъ — въ Филиповскомъ. Еще одинъ мѣсяцъ прождали мы вскрытія Таймыры въ урочищѣ Сяттага́-Мылла. Со включеніемъ этого послѣдняго, мы пять мѣсяцевъ странствовали за предѣлами самыхъ крайнихъ поселеній — отъ Филиповскаго до Ледовитаго моря и обратно. Меньше двухъ мѣсяцевъ ѣхали мы отъ Красноярска до Филиповскаго и столько-же употребилъ я на возвратный путь.

II. Путешествіе къ Охотскому морю, въ область Амура и обратно.

Другимъ назначеніемъ моего путешествія, какъ упомянуто выше, на меня возлагалось производство точныхъ наблюденій надъ температурой земли въ Шергинской шахтѣ въ Якутскѣ.

---

[1]) Мое сознаніе, въ теченіе нѣсколькихъ дней, очевидно, было помѣшано, потому-что хотя я тщательно старался отмѣчать числа чертами, однако считалъ уже 21 Сентября вмѣсто 19, когда я былъ спасенъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ дней, которые я долженъ былъ прожить въ Иркутскѣ, мы меньше, чѣмъ въ мѣсяцъ, совершили путь въ 500 географическихъ миль, отъ Красноярска до Якутска. 18 Февраля прибыли мы въ Якутскъ, гдѣ вышеозначенныя наблюденія, равно и приготовленія къ дальнѣйшему путешествію въ Охотское море, продержали насъ семь недѣль.

И здѣсь наше общество, по прежнему, состоявшее изъ моего помощника Бранта, топографа Ваганова и препаранта Фурмана, я увеличилъ двумя козаками [1]) и завербовалъ еще двухъ Якутъ, отъ которыхъ я ожидалъ большой пользы, потому что они, два года назадъ, сдѣлали морское путешествіе въ наши Сѣверо-Американскія колоніи и собственными глазами видѣли у Алеутовъ большія кожаныя лодки, по тамошнему — байдары. Это было важно для меня особенно потому, что на мою просьбу предоставить одинъ елботъ въ мое распоряженіе въ Охотскѣ, послѣдовалъ рѣшительный отказъ.

Всѣ собранныя мною свѣдѣнія объ Удскомъ острогѣ — селеніи на рѣкѣ Удѣ, на юго-востокѣ отъ Якутска, не въ-далекѣ отъ юго-западнаго берега Охотскаго моря — единогласно говорили, что въ этомъ крайнемъ изъ тамошнихъ селеній нѣтъ никакихъ запасовъ, и потому я долженъ былъ взять съ собою изъ Якутска не только канаты и якорь, не только кожи для обтяжки деревяннаго остава лодки, но и большую часть провіанта для себя и для прислуги. Все это не трудно было свезти на волахъ, запряженныхъ въ сани, до Амгинской Слободы; но эта кладь сильно затрудняла насъ въ странствованіи по горамъ, доступнымъ только для вьючныхъ лошадей. Не меньше 72 верховыхъ, вьючныхъ и запасныхъ лошадей потребовалось, чтобы тронуться (11 Апрѣля) изъ Амгинска, гдѣ мы четыре дня предъ отъѣздомъ занимались раскладкою вещей на вьюки.

Мы ѣхали, сколько можно было прямѣе по обыкновеннымъ горнымъ тропинкамъ, на юго-востокъ, сперва медленно и съ нерѣдкими задержками отъ снѣга, который въ горахъ еще лежалъ. 27 Апрѣля переѣхали мы чрезъ Алда́нъ [2]) по льду, который уже вспучило; 15 Мая достигли Учу́ра; 1 Іюня перевалили черезъ гребень Становаго хребта, 6 переправились чрезъ стремительную рѣку Половинную и 9-го благополучно прибыли въ Удской Острогъ. Отъ Амгинска досюда мы сдѣлали верстъ 1000 почти въ два мѣсяца.

Постройка нашей байдары въ Удскомъ Острогѣ продолжалась до 28 Іюня. Въ этотъ день мы отвалили отъ безпомощнаго мѣста и, благодаря быстрому теченію рѣки, уже утромъ слѣдующаго дня были въ 90 верстахъ отъ него, на устьѣ рѣки, гдѣ должны были еще простоять почти двѣ недѣли, пока море не очистилось отъ льда для свободнаго плаванія. 9 Іюля наша байдара́ наконецъ вышла въ море; мы держали къ востоку и

---

[1]) Это были: унтеръ-офицеръ Рѣшетниковъ, хорошій плотникъ и кузнецъ, — племянникъ лица того-же имени, бывшаго спутникомъ Врангеля въ его путешествіи, и рядовой Долгій, въ которомъ съ перваго уже взгляда видна была помѣсь. Онъ былъ родомъ изъ Гижиги т. е. изъ Ижигинска; отецъ его былъ женатъ на Корячкѣ.

[2]) Кромѣ общей карты, на листѣ I, см. еще маршруты отъ Амгинска до Удскаго Острога на лл. X, XI, XII атласа, гдѣ наши становища занесены съ показаніемъ мѣсяца и дня прибытія и продолженія остановки. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ путешествіи сообщены въ вышеуказанныхъ (стр. 11, прим. 1) моихъ Донесеніяхъ.

на ночь пристали къ южному берегу Охотскаго моря, не подалеку отъ горной рѣчки Джукджандрàнъ. Ледъ держалъ насъ здѣсь цѣлую недѣлю. Ею мы воспользовались для поѣздки, на челнокѣ, въ обратномъ направленіи къ горной рѣчкѣ Ала. 15 Іюля мы прошли до восточной оконечности Медвѣжьяго острова и должны были, по причинѣ густыхъ льдовъ, обождать здѣсь до 18. Въ этотъ день мы пустились дальше на востокъ и здѣсь, у западнаго изъ двухъ мысовъ Дугандя́, къ великому нашему изумленію, въ первый разъ испытали силу морскихъ теченій. Напрасно думалъ я сначала преодолѣть ихъ сильными двѣнадцатью веслами: наперекоръ нашимъ дружнымъ широкимъ взмахамъ, морское теченіе неудержимо, съ яростію горнаго потока отрывало насъ отъ берега, такъ что мы, окруженные ледяными глыбами и сопровождающимъ ихъ туманомъ, считали себя счастливыми, когда опять могли стать на якорь въ виду береговъ, а на ночь укрыться въ Лебяжьей губѣ. Необъяснимое тогда для меня, при одинаковой стремительности, обратное теченіе охватило насъ какъ-бы волшебною силой. На другой день мы снова пустились на востокъ и у самой крайней оконечности восточнаго Дугандя́ опять впали въ бѣду. На этотъ разъ стремительность теченія была въ борьбѣ съ сильнымъ вѣтромъ и мы едва не попали промежду ледяныхъ глыбъ, сильно напиравшихъ другъ на друга и съ громомъ бушевавшихъ. Урокъ былъ грозно поучителенъ. Мы простояли десять дней и выждали, пока ледъ совсѣмъ скрылся изъ вида на сѣверъ за Шантары. Между тѣмъ на сухопутьи ведены были естественно-историческія изслѣдованія, а на челнокѣ осмотрѣны берега на югъ до рѣки Уякóнъ.

30 Іюля мы вышли наконецъ въ море, приставали къ небольшому острову Мутыха́нгда и даже должны были на немъ простоять до 4 Августа. Только этого числа очистилась ото льда дорога въ море и намъ посчастливилось проплыть на парусахъ до острова Большаго Шантара, гдѣ мы пробыли недѣлю. 13 мы оставили его, опять переплыли на Мутыха́нгду, а 17 мой спутникъ Брантъ на нашей байдарѣ отправился обратно въ Удской Острогъ, возвратился оттуда по прежнимъ слѣдамъ въ Якутскъ, куда и прибылъ благополучно въ два мѣсяца, 13 октября. Такимъ образомъ г. Брантъ увелъ съ собой, для возвращенія домой, нашу команду, а естественно-историческія собранія доставилъ въ предѣлы почтовой ѣзды.

Мы между тѣмъ, мой неразлучный Вагановъ и я, продолжали изслѣдовать западный берегъ Тугу́рскаго залива, глубоко вдавшагося въ южномъ направленіи. Мы вдвоемъ плавали вдоль берега въ нашемъ, такъ сказать, отпрыскѣ большой байдары,—въ миніатюрномъ ботикѣ, котораго оставъ сдѣланъ былъ изъ прутьевъ и обтянутъ сшитою воловьею кожей, которую мы взяли съ собой на случай для починки обшивки нашего бывшаго судна. Дня въ три мы достигли въ этой орѣховой скорлупѣ рѣки Уякона и занимались тамъ собираніемъ естественныхъ предметовъ и укладкой до 1 Сентября. Въ этотъ день Вагановъ присоединился къ проходившимъ Тунгусамъ, а я самъ послѣдовалъ нѣсколько дней позже, дождавшись оленей, о которыхъ я договорился еще весною, чтобы про-

ѣхать отсюда вдоль пограничнаго Становаго хребта до Забайкалья и черезъ Нерчинскъ въ Иркутскъ. 7 Сентября сошелся я на устьѣ Тугу́ра съ Вагановымъ, который между тѣмъ осмотрѣлъ полуостровъ Сегнека́ и, на восточномъ берегу его, гавань, послѣ названную Константиновскою.

Покуда наши олени, на устьѣ Тугу́ра, собирались съ силами для дальнѣйшаго путешествія, мы посѣтили, до 21 сентября, хребетъ Урукунду́ на полуостровѣ Сегнека́, заливъ Ульбань, были у живущихъ на рѣкѣ Ульбань Гиляковъ, ѣздили даже дня на два пути дальше ихъ жилищъ, на высоты отроговъ горы Токореу́, которая въ видѣ языка вдается въ такъ называемый мною заливъ Академіи и раздѣляетъ его на двѣ половины: на заливы Ульба́нскій и Усальги́нскій.

Къ сожалѣнію, я не могъ и подумать остаться дольше и принужденъ былъ отказаться отъ нетерпѣливаго желанія достигнуть устья Амура, которое только на три дня пути было разстояніемъ отъ самаго восточнаго предѣла залива Академіи — отъ мыса Умело́нгте на полуостровѣ Муктѐля. Мы должны были позаботиться о возвращеніи, поспѣшили назадъ къ устью Тугура и не откладывая пустились 22 Сентября въ обратный путь, продолжавшійся нѣсколько мѣсяцевъ, по области рѣки Амура.

Вверхъ по Тугуру дорога шла прежде всего на извѣстное въ томъ краю торговое мѣсто — урочище Бурука́нъ, гдѣ мы пробыли отъ 2 до 8 Октября, чтобы сдѣлать поѣздку къ сѣверо-западу оттуда на вершину горы Мунака́. У Бурука́на мы оставили Тугуръ, переѣхали на рѣку Немилѐнъ (впадающую посредствомъ рѣки Амгу́нь уже въ Амуръ) и переправились черезъ нее недалеко отъ урочища Хамыка́нъ, чтобы попасть прямой дорогой на верховья ея притока Керби́, — горной рѣчки, которою намъ должно было слѣдовать до ея истоковъ.

19 октября мы перешли наконецъ черезъ высокій перевалъ огромнаго хребта Буреинскаго, который, простираясь на югъ до Амура, отдѣляетъ истоки рѣкъ Керби́ и Бу́рей. До 31 Октября ѣхали мы вдоль послѣдней внизъ до устья рѣчки Нима́нь, потомъ по этой послѣдней и по притоку ея Кебели вверхъ; затѣмъ мы достигли области рѣки Силимджи и 15 Ноября были при впаденіи въ нее рѣки Инка́нь.

Урочище Инка́нь, какъ торговое мѣсто, пользуется громкою извѣстностью между Тунгусами, Якутами и даже Даурами. Мы пробыли тамъ восемь дней, ожидая условленныхъ подставныхъ оленей, которые и были доставлены во́-время съ замѣчательною точностью.

На сѣверозападъ отсюда, черезъ множество горныхъ ручьевъ, въ три недѣли, 15 Декабря, мы достигли самаго большаго изъ всѣхъ сѣверныхъ притоковъ Амура, рѣки Зеи (или Джи), въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ съ запада рѣка Килѐ (Гилю). Отселѣ мы могли держаться ближе къ Амуру, направляя путь не только на западъ, но мало по малу даже на югозападъ, черезъ Уръ и Ольдо, такъ что 12 числа мы спустились наконецъ на полотно самаго Амура, не вдалекѣ отъ устья Урчи́, и встрѣтившись съ мѣховыми торговцами, съ помощію ихъ лошадей уже 14 Января мы прибыли на

Стрѣлку, гдѣ соединяются Шилка и Аргунь и текутъ далѣе въ одномъ руслѣ подъ именемъ Амура.

Только два дня мы пробыли здѣсь въ козачьемъ постѣ Усть-Стрѣлочномъ, потомъ отправились черезъ гору къ крѣпости Горбицѣ, лежащей выше на Шилкѣ; здѣсь выѣхали на обыкновенныя дороги, по которымъ и отправились сперва въ Кяхту черезъ Нерчинскъ, потомъ по большой дорогѣ въ Иркутскъ и наконецъ въ Петербургъ, куда и прибылъ я съ Брантомъ благополучно 5 Марта 1845 года.

Такимъ образомъ на второй отдѣлъ моего путешествія, считая его продолженіе съ отъѣзда моего изъ Красноярска до возвращенія въ Забайкальскій край, былъ употребленъ, какъ и въ Таймырскомъ краѣ, круглый годъ.

Со включеніемъ остановки, впрочемъ неизбѣжной, въ Иркутскѣ, дорога отъ Красноярска до Якутска взяла мѣсяцъ. Въ Якутскѣ и Амгинскѣ ушло у меня два мѣсяца. Столько-же времени стоилъ переѣздъ на вьючныхъ лошадяхъ по Становому хребту въ Удской острогъ, гдѣ мы пробыли почти три недѣли. Почти три мѣсяца плаванія употреблено на изслѣдованіе Шантарскихъ островов и южныхъ береговъ Охотскаго моря. Въ заключеніе мы должны были употребить еще три мѣсяца на переѣздъ по Амурскому краю.

Такимъ образомъ на каждый изъ двухъ отдѣловъ путешествія употребилъ я по одному году. Больше четырехъ мѣсяцевъ ушло на переѣздъ изъ Петербурга и обратно. При всемъ томъ мое пребываніе въ Сибири принадлежитъ четыремъ годамъ: 1842, 43, 44 и 45.

Цѣлое столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ Лаптеву съ Челюскинымъ, съ невыразимыми трудами и опасностями, хотя при обширныхъ приготовленіяхъ, удалось снять берега Таймыскаго края. Имъ мы обязаны приблизительно вѣрнымъ очеркомъ этого полуострова и его оконечностей. Черезъ сто лѣтъ, какъ сказано, мнѣ досталось пополнить раму, остававшуюся послѣ нихъ пустою. Эта богатая задача могла быть выполнена мною крайне недостаточно, и однако пройдетъ, можетъ быть, еще столѣтіе, прежде нежели другой странствователь рѣшится нарушить тишину этихъ пустынь съ намѣреніемъ пріумножить свѣдѣнія о любопытномъ краѣ, который, оставаясь неприкосновеннымъ отъ торопливаго движенія Европы, считающей свои преобразованія минутами, въ противоположность ей, только изъ вѣка въ вѣкъ пробуждается для насъ отъ своей видимой мертвенности. Оцѣпенѣвъ въ первобытномъ состояніи, этотъ край въ теченіе столѣтій представляетъ въ себѣ живую картину дѣтскаго состоянія человѣческой жизни на земномъ шарѣ.

Такія-же пустыни, но покрытыя лѣсною растительностью и лежащія при доступныхъ моряхъ, подобное и состояніе жителей видѣлъ я въ глуши странъ по Амуру.

Но какая разница произошла тамъ уже въ теченiе какого-нибудь десятилѣтiя! Амурскiй край какъ-бы очнулся отъ волшебнаго сна, продолжавшагося тысящелѣтiя. Пять натуралистовъ прошло тамъ по слѣдамъ моимъ; пушки и бомбы огласили пустынные берега; человѣкъ объявилъ войну не только человѣку, но и природѣ: онъ рыщетъ тамъ по морямъ за китами, истребляетъ первобытные лѣса огнемъ и желѣзомъ, строитъ домы, заводитъ хозяйства. Теперь, когда я только-что начинаю разсказывать видѣнное, оно такъ уже измѣнилось, что и не узнать его въ моихъ разсказахъ, а черезъ два — три десятка лѣтъ мои извѣстiя, вѣроятно, будутъ принадлежать къ древнѣйшимъ сказанiямъ о первобытной жизни рыбаковъ и звѣролововъ въ юной Азiятской странѣ, въ которой тогда Европейское образованiе, въ своемъ новѣйшемъ, Американскомъ покроѣ, достигнетъ уже значительныхъ успѣховъ.

Заканчивая тѣмъ этотъ второй отдѣлъ введенiя къ предлагаемой части сочиненiя, мы перейдемъ теперь къ обозрѣнiю Сибири въ географическомъ, естественно-историческомъ и этнографическомъ отношенiяхъ. Каждому роду предметовъ будетъ посвящено особое отдѣленiе. По самому свойству предметовъ, эти отдѣленiя располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Географiя и Гидрографiя, II. Орографiя и Геогнозiя, III. Климатъ, IV. Ботаника, V. Зоологiя. Все это составитъ содержанiе перваго отдѣла этой части, имѣющаго своимъ предметомъ природу Сибири. Во второмъ отдѣлѣ мы ближе ознакомимся съ Сибирскимъ человѣкомъ.

Какъ я не могъ обѣщать ни ровности обработки, ни полноты объема естествознанiя и этнографiи Сибири, такъ и вышло, что я начинаю книгу такимъ отдѣломъ, для содержанiя котораго я меньше, чѣмъ для другихъ отдѣловъ, могу извлечь приращенiй изъ моихъ дневниковъ непосредственно. Искренно желаю, чтобы кто-либо изъ людей младшаго поколѣнiя съ большею свѣжестью силъ и вообще съ большею словоохотливостью живо взялся овладѣть предлагаемымъ здѣсь матерiаломъ, пополнить его, расширить равномѣрнѣе и округлить. Въ настоящее же время, при изданiи этой книги нельзя и думать объ оконченности предлагаемыхъ ею свѣдѣнiй. Нынѣ, послѣ долгаго застоя, каждая почта привозитъ новость за новостью изъ Сибири, и И. Р. Географическое Общество, слѣдуя современному движенiю, предпочтительно открываетъ свои изданiя для извѣстiй о богатомъ будущностью нашемъ востокѣ. Чѣмъ довольствовались вчера, то далеко остается назади сегодня.

I.

Географія и Гидрографія.

Юны, чрезвычайно юны наши познанія о странѣ, которой мы посвящаемъ здѣсь наше изслѣдованіе. Древніе не имѣли ни малѣйшаго понятія о сѣверной Азіи: на пространствѣ нашей Сибири они воображали Ледовитое море, мнимое соединеніе его съ водами Каспія и переходъ къ знаменитымъ со временъ Александрова похода, морямъ Индійскимъ. Какъ подъ экваторомъ предполагали отсутствіе всякой жизни, такъ и о далекомъ сѣверѣ даже чрезъ средніе вѣка прошло древнее мнѣніе, что тамъ простирается полоса, необитаемая по причинѣ жестокой стужи: Zona ex frigore inhabitabilis: до XIII вѣка, когда Рубруквисъ написалъ: terminus anguli aquilonis ignoratur prae magnis frigoribus, успѣли объяснить только причину полной неизвѣстности этого края.

И Арабамъ сѣверная Азія оставалась неизвѣстною, хотя они не были лишены свѣдѣній о Тибетѣ; съ перваго столѣтія по Р. Х. существовала уже карта этой страны. Даже преждевременно созрѣвшіе Китайцы, съ V вѣка вступившіе въ ближайшія сношенія съ сѣверною Азіей, получившіе изъ этого сосѣдняго края династію Вейи, еще въ XVII вѣкѣ ставятъ Ледовитое море вплоть за великою стѣною.

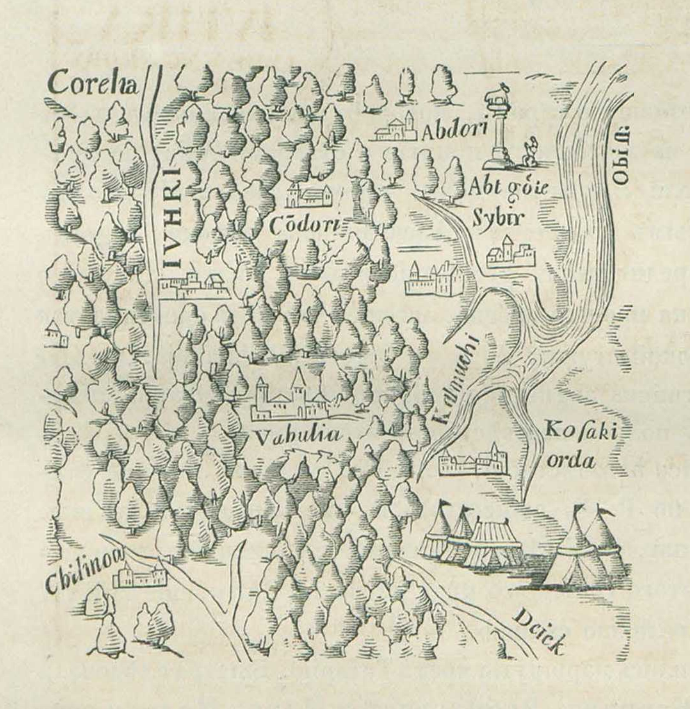
Съ половины XIII вѣка въ Европѣ явились маршруты чрезъ Татарію. Быстро слѣдовали другъ за другомъ Асцелинъ, Плано Карпинъ, Рубруквисъ и Марко Поло, и описаніемъ своихъ путешествій тѣмъ больше пріобрѣтали себѣ послѣдователей, что при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ сухопутный торговый путь въ Китай былъ несравненно доступнѣе нынѣшняго, хотя значительная часть его лежала чрезъ степную возвышенность Гоби [1]). Но бездомныхъ жителей дальнѣйшаго сѣвера не отваживались навѣщать ни торговые люди, ни даже миссіонеры, которыхъ много отправляли Доминиканцы и Францисканцы. И самыя яркія мѣста изъ скудныхъ извѣстій Марко Поло объ этихъ краяхъ оставлялись безъ вниманія и были даже непонятны его современникамъ.

---

[1]) Этимъ путешествіямъ по средней Азіи должно между прочимъ приписать, что на знаменитой Каталанской картѣ 1374 года уже можно узнать озеро Исикуль, какъ упоминаетъ о томъ Гумбольдтъ (Neumann, Zeitschr. f. Allg. Erdkunde 1857, стр. 481).

Приподнять завѣсу, скрывавшую эти страны отъ взоровъ Европы, предоставлено было Россіи. Первыми ея завоеваніями были, какъ извѣстно, пограничные края между обѣими частями свѣта — въ пресловутой Югорской землѣ, которая въ старинныхъ извѣстіяхъ полагается то по сю, то по ту сторону сѣвернаго Урала. Эти пріобрѣтенія, начавшія уже съ 1463 г.[1]), только въ концѣ этого столѣтія распространены и упрочены на низовьяхъ Оби. Но прошло еще полстолѣтія, прежде нежели это расширеніе на сѣверъ Азіи сдѣлалось доступнымъ представленію образованнаго запада Европы посредствомъ перваго его очерка.

Въ извѣстномъ сборникѣ всѣхъ ученыхъ свѣдѣній своего времени о мірѣ, въ полновѣсной «Космографіи» Себастіана Мюнстера, какъ видно, усердно читанной въ своихъ двѣнадцати изданіяхъ въ полстолѣтіе, только въ 1544 году явилась карточка, на которой въ первый разъ Россія представляется отдѣльно [2]). На восточномъ углу этой грубоватой гравюры, мы видимъ и частичку Сибири, съ низовьемъ Оби въ необыкновенномъ обиліи водъ, видимъ и безъименный притокъ ея по направленію рѣки Тавды, которое разительно, хотя, по всей вѣроятности, лишь случайно соотвѣтствуетъ ея изгибу на нынѣшнихъ картахъ. На этой рѣкѣ, или, можетъ быть, на самой Оби, значится древній городъ «Sybir», а дальше, вверхъ по рѣкѣ, стоитъ другой городъ, еще больше, но безъ имени, напоминающій своимъ положеніемъ нынѣшній Пелымскъ. Такъ представляли этотъ край при первомъ началѣ Сибирской картографіи, назадъ тому только три столѣтія.



Откуда взялся этотъ очеркъ, едвали можно разъискать; очевидно впрочемъ, что

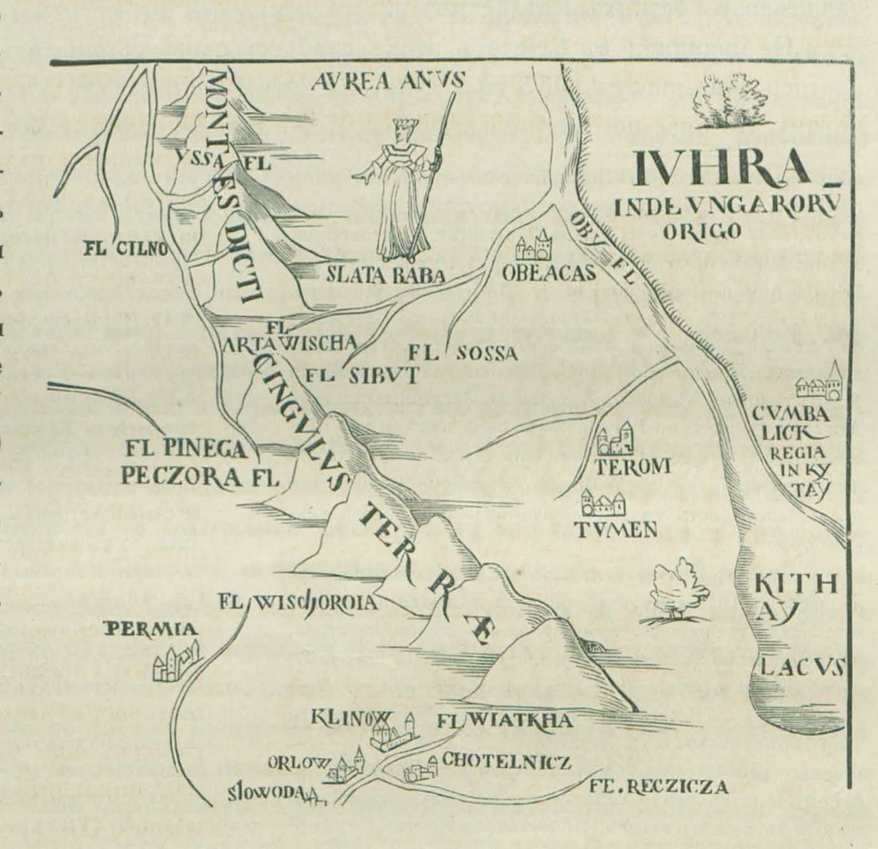
[1]) Lehrberg, Untersuchungen 1816. Стр. 27 и 23.

[2]) Вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ (Asie centrale, 1843. I. стр. 456), мы привыкли считать древнѣйшею картой Россіи явившуюся въ 1546 г. карту Гирсфогеля, или, лучше, Герберштейна: въ этомъ смыслѣ приводилъ позднѣйшее изданіе ея (1550) уже Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. VI. стр. 1). Между тѣмъ до Гумбольдта не дошелъ трудъ Аделунга (Baer und Helmersen, Beiträge, 1841. IV. стр. 1 — 52), въ которомъ есть указаніе на Мюнстера. Внесенная въ нашъ текстъ карточка взята изъ Латинскаго изданія 1552 г. (стр. 910).

Принимая за начальный пунктъ 1544 годъ, мы, конечно, не беремъ въ разсчетъ множества картъ, которыя касались краевъ Россіи и захватывали особенно Черное и Каспійское моря, но въ представленіи дальнѣйшаго сѣвера обходились символическими и другими фигурами. Не надобно забывать, что уже Геродотъ довольно вѣрно показалъ караванные пути отъ

онъ долженъ быть привезенъ кѣмъ-либо изъ путешественниковъ, — торговыхъ людей или искателей счастія: тѣ и другіе, съ конца XV вѣка, стали пріѣзжать въ Россію довольно часто. Впрочемъ рѣка Обь въ первый разъ названа уже въ 1492 году, въ рекомендательномъ письмѣ эрцгерцога Сигизмунда, съ которымъ явился въ Москву Снупсъ. Этому предпріимчивому человѣку не удалось, какъ онъ желалъ, отправиться на Обь: Царь не позволилъ ему ни шагу дальше Москвы[1]).

Можно только съ достовѣрностью утверждать, что этотъ первый очеркъ не принадлежитъ Герберштейну, который издалъ свою карту двумя годами позже, хотя совершилъ свои два путешествія посломъ въ Россію уже въ первой четверти XVI столѣтія (1517 и 1526) и конечно могъ бы подѣлиться свѣдѣніями, еще до изданія своего путешествія, съ своимъ знакомцемъ Мюнстеромъ. Герберштейнъ дѣлаетъ даже маленькій шагъ назадъ: на его картѣ, съ уголка, изображающаго Сибирь, городъ этого имени опять исчезаетъ; за то является у него Уралъ, подъ именемъ пояса земли: Cingulus terrae



Понта во внутреннюю Азію, а Птоломей довольно точно зналъ теченіе Волги: она образуется, по его мнѣнію, изъ слiянія двухъ рѣкъ, такъ что ему не совсѣмъ безвѣстенъ былъ одинъ изъ древнѣйшихъ путей въ Сибирь — рѣка Кама, которую онъ называетъ Rha orientalis. (Сравн. у Аделунга въ вышеозн. изданіи Бэра и Гельмерсена I. стр. 17).

[1]) Карта Себ. Кабота, находящаяся въ Венеціи, простирается уже до Оби: но на какомъ основаніи мы можемъ относить ее къ 1496 году, какъ полагаетъ Аделунгъ? Стало быть, Каботъ побывалъ на Оби раньше 19 года своего возраста? Допустить это нѣтъ никакого повода. Самъ Мюнстеръ (по Нѣм. изд. 1561, стр. 774) сообщаетъ, что извѣстія о Московіи и «другихъ полуночныхъ земляхъ» онъ заимствовалъ преимущественно у докт. Матѳ. Миховейна, у котораго однако нѣтъ карты Россіи. Наконецъ надобно еще указать на свѣдѣнія о Россіи, отобранныя у русскаго толмача Дмитрія Герасимова (Demetrius Erasmius) епископомъ Павломъ Іовіемъ, потому что Мюнстеръ не только прямо упоминаетъ объ Іовіѣ, но иныя свѣдѣнія, напр. о разливѣ Двины и сравненіе ея съ Ниломъ, очевидно, у

или даже mundi, рѣшительно между Европой и Азіей; а имена рѣкъ: Ussa, Wischa (Вишера) Sossa (Сосва) и даже Sczuchogora (Щугоръ) обнаруживаютъ уже ясное понятіе о путяхъ, которые вели тогда въ Сибирь черезъ горы. Въ первый разъ выступаетъ здѣсь Иртышъ и на немъ города Tumen («столица» Tschingi Tura) и Terom (по Лербергу, Верхотурье). Но еще не Иртышъ, а Обь вытекаетъ у Герберштейна изъ огромнаго озера Китая, подъ которымъ разумѣлось, вѣроятно, озеро (Норъ) Дзайсангъ или Зайсанъ, называвшееся у Русскихъ Китайскимъ [1]).

Не принимая въ разсчетъ этихъ слабыхъ первыхъ опытовъ, мы считаемъ начало картографіи лишь съ 1555 года [2]), когда карту Россіи издалъ Антонъ Видъ въ Данцигѣ, потому что она, по свидѣтельству Витзена [3]), заключала въ себѣ часть Сибири и Татаріи,

---

него заимствовалъ. Іовій прямо говоритъ о намѣреніи приложить къ своему трактату карту: Regionis primo situs ... in tabula typis excusa figurabitur. (Herberstein, Rerum Moscoviticarum hist. 1571 стр. 158; ср. Adelung, kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland, 1846 I. стр. 187 и Hamel Tradescant въ Recueil des Actes de l'Acad. de St. Pétersb. 1845 стр. 120 прим.). Легко могло быть, что карта была приготовлена, но не издана, и Мюнстеръ послѣ воспользовался ей. Знаменитый идолъ Aurea anus, или по-Русски Zlata baba подъ этимъ именемъ встрѣчается уже въ сочиненіи Мѣховскаго 1518: Tractatus de duabus Sarmatiis. Его Descriptio Sarmatiarum въ сущности есть только другое изданіе вышеозначеннаго трактата.

[1]) Карта Герберштейна, изданная Гирсфогелемъ, явилась въ 1546 году, за три года до изданія Герберштейнова путешествія, изъ котораго особенно на стран. 89 (по изданію: Moscowiter wunderbare Historien, 1567) видно, что онъ уже хорошо зналъ пути въ Сибирь.

Лербергъ (Untersuchungen, стр. 40), желая найдти Герберштейновыхъ Grustinzi на р. Томи, естественно расположенъ былъ допустить, что Герберштейнъ подъ верховьями своей Oby разумѣлъ настоящую Обь, а не Иртышъ. Но въ такомъ случаѣ Герберштейново Китай-озеро можно принимать только за Телецкое озеро. Но это, мнѣ кажется, мало вѣроятнымъ по незначительности этого небольшаго нагорнаго озера, изъ котораго притомъ Обь не вытекаетъ. Больше пяти мѣсяцевъ употребляли на переѣздъ отъ устья Иртыша до озера Китая, и «отъ этого озера пріѣз-«жаетъ много черныхъ людей .... они привозятъ съ со-«бой много рѣдкихъ товаровъ, преимущественно бисеръ «и драгоцѣнные камни.» Рѣчь была о пути во внутреннюю Азію.

[2]) Библіографическія свѣдѣнія о Сибирской картографіи и ея литературѣ собраны въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

1) Müller, Nachricht von Land- und Seekarten, die das Russische Reich und die nächst angrenzenden Länder betreffen. 1761. (Въ Samml. Russ. Gesch. VI, стр. 1.).

2) Adelung, Ueber die ältesten ausländischen Karten von Russland bis 1700. 1841 (Въ Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, IV стр. 1.).

3) Спасскій, Списокъ съ чертежа Сибирскія Земли. 1849. (Во Временникѣ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, III, стр. VIII и слѣд.).

4) Stuckenberg, Versuch eines Quellen-Anzeigers des Russischen Reiches, 1849. I и Kartographie des Russischen Reiches; Supplement. 1849.

5) Въ Сѣверной Пчелѣ 1849 № 266, стр. 1063, сообщено извѣстіе о собраніи картъ Сибири, которое кто-то изготовилъ въ 1843 году, имѣя преимущественно въ виду перемѣны въ политическомъ дѣленіи этой страны.

6) Перевощиковъ, въ «Каталогѣ географическихъ картъ Россіи», 1856, (въ Вѣстникѣ Имп. Русск. Географическаго Общества) сообщилъ перечень географическихъ картъ XVIII столѣтія, найденныхъ имъ въ Академической библіотекѣ, съ сравнительною ихъ оцѣнкой.

Къ сожалѣнію, этотъ перечень, сверхъ всякаго ожиданія, оказался скуднымъ, потому что богатство Академіи картами XVIII вѣка только въ слѣдующемъ году разобрано изъ кучи разныхъ изданій, которыми мало по малу загромождено было все пространство книжнаго магазина Академіи. Изъ этого собранія я пересмотрѣлъ до 250 листовъ, относящихся къ Сибири, и въ продолженіи этого сочиненія буду при случаѣ упоминать о томъ, что казалось мнѣ въ нихъ особенно замѣчательнымъ. Это собраніе, оставшееся въ наслѣдство Академіи отъ ея Географическаго Департамента, существовавшаго въ прошломъ столѣтіи, содержитъ въ себѣ много весьма важныхъ оригиналовъ картъ, какъ напр. первую карту Камчатки, карту Беринговой экспедиціи, карты служившія основаніемъ при разныхъ договорахъ о границахъ и т. п.

[3]) Nord en Oost Tartarye, 1692. Предисловіе, стр. 4. Ср. Прим. 2 на стр. 36 этой части нашего сочиненія. Витзенъ упоминаетъ вмѣстѣ и объ Англійской картѣ, въ-слѣдъ затѣмъ явившейся, и о картѣ, составленной по

и имѣла притомъ не только Латинскія, но именно и Русскія названія. Къ сожалѣнію, этой карты, кажется, уже нигдѣ нельзя найдти. Такъ скоро истирались въ то время печатныя изданія.

1555 выставляемъ мы тѣмъ рѣшительнѣе, что въ этотъ годъ обладатель Сибири, Едигеръ, прислалъ въ Москву пословъ съ предложеніемъ подданства своей страны царю Іоанну Васильевичу, такъ что отнынѣ на повелителя Россіи перешелъ титулъ Повелителя Сибирской земли, а въ предыдущемъ году возвратился домой изъ Москвы, вокругъ Нордкапа, основатель торговыхъ сношеній Англійской компаніи Кабота съ Россіей, Чанслеръ. Съ тѣхъ поръ корабль за кораблемъ стремились въ Бѣлое море. Черезъ три года (1557) въ первый разъ въ Москвѣ явился агентъ компаніи, извѣстный Дженкинсонъ, далеко проникалъ внутрь Россіи, ѣздилъ даже за границы ея до Бухары, по Каспійскому морю[1]). Кромѣ этого перваго путешествія, онъ еще четыре раза пріѣзжалъ въ Россію и послѣ десятилѣтняго своего знакомства съ царемъ Іоанномъ исходатайствовалъ у него своему торговому обществу привилегію, которая впрочемъ только десять лѣтъ оставалась безспорною, а потомъ (1577) была вытѣснена изъ сѣверной торговли Голландцами, которые все съ возрастающимъ успѣхомъ соперничали съ Англичанами.

Мы видимъ здѣсь, въ какой мѣрѣ Европа около того времени должна была почувствовать настоятельную нужду въ точныхъ свѣдѣніяхъ о Россіи и сколько представлялось случаевъ пополнить скудость первыхъ извѣстій о Сибири. Но матеріальныя выгоды поглощали всѣ другіе интересы, и хотя карты Россіи со включеніемъ Сибири слѣдовали однѣ за другими, однако въ изображеніи послѣдней въ продолженіи 130 лѣтъ всѣ оставались при старомъ, почти безъ перемѣны, пока въ 1687 году не явилась наконецъ карта Витзена[2]), которою начинается новый отдѣлъ Сибирской картографіи. Конечно, она явилась черезъ столѣтіе послѣ того, какъ въ Сибирь проникъ Ермакъ (1581), и смѣлые Сибирскіе козаки, не находя преграды въ большихъ хребтахъ горъ и перебираясь съ одной рѣки на другую по безпредѣльнымъ лѣсамъ первобытнымъ, открыли своими завоеваніями больше $\frac{1}{4}$ земной окружности. При всемъ томъ карта Витзена была первая посвящена по преимуществу Сибири, хотя она еще далеко не такъ богата данными, какъ текстъ этого неутомимаго собирателя всѣхъ извѣстій о Россіи, особенно о Сибири съ сосѣдними ей странами.

повелѣнію Михаила Ѳеодоровича, вѣроятно той самой, которая позднѣе издана съ именемъ Бориса Годунова.

Объ Ант. Видѣ мы считаемъ у Мюнстера (Cosmographia, 1552, стр. 913), что онъ былъ Литвинъ и что при составленіи карты Россіи ему оказывалъ значительную помощь Иванъ Яцкій, бывшій Московскій бояринъ, перебѣжавшій въ Польшу къ Сигизмунду.

[1]) Но карта Дженкинсона, изданная въ 1562 г. и перешедшая во всѣ атласы этого и слѣдующаго столѣтія, не коснулась Сибири и для насъ замѣчательна только тѣмъ, что здѣсь рѣка Сыръ, протянутая по всей картѣ и принимающая въ себя рѣку Амовъ, доведена до Герберштейнова Китай-озера, которое поэтому принято, по ошибкѣ, за Аральское море.

[2]) Nieuwe Land-Karte van het Norder en Ooster Deel van Asia en Europa. Amsterdam 1687. Сообщенная нами выше (стр. 30) первая карта изъ Космографіи даже лѣтъ двѣсти оставалась безъ перемѣны, тогда какъ многія другія карты этого сочиненія мало по малу значительно улучшались.

Всматриваясь въ карту Витзена строже и сравнивая ее съ текстомъ его знаменитаго сочиненія, мы скоро придемъ къ убѣжденію, что эта карта положена на бумагу не по соображенію только извѣстій о направленіяхъ и разстояніяхъ, но, по крайней мѣрѣ отчасти, заимствована съ Русскихъ оригинальныхъ чертежей, которые этотъ любознательный изыскатель умѣлъ достать себѣ изъ Москвы.

Но куда дѣвались эти оригиналы? Имѣемъ ли мы объ нихъ какое нибудь свѣдѣніе?

При изслѣдованіи этихъ вопросовъ мое вниманіе остановилось на замѣчательномъ сходствѣ судьбы картографіи Сибири съ судьбою картографіи Европейской Россіи.

Извѣстно, что первая спеціальная карта Европейской Россіи, составленіе которой относятъ къ концу XVI столѣтія, такъ-называемый «Большой Чертежъ» безъ слѣда изчезъ со всѣми своими списками. До насъ дошло только описаніе, или, лучше, выписка изъ этого чертежа [1]). Но объ этомъ «Большомъ Чертежѣ» мы имѣемъ свѣдѣніе уже съ прошлаго столѣтія; а о «Чертежѣ Сибирскомъ» мы узнали только восемь лѣтъ назадъ по рукописи, изданной г. Спасскимъ [2]): это также только выпись изъ него, сдѣланная въ 1672 году; а самого «Чертежа» этого точно также нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Итакъ оба чертежа утрачены, и только выписки изъ нихъ дошли до нашего времени. Къ этому сходству въ судьбѣ ихъ прибавимъ, что отъ обоихъ сохранились сокращенныя передѣлки въ видѣ полуоффиціальнаго и достигшаго печати свода рукописныхъ подробныхъ картъ; потому что, очевидно, съ «Большаго Чертежа» взята была карта Европейской Россіи, составленная по повелѣнію Бориса Годунова и изданная Герардомъ [3]); точно также и Витзенъ, по моему уже несомнѣнному убѣжденію, начертилъ свою карту на основаніи «Сибирскаго Чертежа». Такъ какъ онъ посвятилъ ее Петру Великому и получилъ отъ него собственноручное письмо и особенную привилегію на свою карту, то и ее, какъ вышеупомянутую, можно признать полуоффиціальною.

Изъ Сибирской Лѣтописи извѣстно, что въ концѣ XVII вѣка составленіемъ чертежа Сибири занимался Ремезовъ; но и его труды, въ-слѣдъ за историками, писавшими о Сибири и о самомъ Ремезовѣ, считались утраченными. Къ счастію, этого съ ними на самомъ дѣлѣ не случилось.

---

[1]) Эта тщательная выпись изъ древнѣйшаго документа по спеціально-русской географіи — изъ «Книги глаголемой Большой Чертежъ», сдѣлана, какъ извѣстно въ 1627 году, по повелѣнію царя Михаила Феодоровича, и притомъ изготовлена въ нѣсколькихъ спискахъ (Ср. Языкова, Книга Большому Чертежу, 1838; Спасскаго, Книга глаголемая Большой Чертежъ, 1846), а напечатана въ первый разъ Новиковымъ въ 1773 году. Тщетно старались до сихъ поръ отыскать самый Чертежъ: какъ оригиналъ, совсѣмъ разваливавшійся уже при составленіи выписки, такъ и его копія 1627 года исчезли. Штукенбергъ (Quellen-Anzeiger стр. 9) изъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ источника сообщаетъ, что въ 1680 г. царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ сдѣлать еще два списка съ Большаго Чертежа, которыхъ также нигдѣ уже не оказывается.

[2]) «Списокъ съ Чертежа Сибирскія земли» ср. Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, 1849 III. стр. VI.

[3]) Я разумѣю Tabula Rossiae, ex autographo quod delineandum curavit Feodor, filius Tzaris Boris, desumta etc. ab. Hesselo Gerardo, 1614. Она была составлена еще въ концѣ XVI столѣтія, но напечатана только черезъ 15 лѣтъ, по причинѣ смутъ, задерживавшихъ тогда развитіе Россіи.

Уже въ 1842 году г. Востоковъ, въ своемъ «Описаніи Рук. Румянцовскаго Музеума»[1]), сообщилъ предисловіе къ атласу и краткое библіографическое описаніе его, изъ котораго видно, что въ этой рукописи мы имѣемъ самый оригиналъ Ремезова. И Штукенбергъ, впослѣдствіи, также въ качествѣ библіотекаря, перерывшій это книгохранилище, упоминаетъ объ атласѣ Ремезова[2]).

Какъ историческая важность этой находки не была оцѣнена, такъ и съ библіографической стороны она не достаточно разсмотрѣна, потому что не была понята общая связь обѣихъ сторонъ. По этому я не преминулъ подвергнуть карты Ремезова подробному пересмотру[3]) и нашелъ въ нихъ библіографическое сокровище, незамѣнимое основаніе для изслѣдованій объ исторіи Сибири. Я зашелъ бы слишкомъ далеко, еслибы сталъ говорить съ нѣкоторой обстоятельностью о каждой картѣ атласа, состоящаго изъ 24 большихъ листовъ[4]), наполненныхъ топографическими подробностями. Надѣясь воспосреди-

---

[1]) Описаніе Русскихъ и Словенскихъ Рукописей Румянцовскаго Музеума 1842, стр. 483.

[2]) Versuch eines Quellen-Anzeigers des Russischen Reiches, 1849 стр. 47, № 395. Можно подумать, что въ Румянцовскомъ Музеумѣ была еще другая карта Сибири, которую Штукенбергъ поставилъ подъ № 394. Но другой такой карты нѣтъ въ Румянцовской библіотекѣ и, кажется, надобно полагать, что въ старомъ рукописномъ каталогѣ Румянцовскаго Музеума одна и таже рукопись, по недосмотру, значилась дважды.

[3]) Ср. мое «Письмо» въ Вѣстникѣ И. Р. Геогр. Общ. за 1857 годъ, кн. VI.

[4]) Каждая карта этого атласа, съ заглавіемъ: «Чертежная книга.... всей Сибири», имѣетъ $24^1/_2$ дюйма ширины и 17 длины.

Дадимъ здѣсь мѣсто обзору содержанія Ремезовскаго атласа. Двадцать листовъ представляютъ окрестности и уѣзды столькихъ же Сибирскихъ городовъ и такимъ образомъ обнимаютъ всю Сибирь, со включеніемъ всего теченія Амура и Китайской Манджуріи до стѣны. За тѣмъ слѣдуетъ сборная карта (№ 21) для общаго обзора всей Сибири въ совокупности; а на послѣднемъ листѣ показаны разными и яркими красками мѣста жительства инородческихъ племенъ Сибири: эта карта, какъ первый опытъ въ небольшомъ числѣ этнографическихъ картъ этой страны, имѣетъ особенный интересъ, тѣмъ болѣе, что Ремезовъ прямо говоритъ, что эта карта была начерчена уже 8 іюня 1673 года, и ссылается на ручательство сибирскаго митрополита Корнилія въ томъ, что онъ «допрашивалъ людей пословно и хлѣбосолно». Первый листъ представляетъ планъ Тобольска, составленный, по словамъ самого Ремезова, въ 1701 году, но уже въ девятый разъ съ 1683 года, когда онъ въ первый разъ положенъ былъ на бумагу. Наконецъ 22-й листъ содержитъ чертежъ «Велико-Пермской страны» или даже цѣлую Россію до Уральскаго хребта, отъ Ледовитаго моря до Самары включительно, а къ западу со включеніемъ Москвы, до Скандинавскихъ границъ, которыя проведены въ линію. Изъ предисловія видно, что этотъ листъ изъ числа тѣхъ, которые черчены самимъ Ремезовымъ.

Судя по разбивкѣ картъ по городамъ съ ихъ округами, можно бы предполагать, что большая общая карта, за которую Ремезовъ получилъ награду, была сложена изъ отдѣльныхъ картъ въ томъ видѣ, какъ мы исчислили ихъ, а въ форму атласа онѣ приведены только для удобства ихъ употребленія или, какъ говоритъ Ремезовъ, ради повреждения. Между тѣмъ величина всѣхъ отдѣльныхъ картъ въ совокупности не сходится съ величиной общей карты, если даже сложимъ, вмѣсто всѣхъ 24, только 20 листовъ этого атласа. Размѣръ общей карты выходилъ, по его разсчету, больше, вѣроятно, по причинѣ широкихъ полей съ ихъ украшеніями, какъ въ Предисловіи предлежащаго намъ экземпляра. При всемъ томъ уменьшенія размѣра отдѣльныхъ картъ при составленіи общей нельзя отвергать совершенно, потому что едвали можно иначе понимать слова самого Ремезова на картѣ Тобольскаго округа: «*и сей на бумагѣ* «*чертежъ имже Семеномъ с дѣтми написанъ .... про-* «*тивъ прежняго на примѣръ*, и на общей картѣ: «*снявши преводы .... вмѣстилъ подобно сему образ-* «*цу бумажному чертежу*». Уменьшеніе двухъ первоначальныхъ чертежей, представлявшихъ Тобольскій округъ и Киргизскую степь, безъ того не подлежитъ сомнѣнію. потому что каждый изъ нихъ былъ, по словамъ Ремезова, въ 7 футовъ длины и въ $4^2/_3$ фута ширины.

Непосредственнымъ виновникомъ той ревности, съ какою Сибирь заносилась на карту, какъ кажется, былъ особенный покровитель Ремезова, думный дьякъ Сибирскаго приказа въ Москвѣ Андрей Андреевичъ

ваться ими тамъ или индѣ въ-продолженіи моего сочиненія, я ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, что «Сибирскій Чертежъ» Ремезова содержитъ въ себѣ несравненно больше, чѣмъ представляетъ на первый взглядъ, что онъ можетъ вознаграждать для насъ въ большей части утрату перваго «Сибирскаго Чертежа» и отчасти возстановлять даже «Большой Чертежъ», или по крайней мѣрѣ доставить наилучшее основаніе для такого возстановленія; такъ какъ нынѣ, Императорское Русское Географическое Общество, отказавшись отъ надежды открыть хотябы копію «Большаго Чертежа», назначило премію за составленіе карты на основаніи сохранившейся изъ него выписки [1]).

А что первый «Сибирскій Чертежъ» отнынѣ потерянъ для насъ по высшей мѣрѣ только въ библіографичесломъ смыслѣ, а отнюдь не по содержанію, это видно изъ того, что хотя Ремезовъ окончилъ весь свой Сибирскій чертежъ не раньше 1 Января 1701 года, но отдѣльные листы своего отласа онъ обработывалъ въ разныя времена. Въ своемъ предисловіи онъ сообщаетъ, что только 7 листовъ имъ вновь начерчены по собственной его съемкѣ и разспросамъ «вѣдомцевъ и старожиловъ» всякаго званія и разныхъ языковъ; остальные же 17 сняты имъ съ прежнихъ чертежей, съ давнихъ лѣтъ хранившихся въ Москвѣ: они только приведены имъ къ одному маштабу [2]). У Ремезова мы находимъ также подтвержденіе уже Витзеномъ сообщеннаго свѣдѣнія о томъ, что первый чертежъ Сибири изготовленъ въ $166^7/_8$, стало-быть нѣсколько лѣтъ раньше, чѣмъ могли мы думать доселѣ вмѣстѣ съ г. Спасскимъ [3]); все-же это составляетъ только

Виніусъ. Содѣйствіе этого сановника Витзену въ составленіи его карты выставлялъ уже Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. I, стр. 202). Когда составленіе Перваго Сибирскаго Чертежа, безъ сомнѣнія въ-слѣдствіе извѣстнаго боярскаго приговора подъ предсѣдательствомъ Рѣпнина (Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. III, № 1532), было окончено, тогда начались работы надъ картами Сибири и продолжались, какъ пишетъ Ремезовъ, почти годъ за годъ съ неутомимымъ прилежаніемъ, именно: въ 1667 и 1668; потомъ въ $168^3/_4$ и $168^6/_7$ и съ $168^8/_9$ до $169^4/_5$ сряду. Это происходило не только въ Тобольскѣ, но и во всѣхъ большихъ, особенно сѣверныхъ городахъ («*низовыхъ городовъ... городовые чертежи*», и въ другомъ мѣстѣ: «*выбрать с привезенныхъ к Москвѣ со всѣхъ Сибирскихъ городовъ чертежей писанныхъ по парчамъ, на одномъ полотне вмѣстить*»). Въ надписи на картѣ Енисейскаго округа значится, что она начерчена въ $169^6/_7$ въ Енисейскѣ подъ начальствомъ стольника и воеводы Михаила Игнатьева Корсакова.

Согласно съ сказаннымъ здѣсь надобно исправить то, что говорятъ о Ремезовѣ Словцовъ (Историческое Обозрѣніе Сибири I, стр. 196 и 320) и Спасскій (Временникъ Моск. Общ. Исторіи и Др. 1849. III, стр. VI). Свѣдѣнія о Ремезовѣ и его трехъ сыновьяхъ, изъ которыхъ онъ называетъ своего соименника Сеньку, изложена въ Сибирскомъ Вѣстникѣ V, стр. 3. Это тотъ самый Ремезовъ, которому мы обязаны Сибирскою Лѣтописью.

[1]) Такую карту Сибири, составленную по «Книгѣ Большому Чертежу» и представляющую Сибирь въ томъ видѣ, въ какомъ она была во время завоеванія ея Ермакомъ, Небольсинъ внесъ въ Императ. Русское Географическое Общество (см. Извѣстія И. Р. Геогр. Общ. 1848, стр. 121).

[2]) «Все вышеписанные Сибирскіе городовые чертежи в меру убравши», говорится въ надписи на общей картѣ всей Сибири (№ 21).

[3]) Ремезовъ говоритъ: «Также и второе лѣто $166^7/_8$ «повелено въ Тобольску, по грамотѣ Великаго Государя «всю Сибирскую землю описать, грани земель и жилищъ, «межи, рѣки и урочища, и всему учинити чертежъ и «се первое чертежное описаніе Сибири отъ древнихъ «писателей и сему чертежъ учиниша, и печати предаша и посему отчасти Сибирь означися, и о семъ тогда «всѣмъ Сибирскимъ жителямъ первое внове Сибирскій «чертежъ в великое удивленіе, яко много лѣтъ при житіи ихъ проидоша и недовѣдомы орды сосѣдъ жилище и «урочище бѣша. По семъ древле невѣріемъ слуха одержима бѣша; еже и мало проходно быша, еже нынѣшное «урочище пять поприщь имуще, они же тогда сто верстъ «мнѣша, а идеже день ходу ту имъ недѣля ѣзду, и тогда «имъ сосѣдъ жилища и урочища отчасти открыся, зане «в вопросахъ неискусна бѣша, и с таковаго времени со «$166^7/_8$ по нынѣшній 1701-й годъ». Витзенъ (Изданіе 1692. Предисловіе и стр. 537) подтверждаетъ, что по

Чертежъ всѣхъ Сибирскихъ градовъ и земель

Къ стр. 37 путешествія Миддендорфа.

Общая карта Сибири, изъ Атласа Ремезова.



Сокращенія: в. волость; г. градъ; ж. живутъ; з. зимовье; к. камень; м. монастырь; о. озеро, островъ, острогъ; п. погость; с. село, слобода; ю. юрты.

пять лѣтъ разстоянія отъ года обработки самаго старшаго листа Ремезовскаго атласа и около 32 лѣтъ отъ окончанія всего атласа. Для выполненія этого труда ему, конечно, много нужно было времени. Онъ самъ сообщаетъ, что уже въ Сентябрѣ 1695 года представлялъ онъ свою карту въ Сибирскій Приказъ въ Москвѣ и получилъ оттуда одобрительное письмо, въ которомъ его карта была признана отличною предъ всѣми прочими по «полнотѣ и мастерскому начертанію». Въ-слѣдствіе того онъ получилъ почетное приказаніе свести въ одинъ листъ всѣ присылаемыя карты Сибири, что онъ и исполнилъ въ двухъ экземплярахъ, на большихъ Александрійскихъ хлопчато-бумажныхъ листахъ, по 14 футовъ длины при $9\frac{1}{3}$ ф. ширины каждый; и этотъ трудъ найденъ столь удовлетворительнымъ, что въ Ноябрѣ 1698 г. Ремезовъ имѣлъ счастіе быть представленнымъ Великому Государю и получить отъ него пять рублей награжденія. Другія, улучшенныя копіи этой карты, какъ напр. дошедшій до насъ атласъ, занимали его, какъ видно, до 1701 года[1]).

А что онъ прежде много лѣтъ работалъ надъ пополненіемъ отдѣльныхъ листовъ, вошедшихъ потомъ въ составъ его большой специальной карты, — это болѣе, чѣмъ вѣроятно; да и самъ онъ говоритъ, что съ Апрѣля 1696 года онъ объѣзжалъ изображаемыя имъ мѣста и до Сентября 1697 года въ первый разъ положилъ на бумагу Киргизскія степи до Алтая и потомъ Тобольскій округъ. Но для насъ здѣсь всего важнѣе свидѣтельство Ремезова о томъ, что онъ большею частію только пополнялъ пробѣлы перваго Сибирскаго Чертежа, добавляя его подробностями, «кои въ прежнихъ чертежахъ издавна не написаны».

Однимъ словомъ, атласъ Ремезова можно считать исправленнымъ и пополненнымъ изданіемъ перваго Сибирскаго Чертежа; а это важно особенно потому, что не только самъ этотъ Чертежъ, но и всѣ экземпляры, безъ сомнѣнія, съ него вырѣзанной и отпечатанной копіи (см. выше, стр. 36 конецъ прим. 3) безъ слѣда погибли.

Сколько изъ нашего экземпляра Ремезовскаго атласа почерпнуто было для позднѣйшихъ пополненій Витзеновой карты Сибири, видно изъ приписки на немъ Голландскаго перевода всѣхъ Русскихъ названій; а замѣчаніе, сдѣланное для поправки одного мѣста, показываетъ, что переводчикъ былъ человѣкъ довольно свѣдущій въ географіи Сибири[2]). Вѣроятно, тутъ опять былъ въ дѣлѣ Витзенъ. Какъ бургомистръ города

указу Алексѣя Михайловича, данному 1667, въ Москвѣ отпечатана вырѣзанная на деревѣ карта Сибири, составленная по распоряженію Тобольскаго воеводы Петра Годунова. Очевидно, объ этой самой картѣ говоритъ здѣсь Ремезовъ. Мюллеръ Грейфенгагіусъ (Andreae Mulleri Greiffenhagii Opuscula nonnulla orientalia, 1695. In Imperii Sinici Nomenclatorem praefatio, стр. 1) также свидѣтельствуетъ: Russicam et ipse vidi tabulam, nempe Siberiae, literis Moscoviticis descriptam et ligno expressam. Eiusdemque apographum penes me adhuc est.

[1]) Общая карта Сибири изъ атласа Ремезова снята, съ уменьшеніемъ размѣра въ четыре раза, на прилагаемомъ здѣсь листѣ.

[2]) «Den auteur doet alhier een misgreep», справедливо замѣчено на краю карты Якутскаго округа, «stelt de «Revier Jana weeder opde Penzinse zyde» и пр.

Переводчикъ ссылается также на «особое извѣстіе», т. е. на пояснительный текстъ, который, очевидно, служилъ для поясненія множества чиселъ, внесенныхъ въ карту ея составителемъ. Текстъ этотъ, вѣроятно, называвшійся также Спискомъ, къ сожалѣнію, также, кажется, утратился.

Амстердама, онъ былъ учителемъ Петра и тѣмъ легче, конечно, могъ имѣть доступъ къ Русскимъ архивамъ.

А какъ наивно однако это дѣтское состояніе нашей картографіи! Неудивительно, конечно, если здѣсь о широтѣ и долготѣ нѣтъ и помину, и если размѣръ мѣньше-извѣстныхъ и меньше-обитаемыхъ сѣвернѣйшихъ странъ тѣмъ короче, чѣмъ ближе онѣ къ Ледовитому морю; неудивительно также, что рѣки здѣсь проложены толщиною въ мизинецъ, а озера являются, по произволу, то въ видѣ полумѣсяца, то полнаго мѣсяца, или даже въ видѣ цвѣтка, а въ идеальномъ изображеніи неправильности своихъ очертаній по высшей мѣрѣ достигаютъ формы картофеля; города въ своихъ изящныхъ символическихъ знакахъ занимаютъ по нѣскольку десятковъ квадратныхъ миль; въ иныхъ мѣстахъ, по тогдашнему обычаю, плотно наставлены раскрашенныя деревья и звѣри для обозначенія лѣсовъ, кустарниковъ и пушныхъ звѣрей; сѣверъ полагается не по Греческому обычаю, усвоенному нынѣ въ видѣ общаго правила, а по хранившемуся до XVI вѣка Арабскому, внизу листа, или даже его положеніе измѣняется по произволу. Но всего наивнѣе передана граница всей Сибири, омываемая моремъ: очертаніе страны приноравляется здѣсь къ рамкѣ самой карты! Это ужъ, конечно, ниже, чѣмъ было на картахъ въ западной Европѣ въ XIV столѣтіи, когда части свѣта обводились прямолинейными же границами, но по особеннымъ причинамъ и съ полнымъ ихъ сознаніемъ, именно потому, что шарообразный видъ земли по системѣ Птоломея казался несогласнымъ съ нѣкоторыми мѣстами священнаго писанія. Въ начертаніи береговъ Ремезовъ шелъ вдоль горизонтальнаго края листа, пока не встрѣтился на правомъ концѣ его съ другимъ краемъ въ перпендикулярномъ направленіи, по которому онъ и поворотилъ подъ прямымъ угломъ и продолжалъ идти до новой встрѣчи съ горизонтальной линіей третьей стороны листа. Отъ того-то и на древнѣйшихъ картахъ Витзена и Избранта Идеса, какъ заимствованныхъ у нашего Ремезова, Сибирь имѣетъ видъ прямоугольнаго квадрата, который позднѣе перешелъ въ трапецію, когда эти очертанія были съ строгою точностью перенесены въ сѣть градусовъ долготы, постепенно съуживающуюся къ полюсу [1]).

Не смотря на всю чудовищность, эти первыя карты, какъ западная Европа, такъ особенно Россія должна была принять съ рѣшительною благодарностью. Онѣ возникли изъ настоятельной нужды центральнаго управленія въ Москвѣ, которое до сихъ поръ распоряжалось ощупью: на первый разъ онѣ достаточно удовлетворяли его потребностямъ. Съ помощью ихъ можно было съ приблизительною вѣрностью представить себѣ положеніе извѣстнѣйшихъ областей по странамъ свѣта, которыя обозначены на нихъ магнитною стрѣлкой. Вездѣ также показаны разстоянія мѣстъ, исчисляемыя днями пути, а около Тобольска даже верстами [2]). Начало было сдѣлано. Съ тѣхъ поръ правительство, получая

---

[1]) Сравни напр.: Generalis Totius Imperii Moscovitici Novissima Tabula, ex conatibus Johannis Baptistae Homanni.

[2]) Ремезовъ, кажется, не мало гордится тѣмъ, что на нѣкоторыхъ своихъ картахъ могъ поставить магнитную стрѣлку: «по компасу . . . церкольнымъ размѣромъ», говоритъ онъ съ достоинствомъ. Показывая разстоянія днями пути, онъ дѣлаетъ различія между «днями пеше- «во ходу сухимъ путемъ и конми и водянымъ путемъ лег- «кими стругами и в молчаніи среднимъ и тяжелымъ хо- «домъ». Совершенно добросовѣстно онъ различаетъ так-

изъ своихъ областей донесенія, могло уже съ предварительнымъ разсчетомъ распоряжаться разсылкою своихъ указовъ, а это было для него, конечно, важнѣе точнаго опредѣленія градусовъ долготы и широты.

Держась этой точки зрѣнія, и мы не затрудняемся принять изготовленіе этой первой спеціальной карты точкою поворота, которая имѣла существенное вліяніе на улучшеніе состоянія всего края и которой потому суждено привлекать къ себѣ вниманіе не однихъ любителей старины. Точность, съ какою Ремезовъ положилъ на бумагу населеннѣйшую окружность Тобольска и въ томъ числѣ даже многіе рукава рѣки Оби, тщательность, съ какою показаны у него поселенія по Енисею, его изображеніе Амурскаго края и тогдашняго этнографическаго положенія Сибири — все это даетъ его атласу болѣе значенія, чѣмъ какой-нибудь археографической рѣдкости. Скажемъ больше: изъ него, какъ и нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ трудовъ этого рода, можно почерпать кое-что для улучшенія даже новѣйшихъ картъ Россіи [1]). При всей грубости и скудости этихъ первыхъ спеціальныхъ картъ, ими начался новый періодъ управленія Россіей — Европейскою Россіей, какъ мы видѣли, съ конца XVI столѣтія, а Сибирью со второй трети XVII, стало-быть, тремя четвертями столѣтія позже.

Было бы впрочемъ неосновательно допустить, какъ замѣтно предполагается въ иныхъ сочиненіяхъ, что до изготовленія разсматриваемаго атласа въ Россіи вовсе не было подобныхъ чертежей. И здѣсь, конечно, предшествовали этому обширному труду какіе-нибудь грубые очерки той или другой дороги или морскаго берега, какъ это находимъ у нѣкоторыхъ, даже вовсе не знавшихъ письма, народовъ.

Въ началѣ XVIII столѣтія матеріалъ для географіи Сибири, конечно, долго еще состоялъ по преимуществу изъ кучи разныхъ извѣстій, какія со времени покоренія

же, когда въ своемъ «милліаріи розмерѣ» показываетъ разстояніе на версты приблизительно, или по точному измѣренію. напр. «С—усть Ишиму внизъ по Иртышу по«перешникъ тобольскому чертежу по смете до Тоболь«ска 135 верстъ; отъ Тобольска до Демьянскаго яму по «мере 152 версты 800 саженъ». Тогда въ Сибири были вымѣрены разстоянія, очевидно, только тѣхъ дорогъ, по которымъ много было ѣзды, какъ за сто лѣтъ до того въ Европейской Россіи, въ-слѣдствіе чего въ «Большомъ Чертежѣ» вмѣстѣ со счетомъ на версты употребляются и дни ѣзды . . . «и конскою ѣздою, сколько ѣхать ста«ничною ѣздою на день написано; и мѣра верстамъ по«ложена». — Кажется, какъ-будто Ремезовъ имѣлъ темное понятіе и о географической сѣти на картахъ, хотя у него не было географическаго опредѣленія ни одной мѣстности. Въ одномъ мѣстѣ у него говорится: «Разсто«яніе пути по компасу под Тобольскимъ городомъ влес«точкахъ и въ протчихъ длины по сту верстъ. поперегъ «вверхъ по компасу по 50 верстъ».

[1]) Приведемъ одинъ примѣръ: Читая въ «Книгѣ Большому Чертежу» (изданіе Спасскаго 1846, стр. 161) описаніе рѣки Колы, съ перваго взгляда видишь, что ея показанія, записанныя въ XVI вѣкѣ, вѣрно соотвѣтствуютъ тому, что я извлекъ для себя изъ собственныхъ наблюденій на мѣстѣ. (Ср. Bullet. de la Cl. Phys.-mathém. de l'Acad. Imp. de St. Pétersb. T. XI, стр. 217 и Уч. Зап. Акад. по I и III Отд. Т. II, 1854, стр. 106). Сообщая результатъ этихъ наблюденій, я имѣлъ цѣлію именно поставить на видъ ошибки новѣйшихъ картъ. Не смотря на то, здѣшнія карты, и даже новое изданіе оффиціальной почтовой карты, для которой моя статья содержитъ существенныя улучшенія, продолжаютъ идти по старой или, лучше сказать, по новой дорогѣ, потому что въ старину трудились добросовѣстно; но въ иностранныхъ картахъ, именно у неутомимаго Киперта, мои указанія давно уже заняли свое мѣсто.

Сибири, отовсюду стекались по мѣрѣ того, какъ козаки, проникая съ каждымъ годомъ дальше и дальше, присылали донесенія о путяхъ своихъ походовъ и о разстояніяхъ отъ одного мѣста до другаго, считая днями пути. Во многихъ городахъ Сибири архивы, не смотря на дурное ихъ состояніе, донынѣ хранятъ еще много длинныхъ свитковъ, или такъ-называемыхъ столбцовъ, наполненныхъ почти исключительно такими гомерическими донесеніями. Оригинальный образчикъ такого донесенія я получилъ изъ рукъ одного Сибиряка, который готовъ былъ употребить его, вмѣстѣ съ другими бумагами, на оклейку оконныхъ рамъ. Къ счастію, этому варварству предстоитъ близкій конецъ, благодаря замѣтно пробудившему участію къ наукѣ, для котораго въ Сибирскомъ отдѣлѣ И. Русскаго Географическаго Общества дано необходимое средоточіе.

Нижеслѣдующій отрывокъ дастъ наглядное понятіе о свойствѣ географическихъ извѣстій въ этомъ родѣ оффиціальныхъ документовъ [1]). Рядъ притоковъ Лены въ ея верховьяхъ, слѣдуя снизу вверхъ, перечисляется здѣсь слѣдующимъ образомъ:

. . . .

«Отъ Жилимжи рѣки до рѣки Авалагды полдни ходу, впала въ Лѣну рѣку съ «правую сторону, течетъ ис камени.

«Отъ рѣки Авалагды до Чичапты рѣки» и пр.

«Отъ рѣки Чичапты до Бота рѣки» и пр.

«Отъ рѣки Бота до рѣки Бичи» и пр.

«Отъ Бичи рѣки день ходу. На той-же (сѣверной) сторонѣ (Лены) пашенного «мѣста на 150 десятинъ, сѣнныхъ покосовъ на 1000 копенъ».

---

[1]) Когда это мѣсто сочиненія въ Нѣмецкомъ изданіи было уже отпечатано, я нашелъ, что находящійся у меня документъ былъ вывезенъ изъ Сибири еще неутомимымъ Миллеромъ, но напечатанъ, конечно, лишь послѣ моего возвращенія изъ Сибири, въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ, изданнымъ Археографическою Коммиссіею, II, стр. 246 — 248. Изъ сравненія печатнаго текста съ моимъ оригиналомъ оказалось, что лица, встрѣчающіяся въ текстѣ донесенія («ясашные сборщики», см. Дополн. къ Акт. Ист. II, стр. 249), по печатному тексту, говорятъ о себѣ въ первомъ лицѣ, а въ моемъ оригиналѣ упоминаются въ третьемъ. Но и этотъ послѣдній, очевидно, есть оффиціальный документъ: онъ скрѣпленъ по склейкамъ столбца дьякомъ Филатовымъ, который значится и въ «Отпискѣ» царю Михаилу Ѳеодоровичу. Мой оригиналъ, можетъ быть, есть копія или, судя по находящимся въ немъ помаркамъ, черновая (по-канцелярски: «отпускъ») той «росписи», которая отправлена была при сейчасъ упомянутой «Отпискѣ», какъ значится въ этой послѣдней (см. Дополн. къ Акт. II, № 90, стр. 249, послѣдняя строчка перваго столбца). Кромѣ того, что въ моемъ столбцѣ утратилось начало этого документа до словъ: «Отъ Туруки рѣки» (тамъ-же, стр. 246), находящійся въ немъ текстъ разнится отъ печатнаго только тѣмъ, что 1) числа въ немъ означены прописью, а не числительными знаками, какъ въ печатномъ, и не сходны только въ слѣдующихъ мѣстахъ: противъ устья Чичапты пашеннаго мѣста значится на тридцать десятинъ, сѣнныхъ покосовъ — на двѣстѣ копенъ, а не на 50 и 150, какъ въ печатномъ; на устьи Тутуры сѣнныхъ покосовъ на 20.000 (!) копенъ. 2) Кромѣ незначительныхъ разницъ въ правописаніи и перестановкѣ словъ, можно замѣтить на всякій случай, что Китошама одинъ разъ написана и Скатошама; рѣка Иголикта, какъ значится въ печатномъ текстѣ, въ оба раза написана: Иголиста. Вмѣсто Точали читается Точи. 3) Тутура, какъ читается въ вышеприведенномъ отрывкѣ, «впала въ Лѣну реку съ правую сторону», а не «съ лѣвую», какъ значится въ печатномъ текстѣ. 4) Есть прибавка другимъ почеркомъ: «а на усть Куленге велено острогъ поставить». (Ср. Дополн. къ Акт. ист. II, № 94).

Чѣмъ болѣе распространялась и упрочивалась власть Русскихъ надъ Сибирскими инородцами, тѣмъ болѣе умножались и уразноображивались оффиціальные документы, которые болѣе или менѣе, прямо или непрямо

«Отъ тѣхъ пашенныхъ мѣстъ до рѣки Илги три дни ходу, впала въ Лѣну съ пра-«вую сторону, течетъ ис камени; а по вершине кочуютъ многіе Братцкіе люди, да ея-«сашныхъ Тунгусовъ человѣкъ съ тридцать».

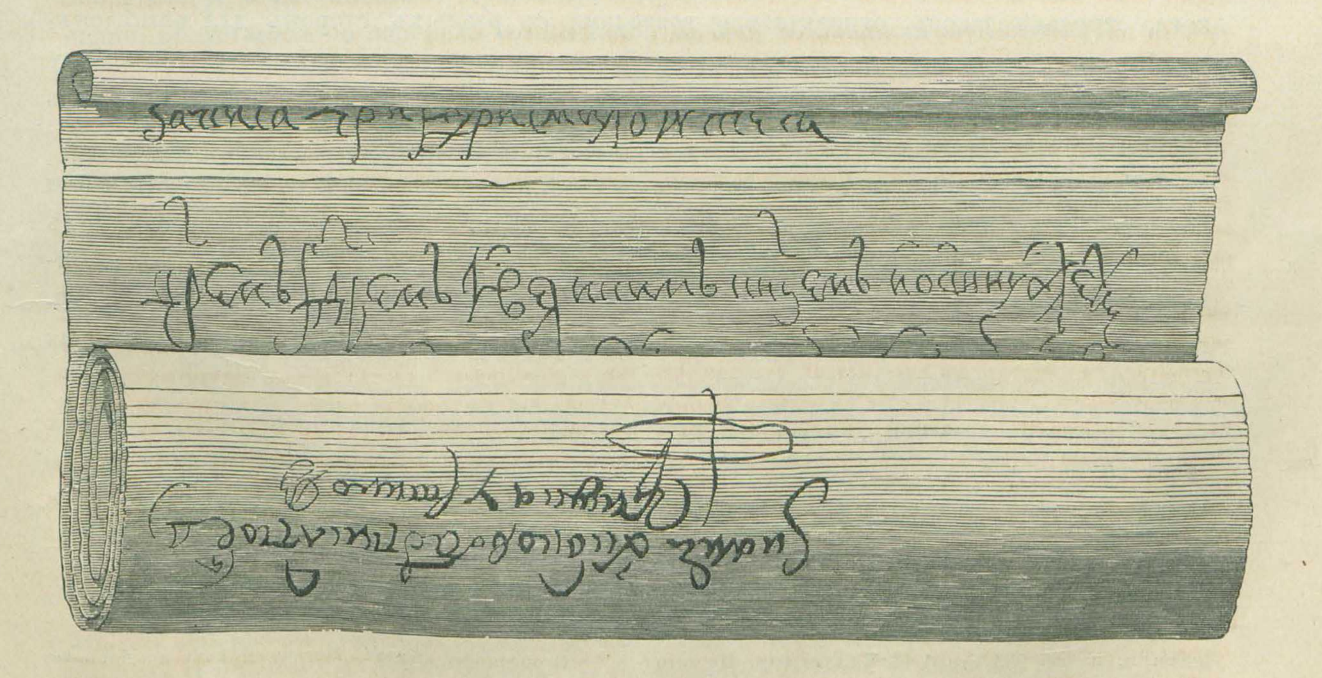
«Отъ Ильги реки до реки Тутуры два дни ходу, впала въ Лѣну с правую сторону, «течетъ изъ озеръ».

«А на усть тоѣ реки Тутуры выше и ниже по полудницу ходу по обѣ стороны «реки Лѣны пашенныхъ мѣстъ на три тысечи десятинъ, сѣнныхъ покосовъ на дватцать «тысечь копенъ; кочуютъ по ней Тунгуской князецъ Можеулъ и на прошлой на 148 «и на нынешней 149 годъ (1640 — 41) онъ Можеулъ далъ с себя ясакъ. А на вершине «тоѣ реки Тутуры кочуютъ того жъ Можеула улусные Тунгусы».

«Отъ Тутуры реки до Куленги реки пять денъ ходу, впала въ Лѣну реку с пра-«вую руку; течетъ ис камени» и пр.

«Отъ усть Куленги реки до рѣки Онги судовымъ ходомъ два дни, а пѣшему день

могутъ быть источниками свѣдѣній о положеніи странъ и ихъ жителяхъ. Прилагаемый здѣсь снимокъ одного изъ пріобрѣтенныхъ мною столбцевъ представляетъ образчикъ одного рода такихъ документовъ. Этотъ столбецъ содержитъ въ себѣ рядъ просьбъ, жалобъ, явокъ ясашныхъ инородцевъ на своихъ-же соплеменниковъ о похищеніи, побояхъ, угрозахъ и «всякихъ злыхъ умыслахъ». На оборотной сторонѣ противъ каждой просьбы ставится «знамя» неграмотнаго просителя и подпись того, кто занесъ просьбу на столбецъ. Видимое на снимкѣ знамя представляетъ какъ-бы лукъ со стрѣлою: оно принадлежитъ, какъ видно, не лицу, а племени, потому что встрѣчается въ просьбахъ разныхъ Якутовъ, различаясь только степенью правильности или, лучше, неправильности начертанія.



Образчикъ оффиціальнаго документа XVII вѣка изъ Якутскаго Приказа.



«ходу, конемъ половина дни; впала въ Лѣну реку съ лѣвую сторону; течетъ ис камени; «а на усть тоѣ Онги реки по обѣ стороны живутъ Братцкіе люди, а хлѣбъ у нихъ «родитца просо, и онѣ, Васька Витезевъ съ товарыщи, то просо у него Можеула «видели».

«Да у того жь князца Можеула былъ Тунгусъ Чилкагирского[1]) роду съ Ламы и «хотѣлъ ихъ, Курбатка Иванова да Ѳедку Степанова убить; а сказывалъ, въ про- «шломъ де во 148-мъ году лѣтомъ ходятъ по Ламѣ в судахъ Рускіе люди казаки и «побили де ево родниковъ Чилкагирскихъ Тунгусовъ пятнатцать юртъ; а отколево тѣ «казаки пришли и давноль по Ламе ходятъ, тово не вѣдаетъ».

«И промѣжь Куленги и Онги реки черезъ вершину Куленскую с Лѣны реки «дорога на Енисѣй, а Ангара и Тунгуска тожь, которая течетъ подъ Енисѣйской острогъ, «конемъ ѣхать три дни; да съ тое жь дороги с Куленской вершины дорога на Ламу, «что называютъ тоѣ Ламу Брацкіе люди Байкаломъ озеромъ, конемъ ѣхать два дни. «Да съ Онги жь реки дорога на Киренгу реку ходу два дни; а Киренга впала в Лѣну, «а по Киренгѣ живутъ многіе Тунгусы, а ясакъ государю платятъ не вcѣ, а соболи про- «даютъ въ Браты на животину и на просо», и т. д.

Все это очень отчетливо. Между тѣмъ еще и нынѣ ни одна изъ существующихъ картъ не доставляетъ полнаго объясненія этому странствованію. Впрочемъ мы предоставляемъ себѣ во второмъ отдѣлѣ этой части подробнѣе войдти въ содержаніе этого документа: онъ особенно интересенъ потому, что сводитъ насъ съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ, когда отряды козаковъ, отправляемые воеводами съ разныхъ сторонъ для развѣдокъ, встрѣчаясь другъ съ другомъ, изъ зависти дѣйствовали наперекоръ другъ другу. За вражду начальниковъ, какъ обыкновенно вездѣ, расплачивались тѣ, которые и безъ того ужъ были стѣснены. Плохо было бѣднымъ туземцамъ.

Такихъ извѣстій и часто еще короче, съ тѣхъ поръ, какъ началъ пользоваться ими Витзенъ[2]), по настоящее время издано уже не мало. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ мы обязаны Археографической Коммиссіи[3]). Жаль только, что изъ падежныхъ окончаній, которымъ мѣстныя имена подвергаются въ составѣ рѣчи наравнѣ со всѣми другими, не всегда можно достовѣрно заключить, какъ произносились въ именительномъ нѣкоторыя названія, заимствованныя у туземцевъ.

Не смотря на свою сухость, эти первоначальные географическіе источники не такъ мало годны для употребленія, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Еще и нынѣ, черезъ два столѣтія, кому придется странствовать въ мѣстахъ, описываемыхъ

---

[1]) Въ «Дополненіяхъ къ Актамъ» II, стр. 247, столб. I, стоитъ: Чинкагирского; а на стр. 248, 1 столб.: Чилкагири; на стр. 255, столб. II. Чалкагири. По неточности надстрочныхъ начертаній *л* и *н* въ скорописи, иногда трудно бываетъ различать ихъ. Въ нашемъ оригиналѣ буква *л* въ этомъ словѣ не подлежитъ сомнѣнію.

[2]) Такъ напр. Витзенъ на стр. 539 (по изд. 1692) и т. д.

[3]) Особенно въ «Актахъ Историческихъ» и «Дополненіяхъ» къ нимъ.

козаками, по слѣдамъ ихъ, отмѣченные ими привалы довольно опредѣлительно могутъ служить къ распознанію мѣстностей, чтобы не потеряться въ глуши пустыни. Но образованнымъ современникамъ тѣхъ неудержимыхъ странствователей невозможно было въ отдаленной столицѣ Россіи составить ясное понятіе о положеніи новооткрываемыхъ странъ Сибири, потому что въ извѣстіяхъ для этого недоставало точнаго показанія направленій по странамъ свѣта, въ какихъ совершались дневные пути. Въ донесеніяхъ козаковъ сообщалось, что такія-то рѣки и горы перейдены, такія-то кочевыя племена обложены ясакомъ: кромѣ именъ, изъ этихъ донесеній получались только свѣдѣнія, на основаніи которыхъ можно было приблизительно разсчитать, во-сколько времени можно доѣхать изъ столицы въ то или другое мѣсто. Но и это было довольно важно, и потому правительство постоянно требовало такихъ донесеній.

Изъ числа такихъ, дѣйствительно первобытнѣйшихъ развѣдокъ, доставшихся въ наслѣдство географіи, уже въ древнія времена выдаются и такія, которыя мы нисколько не затруднимся почтить именемъ первыхъ зачатковъ собственно-географическихъ путешествій. Ремезовъ, въ примѣчаніяхъ къ своему атласу доставляетъ намъ даже несомнѣнное доказательство, что еще при Іоаннѣ Грозномъ, въ 1566 году, стало-быть до смѣлаго вторженія въ Сибирь Ермака, была снаряжена одна изъ такихъ экспедицій на сѣверо-востокъ и за Уралъ для географическихъ цѣлей въ политико-экономическомъ ихъ примѣненіи. Въ этой экспедиціи участвовало больше 20 человѣкъ, въ томъ числѣ писарь и мусульманскій духовный, и начальникъ ея, атаманъ Петровъ, по возвращеніи, представилъ по напередъ возложенной на него обязанности свой «Доѣздъ», то-есть отчетъ о путешествіи, который, сто лѣтъ спустя, еще ходилъ по рукамъ въ Тобольскѣ. Не было ли при этомъ отчетѣ чертежа посѣщенныхъ странъ, мы не знаемъ; но вскорѣ послѣ того, вѣроятно, не даромъ появляются намеки о существованіи такихъ чертежей [1]).

---

[1]) Ремезовъ пишетъ: «якоже въ древнія лѣта, прежде Ермакова взятія Сибири, въ лѣто 1566 посыланы «были съ Москвы въ Сибирь по указу Ивана Васильевича атаманъ Иванъ Петровъ съ подъячими и мурзы «Бурнатъ Алышевъ съ товарищи 20 человѣкъ на востокъ и сѣверъ для провѣданія земель сосѣднихъ «царствъ и языкъ, ордъ и волостей, въ какомъ разстояніи отъ Москвы, и коль далеко подлегли къ Московскому государству и тогда отчасти в путехъ вразумишася и видеша прилежащіе страны державства языки «орды къ Московскому царству и пріѣхавше подаша доѣздъ по наказу своему, и таковый ихъ доѣздъ въ Сибири и до днесь въ Тобольску у спискателей носится».

Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. 1763, VIII, стр. 107) сохранилъ намъ извѣстіе о такомъ-же путешествіи, снаряженномъ въ 1617 году «для точнаго описанія пути въ Енисейскъ и до жилищъ Тунгусовъ, со всѣми его обстоятельствами, съ удобствами и неудобствами».

Уже въ 1624 году дворянинъ Дубенскій привезъ чертежъ того мѣста на Енисеѣ, гдѣ, по его мнѣнію, надобно было заложить острогъ — нынѣшній городъ Красноярскъ.

Въ Отпискѣ пятидесятника Мартына Васильева Ленскимъ воеводамъ, 1641 (см. Дополн. къ Акт. Ист. II, № 94, стр. 256), между прочимъ сказано: «А чертежъ, «государь, Верхоленского Брацкого острожку посланъ «подъ сею отпискою». Да и та «Роспись», изъ которой выше помѣщенъ здѣсь отрывокъ, была представлена въ видѣ поясненія приложеннаго къ ней чертежа, какъ показываетъ ея заглавіе: «Роспись противу чертежу отъ «Куты рѣки вверхъ по Лѣнѣ» и т. д. (тамъ-же, № 89, стр. 246).

1652 г. козаку Прокопьеву дано было порученіе составить и доставить не только описаніе, но и чертежъ Амура (Müller, Samml. R. G. II, стр. 335).

Какъ видно, и у насъ, какъ въ періодъ самаго ранняго дѣтства картографіи у древнихъ, Itineraria annotata сопровождались Itinerariis pictis.

Лѣтъ сто спустя послѣ этой первой большой географической экспедиціи, то-есть во вторую половину XVII столѣтія, стало-быть около времени составленія картъ, и можетъ быть, въ видѣ приготовительной къ тому мѣры, приступлено было вмѣсто обыкновеннаго опредѣленія разстояній днями пути, къ измѣренію ихъ верстами [1]). Этотъ шагъ къ большей точности вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ поводомъ къ большей запутанности, когда въ-послѣдствіи «московская верста», первоначально считавшаяся въ 700 саженъ, по предписанію правительства была увеличена до 1000 саженъ, а наконецъ уменьшена въ двое — до 500 саженъ [2]), тогда какъ in natura старые поверстные столбы стояли на мѣстѣ цѣлыя десятилѣтія [3]), вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока не сгнили: отъ этого счетъ немѣренныхъ разстояній, и безъ того во всѣхъ странахъ весьма не точный, въ далекихъ краяхъ Сибири былъ совершенно спутанъ. Долго я мучился надъ этой путаницей на Енисеѣ, пока не пришелъ къ убѣжденію, что всего лучше возвратиться къ первобытному, хотя и неточному, но не испорченному счету днями пути. Въ-послѣдствіи я уже не удивлялся, встрѣчаясь съ другими, еще болѣе важными неудачами мало обдуманныхъ мѣръ со стороны начальствъ, которыя въ глуши отдаленныхъ краевъ не оставались безъ послѣдствій.

Всѣ помянутыя усилія XVII вѣка являются ничтожно-малыми въ сравненіи съ тѣмъ

---

[1]) Правда, Витзенъ (изд. 1692, стр. 538) приводитъ одно донесеніе 1563 года съ точнымъ, по его мнѣнію, измѣреніемъ; но стоитъ только взглянуть на это донесеніе, чтобы догадаться, что число верстъ, состоявшихъ тогда изъ 1000 саженъ, полагается здѣсь приблизительно, на-угадъ. Но измѣреніе Оби, сообщаемое Витзеномъ (тамъ-же стр. 537) подъ именемъ послѣдней мѣры, въ 1671 году, кажется уже дѣйствительнымъ измѣреніемъ. Не было ли это первое въ Сибири?

Ремезовъ въ упоминаемой нами рукописи сообщаетъ, что въ 1686 году боярскій сынъ Любимъ Заяцевъ снималъ разстоянія въ верстахъ, по 1000 саженъ, отъ Тобольска въ Тюмень, Туринскъ, Верхотурье и отсюда какъ въ Соликамскъ, такъ и въ Пелымъ. Въ томъ-же году, продолжаетъ онъ, Тобольскій дворянинъ Борисъ Черницынъ мѣрялъ Иртышъ внизъ по его изгибамъ до юртъ, называемыхъ Сухоруковы. Онъ исчисляетъ всѣ оказавшіяся разстоянія отъ одного пункта до другаго.

Татищевъ (Исторія Россійская I, стр. 506) говоритъ, что царь Иванъ Васильевичъ уже въ 1552 году повелѣлъ измѣрить царство и занести на карту. Историки, можетъ быть, найдутся доказать, что это повелѣніе было исполнено въ большихъ размѣрахъ.

[2]) Въ 1518 г. въ Россіи были въ употребленіи семисотенныя версты, потому что у Мѣховскаго я нахожу прямое опредѣленіе: Verst est quinta pars miliaris germanici. Спасскій (Врем. М. Общ. Ист. и Др. III, стр. XI) считаетъ возможнымъ доказать, что около 1672 г. семисотенныя версты были въ употребленіи въ Сибири, но на слѣдующей страницѣ подвергаетъ сомнѣнію всеобщность этого употребленія.

Что Ремезовъ въ концѣ XVII вѣка считалъ тысячными верстами, видно какъ изъ его примѣчаній непосредственно, такъ и изъ того, что онъ, приводя точнѣйшія измѣренія, за показаніемъ числа верстъ показываетъ число саженъ иногда больше 700. Въ 1722 году, по лѣтописи Черепанова, Тобольская губернія измѣрялась пятисотенными верстами, и Словцовъ во второй части своего сочиненія (Ист. Обозр. Сибири XIV) напрасно отказывается отъ своего прежняго мнѣнія (тамъже I, стр. 349) и объявляетъ за ошибку, вмѣсто которой слѣдуетъ будто-бы принять семисотенную версту. Мессершмидтъ въ своемъ дневникѣ, веденномъ въ 1723 г. (Pallas Neue Nord. Beiträge III, стр. 106), прямо говоритъ: «отъ Мангазеи до ея (Нижней Тунгузки) устья около 60 новыхъ верстъ, считая каждую по 500 саженъ». То-же говоритъ онъ на 128 страницѣ въ слѣдующемъ году.

[3]) Словцовъ въ томъ-же сочиненіи, стр. 340. Примѣчаніе.

полетомъ, какой картографія Сибири получила съ тѣхъ поръ, какъ неистощимо-дѣятельный умъ Петра Великаго простеръ свой взоръ за предѣлы Урала. Во второе и третье десятилѣтія XVIII столѣтія по отдаленнѣйшимъ странамъ восточной Сибири разъѣзжаютъ землемѣры, которымъ предписано было дѣлать топографическія съёмки и, какъ кажется, измѣрить и размѣжевать земли, способныя къ обработкѣ [1]). Но въ свѣдущихъ землемѣрахъ былъ недостатокъ. Потому уже въ самомъ началѣ въ губернскіе города, слѣдовательно и въ Тобольскъ было послано по два учителя математики для образованія учениковъ: вмѣстѣ съ тѣмъ имъ поручалось составленіе картъ [2]).

Но усилія такого малаго числа людей были ничтожны предъ неизмѣримостью новопріобрѣтеннаго сѣвера Азіи. Даже Европейская Россія была еще слишкомъ бѣдна способными людьми, а для Сибири нужно было особое учрежденіе для образованія землемѣровъ, и вотъ въ половинѣ XVIII вѣка въ Иркутскѣ учреждается первое этого рода училище на 50 человѣкъ. Учениковъ однако не оказалось: ихъ стали набирать изъ солдатскихъ дѣтей. Надобно полагать, что предложенію объ этомъ, сдѣланному изъ Иркутска, придала нужный вѣсъ необходимость установить Китайскую границу [3]). Такъ какъ здѣсь-же должны были обучаться штурманы для плаванія по Байкалу и Восточному морю, то здѣшнее училище назвали навигаціонною школой и названія: землемѣръ, геодезистъ, навигаторъ потому-же употреблялись, какъ синонимы. Вскорѣ потомъ являются землемѣрскія училища въ Тобольскѣ и въ Томскѣ [4]). Землемѣрскія отдѣленія учреждены были и въ большихъ уѣздныхъ городахъ. Этотъ предметъ пользовался даже особеннымъ

---

[1]) Уже въ 1715 году по повелѣнію Петра Великаго были составлены географическіе и статистическіе вопросы, которые должны были служить руководствомъ для отправляемыхъ геодезистовъ. 1719 два геодезиста оправились чрезъ Охотскъ въ Камчатку и къ Курильскимъ островамъ (Müller Samml. Russ. Gesch. III, стр. 109 и Словцова, Ист. Об. Сиб. I, стр. 388. Прим.

Черезъ годъ мы видимъ генералъ-маіора Лихарева на пути, совершенномъ по распоряженію Петра Великаго, вверхъ по Иртышу до озера Зайсана, въ сопровожденіи двухъ землемѣровъ изъ воспитанниковъ Морской Академіи (Müller Samml. Russ. Gesch. IV, стр. 262).

1723 г. геодезистъ Өедоръ Лужинъ, стало-быть тотъ-же, что четыре года назадъ тому поѣхалъ ьъ Камчатку и 1721 возвратился въ Якутскъ, теперь началъ топографическую съемку и межеваніе земель Иркутскаго округа и черезъ два года получилъ себѣ на помощь еще четырехъ геодезистовъ (Современникъ 1850, томъ XXII. Отд. II, стр. 14): ихъ задачей было, какъ кажется, составить карту Забайкальскаго края, которую можно бы было принять за основаніе для опредѣленія границъ съ Китаемъ.

[2]) Дѣти чиновниковъ и писарей обязаны были учиться ариөметикѣ и геометріи и только за успѣхи въ этихъ наукахъ получали разрѣшеніе жениться (Словцовъ, Ист. Об. Сиб. I, стр. 375).

[3]) 1753 вышелъ указъ, одобрившій представленіе губернатора Мятлева; черезъ годъ открыта школа, подъ управленіемъ двухъ военныхъ учителей. Но какъ такую-же школу, только-что открытую въ Нерчинскѣ, вскорѣ пришлось присоединить къ Иркутской, такъ и эта уже въ 1795 г. превратилась въ обыкновенное народное училище, которое въ свою очередь упразднилось учрежденною въ 1805 г. гимназіей (Мартосъ, Письма о Восточной Сибири, 1827, стр. 196; Современникъ, томъ XXII. Отд. II, стр. 18; Словцовъ, Ист. Обозр. Соб. II, стр. 30 и 469).

Перевощиковъ, въ своей статьѣ о географическихъ картахъ (XVIII ст.) библіотеки Академіи Наукъ (Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. за 1856 г.), по старинному печатному реестру ландкартъ исчисляетъ поименно больше 50 геодезистовъ, чертившихъ карты, и спрашиваетъ, гдѣ могли они получить свое образованіе, въ одной ли Московской школѣ, которая въ-послѣдствіи преобразована въ Морской Кадетскій Корпусъ? Не говоря о вышепомянутыхъ землемѣрскихъ школахъ въ Сибири, главнымъ разсадникомъ землемѣровъ на всю Россію, какъ извѣстно, была тогда «Морская Академія» въ С. Петербургѣ.

[4]) Словцовъ, тамъ-же, I, стр. 573; II, стр. 470.

вниманіемъ высшихъ мѣстныхъ начальниковъ, когда явился тамъ (1734) въ качествѣ начальника всѣхъ Сибирскихъ горныхъ заводовъ, историкъ Татищевъ, который, какъ извѣстно, много замышлялъ сдѣлать для географіи Россіи, хотя не успѣлъ исполнить ни одного изъ своихъ предпріятій. Иркутскій губернаторъ генералъ Фрауэндорфъ (1764) самъ преподавалъ въ навигаціонной школѣ геодезію и оказывалъ такое вниманіе къ этому учрежденію, что даже помѣстилъ въ своемъ домѣ его чертежное отдѣленіе [1]).

Между тѣмъ отъ плодовъ всѣхъ этихъ усилій дошли до насъ лишь скудные остатки. Многія изъ картъ того времени нынѣ, кажется, уже вовсе не существуютъ; тѣ же, какія хранятся еще въ губернскихъ архивахъ, мы беремъ смѣлость рекомендовать особымъ попеченіямъ ихъ начальниковъ, потому что пора-же наконецъ спасать то, что еще можно спасти [2]). До сихъ поръ сокровища этого рода погибали столько-же отъ тупаго равнодушія, сколько отъ недоброжелательства и отъ напраснаго секретничанья, которое иной разъ принимало видъ политической тайны. Сколько у насъ растеряно такихъ вещей, въ теченіе столѣтія, въ-слѣдствіе чего, какъ оказывается при историческомъ обзорѣ прежнихъ изысканій, приводилось снова тратить время и труды на то, что было сдѣлано прежде, на это Сибирь представляетъ много разительныхъ примѣровъ, которые нерѣдко будутъ встрѣчаться на пространствѣ втораго отдѣла этой части.

Отъ Иркутска и подчиненныхъ ему городовъ можно бы много ожидать старинныхъ географическихъ сокровищъ. Съ одной стороны тамъ хранятся бумаги навигаціонной школы, архивъ важныхъ переговоровъ о границахъ, архивъ Нерчинскихъ горныхъ дѣлъ и т. д.; съ другой стороны тамъ уже не одно десятилѣтіе архивныя бумаги старается

---

[1]) Словцовъ, тамъ-же, II, стр. 438. См. такъ-же Біографію Татищева въ Сибирскомъ Вѣстникѣ (VI или Ч. XV, кн. 8, стр. 55). 1731 и 1734 (Полн. Собр. Зак. IX. № 6559) получилъ онъ приказаніе составить карту и географическое описаніе Сибири; но послѣдствій, какъ кажется, никакихъ не было. Вышеприведенное свѣдѣніе о Фрауэндорфѣ мы имѣемъ отъ Словцова (тамъ же, II, стр. 438). Одна рукописная карта Сибири, въ нашей Академіи, составлена, какъ сказано въ надписи, «под смотреніемъ .... Фрауендорфа», впрочемъ очень мало отличается предъ другими картами того времени.

[2]) Кромѣ того, что я почти вовсе не останавливался въ городахъ, мнѣ рѣшительно не было удачи въ архивахъ. Въ Гидрографическій Департаментъ въ С. Петербургѣ, предъ моимъ отъѣздомъ въ Сибирь, ввелъ меня самъ Врангель; но здѣсь не только старыхъ чертежей Таймыра уже не оказалось, но не могли даже найдти съемокъ Шантарскихъ острововъ Козьминымъ, которыя были изданы уже по моемъ возвращеніи изъ Сибири. «Завалились»! былъ мнѣ отвѣтъ. На формальное требованіе картъ Туруханскаго округа, съ какимъ я обратился въ присутственныя мѣста въ Томскѣ, мнѣ отвѣчали: все истреблено пожарами. Въ Омскѣ, гдѣ во времена Палласа (1771) было очень много спеціальныхъ картъ Сибири, мнѣ было не лучше, чѣмъ моему предшественнику за 80 лѣтъ. Онъ промедлилъ здѣсь нѣсколько дней именно для картъ; но не могъ выпросить даже извлеченій изъ нихъ: не смотря на то, что наши академики были отправлены въ Сибирь съ особеннымъ полномочіемъ Императрицы, Палласъ получилъ въ отвѣтъ, что карты могутъ быть показаны только по прямому о томъ Высочайшему повелѣнію изъ С. Петербурга (Pallas Reise II, стр. 448). Въ Туруханскѣ наконецъ удалось мнѣ спасти отъ погибели одну ветхую карту, за которую отъ меня взяли новую ея копію, считая этотъ промѣнъ очень выгоднымъ. При равнодушіи къ древнимъ памятникамъ, конечно, поступлено благоразумно; а все-таки это разительный примѣръ равнодушія. Въ Якутскѣ, конечно, мнѣ открытъ былъ свободный доступъ; но въ тамошнемъ межевомъ отдѣленіи я не нашелъ ни одной карты, которая представляла бы интересъ выше границъ спеціальнаго размежеванія годныхъ и негодныхъ участковъ земли. Въ Удскомъ между большими кипами архивныхъ бумагъ прошлаго и нынѣшняго столѣтій я не нашелъ ни одного чертежа.

собирать г. Сельскій; тамъ-же, посредствомъ перевода нужнаго числа военныхъ топографовъ штаба Восточной Сибири, просвѣщеннымъ правительствомъ не только даны техническія средства для свода картъ, но и новая съемка страны подчинена рѣшительно ученому начальству. Г. Шварцъ съ помощью нѣсколькихъ офицеровъ, какъ извѣстно, уже нѣсколько лѣтъ снимаетъ сколько можно больше мѣстъ астрономически, и къ его трудамъ примыкаютъ съемки, произведенныя и производимыя нашимъ флотомъ въ Амурскомъ краѣ. При такомъ выполненіи дѣла, конечно, уже не будутъ напрасно потеряны безчисленныя усилія, какъ терялись прежде, когда подобные труды въ Сибири начинали съ невѣрныхъ осмотровъ и топографическихъ съемокъ, которыя никакъ не вязались съ немногими твердыми пунктами, къ несчастію, только позднѣе опредѣленными посредствомъ астрономической съемки. Надобно согласиться, что правительство, всегда имѣя надобность по преимуществу въ подробностяхъ топографіи, могло имѣть достаточныя причины предварять основательный ходъ астрономической съемки; но продолженіе такихъ несвоевременныхъ работъ свыше крайней нужды не можетъ пройти безнаказанно. Съемка Сибири представляетъ на то больше доказательствъ, чѣмъ можно бы желать ихъ; во всякомъ случаѣ ихъ очень довольно для назиданія и предостереженія на будущее время [1]).

Какъ ни мало услугъ было до сихъ поръ оказано географіи Сибири, особенно въ сравненіи съ неизмѣримымъ ея пространствомъ, все-же въ теченіе времени было много кое-чего предпринято для Сибирской картографіи. По нашему плану здѣсь не можетъ быть мѣста для пересмотра всѣхъ географическихъ трудовъ послѣднихъ двухъ столѣтій въ ихъ постепенномъ движеніи, какъ это сдѣлано нами съ попытками XVI и XVII столѣтій: повторю только, что и на Сибирь простерлось плодотворное вліяніе генія Петра Великаго. Лавина успѣховъ, пущенныхъ въ ходъ его неутомимою дѣятельностью, при

---

[1]) Главною опасностью, которой подвергается управленіе, какъ скоро покидаетъ путь науки, является рыбье равнодушіе, хладнокровная недобросовѣстность, которая въ короткое время овладѣваетъ всѣми чиновниками. Невольно припоминается мнѣ начальникъ межеваго отдѣленія одного изъ значительнѣйшихъ городовъ Сибири. Этотъ добрый и довольно высокаго чина господинъ, теперь уже отшедшій отъ временнаго мира въ вѣчный покой, показывалъ мнѣ за чрезвычайную кабинетную рѣдкость дорогой универсальный инструментъ для землемѣровъ, который за нѣсколько лѣтъ, конечно, въ наилучшихъ видахъ, былъ присланъ начальствомъ изъ С. Петербурга. Меня заинтересовало неизвѣстное мнѣ, ловкое совокупленіе пріемовъ измѣренія съ немедленнымъ занесеніемъ его на бумагу, горизонтальныхъ угловъ равно и вертикальныхъ; но едва я началъ раскладывать снарядъ, чтобы всмотрѣться въ его устройство, какъ моему доброму господину стало какъ-то неловко и скоро выгнало вонъ. Вмѣсто его явился унтеръ-офицеръ, которому поручено было какъ можно лучше ознакомиться съ механизмомъ инструмента.

Не могу также умолчать о впечатлѣніи, какое произвелъ на меня мой незабвенный Вагановъ, разсказывая мнѣ въ свободныя минуты, какъ онъ, по командѣ своего офицера: рѣжь! урѣзалъ длинный треугольникъ въ съёмкѣ Киргизской степи, которую онъ Вагановъ и его товарищи, съ мензулой и цѣпью, цѣлое лѣто производили со всею добросовѣстностью и вниманіемъ. Дома его съёмки никакъ не подходили къ съёмкамъ сосѣдняго участка, произведеннымъ въ предъидущіе годы: чтожъ! Повторили старую исторію объ узлѣ, разрубленномъ Александромъ: урѣзали и склеили! Было ли же лучше за сто лѣтъ? И въ то время Штеллеръ (Beschreib. v. d. Lande Kamtschatka, 1774, стр. 15) негодовалъ на то, что геодезистовъ возятъ съ собой для того, чтобы имѣть больше свиту, и употребляютъ ихъ на то, чтобы дѣлать облаву на пушныхъ звѣрей

его жизни еще медленно катилась по Европейской Россіи, а Сибири достигала только передовыми своими вѣстниками; но данный имъ толчокъ самъ собою продолжалъ дѣйствовать неослабно въ теченіе полустолѣтія послѣ его кончины. Мы видимъ, какъ изъ плановъ Петра это движеніе распространялось по Сибири то въ попыткахъ на дальнѣйшія изслѣдованія, то въ устройствѣ страны, въ продолженіе всего XVIII вѣка, даже до конца его, и мы не можемъ закончить нашего общаго историческаго очерка трудовъ по Сибирской географіи, не выразивъ своего удивленія этой блестящей цѣпи предпріятій, которая тянется яркою полосою по пространству указанной эпохи Русской исторіи.

До несчастныхъ событій послѣдней Европейской войны образованный міръ съ справедливымъ изумленіемъ слѣдилъ за ходомъ величественнаго и смѣлаго предпріятія поисковъ Франклина. Въ наше время, въ вѣкъ преобладанія матеріальныхъ интересовъ, лишь меньшинство образованныхъ могло благосклонно смотрѣть на то, что столько усилій тратится на такое безплодное предпріятіе; но, вѣроятно, никто не могъ отказать въ признательномъ изумленіи той щедрости, съ какою и правительствомъ и частными лицами оказано этому предпріятію содѣйствіе въ странѣ, которая постоянно служила для нашего материка образцомъ матеріальныхъ стремленій, тогда какъ всѣ эти пожертвованія предстояло, по видимому, безъ всякаго пріобрѣтенія разсѣять по ледяному полю полярнаго моря. Даже въ корыстолюбивой Америкѣ явилось благородное соревнованіе и притомъ въ невысокомъ кругу промышленнаго класса: на деньги Гриннеля, нажитыя пивовареніемъ, два раза снаряжались небольшія флотиліи для экспедицій къ сѣверному полюсу. Кенъ доводитъ свой корабль до 79° сѣв. широты, проникаетъ отсюда, по западному берегу Гренландіи, на ближайшее разстояніе къ полюсу, почти подъ 82° сѣв. широты, кладетъ имя Гриннеля, какъ вывѣску навѣки-славной фирмы, на берега открытаго имъ, свободнаго отъ льдовъ бассейна, и возвратившись, къ сожалѣнію, преждевременно падаетъ подъ бременемъ своей славы. Не всякій, какъ сказалъ я, могъ видѣть въ лаврахъ этой славы что-нибудь больше безполезныхъ листьевъ безплоднаго дерева; но никто не можетъ отказать въ удивленіи неослабной предусмотрительности и непоколебимому мужеству, съ какими человѣкъ осмѣлился вступить въ побѣдоносную борьбу съ величайшими ужасами природы. Остановимъ ли мы свое вниманіе по преимуществу на приготовительныхъ мѣрахъ, посредствомъ которыхъ суда экспедиціи самымъ устройствомъ своимъ приведены были въ состояніе выдерживать страшныя встрѣчи съ ледяными массами, или служить здоровымъ жильемъ въ продолженіе суровой полярной зимы, или будемъ разсматривать превосходныя распоряженія платьемъ, пищей и питьемъ; будемъ ли разбирать мѣры, столь заботливо придуманныя и такъ систематически выполненныя въ противодѣйствіе упадку духа и застою физическихъ силъ, и исчислять, какъ слѣдовали другъ за другомъ, то школьное ученье или импровизированныя лекціи, то составленіе общими силами юмористическаго листка, то маскарадъ и театръ, танцы и гимнастическія игры; или наконецъ рѣшимся оцѣнивать неослабное и хладнокровно-рѣшительное мужество: во всякомъ случаѣ

эти высокія обнаруженія почти сверхъестественной силы человѣческаго духа способны внушать всякому невольное и глубокое удивленіе.

Съ справедливой гордостью мы можемъ при этомъ привести на память, что въ свое время и Россія, такъ называемою «Камчатскою», правильнѣе «Сѣверною Экспедиціей», совершила на восточномъ краѣ сѣвера не меньше, чѣмъ Британцы на его западѣ [1]).

Но больше, чѣмъ смѣшно теперь вспомнить, какъ въ свое время, именно во второй половинѣ XVIII столѣтія, стало-быть много спустя послѣ того какъ извѣстія нашей большой «Сѣверной Экспедиціи» были напечатаны и пущены въ оборотъ, — какъ могла находить въ то время столько сочувствія въ публикѣ близорукая ревность, съ какою Бергманъ, Энгель и ихъ товарищи, при своемъ неутомимомъ авторствѣ и, надобно сказать, при значительной начитанности и учености, издавали цѣлые томы, чтобы заподозрить правду и доказать свѣту, будто только ненавистная политика Россіи и Голландской Компаніи виною тому, что сѣверо-восточный путь въ Китай и Индію до тѣхъ поръ оставался не открытымъ. Наши академики Гмелинъ и Миллеръ были-дескать лжецы, которые, подъ гнетомъ этой политики, взялись ввести міръ въ заблужденіе: въ этомъ старались уличить ихъ собственными ихъ сочиненіями. Съ упорствомъ самаго закоснѣлаго предразсудка увѣряли, что стòитъ только подвинуться поближе къ полюсу, и тамъ опять окажется тепло, такъ тепло, что море покрывается, можетъ быть, соляными глыбами, но ужъ навѣрное свободно отъ льда. Иные мечтали даже о безвѣстной странѣ съ хорошею растительностью подъ полюсомъ. Теперь въ этомъ эпизодѣ мы видимъ только отрывокъ для исторіи эпидемій, которыя отъ времени до времени неотразимо поражаютъ умъ людской. Это былъ огромный шагъ назадъ къ заблужденію, которое, впрочемъ гораздо слабѣе, владѣло умами еще въ XVI столѣтіи и уже тогда людьми основательными отрицалось съ спокойствіемъ яснаго убѣжденія. Въ примѣръ тому не могу пропустить здѣсь нѣсколькихъ строкъ Гесселя Герарда [2]), написанныхъ въ 1612 году. «Конечно, есть еще неразумные люди — говоритъ онъ — которые утверждаютъ,

---

[1]) Чтобы напомнить читателю главные моменты этой экспедиціи, продолжавшейся 10 лѣтъ, 1733 — 43, представимъ въ формѣ таблицы, какъ связывались между собой отдѣльныя части ея. Точками отправленія служили большія рѣки Европейскаго и Азіатскаго сѣвера; суда, снаряженныя на каждой изъ нихъ, должны были плыть по Ледовитому морю, преимущественно съ запада на востокъ, до слѣдующей большой рѣки. Такимъ образомъ отплыли:

Изъ Печоры:	Изъ Оби:		Изъ Енисея:	Изъ Лены:	
на востокъ къ Оби	*a*) на западъ:	*b*) на востокъ:	На востокъ:	*a*) на востокъ:	*b*) на западъ:
Муравьевъ и Павловъ, которыхъ черезъ годъ замѣнили Малыгинъ и Скуратовъ.	Головинъ.	Овцынъ и потомъ Мининъ и Кошелевъ.	Мининъ.	Прончищевъ и Харитонъ Лаптевъ.	Лазиніусъ и Дмитрій Лаптевъ.

Въ Восточное море выѣхали Берингъ и Чириковъ, на востокъ, отыскивать Америку, а Шпангбергъ съ Вальтономъ и Шельтингомъ на югъ, въ Японію, съ тремя кораблями.

[2]) Это умное разсужденіе нашли мы въ предисловіи къ сочиненію Исаака Массы (Massa): Detectio ac delineatio etc. Оно подписано именемъ: Hesselius Gerardus Assumensis Philogeographus. Мы пользуемся здѣсь переводомъ Артузена, изданнымъ въ 1627 году (Zwölfte Schiffarth, oder kurze Beschreibung der Newen Schiffarth gegen Nord Osten. Oppenheim, bei Hieronymo Gallern).

«что около 80 и 85° холодъ долженъ быть легче, чѣмъ подъ 72°: они почти одного «мнѣнія съ Ганноверскимъ докторомъ Елисеемъ Росслейномъ, который въ концѣ «своей книги, посвященной правителямъ соединенныхъ провинцій въ Нидерландахъ, гласно «объявляетъ и пишетъ, что лѣтомъ, чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ чувствуется теплѣе и «что тамъ не можетъ встрѣчаться плаванію никакого препятствія отъ стужи и льда; «иные даже думали, что солнце въ самыхъ крайнихъ сѣверныхъ мѣстахъ должно производить скорѣе соль, чѣмъ ледъ; тогда какъ они должны бы взять въ соображеніе и подумать, что солнце имѣетъ и оказываетъ самое сильное дѣйствіе тамъ, гдѣ оно совершенно «прямо сверху можетъ бросать свои лучи на землю; а въ самыхъ сѣверныхъ краяхъ оно «цѣлую зиму, то-есть 23 недѣли сряду, не всходитъ и не свѣтитъ, а лѣтомъ большею «частію бываетъ такъ низко, что должно бросать свои лучи на землю совершенно на-«искось и не можетъ очень нагрѣвать ее: потому невозможно, чтобы оно, поднимаясь «надъ землею только на 28 градусовъ на самой полуденной высотѣ, могло такія большія «горы льда тотчасъ разрыхлить, растопить и уничтожить.» Бываютъ, какъ мы видѣли, времена, когда люди глухи ко всѣмъ убѣжденіямъ здраваго разсудка.

Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ сочиненія, которое сжато излагало бы всѣ тѣ усилія, которыя нѣкогда клонились къ цѣли, нынѣ давно покинутой, открыть сѣверо-восточный путь, — точно также, какъ это сдѣлано съ длиннымъ рядомъ предпріятій для открытія сѣверо-западнаго пути. Тамъ, гдѣ въ главѣ стояла Россія, мы были бы поражены иначе, но такимъ-же удивленіемъ. Тогда какъ сѣверо-западныя плаванія, постепенно становясь все значительнѣе, только въ новѣйшее время достигаютъ верха своей славы и опытъ совершенія сѣверо-западнаго пути показываетъ вмѣстѣ невозможность проложить его навсегда, Россіи, уже $\frac{5}{4}$ столѣтія тому назадъ, со славой удалось положить на карту весь сѣверный берегъ Азіи, прослѣдить восточный изгибъ его, показать отдѣльность ея отъ сѣвера Америки и отыскать положеніе сѣверной части пресловутой Японіи.

Извѣстія объ этой величественной цѣпи экспедицій, которыми мы первоначально обязаны, въ лицѣ Миллера, нашей Академіи, въ новѣйшее время вновь изложилъ офицеръ нашего флота, г. Соколовъ, и старался пополнить ихъ свѣденіями изъ разныхъ архивовъ, имѣя въ виду по преимуществу интересы мореплаванія [1]). Мы не можемъ отказать ему въ искренней благодарности за тяжкій и почтенный трудъ; но и самъ онъ считаетъ свое сочиненіе только сборомъ матеріала въ большомъ размѣрѣ. Это трудъ предварительный, ожидающій переработки рукою мастера, и я настойчиво повторяю, что подъ перомъ знатока этотъ предметъ щедро вознаградитъ потраченный на него трудъ. Въ прошедшемъ столѣтіи, при тогдашнемъ состояніи всего, конечно, нельзя ожидать ни той технической изобрѣтательности въ кораблестроеніи, ни консервовъ, которые то предохраняютъ отъ порчи составъ крови въ экипажѣ соками на югѣ выросшей зелени, то даютъ съѣстнымъ припасамъ, по законамъ физіологіи, наименьшій объемъ и наименьшую тяжесть

[1]) Записки Гидрографическаго Департамента. Ч. IX. 1851 стр. 190. «Сѣверная Экспедиція». Тамъ есть и полная библіографія прежнихъ сочиненій, въ которыхъ разсматривался этотъ предметъ.

и тѣмъ устраняютъ неудобства ихъ заготовленія и перевозки; равнымъ образомъ не должно предполагать ни той заботливости о настроеніи духа въ экипажѣ, и объ его умственномъ образованіи, ни добровольнаго участія[1]) матросовъ въ высшихъ предпріятіяхъ; однимъ словомъ, на Азіатскихъ берегахъ Россіи, которая въ то время и въ самой Европѣ едва лишь достигла нѣкотораго развитія, нельзя искать тѣхъ яркихъ признаковъ утонченной цивилизаціи, какими отличаются послѣднія экспедиціи Британцевъ для поисковъ Франклина. При всемъ томъ знаменитая Сибирская экспедиція Россіи стоитъ по меньшей мѣрѣ наравнѣ съ этими Британскими, если даже не выше. Нельзя не подивиться въ ней громадности ея устройства и дарованныхъ ей средствъ, неистощимому терпѣнію въ продолженіе десятилѣтія и неослабно оказываемымъ поощреніямъ, потому что во всемъ этомъ столько-же ознаменовало себя и правительство, сколько участники экспедиціи своею неустрашимою смѣлостью и мужественнымъ терпѣніемъ показали себя достойными такого предводительства.

Безъ всякой поддержки со стороны общественнаго мнѣнія, какъ въ Англіи, правительство приняло тогда планъ, предложенный ему Берингомъ, и расширило объемъ его до огромныхъ размѣровъ. Императрица Анна Іоанновна не могла принимать много личнаго участія въ видахъ, перешедшихъ къ ней по наслѣдству, и потому осуществленіемъ этого великаго дѣла мы обязаны собственно живому и безпримѣрно единодушному участію разныхъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ того времени. Всемогущій при дворѣ Остерманъ, прокуроръ Соймоновъ и оберъ-секретарь Сената, извѣстный издатель перваго печатнаго атласа Россіи, Кириловъ[2]), начальникъ Адмиралтействъ-коллегіи Головинъ и Академія Наукъ дружно содѣйствовали другъ другу. Не жалѣли никакихъ средствъ; ни одного обстоятельства не забыли. Отправленіемъ экспедиціи не спѣшили, а пускали въ ходъ ея части по одиначкѣ. Изъ пяти разныхъ мѣстъ суда отправлялись обыкновенно по-парно, чтобы въ случаѣ нужды могли оказывать другъ другу помощь; вслѣдъ за ними или впереди ихъ до самаго моря шли крытыя барки — такъ называемые дощаники — съ провіантомъ. Между тѣмъ заблаговременно, еще зимою, отправлены были сухопутьемъ люди, для постройки, изъ пловучаго морскаго лѣса, магазиновъ, гдѣ на всякій случай заготовлена была часть припасовъ, для которыхъ не находилось мѣста на судахъ. Кромѣ того за судами, вдоль морскаго берега, слѣдовали собственно для того назначенныя стада оленей, частію какъ ходячіе мясные магазины, частію для ускоренія перевоза людей и съѣстныхъ припасовъ въ томъ случаѣ, еслибы суда вмерзли или подверглись какой-нибудь опасности; а погоньщикамъ этихъ оленей велѣно было по берегамъ на видныхъ мѣстахъ, особенно при устьяхъ большихъ рѣкъ, складывать изъ пловучаго морскаго лѣса пирамиды, которыя служили бы для плавателей знаками. Для ѣзды по

---

[1]) Если меня упрекнутъ въ томъ, что я выпускаю изъ виду приказаніе выбирать для экспедиціи «по преимуществу желающихъ», то я укажу на странныя поощренія, которыми поддерживали это добровольное желаніе (см. слѣдующія страницы), равно и на то, что многіе изъ выбранныхъ офицеровъ отказались. А какъ поступали у насъ съ рядовыми, не стоитъ говорить.

[2]) Воздавая здѣсь хвалу Кирилову, мы нисколько не думаемъ одобрять его картъ, ни унижать основательной медлительности нашей Академіи въ-сравненіи съ его пылкимъ усердіемъ. Классическое самодовольство, съ какимъ на его картѣ выставлена подпись: gridoravit (т. е. гравировалъ) и даже gridoro davit Alexis Zubov, освобождаетъ насъ отъ дальнѣйшихъ объясненій.

льду взяты были на суда упряжныя собаки[1]); позаботились даже отправить подъ 75° и $75\frac{1}{2}$° Самоѣдовъ, Якутъ и Русскихъ на рыбный промыселъ для продовольствія плавателей; въ трудно-доступныя мѣста заблаговременно навезли со всѣхъ сторонъ небольшіе запасы съѣстнаго, и дѣлали это даже зимою на собакахъ.

Распорядившись по возможности на счетъ содержанія и безопасности отправляемыхъ въ даль отважныхъ головъ, какъ старались обезпечить для себя съ ихъ стороны наибольшую дѣятельность? Высшихъ офицеровъ ожидали награды, хотя не такъ систематически распредѣленныя, какъ въ концѣ того-же столѣтія, по достигаемымъ градусамъ сѣв. широты; но штурмановъ, производимыхъ изъ нижнихъ чиновъ, и команду, по грубымъ понятіямъ того, еще варварскаго времени, считали неизбѣжнымъ поощрять къ дѣлу лишь принужденіемъ и угрозами. На присылаемыя ими донесенія о какихъ-либо неудачныхъ покушеніяхъ, изъ Петербурга имъ всегда былъ одинъ повелительный отвѣтъ: вы не прежде получите разрѣшеніе возвратиться, какъ только достигнувъ предписанной вамъ цѣли. А надобно замѣтить, что для большей части командировокъ цѣль предписывалась, какъ оказалось послѣ, вовсе недостижимая. Впрочемъ для многихъ чиновъ экспедиціи всего тяжелѣе были въ такихъ отвѣтахъ не столько самые труды, которые отъ нихъ требовались, сколько горькое сознаніе, что и впредь имъ предстоитъ быть беззащитными жертвами жестокаго произвола своихъ командировъ. Прискорбно видѣть, что нѣкоторые изъ подчиненныхъ начальниковъ экспедиціи, которыхъ имена занимаютъ почетное мѣсто въ ея исторіи, въ заключеніе своего поприща, вмѣсто награды, были разжалованы въ рядовые матросы. Пьянство и въ-слѣдствіе того всякаго рода наглости, равно и преступная корыстность вызывали на начальниковъ жалобы какъ отъ подчиненныхъ, такъ и отъ постороннихъ людей, и они подвергались заслуженному наказанію[3]). Къ этимъ порокамъ, происходившимъ отъ недостатка нравственнаго развитія, присоединялась еще одна бѣдственная стихія, отъ которой пострадалъ, напримѣръ, свѣдущій и предпріимчивый офицеръ Овцынъ. За пріятельское обращеніе въ скучномъ Березовѣ съ сосланнымъ туда княземъ Долгорукимъ Овцынъ былъ разжалованъ въ матросы. Такъ измѣняются обстоятельства!

---

[1]) Я усматриваю это изъ рукописнаго дневника Хар. Лаптева, хранящагося въ архивѣ Гидрографическаго Департамента. Тамъ, подъ 22 Августа 1739 года, говорится, что геодезистъ, посланный съ корабля на берегъ (около $76\frac{1}{2}$ с. ш.) къ западу не далеко ушелъ по причинѣ тумана и по причинѣ полыхъ мѣстъ на льду надъ мелкими мѣстами моря, глѣ проваливась даже собаки. Сабаки были куплены на Ленѣ.

[2]) Дѣйствительно, офицеры и унтеръ-офицеры полярной экспедиціи Чичагова не только при отправленіи были повышены чиномъ, но имъ обѣщанъ былъ другой чинъ при достиженіи сѣвернаго прохода и опять высшій чинъ при возвращеніи. Особенно же стоитъ замѣтить, что двойное содержаніе ихъ было имъ обѣщано въ пенсіонъ при возвращеніи кораблей, а въ случаѣ несчастія — ихъ вдовамъ и дѣтямъ (Зап. Гигр. Деп. IX. 1831, стр. 115 и 146). Равнымъ образомъ Биллингсъ и его экипажъ, при двойномъ содержаніи, получили единовременно двойной годовой окладъ при отправленіи. Самъ Биллингсъ повышенъ былъ чиномъ еще въ Петербургѣ, а его офицеры и унтеръ-офицеры тотчасъ по прибытіи въ Иркутскъ. Въ Колымѣ Биллингсу опять назначенъ былъ новый чинъ, а снявшись съ якоря въ Охотскѣ, онъ и его офицеры и унтеръ-офицеры еще повышены чинами. Самъ Биллингсъ получилъ право повысить свой титулъ еще на одинъ чинъ, какъ скоро достигнетъ мыса св. Иліи. По окончаніи опять раздавались въ награду двойные годовые оклады, пенсіоны и т. д. (см. Указъ отъ 8 Авг. 1785 въ путешествіи Сарычева 1802, I, стр. 3)

[3]) Такъ было съ Муравьевымъ и Павловымъ (Зап. Гидр. Деп. IX, стр. 217 и 265), также съ Мининымъ (тамъ-же, стр. 217, 290). Объ Овцынѣ см. тамъ-же стр. 284.

Въ мое время — это было въ царствованіе Его Величества Императора Николая I — многочисленная свита сенатора, бывшаго въ Сибири для ревизіи присутственныхъ мѣстъ, сближалась по преимуществу со ссыльными за политическія преступленія, такъ-какъ они составляли тамъ образованнѣйшую часть населенія; да и я самъ жалѣлъ, что крайняя поспѣшность пути по Сибирскимъ городамъ не дозволяла мнѣ дольше черпать свѣдѣнія изъ такихъ прямыхъ источниковъ. Но въ прошедшемъ столѣтіи въ Сибири царствовала страшная система подозрѣній, и подъ кровомъ законности свирѣпствовала безпощадно. Кто сообразитъ, какъ могущественнѣйшіе начальники Сибири одинъ за другимъ подвергались самымъ позорнымъ обвиненіямъ, то найдетъ почти въ порядкѣ вещей, что неутомимый ученый Мессершмидтъ по возвращеніи изъ Сибири былъ взятъ подъ арестъ, а знаменитый Штеллеръ, измученный судебными проволочками, погибъ отъ нападокъ, не доживъ до возвращенія.

Возвращаясь къ главному предмету послѣднихъ страницъ, припомнимъ въ заключеніе, какъ прекрасно устроено было ученое отдѣленіе экспедиціи. Гмелинъ старшій, Миллеръ и Людвигъ Делиль, недостойный братъ знаменитаго академика и географа, путешествовали независимо отъ начальника морской экспедиціи, хотя тѣ и другіе обязаны были помогать другъ другу, когда соприкасались въ своихъ дѣйствіяхъ. Чтобы придать вѣсъ экспедиціи въ глазахъ свѣта, объ ней всенародно объявили до отъѣзда съ поименнымъ обозначеніемъ ея членовъ и въ значительныхъ выраженіяхъ объ участіи самой Государыни къ ихъ успѣхамъ. Предъ отъѣздомъ они допущены были къ Императрицѣ на прощальную аудіенцію, удостоены цѣлованія руки и увѣреній въ неизмѣнной милости Ея Величества; на другой день точно также они откланялись прочимъ членамъ царскаго дома. Составъ ихъ свиты былъ не только полонъ, но даже блистателенъ до обремененія. Шесть студентовъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи было дано имъ съ самаго начала; а въ-послѣдствіи число ихъ возрасло до 12; Штеллеръ и Фишеръ сопровождали академиковъ въ качествѣ адъюнктовъ. За тѣмъ съ ними ѣхали: толмачъ, 5 землемѣровъ, къ которымъ послѣ прибавилось еще 4, инструментальный мастеръ съ учениками, живописецъ, рисовальщикъ, пробирщикъ съ двумя штейгерами; кромѣ того, совершенно вопреки нынѣшнимъ понятіямъ, академическимъ господамъ дано было военное прикрытіе изъ 12 рядовыхъ, подъ командой капрала и даже съ барабанщикомъ. Шума, конечно, много, слишкомъ много; но и прекраснаго намѣренія нельзя не видѣть. Академикамъ открыты были всѣ архивы; присутственныя мѣста обязаны были доставлять академикамъ проводниковъ, мастеровыхъ и рабочихъ. Кромѣ подводъ для повозокъ съ ученой поклажей, какъ-то съ книгами, инструментами, изъ числа которыхъ для примѣра назову зрительныя трубы въ 15 и 13 футовъ длины, и т. д., каждому изъ господъ академиковъ для его особы велѣно давать обывательскихъ лошадей на десять экипажей [1]).

---

[1]) См. предисловіе и первыя строки перваго тома путешествія Гмелина. Соколовъ сообщилъ къ тому нѣсколько дополненій (Зап. Гидр. Деп. IX, стр. 207, 230, 239, 446 и др.).

Свѣдѣнія касательно отдѣльнаго астрономическаго путешествія Іос. Делиля, брата вышеупомянутому, В. Струве пополнилъ изъ подлинныхъ дневниковъ Делиля 1740 и 1741 годовъ. (Годовое собраніе Русскаго Геогр.

Дѣло, очевидно, доведено до крайности. Посѣщеніе такого множества гостей для жидкаго населенія Сибири равнялось постою непріятельской арміи. Какъ ненавистны и разорительны были такія повинности обывателей въ пользу экспедиціи, мы будемъ имѣть случай видѣть въ продолженіи этого сочиненія; но все сказанное доселѣ едвали можно и сравнивать съ неслыханными усиліями, какихъ стоило мѣстнымъ жителямъ препроводить отъ Якутска чрезъ Становой хребетъ снаряды и людей для судовъ, построенныхъ для экспедиціи въ Охотскѣ.

Не смотря на такое необычайное множество косвенныхъ налоговъ въ пользу экспедиціи въ то время, когда обременительныя повинности натурой и безъ того были обыкновенны, выдачи чистыми деньгами на издержки экспедиціи простирались до 360,000 тогдашнихъ рублей [1]), которыхъ цѣнность, надобно замѣтить, была въ нѣсколько разъ больше нынѣшней. Сенатъ нѣсколько разъ посылалъ запросы въ Адмиралтействъ-Коллегію: не пора ли остановиться [2])? Но благодаря настойчивости Коллегіи, предпріятіе держалось теперь само собою, именно самою огромностью издержекъ. Доказательство, такъ часто поддерживавшее самыя шаткія предпріятія, на этотъ разъ, конечно, не могло остаться безъ дѣйствія. Надобно — говорили — довести дѣло до конца; иначе всѣ доселѣ сдѣланныя издержки пойдутъ на вѣтеръ.

Вышепоказанная сумма, конечно, въ десять разъ меньше того, что Англійское правительство издержало на поиски Франклина [3]), и оно было притомъ осыпано упреками за неумѣстную скупость, когда, сосчитавъ эти издержки, рѣшилось отказаться отъ дальнѣйшихъ жертвъ. Въ сравненіи съ этими издержками, всѣ пожертвованія Россіи въ пользу сѣверной экспедиціи многимъ могутъ показаться еще незначительными. Но вспомнимъ, что между этими двумя предпріятіями лежитъ $\frac{5}{4}$ столѣтія, что тогда Россія только лишь вступила въ рядъ Европейскихъ государствъ, и что за точками отправленія экспедицій Сибирь простиралась огромною пустыней, лишенною всякихъ средствъ и пособій. При этомъ перевѣсъ склонился бы рѣшительно на нашу сторону, еслибы различіемъ побужденій къ такимъ предпріятіямъ въ то время и въ наше, не отстранялась самая возможность сравненія между ними. Въ прошедшемъ столѣтіи къ тому подстрекала корыстная страсть, мечтавшая открыть новые пути въ Японію, Китай и Индію. Въ наше время изъ матеріальныхъ вожделѣній прошедшаго столѣтія выработались побужденія высшаго достоинства.

Достопамятное величіе нашей Сибирской экспедиціи, признаюсь, увлекло меня, но, думаю, не некстати, потому что съ этой экспедиціи въ сущности начались астрономическія съемки Сибири, и только теперь, и почти внезапно, изъ прежней путаницы темныхъ пред-

Общества 19 Дек. 1847, стр. 27 и слѣд.). Для его поѣзда нужно было 25 повозокъ, и для каждой повозки не меньше четырехъ лошадей.

[1]) Соколовъ въ Зап. Гидр. Деп. IX, 1851, стр. 452.

[2]) Тамъ-же, стр. 344.

[3]) По донесенію Англійскаго Адмиралтейства, поиски Франклина съ 1848 до 1854, стоили больше 20 милліоновъ франковъ; ср. Морской Сборникъ 1854, томъ XII, Май, стр. 74.

ставленій начали образоваться правильныя и точныя очертанія сѣверной Азіи, въ какомъ мы знаемъ ее нынѣ.

Впрочемъ первыми опредѣленіями широты мы обязаны, сколько мнѣ извѣстно, нашему ученому Мессершмидту. Вызванный Петромъ Великимъ какъ-бы въ видѣ приступа къ учрежденію Академіи Наукъ, Мессершмидтъ отправился въ Сибирь почти въ одно время съ геодезистами, посланными въ Камчатку въ 1719 году (см. выше стр. 45, прим. 1) и въ-продолженіе семилѣтняго тамъ странствованія, кромѣ своихъ ученыхъ естественно-историческихъ занятій, трудился надъ опредѣленіемъ сѣв. широты разныхъ мѣстъ. Но эти труды долго оставались въ неизвѣстности, потому что описаніе его путешествія не было издано, и только лѣтъ чрезъ 50 отрывки изъ его дневника сообщены были Палласомъ. Астрономы новѣйшаго времени, гордые точностью своихъ вычисленій даже въ секундахъ, едва уступаютъ сколько-нибудь значенія наблюденіямъ Мессершмидта; между тѣмъ вышло, что изъ 32 мѣстъ, опредѣленныхъ Мессершмидтомъ по теченію нижней Тунгуски, донынѣ исправлено положеніе одного только пункта, всѣ же остальные и нынѣ приходится означать такъ, какъ за полтораста лѣтъ они показаны Мессершмидтомъ. Ошибкѣ въ опредѣленіи широты пятью минутами, конечно, не-чего удивляться.

---

[1]) Мессершмидтъ путешествовалъ отъ 1719 до 1727 года. О его опредѣленіяхъ географическаго положенія упоминаетъ Гмелинъ (Reise 1757, I), а Палласъ въ Neue Nord. Beiträge III, 1782, стр. 97 и слѣд. извлекъ ихъ изъ его дневника. Сравнивая съ ними точнѣе опредѣленныя въ новѣйшее время широты Туруханска, Троицкаго монастыря, города Нерчинска и Нерчинскаго завода, и поставивъ ихъ въ тотъ же порядокъ, увидимъ, что они не сходятся съ новѣйшими опредѣленіями на 5′, 1′, $1\frac{1}{2}$′ и $1\frac{1}{4}$′. Такъ какъ они не довольно доступны читателямъ, да притомъ и забыты, а между тѣмъ представляютъ нѣсколько твердыхъ пунктовъ для южной половины Туруханскаго округа, слѣдующихъ другъ за другомъ подъ прямымъ угломъ къ теченію Енисея, то я считаю нужнымъ привести ихъ здѣсь.

Туруханскъ........................65° 50′

По теченію нижней Тунгуски:

Правое устье ея........................65° 47′
Второе скалистое ущелье на этой рѣкѣ (вверхъ отъ устья)........................65° 51′
Устье Лѣтней рѣки, впадающей въ Нижнюю-Турнгуску съ лѣва........................65° 53′
Порошинъ камень на правомъ берегу...........65° 13′
Устье рѣки Порошины съ права...............64° 50′
Хуй Островъ........................64° 27′
Черёмховъ-Быкъ на правой сторонѣ............64° 34′
Злапника на правой сторонѣ...................64° 14′
Семёновскій Островъ........................64° 3′
Устье Чисковы съ правой стороны.............63° 59′
Устье Лѣтней съ лѣвой........................63° 42′
Саженъ-Быкъ на правой сторонѣ...............64° 7′
Поповскій-Быкъ съ лѣвой.....................64° 4′
Рѣчка Качеризма съ правой стороны...........64° 12′
Левкомъ камень........................63° 39′
Рѣчка Размакниха съ правой стороны..........63° 48′
Юстинина Сопка на правой сторонѣ............63° 47′
Рѣчка Пановна съ лѣвой стороны..............63° 23′
Островъ Гулешовъ........................63° 16′
Рѣчка Ларивониха съ лѣвой стороны...........63° 9′
— — Дуроновъ-Яръ съ правой.....62° 50′
Кочорово ущелье на лѣвой сторонѣ............62° 28′
Рѣчка Средняя Кочорова съ-лѣва..............62° 10′
— Верхняя Кочорова съ-лѣва..............61° 26′
Скалистый берегъ Корбукачанъ съ-права.......61° 16′
Кривой волокъ........................60° 27′
Рѣчька Большая Ерома съ-лѣва................60° 23′
Логинова Заимка съ-лѣва.....................59° 5′
Краска Шивера........................58° 34′
Соснова Шивера........................58° 25′
Анкудиново ущелье съ-права..................58° 20′
Деревня Василова Подволошна на правой сторонѣ.58° 11′

Уже въ 1730 году геодезистъ Чичаговъ опредѣлилъ географическое положеніе 638 пунктовъ въ Енисейской губерніи. Ср. у Иванова въ Запискахъ И. Р. Географ. Общества, кн. IX 1853, стр. 441.

Объ опредѣленіи мѣстъ княземъ Шаховскимъ въ Забайкальскомъ краѣ сообщаетъ свѣдѣніе Георги (Reise, I, стр. 89, 128).

За этими первыми опредѣленіями широты вскорѣ послѣдовали и нѣкоторыя предварительныя установленія долготъ, которыя — странно подумать — начались съ самаго дальняго востока: въ первую экспедицію Беринга, онъ и его лейтенантъ, въ 1728 и 1729 годахъ, наблюдали два лунныя затмѣнія въ Камчаткѣ [1]). Съ небольшимъ десять лѣтъ спустя, достойный спутникъ недостойнаго Людовика Делиля де-ля-Кройера, Красильниковъ опредѣлилъ опять берега Камчатки и Охотскаго моря, но на этотъ разъ уже такъ точно, что его опредѣленія положеній Большерѣцка и Охотска донынѣ занимаютъ свое мѣсто въ таблицѣ наиточнѣе опредѣленныхъ мѣстностей Россіи. При всемъ томъ мы узнаёмъ, что въ 1760 году число точно опредѣленныхъ пунктовъ какъ въ Азіатской, такъ и въ Европейской Россіи, было еще не больше 17: такъ плохо пополнялось ими это обширное пространство [2]). Особенно долготы на картахъ изобиловали ошибками, какъ потому, что опредѣлять ихъ труднѣе, особенно при средствахъ и методахъ того времени, такъ и потому что на карты сѣвера Сибири по направленію долготъ, съуживающихся къ полюсу, заносились пространства, опредѣляемыя лишь предположительно. Разстоянія, опредѣляемыя чувствомъ путешественника на-угадъ и днями пути, при всей добросовѣстности оцѣнки, на картахъ всегда оказывались слишкомъ длинными. Les positions semblent fuir devant le voyageur, et en les atteignant il croit toujours avoir fait plus de chemin qu'il n'en a parcouru réellement, говоритъ Гумбольдтъ. Это фактъ, который, къ сожалѣнію, одинаково повторяется въ насъ при всякой оцѣнкѣ значенія своихъ трудовъ, — оцѣнкѣ, которая всегда бываетъ въ прямомъ отношеніи къ степени нашихъ усилій для преодолѣнія встрѣченныхъ нами препятствій, каковъ бы ни былъ успѣхъ этихъ усилій. Чѣмъ труднѣе дорога и именно чѣмъ болѣе гориста страна, тѣмъ длиннѣе является маршрутъ путешественника, и старыя ошибки счета днями пути являются во всей силѣ. Такъ какъ въ Сибирь проникали изъ Европейской Россіи, то, само собой разумѣется, и на картахъ Сибири всѣ чертежи слишкомъ далеко подались на востокъ.

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ спустя эти опредѣленія исправлены Іос. Делилемъ на основаніи наблюденій надъ спутниками Юпитера, произведенными его братомъ и лучше прежняго снаряженными для того моряками (Del'Isle, Nouvelles Cartes de découvertes de l'amiral de Fonte. Paris 1753, стр. 13). Съ тѣхъ поръ положеніе Камчатскихъ береговъ, какъ извѣстно, опредѣляли мореплаватели всѣхъ флаговъ.

[2]) У В. Струве въ Table des positions géographiques principales (Bulletin phys-math. de l'Acad. de St. Pétersb. 1842, № 19—21, стр. 290 и слѣд.) также есть свѣдѣнія касательно Сибири. Красильниковъ путешествовалъ съ 1736 до 1745. Въ 1740 г. Іос. Делиль опредѣлилъ теченіе Оби даже до Березова, но ошибочно. Братъ его, Людовикъ Делиль de la Croyère, донынѣ остается подъ подозрѣніемъ въ недобросовѣстной поддѣлкѣ своихъ наблюденій. Съ 1760 г. первымъ въ Тобольскѣ и Селенгинскѣ наблюденіемъ (Шаппа) надъ прохожденіемъ Венеры и особенно вторымъ такимъ-же наблюденіемъ въ Сибири, черезъ 10 лѣтъ послѣ перваго, начинается для Сибири новый періодъ. Были опредѣлены Якутскъ, Барнаулъ, Змѣиногорскъ, Усть-Каменогорскъ; притомъ Якутскъ съ особенною точностью. 1770 остается памятнымъ трудами Исленьева, 1785 — Иноходцова. Въ нашемъ столѣтіи рядъ новыхъ наблюденій начатъ Шубертомъ (1805) и его спутникомъ Теслефомъ въ Забайкальскомъ краѣ. За ними слѣдуетъ Врангель (1820—1824); потомъ въ 1823 — 30 Эрманъ и Ганстеенъ, а за ними (1830) Фуссъ. Изъ послѣднихъ Ганстеенъ, какъ доказалъ Струве, удивительно точенъ; Эрманъ, не смотря на самовосхваленіе, меньше, и всѣхъ меньше Фуссъ. Послѣ нихъ, 1832, Фёдоровъ опредѣлилъ 79 пунктовъ преимущественно между Ураломъ и Иркутскомъ; но его труды еще не изданы Пулковскою обсерваторіей. За тѣмъ астрономическіе труды перенесены преимущественно на восточную Сибирь и тѣмъ болѣе важны, что на этотъ огромномъ пространствѣ, простирающемся наискось черезъ 10 широты и 30 градусовъ долготы, до сихъ поръ не было опредѣлено ни одной мѣстности.

Изъ этого общаго источника наипростѣйшимъ образомъ объясняется полное согласіе между всѣми новѣйшими опредѣленіями мѣстъ западной половины Сибири въ самомъ поразительномъ ихъ результатѣ. Какъ Эрманъ на нижней Оби, такъ Ганстеенъ и Федоровъ на Енисеѣ, подобно своимъ предшественникамъ въ прошломъ столѣтіи [1]), пришли къ одному и тому-же результату, именно къ тому, что эти двѣ рѣки надобно передвинуть на картахъ къ западу градуса на два, даже на четыре, подъ такими широтами, гдѣ эта перестановка составляла больше 20 геогр. миль. Точно такъ-же года два назадъ тому, Габершамъ, крейсеровавшій на Американскомъ кораблѣ въ Охотскомъ морѣ, нашелъ сѣверную часть западнаго берега Камчатки слишкомъ далеко выдвинутою: положеніе его корабля, опредѣленное его наблюденіями, оказалось на такомъ мѣстѣ, гдѣ на картахъ значится не только земля, но сверхъ того еще погасшая сопка, находящаяся далеко отъ берега [2]). Преувеличеніе явилось здѣсь въ противоположномъ направленіи, потому что долготы восточнаго берега и южной оконечности Камчатки издавна установлены, и отъ этихъ твердыхъ пунктовъ берега были непомѣрно растянуты къ сѣверо-западу.

Наибольшая часть сѣверной Сибири донынѣ немало ожидаетъ такихъ поправокъ. При всемъ томъ морскіе офицеры большой сѣверной экспедиціи и сопровождавшіе ихъ штурманы и геодезисты даже на дальнѣйшемъ сѣверѣ Сибири опредѣлили многія широты, какъ оказалось, удовлетворительно, хотя конечно лишь съ приблизительною точностью, такъ что, пользуясь ими, надобно пренебречь нѣсколькими минутами. Такъ какъ я, при отправленіи, и безъ того обремененъ былъ неисполнимымъ множествомъ порученій, то затруднять себѣ еще заботами о географическихъ положеніяхъ было для меня тѣмъ менѣе кстати, что главный предметъ моего вниманія на отдаленнѣйшемъ сѣверѣ — распространеніе и жизненныя условія растеній и животныхъ — даже въ странахъ гораздо болѣе доступныхъ не требуетъ вниманія къ разностямъ въ 15, или 10 минутъ: развѣ только дѣло идетъ о подробномъ описаніи какой-либо мѣстности, а не объ общей характеристикѣ страны. Чтобы успокоить сомнѣнія, сильно взведенныя нѣкогда въ Запискахъ Гидрографическаго Департамента, Врангель доказалъ [3]), что въ широтахъ, опредѣленныхъ Лаптевымъ и Прончищевымъ, скрываются ошибки по высшей мѣрѣ лишь на нѣсколько минутъ; да и я самъ, пробѣгая оригиналы извѣстій нашихъ моряковъ, снимавшихъ Таймырскій край въ половинѣ прошлаго столѣтія, нашелъ несравненно

---

[1]) Уже въ прошломъ столѣтіи Шаппъ находилъ, что устье Волги (Астрахань) надобно подвинуть на 4 градуса къ западу (см. Engel's Geogr. und Kritische Nachrichten, Mietau 1772, стр. 22). Эрманъ устье Оби передвинулъ на 4 градуса (ср. Berghaus Annalen der Erd- und Völkerkunde, V, 1832, стр. 74 и Erman Reise um die Erde 1835, I, 2, стр. 405 и слѣд.). Такъ какъ въ Тобольскѣ онъ имѣлъ твердый пунктъ, опредѣленный Шаппомъ и Шубертомъ, то отсюда только началъ онъ передвижку Оби, поворотивъ ее къ западу колѣномъ; точно также какъ Ганстеенъ преимущественно только отъ устья Сыма погнулъ колѣномъ къ западу р. Енисей. (Ср. перечень опредѣленныхъ ими мѣстъ въ Mémoires de l'Acad. de St. Pétersb. VI-eme série, Sciences mathém. I. Bulletin scient. p. II, III, IX).

[2]) Zeitschrift für Allg. Erdkunde, 1857, III, 2. стр. 170, по сочиненію: The North Pacific Surveying and Exploring Expedition.

[3]) Врангеля Путешествіе, 1841, I, стр. 54, 80. — Съемки Геленстрёма, сдѣланныя почти сто лѣтъ позже, оказались несравненно болѣе ошибочны (тамъ-же стр. 143).

больше опредѣленій широты, чѣмъ сколько можно было полагать на основаніи печатныхъ о томъ свѣдѣній. Въ-слѣдствіе того состоялось опредѣленіе Академіи, по которому мнѣ не было дано ни спутника, ни снарядовъ для опредѣленія географическихъ положеній, а данъ только теодолитъ для магнитныхъ наблюденій [1]). Для блага будущихъ предпріятій въ этомъ родѣ, поспѣшимъ сознаться, что этимъ распоряженіемъ сдѣлано упущеніе, котораго вина отнюдь не падаетъ впрочемъ на Академію, потому что и безъ того нужны были особенныя усилія и особеныя личныя вліянія, чтобы осуществить экспедицію въ томъ видѣ, какъ она была исполнена. Въ наше время, при дальновидности промышленныхъ соображеній, чаще, чѣмъ когда-либо прежде, оказывается, что скупиться не во-время значитъ навѣрное терпѣть убытокъ. Еслибы къ моей экспедиціи прибавили члена для опредѣленія географическихъ положеній и для физическихъ вопросовъ, то теперь, за надбавку какихъ-нибудь двухъ тысячъ рублей, о которыхъ и говорить не стоитъ въ подобныхъ случаяхъ, мы имѣли бы самое точное опредѣленіе посѣщенныхъ мною мѣстъ на глубокомъ сѣверѣ, которыя теперь, вѣроятно, еще на столѣтіе погрузились въ прежнюю мглу; уже двѣнадцать лѣтъ мы точно знали бы положеніе многихъ пунктовъ на сѣверныхъ притокахъ Амура, куда въ теченіе этого времени донынѣ уже снаряжали астрономо-географическія экспедиціи съ большими тратами. Недостатокъ члена для помянутой цѣли я живо чувствовалъ съ самаго начала моего путешествія, и во всю дорогу старался хотябы на свой счетъ пріобрѣсть такого спутника. По нуждѣ я долженъ былъ удовольствоваться военнымъ топографомъ, котораго успѣлъ выпросить себѣ уже въ Сибири, изъ Омска, и считалъ себя счастливымъ, когда мнѣ разрѣшено было взять его съ собой на счетъ суммъ, назначенныхъ для моей экспедиціи [2]).

---

[1]) Для неопытныхъ путешественниковъ долгомъ считаю замѣтить, что при выборѣ изъ двухъ снарядовъ, употребляемыхъ для одной и той-же цѣли, изъ которыхъ одинъ уютнѣе и меньше требуетъ времени при употребленіи, а другой отличается особенною точностью, безъ всякаго раздумья должно отдавать предпочтеніе первому, какъ скоро дѣло идетъ лишь о побочныхъ цѣляхъ путешествія. Къ сожалѣнію, при моемъ отправленіи не послѣдовали совѣту кругосвѣтнаго плаватели Крузенштерна, который принималъ живѣйшее участіе въ моей экспедиціи и предлагалъ снабдить меня секстантомъ вмѣсто теодолита. Я самъ, къ несчастію, тогда не могъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ. Весною, тащась по Таймырской пустынѣ, я имѣлъ время для опредѣленія мѣстъ; но насъ постоянно окружалъ густой туманъ, а затѣмъ предо мной съ увлекающею быстротою раскрылся главный предметъ моихъ наблюденій—растительная и животная жизнь. Къ тому-же я спѣшилъ, пока есть время, проникнуть въ отдаленнѣйшую глубь сѣвера. Должно было дорожить каждою минутой. Неуклюжій теодолитъ, занимавшій собою кубическій футъ и сверхъ того требовавшій еще подставки, пришлось бросить.

[2]) Изъ Кіева, куда я писалъ къ директору тамошней обсерваторіи, моему другу и товарищу, Федорову, я получилъ отрицательный отвѣтъ: тамъ между молодыми людьми не нашлось ни одного желающаго и способнаго присоединиться къ эспедиціи для опредѣленія географическихъ положеній. Въ Москвѣ одинъ молодой человѣкъ, магистръ Мюльгаузенъ вызвался-было ѣхать со мной; но отецъ его, врачь, принимая въ соображеніе состояніе его легкихъ, воспротивился его горячему желанію. Въ Казани переговоры со старшимъ учителемъ Поповымъ кончились ничѣмъ, потому что мои собственныя средства были недостаточны для выполненія предложенныхъ имъ условій.

На отправку полковника Ахте, проѣхавшаго по моимъ слѣдамъ по южной покатости Манджуріи, употреблено почти въ шесть разъ больше того, что издержано тамъ мною. Хотя къ 10,000 р. сер., которыя согласились мнѣ назначить, послѣ прибавлено было еще 5000; но эти деньги дошли до меня только тогда, какъ я былъ уже на возвратномъ пути. Изъ общей суммы для обѣихъ частей моей экспедиціи, состоявшей изъ 13,322 р. сер., къ сожалѣнію, слишкомъ большая доля (5.772 р.) приходилась на жалованье, потому что ни одинъ изъ участни-

Неожиданный результатъ бѣглаго очерка, набросаннаго мною нѣкогда проѣздомъ чрезъ Лапландію съ единственною помощью охотничьяго компаса [1]), давно убѣдилъ меня, что даже недостаточныя карты отдаленныхъ странъ могутъ быть очень годны. Теченіе рѣки Колы, такъ часто называемой по имени уже нѣсколько столѣтій, по которой ежегодно тысячи жителей Архангельской губерніи спускаются къ открытому морю, проѣзжаютъ чиновники, даже сами губернаторы, я могъ, съ помощью помянутаго очерка, представить совершенно въ иномъ видѣ: вмѣсто направленія съ востока къ западу, какъ изображали ее лучшія карты, я возстановилъ ея истинное направленіе съ юга на сѣверъ. Въ новѣйшія времена Абихъ при изслѣдованіи вулкановъ существенно исправилъ топографію островов Липарскихъ и Понтинскихъ, а Форбсъ, при изслѣдованіи ледниковъ — топографію Альповъ. Сколько же можно было сдѣлать въ Сибири! По этому я, гдѣ только дозволяли обстоятельства, не упускалъ трудиться съ Вагановымъ надъ вычерчиваніемъ посѣщенныхъ нами странъ и заносить на бумагу показанія инородцевъ, въ которыхъ часто, конечно, трудно было разобрать путанницу. Что такія изображенія мѣстностей, не смотря на ненадежность основаній, могутъ имѣть свою цѣну, подтверждаетъ также недавній опытъ путешествія Гофмана къ сѣверному Уралу [2]), въ которомъ карты Регули служили ему важнымъ пособіемъ.

Хотя большую часть моихъ топографическихъ чертежей я не смѣлъ назначать для публики, однако Академія, принимая въ соображеніе, что посѣщенныя мною страны, может быть, не скоро дождутся другаго путешественника, постановила издать ихъ въ томъ объемѣ, въ какомъ они прилагаются къ настоящему сочиненію, чтобы такимъ образомъ сохранить этотъ матеріалъ до позднѣйшихъ временъ.

Мое теперь дѣло снабдить каждый листъ этого атласа надлежащимъ поясне-

ковъ экспедиціи не былъ оставленъ при томъ-же содержаніи, какое получалъ на прежнемъ мѣстѣ службы, какъ это бывало въ другихъ случаяхъ. А такъ какъ жалованье должно было платить въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, то эта доля вышла значительна, не смотря на то, что я самъ получалъ недостаточное жалованье — 1000 р. сер., и соразмѣрно съ тѣмъ другіе. Затѣмъ большую часть суммъ поглотили страшныя разстоянія, какъ на сѣверъ, такъ и на востокъ; потому что и въ этомъ отношеніи мы не пользовались ни однимъ изъ обыкновенныхъ облегченій со стороны казны. На проѣздъ членовъ экспедиціи въ Сибирь и обратно, съ поклажей и съ собраніями, равно и на всѣ странствованія по самой Сибири пошло 3640 р. 726 рублей стоили геотермическія изысканія, какъ-то: надлежащее устроеніе Шергинской шахты, сверленіе дыръ въ стѣнахъ ея, также сверленія и колодцы въ Якутскѣ, Амгѣ, Олекминскѣ, Витимскѣ. Остальные 3200 р. издержаны на наемъ и содержаніе сопровождавшихъ насъ людей, на постройку и снаряженіе лодокъ и особенно байдары, на инструменты, спиртъ, укладку, — словомъ, на матеріалы нужные для собраній и т. п. Въ сравненіи съ данными средствами, конечно, сдѣлано все, что было можно сдѣлать; но небольшая прибавка могла бы увеличить сумму сдѣланнаго вовсе несоразмѣрно съ величиною прибавки. Было бы лишнимъ объяснять, что вина тѣсныхъ размѣровъ экспедиціи не падаетъ на Академію, хотя ею затѣяно было все предпріятіе. Но было бы величайшею несправедливостью не упомянуть, что нужно было все пламенное усердіе г. Бэра, чтобы наконецъ пустить въ ходъ дѣло хотя въ томъ видѣ, въ какомъ оно состоялось.

Кому интересно сравнительно оцѣнить необходимѣйшія средства снаряженія, требуемыя крайнею нуждою, пусть тотъ приметъ въ соображеніе путешествіе Загоскина (Пѣшеходная Опись 1847, I, стр. 8), которое снаряжено было для розысканій въ пользу торговли нашею Сѣверо-Американскою Компаніей.

[1]) См. мою статью: «Нѣсколько словъ въ поясненіе начертанія пути отъ Колы до Кандалакши» въ Уч. Зап. И. Ак. Наукъ по I и III Отд. Том. II, стр. 106 — 113 (СПб. 1854).

[2]) См. Der nördliche Ural und das Küstengebirge Pae-Choi. 1856, стр. 4.

ніемъ, по которому можно бъ было съ точностью судить о степени ихъ годности. Къ этому и переходимъ мы теперь на слѣдующихъ страницахъ, гдѣ будетъ подробнѣе разсмотрѣна географія каждаго края отдѣльно, по главнымъ частямъ моего путешествія; а чтобы предварительно осмотрѣться на всемъ его пространствѣ, я приглашаю взглянуть на первый листъ нашего атласа.

Таймырскій край.

Какъ на югѣ Азіи сплошной материкъ ея наидалѣе, почти до экватора, простирается, въ видѣ языка, полуостровомъ Малаккой, такъ на сѣверѣ, почти подъ тѣми-же меридіанами, онъ наиболѣе выдается къ полюсу полуостровомъ Таймыромъ. Этотъ раздвоившійся полуостровъ бо́льшею изъ своихъ половинъ — восточною — простирается за $77\frac{1}{2}$ град. с. ш. [1]) подъ меридіаномъ, нынѣ еще вовсе неизвѣстнымъ, приблизительно же говоря, можетъ быть, подъ сотымъ (къ востоку отъ Парижа, или Гринича), которымъ сѣверъ Азіи дѣлится на двѣ неравныя части: на меньшую — западную и почти въ-двое большую числомъ градусовъ долготы — восточную Западная часть полуострова почти на цѣлый градусъ ниже восточной.

Какъ сами близнецы эти, такъ и раздѣляющій ихъ заливъ, издавна называются Таймуромъ или, правильнѣе, Таймы́ромъ [2]). Замѣчательно, что какъ въ очертаніяхъ между сѣверною и южною оконечностями Азіи есть сходство, вѣроятно, не лишенное значенія, такъ и самое названіе сѣверной оконечности, случайно или неслучайно, представляетъ разительное сходство съ извѣстнымъ на югѣ Азіи именемъ: больше трехъ сотъ лѣтъ надъ Индіей властвовалъ до нынѣ, происходившій отъ Тамерлана, домъ Таймура. Со времени моего путешествія именемъ Таймырскаго края, для краткости, я называю, кромѣ двухъ полуострововъ, и смежную съ ними страну, простирающуюся къ западу до Енисея, къ востоку до Ха́танги, къ югу почти до горнаго хребта Сы́верма, идущаго вдоль полярнаго круга.

Съ какихъ временъ начинаются свѣдѣнія объ этомъ краѣ?

Картографія Сибири, какъ сказано выше (стр. 32), началась съ половины XVI столѣтія и съ того времени во множествѣ перепечатокъ въ-продолженіи $\frac{5}{4}$ столѣтія оставалась почти безъ перемѣны. Свѣдѣнія о сѣверной Сибири простирались здѣсь по высшей мѣрѣ лишь до Енисея, и о Таймырскомъ краѣ, или даже вообще о томъ, что было дальше Енисея, не могло быть и рѣчи.

При всемъ томъ, мы видимъ, въ старинныхъ западно-европейскихъ сборникахъ картъ XVI и XVII столѣтій изображается не только вся Азія со включеніемъ сѣверныхъ

---

[1]) До 77° 33′; мысъ западнаго полуострова до 76° 38′. Вышеупомянутое сходство между крайними оконечностями Азіи на сѣверѣ и югѣ въ первые замѣчено, если не ошибаюсь, Гумбольдтомъ. Шницлеръ (L'Empire des Tsars I, 1856, p. 97. Прим.) вовсе ошибочно простираетъ сѣверную оконечность до 78° 26′, если не до 78° 10′.

[2]) Прежде постоянно называли: Таймуръ или Таймура. Но кочевые туземцы говорятъ: Таймырра или Таймыръ, почему я и принимаю этотъ выговоръ и правописаніе.

и восточныхъ своихъ береговъ, но даже особый листъ посвящается Татаріи, стало быть, нынѣшней нашей Сибири и особенно съ юга прилежащимъ къ ней странамъ.

Всмотримся нѣсколько ближе [1]. Съ самаго перваго взгляда здѣсь съ изумленіемъ видишь полную географическую сѣть и въ ней изображеніе нынѣшняго Таймырскаго края. Къ востоку отъ Оби и отъ морскаго залива по ту сторону ея, который не можетъ быть никакимъ другимъ, кромѣ Енисейскаго, берегъ Ледовитаго моря, до тѣхъ поръ довольно правильно проведенный, въ среднемъ своемъ положеніи, подъ 70° с. ш., круто поднимается вверхъ за 80°-й къ Scythicum promontorium и описываетъ большой полуостровъ, который поразительно соотвѣтствуетъ настоящему Таймырскому краю и стоитъ даже подъ тѣми самыми градусами долготы [2], которые мы показали выше. Такимъ образомъ очертаніе края, даже со включеніемъ широты и долготы, въ то время представлялось удивительно сходно съ нынѣшнимъ; въ немъ есть даже и озеро и текущая чрезъ него рѣка, и притомъ съ именемъ, только отличнымъ отъ нынѣшняго, именно: Turb вмѣсто Таймыра. Откуда же, съ какихъ концовъ свѣта взялось такое свѣдѣніе у тогдашнихъ географовъ? Въ текстѣ, приложенномъ къ разсматриваемому листу, мы встрѣчаемъ ссылки только на извѣстныхъ путешественниковъ: Марка Поло, Матѳея Мѣховскаго и Герберштейна, и не находимъ ни малѣйшаго повода догадываться, чтобы Таймырскій край уже въ то время посѣтилъ кто-либо изъ образованныхъ. При всемъ томъ какъ-то не вѣрится, чтобы рукою тогдашнихъ картографовъ такъ мѣтко водилъ слѣпой случай. И если примемъ въ соображеніе, что у нихъ малоизвѣстныя страны, по весьма понятнымъ причинамъ, постоянно выходили на картахъ несоразмѣрно укороченными и слишкомъ прямолинейно очерченными, то, конечно, не будемъ удивляться, если они въ начертаніи Таймырскаго края градуса на два поднялись выше надлежащаго; но истинно подивимся тому, что они именно на этомъ мѣстѣ берега такъ рѣшительно вычертили далеко выдающійся полуостровъ, и къ правильному виду Таймырскаго края приблизились не меньше, чѣмъ въ изображеніи многихъ другихъ краевъ, о которыхъ тогда гораздо больше было толковъ.

При этомъ само собою приходитъ на мысль, не испыталъ ли нашъ Таймырскій край такую-же участь, какъ сосѣднія ему страны: Гренландія и Сѣверная Америка, которыя еще въ IX вѣкѣ были открыты и до XI съ успѣхомъ населялись Норманнами, а въ слѣдующія средневѣковыя времена до того были забыты, что потомъ пришлось вновь открывать ихъ? Но отъ этой догадки невольно отказываешься, когда представишь себѣ, насколько недоступнѣе тѣхъ странъ нелюдимый край Таймырскій. Да и всматриваясь строже въ надписи тогдашнихъ картъ Сибири, тотчасъ приходишь къ неопровер-

---

[1] Изъ множества помянутыхъ сборниковъ предъ моими глазами лежитъ изданіе 1570 Theatrum Orbis Terrarum Авраама Ортеліуса (Abrahamus Ortelius Antverpianus) и именно листъ съ заглавіемъ: Tartariae sive Magni Chani Regni typus. Правда, уже и Витзенъ (по изданію 1692, стр. 133) считалъ Ортеліуса компиляторомъ безъ всякой критики.

[2] 120° отъ Ферро.

жимому сомнѣнію въ возможности того, чтобы сѣверные берега были начерчены съ показаній очевидцевъ. Не говоря объ очертаніяхъ береговъ, въ наполненіи очерченнаго пространства на многомъ, очень многомъ узнаешь ясную печать идеальнаго изображенія, которое сложилось изъ совокупности непонятныхъ разсказовъ и ошибочныхъ толкованій ихъ, плодившихъ другъ друга въ разныя времена, — въ XIII — XVI столѣтія, конечно, по преимуществу, — и, въ заключеніе, удостовѣряешься, что въ этихъ идеальныхъ созданіяхъ имѣли полный просторъ легковѣрныя гаданія слѣпой фантазіи. Здѣсь на крайній сѣверо-восточный уголъ Азіи, омываемый проливомъ, отдѣляющимъ ее отъ Америки, закинутъ даже мысъ Tabin, упоминаемый Плиніемъ. Рядомъ съ этимъ древнѣйшимъ свѣдѣніемъ изъ временъ языческихъ занимаетъ мѣсто страна Arsareth и въ ней, по ученымъ мудрованіямъ христіанскаго періода, назначено мѣсто жительства десяти погибшимъ колѣнамъ Израильскимъ, которыя увелъ съ собой Навуходоносоръ. Особенно же бросается въ глаза множество именъ, извѣстныхъ намъ изъ сказаній Марка Поло [1]). Послѣ того какъ въ новѣйшія времена такъ блистательно доказаны правдивость и критическое здравомысліе этого великаго путешественника, имена эти обѣщаютъ намъ въ себѣ дѣйствительную истину; но какъ въ XVI вѣкѣ истинный видъ Азіи былъ еще неизвѣстенъ, то и въ этихъ картахъ мы находимъ только образчикъ того, какъ спутывались тогдашніе картографы, стараясь извлечь изъ показаній Марка Поло начертательный видъ Азіи. Алтай, о которомъ Марко Поло въ первый разъ сообщилъ намъ извѣстіе, поставленъ на западѣ отъ Таймырскаго края, хотя въ надлежащихъ широтахъ; но волны Ледовитаго моря омываютъ почти его подошвы. Какъ же ошибочны должны быть понятія о тѣхъ странахъ глубокаго сѣвера, которыя самъ Марко Поло упоминаетъ только по слухамъ и разспросамъ! Такъ при началѣ полуострова, похожаго на Таймыръ, мы находимъ на картахъ болотистую равнину Bargu, подъ которою самъ путешественникъ, кажется, разумѣлъ всего прежде Барабинскую степь, а потомъ, можетъ быть, и всю низменность, разстилающуюся между рѣками Иртышомъ и Енисеемъ къ Ледовитому морю [2]). Ея населеніемъ показана орда Мекритовъ. Мастерскою рукою, немногими,

[1]) Тутъ встрѣчаемъ мы городъ Марка Поло Lop, который стоитъ и на извѣстной португальской картѣ 1375, и положеніе котораго до нынѣ не было опредѣлено съ точностью. Къ этому городу примыкаетъ степь, безъ всякаго сомнѣнія нынѣшняя наша великая степь Гоби; потомъ мы тамъ находимъ знаменитое становище наслѣдниковъ Чингисхана, Каракоранъ, Тангутъ, города Тендукъ или Thiante на равнинѣ, на которой кочевалъ Чингисханъ. Далѣе: Cimbalu—тогдашній Пекинъ. Xandu, Kaindu и т. д.; потомъ видимъ имя ничѣмъ другимъ неизвѣстнаго народа Argon и т. п. Все это занесено на карту, очевидно, по сказаніямъ Марка Поло.

[2]) Такъ какъ эта равнина, по прямому выраженію Марка Поло, находится къ сѣверу отъ Каракорана и отъ Алтая, то объясненіе Бюрка (Die Reisen des Venezianers Marco Polo, 1845, стр. 224, Прим. 188) надобно признать вполнѣ основательнымъ. Штраленбергъ, гоняясь за созвучіями имени города Баргузинска, ушелъ на западъ къ Байкалу. Д'Анвиль увлекся этой ошибкой, а Клапротъ старался пріискать для нея историческое основаніе. При всемъ томъ Нейманъ вовсе не правъ, когда для поправки Бюрка (ср. стр. 618 въ вышеупомянутомъ «Путешествіи») опять возвращается къ Монгольскому племени Баркутъ и къ обитаемой имъ странѣ Баркучинъ близъ Селенги. Могло быть, и даже очень вѣроятно, что племя Меркитъ, пораженное Чингисомъ, переселилось съ Иртыша въ Прибайкальскія страны и такимъ образомъ здѣсь очутились жители страны Баргу; но Марко Поло подъ именемъ равнины Баргу во всякомъ случаѣ разумѣлъ по преимуществу страну по рѣкѣ Оби, которой нельзя не узнать въ его мѣткомъ описаніи.

но мѣткими чертами изображаетъ Марко Поло и страну и ея кочевыхъ обитателей въ томъ самомъ родѣ жизни, какой они ведутъ и доселѣ. Множество озеръ и болотъ, полныхъ рыбой и дичью; сосѣдство океана; убой облинялой дичи; порода оленей, употребляемыхъ для верховой ѣзды [1]) и вмѣстѣ въ пищу за неимѣніемъ ни хлѣба, ни вина; переселеніе птицъ и звѣрей на зиму по причинѣ невыразимой стужи; соколы-голубятники и бѣлыя куропатки, хотя послѣднія описаны не довольно ясно: все это очаровываетъ знатока Сибири поразительною вѣрностью изображенія. Все это и теперь тамъ точно также, какъ было за 800 лѣтъ, и надо удивляться, какъ въ горахъ, близкихъ къ океану, въ которыхъ водится много коршуновъ и соколовъ-голубятниковъ, давно не признали сѣвернаго Урала. Жаль, что нельзя дознаться, что̀ именно разумѣется подъ островомъ близь берега, откуда его ханское величество получалъ кречетовъ, сколько ему угодно: изъ мелкихъ ли острововъ, или Вайгачъ иль даже Новая Земля? На разсматриваемой картѣ Ортеліуса этотъ островъ невѣрно помѣщенъ на востокѣ отъ полуострова, похожаго на Таймыръ. Какъ видно, уже во времена Марка Поло по теченію Иртыша и Оби до Ледовитаго моря было живое сообщеніе съ странами внутренней Азіи, по которымъ онъ самъ путешествовалъ. Какъ-разъ въ то время уже начали образовываться Татарскія царства, съ которыми черезъ триста лѣтъ имѣлъ дѣло Ермакъ при покореніи Сибири.

Но возвратимся къ нашей картѣ. Кромѣ именъ, заимствованныхъ у Марка Поло, какъ мы сейчасъ объяснили, мы видимъ на ней въ предполагаемомъ краѣ, одно за другимъ, имена Ciremissorum horda, Usezucanorum horda, Chiesanorum horda и наконецъ Baschirdorum horda, занесенныя, очевидно, по самымъ свѣжимъ тогда извѣстіямъ: стало быть, сюда, на востокъ отъ Оби, перенесены по ошибкѣ города и народы Зауральско-Европейской Россіи, Устюгъ и Казань, Черемисы и Баршкиры. Наконецъ, на самомъ крайнемъ сѣверѣ полуострова несчастныя 10 Израильскихъ колѣнъ, не преминувшія и здѣсь явиться подъ именемъ Danitarum и Nepthalitarum horda, окончательно потрясаютъ наше довѣріе къ тогдашнему знанію Таймырскаго края изъ разсказовъ какого-либо очевидца, о которомъ будто-бы не дошло свѣдѣній. Такимъ образомъ, какъ ни велико въ главныхъ линіяхъ сходство очертаній этой части древнѣйшихъ картъ съ дѣйствительностью, все-таки въ немъ, за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній къ его подтвержденію, приводится видѣть дѣйствіе какой-то замѣчательной случайности. Можетъ быть впрочемъ, кстати здѣсь указать на примѣчаніе слѣдующей страницы, изъ котораго видно, что такимъ-же образомъ Витзенъ, уже въ историческія времена Сибири, отъ правильнаго представленія Таймырскаго края, имѣвшаго основаніе въ дошедшихъ до него свѣдѣніяхъ, въ-послѣдствіи опять возвратился къ неправильному, и притомъ потому, что не выразумѣлъ подробнѣйшихъ о томъ извѣстій. Отъ бывшаго Тобольскаго намѣстника

---

[1]) Въ продолженіи этого сочиненія, когда будетъ рѣчь объ оленяхъ въ значеніи домашняго скота, сказаніе о ѣздѣ на оленяхъ будетъ защищено противъ замѣчанія Марсдена и Бюрка (въ вышеприведенномъ сочиненіи стр. 225. Прим. 190). О бѣлыхъ куропаткахъ я покажу въ зоологической части сочиненія, что только эту птицу могъ разумѣть Марко-Поло подъ именемъ Bargelak.

Головина Витзенъ узналъ, что было 6 или 7 попытокъ объѣхать вокругъ Таймырскаго полуострова изъ рѣки Енисея, но смѣлые плаватели каждый разъ или погибали, или, встрѣчаясь съ массами льда, возвращались, ничего не сдѣлавъ. Нынѣ я успѣлъ указать и слѣды одного изъ этихъ предпріятій, отыскавъ въ рукописномъ дневникѣ Минина замѣтку о томъ, какъ онъ, подъ 72° с. ш. (у села Крестовскаго), посылалъ людей на берегъ, чтобы своими глазами видѣть крестъ, поставленный въ 1687 году въ память судна (кочи), отплывшаго къ Пясинѣ и пропавшаго безъ вѣсти. Между тѣмъ современникъ этого памятника неустрашимой предпріимчивости, Ремезовъ, не зналъ даже названія Таймыра. Напрасно ищешь на его картѣ рѣку или озеро этого имени.

Разставаясь съ нашей древнѣйшею картой Татаріи, сдѣлаемъ относительно ея еще одну замѣтку о самомъ сборникѣ Ортеліуса, въ которомъ она находится. Онъ открывается сводной картой всей земной поверхности, въ видѣ овала, положеннаго поперекъ листа, подъ заглавіемъ Typus orbis terrarum, гдѣ на мѣстѣ выдающагося къ сѣверу Таймырскаго полуострова показано, въ противоположность картѣ Татаріи, углубленіе берега къ югу въ видѣ залива. Въ этомъ заливѣ стоитъ островъ Tazata, помѣщенный сюда, очевидно, по Плинію, а къ сѣверу отъ него — Новая Земля, уже перерѣзанная на-двое, но растянутая, въ совокупности съ Америкой, въ видѣ полярнаго материка. Это начертаніе взято, очевидно, изъ знаменитаго Меркатора, и съ тѣхъ поръ на картахъ дѣйствительно изчезли на семь четвертей столѣтія всѣ слѣды подъема сѣвернаго берега Сибири на мѣстѣ Таймыра: мы разумѣемъ впрочемъ только новые чертежи картъ, а не меркатильныя перепечатки старыхъ, недобросовѣстно выдаваемыя за новые чертежи, но очень добросовѣстно передовавшія прежнее подобіе Таймыра.

Только съ карты Витзена (ср. стр. 33) эта выемка начала выпрямляться, хотя это произошло, какъ мы видѣли (стр. 38), отъ того только, что Ремезовъ обводилъ берега примѣняясь къ рамкѣ своего листа. И этой дѣтской безсмысленности суждено было имѣть вліяніе въ продолженіе полустолѣтія, потому что только въ 1745 году наша Академія пустила въ ходъ карту, на которую занесена была рѣка Таймыръ, съ клочкомъ восточнаго полуострова Таймыра [1]). На II листѣ нашего атласа въ верхнемъ, съ лѣвой

---

[1]) Напрасно искалъ я по Петербургу перваго изданія карты Витзена; но изъ текста его (Tweede Druk, 1705, p. 91) я усматриваю, что въ «первомъ начертаніи» онъ, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, сдѣлалъ на сѣверномъ берегу Азіи два большихъ выгиба въ видѣ языковъ, но одинъ изъ нихъ, на востокѣ Енисея — слѣдовательно нашъ Таймырскій край — послѣ опять имъ урѣзанъ. Такимъ образомъ въ начертаніи Таймырскаго края въ другой разъ сдѣланъ шагъ назадъ, и именно потому, что русскій посланникъ въ Голландіи въ 1697 году, Головинъ увѣрялъ, что берегъ между Енисеемъ и Леной неизвѣстенъ. Еще на листѣ: Imperii Rossici Tabula Generalis, изданномъ Кириловымъ 1734, котораго оригиналъ, означенный 1733 годомъ, хранится въ Академіи, означенный берегъ проведенъ прямолинейно, равно и въ «Атласѣ, сочиненномъ къ пользѣ и употребленію юношества», изданномъ Академіей въ 1737 году.

Новое положеніе дѣла начинается «Генеральной Картой Россійской Имперіи» изданной съ «Атласа Россійскаго стараніемъ и трудами И. Академіи Наукъ 1745». Nouvel Atlas de Marine, изданный Исаакомъ Брукнеромъ 1749, распространилъ это новое изображеніе страны въ чужихъ краяхъ. Въ этомъ же видѣ является Sibiriae maximae septentrionalis pars на картѣ при сочиненіи I. Г. Гмелина Reise durch Sibirien, част. IV, отпечатанномъ въ Гёттингенѣ 1752.

А въ рукописяхъ новый видъ сѣвернаго края былъ уже занесенъ въ 1741 на «Генеральной Меркаторской

стороны, углу переданъ видъ, въ какомъ представляли тогда очертанія этого клочка. При сбивчивости извѣстій и особенно по неопредѣленности долготъ, какъ Прончищевъ, такъ и Харитонъ Лаптевъ, а съ ними и Петербургскіе географы должны были предполагать, что мореплаватели, отправившіеся на западъ, въ губѣ св. Ѳаддея достигли уже устья рѣки Таймыры. Въ рукописныхъ морскихъ журналахъ въ архивѣ Адмиралтейства, изъ которыхъ я, предъ отъѣздомъ, сдѣлалъ для себя нѣсколько выписокъ, нашелъ я слѣдующія соображенія, изложенныя Прончищевымъ подъ 19 Августа 1736, а Лаптевымъ подъ 21 и 22 Іюня 1839. Они полагали, что находятся въ Таймырскомъ заливѣ, 1) потому что горы хребта, простирающагося съ O къ W, здѣсь раздались; 2) потому что вода здѣсь казалась имъ чище морской; 3) потому что приливъ здѣсь продолжался только три часа, въ противоположность правильному ходу приливовъ, до тѣхъ поръ ими испытанному; 4) потому что здѣсь показалось множество бѣлугъ и чаекъ. Нѣсколько малыхъ партій, одна за другою отправленныхъ Лаптевымъ для отысканія устья рѣки, возвратились безъ успѣха, однѣ по причинѣ полыхъ мѣстъ на льду залива, другія по причинѣ сильныхъ вѣтровъ, опасныхъ по свойству береговъ. На основаніи приведенныхъ причинъ и мы, конечно, должны допустить, что въ губу св. Ѳаддея дѣйствительно впадаетъ большая рѣка, и можемъ заключить, что на восточномъ Таймырѣ есть другая большая, донынѣ намъ не извѣстная рѣка.

Прошла еще четверть столѣтія до 1770 года, когда наша Академія въ лицѣ своего адъюнкта Трускотта могла исправить прежнее неточное изображеніе [1]) и передать къ общему свѣдѣнію правильное очертаніе обоихъ полуостровов Таймырскаго края. Этотъ правильнѣйшій чертежъ съ тѣхъ поръ перешелъ во всѣ здѣшнія и иностранныя карты и повторяется на нихъ доселѣ.

Прежде нежели пойдемъ дальше, мы не можемъ пройдти молчаніемъ одного предположенія, распространеннаго много читаннымъ въ свое время сочиненіемъ Штраленберга. На его картѣ сѣверная Сибирь въ Таймырскомъ краѣ представляется соединенной съ сѣверо-восточнымъ берегомъ Новой Земли посредствомъ узкаго и длиннаго перешейка [2]), и

Картѣ Сѣвернаго моря» Петра Фондезина, снятой въ нашемъ атласѣ на лѣвомъ верхнемъ углу лист. II. и еще на «Лант-картѣ сочиненной съ разныхъ картъ . . . при Морской Академіи, Февраля 19-го дня 1741-го году». Этими двумя рукописными картами я пользовался въ архивѣ Адмиралтейства.

1) На основаніи географическихъ свѣдѣній, которыя мѣстныя начальства съ 1760 года обязаны были доставлять въ Академію. Новое начертаніе явилось въ одно время на русскомъ и на латинскомъ языкахъ; на латинскомъ: Pars territorii Mangaseiensis et Jakutensis, ostiaque fluviorum Jenisseae et Lenae comp. J. Truscott 1770; на русскомъ «Часть Мангазейскаго и Якуцкаго уѣзда» и пр. Надобно притомъ замѣтить, что тотъ-же чертежъ явился въ свѣтъ уже два года раньше въ Sibiriae veteris Tab. II, при второмъ томѣ Фишеровой Sibirische Geschichte. На картѣ, изданной въ большомъ размѣрѣ въ 1793 году подъ заглавіемъ: Carte générale de l'Empire de Russie, divisée en 42 gouvernements, равно и на копіи ея во времена Императора Павла: «Ген. карта Росс. Имперіи на 41 (!) губернію раздѣленной» хотѣли совокупить правильное начертаніе съ вышеупомянутымъ чертежомъ Фондезина, переданнымъ на II листѣ нашего атласа: отъ того здѣсь, кромѣ Таймырскаго озера, явилось другое большое озеро, будто-бы имѣющее истокъ въ Ѳадееву Губу.

2) Карта эта имѣетъ заглавіе: Nova descriptio geographica Tattariae Magnae . . . . una cum delineatione totius Imperii Russici, imprimis Siberiae и издана 1730. На стр. 17 своего сочиненія (изд. 1730) Штраленбергъ завѣряетъ, что этотъ перешеекъ дѣйствительно существуетъ.

Штраленбергъ увѣряетъ, что объ этомъ ему разсказывали люди, которые нѣсколько дней проѣзжали по этому соединенію. Но этотъ взглядъ занесенъ былъ на бумагу и пущенъ въ ходъ еще за четверть столѣтія до Штраленберга, знаменитымъ географомъ, также членомъ нашей Академіи, I. Делилемъ [1]). Съ одного корабля, обошедшаго будто-бы Новую Землю, нѣкто Ельмертсъ, служившій здѣсь поваромъ, видѣлъ на юго-востокѣ землю, и эту землю, подъ именемъ Ельмертовой продолжили въ мысляхъ отъ Новой Земли до Сибири. Позднѣе, и конечно правильнѣе, имя Ельмерта перешло на обще-извѣстный полуостровъ, составляющій западный берегъ Обской губы, который, поднимаясь далеко за 73° с. ш., такъ мѣшаетъ плаванію въ Сибирь: онъ донынѣ хранитъ въ своемъ названіи историческое воспоминаніе объ Ельмертѣ, но на русскихъ картахъ, естественно, въ искаженномъ видѣ Ялмалъ [2]), въ которомъ однако оно перешло и въ иностранныя карты.

Итакъ пять фазъ долженъ былъ пройдти Таймырскій край въ изображеніи на картахъ.

Нынѣшній, говоря вообще, правильный чертежъ сѣверныхъ береговъ Сибири, очевидно, заимствованный изъ оригинальныхъ картъ нашихъ морскихъ героевъ прошлаго вѣка, механически переходилъ изъ одного изданія въ другое во всѣхъ картахъ нашего столѣтія, а первоначальный источникъ между тѣмъ потерялся изъ виду, да и долженъ

---

[1]) Въ 1692 г. Витзенъ (по первому изданію Предисл. стр. 3) признавалъ за достовѣрное, что берегъ, называемый Jelmerlant, лежитъ около 75° с. ш.; потому на его первой картѣ весь сѣверный берегъ Сибири тянется на этой широтѣ по прямой линіи; точно также и на пересмотрѣнной имъ картѣ Исбранта Идеса (Nova Tabula Imperii Russici... imprimis viri amplissimi Nic. Witzen... emendavit Everardus Ysbrants Ides. Но уже на изданной Карл. Алардомъ картѣ: Tartaria sive Magni Chani Imperium ex credendis Nic. Witsen etc., которую я имѣлъ даже въ изданіи 1778 года, берегъ Ледовитаго моря является изрѣзаннымъ заливами, и Таймырскій край, подъ именемъ Jelmer-Landt, хотя нѣсколько выдается, но едва достигаетъ 74° с. ш., тогда какъ берегъ восточной Сибири поднимается до 76° с. ш. Это, очевидно, есть приноровленіе Витзеновой карты къ Меркаторскому чертежу береговъ Ледовитаго моря.

Представленіе Таймырскаго края въ видѣ моста къ сѣверо-восточной оконечности Новой Земли въ первый разъ я нашелъ на картѣ, изданной 1700 Делилемъ, заглавія которой я не записалъ для себя; за тѣмъ оно находится въ его-же собраніи географическихъ картъ: Theatrum historicum. Imperii Romani pars orientalis, 1705; потомъ въ его-же Carte de Tartarie, 1706. Мысль эта сохранилась въ Делилевыхъ изданіяхъ разныхъ картъ подъ заглавіемъ: Mappemonde à l'usage du Roy (на пр. въ Orbis veteribus noti tabula nova, 1714; въ Hemisphère septentrionale того-же года, и др.) по меньшей мѣрѣ до 1720. Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. III, стр. 159) не могъ рѣшительно отказаться отъ этого взгляда еще въ 1758 году, а только отозвался, что «это соединеніе, кажется, не состоятельно». Онъ приписывалъ этотъ взглядъ Газіусу. Но карта I. M. Газіуса: Imperii Rossici et Tatariae universae... Tabula издана только 1730 и воскрешена 1744 года подъ заглавіемъ: Carte de l'Asie par I. M. Hasius recueillie et dessinée sur les oeuvres posthumes, par A. G. Boehmius. Впрочемъ, по свидѣтельству Витзена (изд. 1692, стр. 552), Jelmer-lant занесъ на карту, еще задолго до Делиля, Dirk Rembrantsz van Nierop.

Но уже въ 1723 году на картахъ Делиля (Carte d'Asie 1723 и Hemisphère orientale 1724) лежитъ проливъ между Новою Землею и Таймырскимъ краемъ, хотя послѣдній удерживаетъ еще имя Jelmer, точно также какъ на картахъ того времени нѣтъ и слѣда рѣки Таймыры.

Сѣверо-восточную оконечность Новой Земли, какъ извѣстно, обогнулъ будто-бы Флемингъ въ 1664 году, и тогда-то бывшему на кораблѣ его Корнелису Ельмертсу видѣлась на юго-востокѣ земля, которую и стали потомъ называть и помѣчать на картахъ его именемъ.

[2]) Искаженіе этого имени, какъ кажется, началось съ карты Познякова, изданной Топографическимъ Депо и служившей оригиналомъ для множества изданій; а перешедши оттуда въ спеціальную съемку этого полуострова при помощи нашего Гидрографическаго Департамента, оно получило утвержденіе.

былъ потеряться, потому что онъ никогда не былъ въ печати. Исторія изслѣдованій береговаго пространства между Енисеемъ и Леной была извѣстна только изъ скудныхъ извлеченій, сдѣланныхъ Миллеромъ, Сарычевымъ и Врангелемъ [1]). Степановъ, много лѣтъ бывшій главою управленія странами по Енисею, въ 1835 году, въ своемъ увѣнчанномъ сочиненіи [2]), представилъ соображенія о неудовлетворительности начертанія береговъ Таймыскаго края; Спасскій подтвердилъ это своимъ согласіемъ, а Врангель [3]), подробнѣе другихъ образомъ воспользовавшись самыми источниками въ архивахъ, объявилъ (въ 1841 г.), что положеніе Сѣверо-восточнаго мыса Азіи все-еще остается неопредѣленнымъ, что мы знаемъ только о его существованіи, знаемъ, что онъ омывается моремъ, но что Челюскинъ не опредѣлялъ широтъ ни непосредственно, ни посредственно.

Надобно ли послѣ этого удивляться Бэру и можно ли даже не поставить ему въ заслугу, когда онъ, опираясь на эти сужденія свѣдущихъ предшественниковъ и сличая несогласныя между собою изображенія на разныхъ нашихъ картахъ, отозвался, что конца мыса восточнаго полуострова Таймыра, какъ видно, никто не достигалъ даже сухопутьемъ, по льду [4])? Какъ мало былъ онъ когда-либо расположенъ посягать на заслуги нашихъ доблестныхъ мореплавателей прошлаго столѣтія, какъ нельзя яснѣе, видно изъ того, что онъ не удержался прибавить отъ себя примѣчаніе къ моему донесенію, присланному въ Академію 1843 года. Въ этомъ примѣчаніи онъ выразилъ великую радость тому, что моимъ оправданіемъ нашихъ прежнихъ посѣтителей Таймыра, почерпнутымъ изъ архивовъ и подтвержденнымъ на мѣстѣ въ самомъ Таймырскомъ краѣ, вполнѣ возстановлялась честь этихъ достойныхъ мореходовъ [5]). Когда такимъ образомъ каждый изъ насъ, служа истинѣ, сдѣлалъ по своимъ силамъ, со стороны (покойнаго) Соколова, конечно, было несправедливо, когда онъ, черезъ семь лѣтъ послѣ оправданія, мною представленнаго и съ такою чистосердечною прямотою признаннаго Бэромъ, не преминулъ выставить прежній отзывъ Бэра съ упрекомъ и взялъ на себя роль защитника чести помянутыхъ мореплавателей, не упомянувъ ни однимъ словомъ о моемъ ихъ оправданіи [6]). Считаю нужнымъ сказать это для защиты чести нашей Академіи, такъ-какъ это обстоятельство въ свое время въ ложномъ видѣ разглашалось по Россіи журналами безъ возраженій.

---

[1]) Ср. у самого Соколова въ Зап. Гидрогр. Деп. 1851, IX, стр. 6. Но Соколовъ опустилъ въ числѣ источниковъ Путешествіе Гмелина, Ежемѣсячныя Сочиненія нашей Академіи и Сибирскій Вѣстникъ, въ которыхъ говорится о разсматриваемыхъ съемкахъ.

[2]) «Енисейская Губернія» I, стр. 51 — 54.

[3]) Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири, 1841, I, стр. 69 и 84.

[4]) Ср. Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reichs IV, 1841, стр. 269 и слѣд., и нашего сочиненія (на Нѣмецкомъ яз.) Ч. I, Введеніе стр. XIII.

[5]) Bullet. physico-math. de l'Acad. de. Sc. St. Pétersb. Tome III, № 10, 11. — Перепечатано въ Beiträge Бэра и Гельмерсена IX, 2, 1855, стр. 494.

[6]) Ср. Записки Гидрогр. Деп. IX, 1851, стр. 3, 59, 60. и потомъ стр. 308 прим. Также Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. на 1851 г. Ч. I. 2 Отд., VI, стр. 79 и слѣд., и От. Зап. 1853, Отд. V, стр. 20 и мн. др.

Чтобы Соколовъ не досмотрѣлъ въ литературѣ моего отзыва и примѣчанія Бэра, при его обширной начитанности въ источникахъ, даже самыхъ обветшалыхъ, было бы во всякомъ случаѣ невѣроятно, а въ настоящемъ этого нельзя допустить и потому, что въ 1849 году онъ дружески навѣстилъ меня, чтобы поговорить со мной о Таймырской литературѣ, при чемъ я счелъ за обязанность сообщить моему гостю карту, прилагаемую этой части на листѣ II.

Однимъ словомъ, въ то время, какъ я отправлялся въ экспедицію, было сомнительно, чтобы Таймырскіе полуострова были когда-нибудь дѣйствительно сняты, и это сомнѣніе казалось тѣмъ основательнѣе, чѣмъ яснѣе была на главныхъ нашихъ картахъ полная неосновательность изображенія слѣда пути, по которому будто-бы обойдена была плавателями самая крайняя сѣверная оконечность Азіи [1]).

Хотя я, до моего отъѣзда изъ столицы, со всевозможнымъ стараніемъ и вниманіемъ старался дешифрировать нечеткіе рукописные дневники въ архивѣ нашего Адмиралтейства, однако долженъ былъ отправиться въ путь, прежде нежели успѣлъ изъ нихъ составить себѣ ясный обзоръ, и только въ далекомъ Туруханскѣ, гдѣ я въ первый разъ остановился на болѣе продолжительное время, пересматривая свои выписки, я съ радостнымъ изумленіемъ нашелъ полное оправданіе моимъ столѣтнимъ предшественникамъ и поспѣшилъ, какъ выше сказано, донести о томъ къ свѣдѣнію Академіи.

Между тѣмъ Соколовъ, своимъ вышеупомянутымъ и столь достойнымъ похвалъ, изданіемъ новыхъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ оригиналовъ тѣхъ-же самыхъ дневниковъ, уже избавилъ меня отъ труда сообщать здѣсь мои собственныя извлеченія изъ тѣхъ дневниковъ, что̀ я въ противномъ случаѣ, конечно, не преминулъ бы сдѣлать. Потому ограничиваюсь здѣсь слѣдующимъ обзоромъ.

1735 года, съ Прончищева начался рядъ предпріятій для съемки Таймыра. Спускаясь по Ленѣ отъ Якутска, онъ зимовалъ на устьѣ Оленека и въ слѣдующее лѣто (1736) слѣдовалъ восточнымъ берегомъ Таймырской земли до $77\frac{1}{2}°$ с. ш. [2]), такъ что недоставало только 4′ или 5′, чтобы ему удалась никѣмъ до сихъ поръ не рѣшенная задача — достигнуть на судахъ самой крайней сѣверной оконечности Азіи. Въ концѣ лѣта онъ едва успѣлъ воротиться на зимовье въ свою хижину, гдѣ и померъ отъ скорбута. Черезъ 12 дней сошла въ могилу и его жена, — единственная женщина, раздѣлявшая съ мужемъ ужасы полярнаго плаванія. Такимъ образомъ попытка Прончищева проникнуть съ востока на западъ, вопреки принятому общему правилу, не сопровождалась другимъ, въ то-же время предпринятымъ покушеніемъ обогнуть Таймырскій край въ противоположномъ направленіи: это объясняется, вѣроятно тѣмъ, что суда, еще за годъ до того отправленныя на востокъ изъ Печоры, встрѣчая неожиданныя препятствія, могли войдти въ Обь не раньше 1737 года. И только въ 1738 году спустился по Енисею, отъ Туруханска, Мининъ, но, въ своемъ плаваніи, не выходилъ, собственно говоря, изъ Енисейскаго залива [3]).

---

[1]) Такъ на картѣ въ IV кн. Записокъ Адмиралт. Департ., а отчасти и на картѣ Позднякова, какъ замѣчено уже г. Бэромъ.

[2]) Самою дальнею точкой широты, достигнутою Прончищевымъ 20 Августа 1736, онъ самъ принимаетъ 77° 29′, что̀ и вѣроятно, потому что на-канунѣ и на другой день онъ былъ подъ 76° 39′ и 76° 41′. Самая дальняя широта, достигнутая $^6/_7$ Мая 1741 года при объѣздѣ восточнаго Таймырскаго полуострова по льду, была 77° 27′.

[3]) Онъ добился немного дальше 73 градуса широты, до Сѣверовосточныхъ островов.

Только теперь, съ 1739 года, съ особенною настойчивостью начинается дружное нападеніе на Таймыръ и съ запада и съ востока.

Мининъ, изъ Енисея, достигъ не только устья Пясины, но проплылъ дальше къ востоку, на пространство, равнявшееся разстоянію, между устьями Пясины и Енисея. Онъ проникъ до $75\frac{1}{4}^{\circ}$ с. ш., а его штурманъ Стерлеговъ по прибрежному льду на собакахъ только на 11 минутъ подвинулся еще ближе къ полюсу. Такимъ образомъ они возвратились, не достигнувъ почти на $\frac{5}{4}$ градуса широты западнаго Таймыра, хотя этотъ меньше восточнаго поднятъ къ сѣверу. Мы должны приписать частію неблагопріятной погодѣ 1740 года, частію неудачнымъ, нерѣшительнымъ, робкимъ распоряженіямъ Минина, если онъ такъ далеко отсталъ въ своемъ успѣхѣ отъ Прончищева [1]).

Тѣмъ больше принадлежитъ чести Харитону Лаптеву, который въ то самое время, какъ подчиненный его, Мининъ, съ запада, покушался обогнуть Таймыръ съ востока. Два лѣта сряду онъ стремился по слѣдамъ Прончищева, съ тою только разницей, что базисъ для своихъ предпріятій онъ имѣлъ ближе къ цѣли, на Хатангѣ. Но онъ безплодно боролся съ непогодами обоихъ лѣтъ, 1739 и 1740, потому что, при трудной борьбѣ со льдами, онъ въ первое лѣто на $\frac{3}{4}$ градуса широты не сравнялся съ Прончищевымъ, а во второе—на 2 градуса, и все-таки лишился своего корабля, который, очевидно, слишкомъ мало вооруженъ былъ противъ напора льда. По невозможности достать другое судно, это крушеніе заставило рѣшиться на предпріятіе объѣхать вокругъ неизвѣстнаго берега по льду на собакахъ: въ столицѣ это предпріятіе, очевидно, цѣнилось и одобрялось, но все-таки было поставлено на второмъ планѣ, потому что вначалѣ считали за лучшее поддерживать въ офицерахъ духъ предпріимчивости приказаніемъ, въ случаѣ, еслибы не удалось совершить предполагаемое плаваніе въ первыя два лѣта, не покидать покушеній на третье и на четвертое [2]). Во всякомъ случаѣ Россіи принадлежитъ честь первыхъ путешествій по льду, которыя въ новѣйшія времена признали также необходимыми Британцы и Американцы. Только такими поѣздками можно достигнуть наибольшихъ возможныхъ успѣховъ на недоступныхъ берегахъ глубокаго сѣ-

---

[1]) 1738 Мининъ, какъ вижу я изъ его дневника, уже 9 Августа возвратился даже въ Енисейскій заливъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ его экипажѣ могла бы открыться цынга.

1739 года онъ едва выходилъ изъ устья Енисея въ заливъ, потому что 8 Іюля онъ, по какой-то странности, поплылъ вверхъ по рѣкѣ къ Туруханску и потому только 2 Августа могъ тронуться отсюда внизъ по Енисею. Суда съ провіантомъ, замедленіе которыхъ сперва заставляло его воротиться, уже нагнали его; все-таки онъ съѣздилъ въ обратный путь до самаго Туруханска.

За 1740 годъ не много можно упрекать его. А 1741 онъ опять ходилъ вверхъ по Енисею въ Тухуранскъ и Енисейскъ. Если сообразить, какъ хорошо онъ снабженъ былъ изъ Енисейска всѣмъ нужнымъ, какъ часты были сёленія по Енисею до устья Пясины, сколько собакъ и оленей было выставлено къ его услугамъ и поселенцами и кочующими, и т. п., то мой приговоръ Минину никакъ нельзя назвать слишкомъ строгимъ. Онъ хлопоталъ о пустякахъ и тратилъ время только на огромныя приготовленія. Вмѣсто того, чтобы нѣсколько лѣтъ сряду повторять попытки плаванія, онъ рѣшился на это только въ одно лѣто, а оно, какъ можно судить по опыту Лаптева, было особенно неблагопріятно. Въ моемъ первомъ донесеніи (Bullet. phys.-math. III № 10 и въ Baer. u. Helmersen Beiträge XI, 2. p. 497) я выразился слишкомъ мягко, сказавъ, что «Минину не по душѣ была его задача».

[2]) Записки Гидрографическаго Департамента 1851, IX, стр. 298.

вера. И Русскія путешествія по льду въ прошломъ столѣтіи, возобновленныя въ обширнѣйшемъ размѣрѣ Врангелемъ, очевидно, служили примѣромъ какъ для Британцевъ, такъ и для Кена.

Послѣ многократныхъ неудавшихся попытокъ разныхъ членовъ экспедиціи и самого Лаптева, послѣднему удалось наконецъ, весною 1841 года, обойти западный Таймырскій полуостровъ отъ устья рѣки Таймыры до самаго устья Пясины; а въ слѣдующую весну дѣло увѣнчалось успѣхомъ Челюскина, который отъ Хатанги объѣхалъ также на саняхъ (нартахъ) вокругъ восточнаго полуострова и вмѣстѣ, какъ оказалось, вокругъ самой сѣверной оконечности Азіи. Отъ устья Таймыры онъ возвратился вверхъ по этой рѣкѣ въ обитаемыя мѣста на рѣкѣ Пясинѣ [1]).

Еще въ Туруханскѣ я занесъ на карту пеленги, извлеченные мною въ Петербургѣ изъ подлинныхъ морскихъ журналовъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о путяхъ, которыми слѣдовали наши плаватели, и произведенныхъ ими съемкахъ; потому что въ архивахъ Адмиралтейства не оказалось чертежей этихъ съемокъ, ни въ оригиналахъ, ни въ копіяхъ. Къ-сожалѣнію, кажется даже, какъ-будто надобно вовсе отказаться отъ надежды отыскать ихъ, потому что и Соколовъ, вынужденнымъ нашелся, за неимѣніемъ лучшаго, возстановить берега Таймыра въ увеличенномъ масштабѣ по тѣмъ-же первоначальнымъ извѣстіямъ: онъ убѣдился, что многія разногласія въ начертаніи этихъ береговъ на разныхъ картахъ могли произойдти только отъ постепеннаго искаженія первоначальныхъ чертежей. Дѣйствительно, бывали самоувѣренные составители картъ, которые не затруднялись увеличеніемъ масштаба до нелѣпости доводить недостатки ошибочныхъ начертаній [2]).

Послѣ отчетливаго сравненія всего предлежащаго мнѣ матеріала я нахожу, 1) что на основаніи показаній нашихъ мореходовъ прошлаго столѣтія, кромѣ береговъ, можно возстановить внутри Таймырскаго края только двѣ путевыя линіи, которыя, сходясь на нижней части рѣки Таймыры, идутъ одна съ юго-востока, отъ Хатанги, другая съ запада, отъ озера Пясина (ср. стр. 92, прим.).

---

[1]) Кстати здѣсь исчислить по рукописнымъ дневникамъ *неудавшіяся* попытки поѣздокъ, которыя всѣ были предприняты съ Хатанги.

1) О поѣздкѣ Стерлегова мы уже говорили: оно также назначалось въ обходъ на Таймыру.

2) Еще 21 Декабря 1739 Лаптевъ отрядилъ боцмана Медвѣдева съ Хатанги на Пясину съ тѣмъ, чтобы онъ поѣхалъ оттуда берегомъ къ востоку. Медвѣдевъ, возвратившись 22 Апрѣля слѣдующаго года, донесъ, что онъ поднимался къ сѣверу только на 40 верстъ отъ устья Пясины.

3) 23 Марта 1740 Чекинъ былъ отправленъ съ Хатанги на устье Таймыры съ порученіемъ обойдти западный полуостровъ. Онъ возвратился 17 Мая, бывъ вынужденъ во 100 верстахъ отъ устья Таймыры къ западу отказаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія.

4) Равнымъ образомъ Челюскинъ былъ посланъ 17 Марта 1741 съ Хатанги на устье Пясины, подобно Медвѣдеву, съ тѣмъ, чтобы пробраться вкругъ берега съ запада; но главнымъ его назначеніемъ, какъ кажется, была отправка провизіи на складъ для Лаптева.

5) 22 Апрѣля 1741 съ Хатанги отправленъ былъ Чекинъ на сѣверъ съ порученіемъ обойдти восточный полуостровъ. Его имя мы находимъ потомъ подъ 11 Августа въ дневникѣ, веденномъ на Енисеѣ. Прибывъ туда, онъ донесъ, что въ своей поѣздкѣ онъ достигъ до землянокъ, устроенныхъ Прончищевымъ послѣ его кораблекрушенія, стало быть, до 75° 26′; отсюда онъ воротился назадъ.

[2]) Сравн. лист. № 2 и 3, Азія, въ большомъ изданіи: Atlas universel de Géographie dressé par Vandermaelen. Bruxelles 1827.

2) Если занести на бумагу направленія курсовъ и показываемыя верстами пространства, пройденныя въ каждомъ направленіи, то оказывается, что разстоянія плохо соотвѣтствуютъ опредѣленіямъ широты, показаннымъ въ тѣхъ-же самыхъ морскихъ дневникахъ; не лучше соотвѣтствуютъ они и моимъ съемкамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наши пути сходились.

3) Такъ какъ Соколовъ слабыя стороны дневниковъ Лаптева и Челюскина проходилъ молчаніемъ и въ случаѣ затрудненій, какъ кажется, выпутывался, какъ могъ, то въ его чертежѣ встрѣчаются нѣкоторыя разницы отъ того, который выходитъ у меня изъ оригинальныхъ показаній дневниковъ въ ихъ нагой истинѣ. Потому считаю за нужное присовокупить къ этой части, въ видѣ особаго приложенія, самые дневники плаваній вокругъ Таймырскихъ полуострововъ, какъ основанія, которыя будущимъ изслѣдователямъ тѣхъ мѣстъ тѣмъ нужнѣе имѣть подъ рукою, чѣмъ дальше отъ насъ эта будущность и чѣмъ меньше можно надѣяться на сохраненіе самыхъ оригиналовъ до того времени.

4) Не говоря о разныхъ мелкихъ разницахъ, какія оказываются при сравненіи предлагаемаго нами чертежа (на VII листѣ нашего атласа) съ изданною картой Соколова [1]), я предлагаю совершенную новость и отдаю ее на судъ географовъ тѣмъ рѣшительнѣе, что она можетъ имѣть лишь значительную степень вѣроятности. Я вынужденъ предположить, что западный Таймырскій полуостровъ въ самомъ узкомъ своемъ мѣстѣ перерѣзанъ проливомъ. Такимъ образомъ здѣсь у оконечности Азіатскаго материка стоитъ, должно быть, очень значительный островъ, въ которомъ въ большемъ размѣрѣ повторяется такое-же явленіе, какое представляетъ собою островъ Магерэ у сѣверной оконечности Европы.

Самъ Лаптевъ, конечно, не пришелъ къ этому убѣжденію, и его дневникъ въ этомъ мѣстѣ вовсе не такъ ясенъ, чтобы можно было рѣшительно вывести такое заключеніе. Одно только достовѣрно, что полуостровъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ если не вовсе перерѣзанъ, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно съуженъ и притомъ низокъ. Но подозрѣвать именно проливъ заставляетъ меня то, что Лаптевъ, слѣдуя восточнымъ берегомъ западнаго полуострова къ сѣверу, на съуженномъ мѣстѣ въ первый разъ потерялъ изъ виду берегъ и притомъ въ ясную погоду. Наугадъ ѣхалъ онъ 20 верстъ въ NW направленіи, чтобы кратчайшимъ путемъ перерѣзать, какъ полагалъ онъ, глубоко вдавшійся заливъ, и потомъ круто, почти подъ прямымъ угломъ поворотилъ по льду къ NOtN, очевидно, потому что по этому направленію увидѣлъ наконецъ землю, которой и достигъ, проѣхавъ 8 верстъ. Онъ попалъ, какъ я объясняю, черезъ проливъ верстъ въ 30 ширины, на большой островъ, вовсе не догадываясь о томъ, и потомъ ѣхалъ вкругъ его по направленію къ западу и къ юго-западу. Чтобы возвести эту догадку на степень вѣроятности, надобно подвергнуть ее испытанію, и оно предстоитъ ей тамъ, гдѣ Лаптевъ, проѣхавъ сѣверной половиной

---

[1]) Подъ заглавіемъ: «Берегъ Ледовитаго моря, между устій Оби и Лены, по съемкѣ 1734 — 42 г.; II, Таймурскій полуостровъ», въ Запискахъ Гидр. Деп. IX, 1851.

острова, держалъ потомъ вдоль западнаго берега къ югу, чтобы достигнуть устья Пясины. И дѣйствительно, въ дневникѣ Лаптева мы находимъ, что и здѣсь, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ западной стороны онъ пересталъ держаться берега, который повороротилъ здѣсь къ OSO; Л. прибавилъ даже замѣтку, что «къ OSO въ заливѣ видны высокіе и отлогіе холмы, между которыми навѣрное нѣтъ земли». Такимъ образомъ Лаптевъ цѣлый день ѣхалъ въ SO направленіи «черезъ заливъ на оконечность земли къ морю», и между тѣмъ неожиданно попалъ на небольшой островъ и переночевалъ здѣсь. На другой день онъ сдѣлалъ еще 17 верстъ, и все-таки еще разъ долженъ былъ ночевать на льду, «потому что черезъ заливъ, какъ кажется, лежитъ далекій путь»; даже и слѣдующую ночь онъ долженъ былъ провести на льду, проѣхавъ 45 верстъ, и только на четвертый день (29 Мая) опять достигъ берега [1]).

5) Наполненіе внутренняго пространства Таймырскаго края на картѣ Соколова вышло рѣшительно невѣрно.

Въ то время, какъ я начиналъ свое путешествіе, о старинныхъ съемкахъ въ Таймырскомъ краѣ ничего не знали обстоятельно, а карты даже сбивали съ толку своими разнорѣчащими изображеніями страны. То недоставало на нихъ Таймырскаго озера, то не показывалось истока изъ него, то не было притоковъ къ нему. Самый достовѣрный изъ источниковъ новѣйшаго времени, Степановъ полагалъ, что изъ озера Таймыра течетъ въ море рѣка того-же названія верстъ въ 60 или 70 длиною, но «малая и подледная» [2]).

Когда я, по прибытіи въ Таймырскій край, остановился на нѣкоторое время близь предѣла лѣсовъ, около 71° с. ш., на Богапидѣ, и разспрашивалъ о Таймырскомъ озерѣ и рѣкѣ Таймырѣ, я вскорѣ убѣдился, что объ огромныхъ разъѣздахъ, бывшихъ тамъ ровно сто лѣтъ назадъ, не сохранилось никакого воспоминанія, ни даже миѳа. Такъ не-

---

[1]) Такъ-какъ Соколовъ (см. тамъ-же стр. 75) составилъ свою карту Таймырскихъ полуострововъ по тѣмъ-же самымъ дневникамъ, по которымъ я свою, то должно казаться страннымъ, что между нашими начертаніями оказывается несогласіе. Между тѣмъ оно дѣйствительно есть. Поденныя записки Челюскина такъ точны и ясны, что мое начертаніе восточнаго Таймырскаго полуострова вышло точь въ точь, какъ у Соколова, и я вполнѣ допустилъ эту часть его чертежа. И восточный берегъ западнаго Таймырскаго полуострова выходитъ у насъ довольно одинаковъ; но на западномъ оказываются значительныя разности. Я передаю строго по дневнику Лаптева, хотя онъ не вездѣ предупреждаетъ недоразумѣнія. Начиная отъ мыса Стерлегова къ западу до устья Пясины, наши чертежи расходятся между собой; потому что Соколовъ занесъ эту часть берега по картѣ Минина, а я предпочелъ,—не отдавая впрочемъ за то предпочтенія моему начертанію, — и здѣсь держаться дневника Лаптева, потому что здѣсь именно онъ сталъ очень точенъ, съ тѣхъ поръ, какъ на-встрѣчу ему подъѣхалъ Челюскинъ и сталъ записывать курсы съ свойственной ему точностью. Разницу между показаніями Минина и Челюскина я пытался-было объяснить уклоненіемъ, которое вездѣ показано здѣсь на 2 румба къ востоку; но въ такомъ случаѣ маршруты не сходятся съ множествомъ сдѣланныхъ на пути опредѣленій широты. Изъ этого надобно заключить, что Челюскинъ уже и здѣсь принималъ въ соображеніе уклоненія магнитной стрѣлки, какъ въ своемъ плаваніи вокругъ восточнаго полуострова, въ которомъ онъ показывалъ направленія, какъ прямо говоритъ онъ, «по правому компасу». При занесеніи начертаннаго мною маршрута Лаптева на карту я началъ съ устья Пясины, и отъ каждаго пункта, котораго широта показана въ дневникѣ, до слѣдующаго я продолжалъ въ сѣти градусовъ линію средняго направленія, выводимаго изъ маршрута, до тѣхъ поръ, когда она подходила наконецъ подъ надлежащій градусъ широты.

[2]) Енисейская Губернія. 1835. I. стр. 42 и 48. — Подобное находимъ и у Пестова въ Запискахъ объ Енис. Губ. 1831. стр. 26.

86° 88° 90° 92° 94° 96° 98° 100° 102° 104° 106° 108°

ТАЙМЫРСКIЕ ПОЛУОСТРОВА,

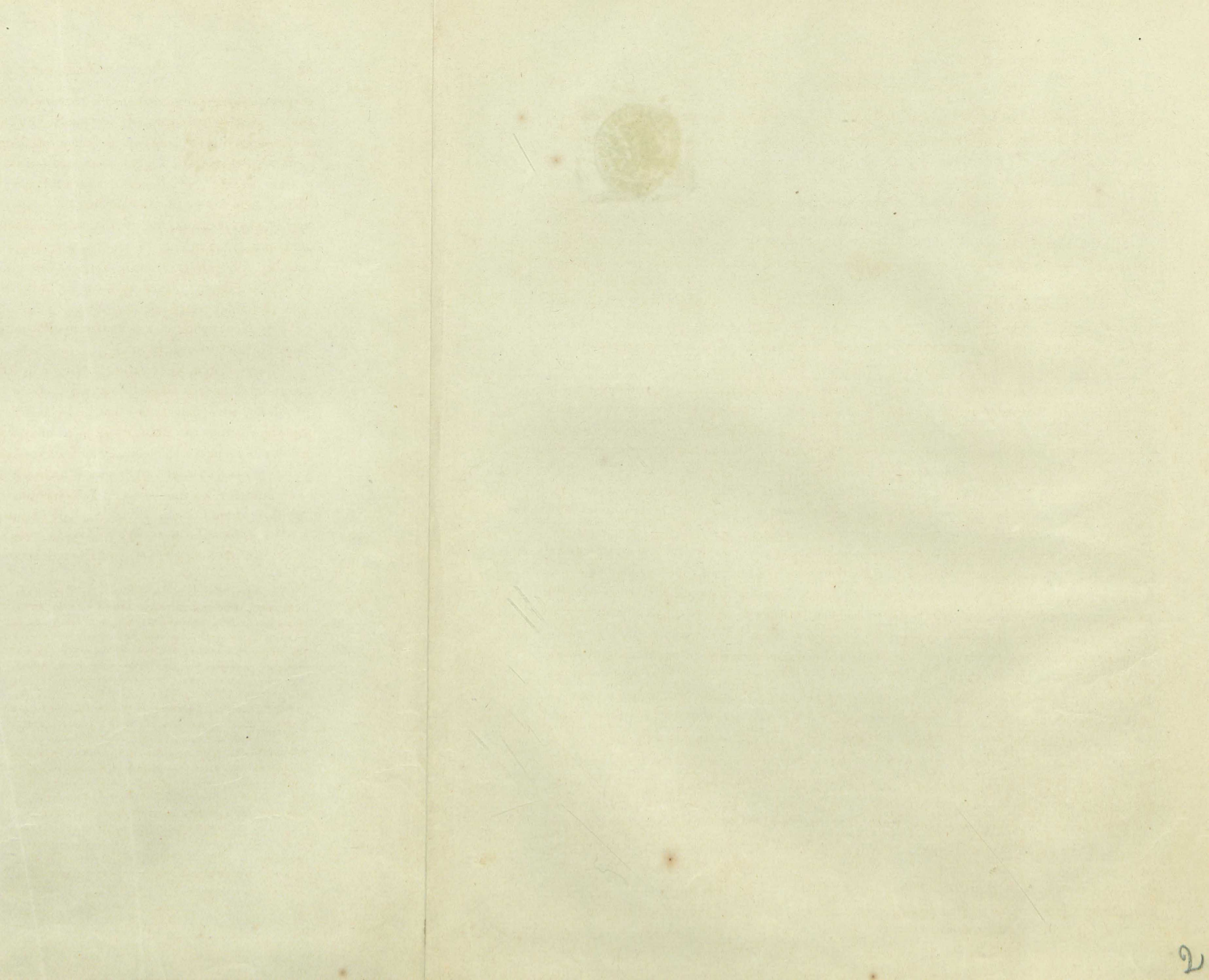
по журналамъ 1741го и 1742го г.

Лит. Э. Брукманъ С. Петербургъ

77°27' Малый Островъ
ледъ гладкiй никогда не ломающiйся.
мысъ каменный
высокiй хребетъ въ 10ти верстахъ
торосы
торосы
76°38' маякъ
торосъ свѣжiй гдѣ чаятельно открытое море
Маякъ Чекина
мысъ высокiй прiярой
прiѣхали къ настоящему берегу
поѣхали черезъ губу на часмую землю
Островъ 76°4'
2 фута воды которая отдѣляетъ морскiе тороса отъ стоящ. льдовъ въ губѣ
горы весьма высокiя каменныя плотныя
Густый Мохъ
Ледъ въ лѣто не ломающiйся, что видно 75°49' по проталинамъ
О. высокiй каменный какъ и берегъ.
Высокiя каменныя горы
Утесъ медвѣжiй яръ
М. Полушковъ
75°33'
75°36' Устье рѣки Тамуры
Высокiя земляныя горы
Встрѣча съ Чекинымъ 75°21'
Отъ берега въ 10ти верстахъ высокiя горы
75°9'
О. въ 20ти верстахъ NW¼N.
О. въ 23 верстахъ N.W¼ N.
Берега прiярыя, каменныя, средней высоты, плитнякъ
74°14'
мѣста тундренныя
74°14'
М. каменный прiярой, изъ аспиднаго плитняка
73°56' маякъ Минина 1740 г.
маякъ Минина. Начались ловушки Усть-Пясинскаго промышленника
Зимовье Верхне-Пясинское

77° 76° 75° 74°

86° 88° 90° 92° 94° 96° 98° 100° 102° 104° 106° 108°


2

долговѣчна исторія у гиперборійцевъ! Судя по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною на мѣстѣ, я долженъ бы былъ объявить прежнія путешествія по тому краю за чистую выдумку. А между тѣмъ чего только не дѣлали, чтобы предпріятія прошлаго столѣтія врѣзать въ памяти туземцевъ остріемъ желѣза! «Лаптевъ отлично умѣлъ пользоваться своими подчиненными: онъ добился всего, чего можно было требовать, безъ пощады христіанамъ и нехристямъ», писалъ я въ первомъ донесеніи въ Академію подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній ближайшаго знакомства съ дневникомъ его. И я нисколько не преувеличилъ: не только Лаптевъ, но и всѣ чины каждой части этой многосложной экспедиціи поступали также.

Ямскія повинности въ пользу казны, тягость которыхъ и въ нашъ вѣкъ мы не разъ имѣли случай дознать на опытѣ, въ то время лежали на обывателяхъ всею своею тяжестью. Когда предпріятія экспедиціи не удавались съ одного раза, и являлись жалобы на недостаточность пособій, правительство усиливало строгость своихъ предписаній касательно содѣйствія морякамъ на мѣстѣ ихъ подвиговъ. Подъ вліяніемъ этихъ строжайшихъ предписаній, моряки удвоивали свои требованія отъ туземцевъ, хотя и безъ того расположены были соразмѣрять ихъ съ тѣмъ, что привыкли находить въ несравненно больше населенной Европейской Россіи. Трудно представить себѣ, какъ могло состояться столько отправокъ, о которыхъ коротко упоминается въ дневникахъ. Во вторую зиму ($17\frac{40}{41}$) послѣ кораблекрушенія Лаптева, и, конечно, точно также въ предыдущую, на Хатангѣ не было покоя жителямъ, потому что весь экипажъ, около 40 человѣкъ, получалъ провіантъ съ Оленека, изъ припасовъ, выгруженныхъ на его устьѣ. Кто знаетъ, какъ незначительна тяжесть, которую въ состояніи везти по цѣльному снѣгу закладка собакъ и даже олени, тотъ можетъ составить себѣ понятіе о трудностяхъ этой перевозки и падежѣ упряжнаго скота у обывателей выставляшихъ подводы по неволѣ. Даже большой якорь перевезенъ былъ съ устья Лены на саняхъ. Одинъ за другимъ отправлялись разсыльные, то въ Якутскъ то въ Туруханскъ; въ одно и то-же время нерѣдко было въ дорогѣ около 100 собакъ и нѣсколько сотъ оленей; всю зиму перевозили грузъ съ потерпѣвшаго крушеніе судна на Хатангу; 100 оленьихъ закладокъ съ Самоѣдами перевозили въ Февралѣ экипажъ и грузъ этого судна съ Хатанги на Енисей, и все-таки далеко не успѣли сдѣлать всего; потому что едва прошло два мѣсяца, какъ снова нагружено было 60 оленныхъ саней, кромѣ собакъ, бывшихъ въ то-же время въ разгонѣ. Кто знаетъ, что такое тундра, тотъ пойметъ, что значитъ сказать, что она превратилась тогда въ оживленную большую дорогу. Скотъ падалъ, его владѣльцы терпѣли страшный голодъ, такъ что самимъ морякамъ внушали жалость; какъ поселенцы, такъ равно и туземцы должны были безпрестанно служить то извощиками, то проводниками, то лоцманами, то рабочими при вырубкѣ судовъ изо льда и т. д., теряя короткій срокъ для заготовленія себѣ продовольствія на годъ. Не разъ случалось, что Самоѣды для спасенія скота убирались съ нимъ куда-нибудь подальше. Преувеличимъ ли мы гибельныя слѣдствія этихъ чрезмѣрныхъ напряженій, если имъ особенно припишемъ начало запустѣнія Таймырскаго

края [1])? Чего и ожидать отъ борьбы съ природой тамъ, гдѣ человѣкъ, даже заботясь только о своемъ пропитаніи, едва можетъ поддерживать свое скудное существованіе! Съ тѣхъ поръ страна рѣшительно опустѣла. При устьѣ Енисея, по берегамъ моря до Пясины, при устьѣ этой рѣки и Хатанги тогда много было поселеній: теперь эти мѣста необитаемы; внутри страны, можетъ быть, половина прежнихъ жилыхъ мѣстъ теперь лежитъ въ запустѣніи.

Какой печальный урокъ, какое грозное указаніе на послѣдствія мѣръ, предписываемыхъ изъ такой дали, на которой невозможно имѣть правильнаго понятія о насущныхъ мѣстныхъ потребностяхъ!

---

[1]) Кто расположенъ подвергать критикѣ идеи, въ духѣ которыхъ дѣйствовали правительства въ прошломъ столѣтіи, тотъ, принявъ въ соображеніе результаты нашихъ экспедицій, съ меньшею строгостью будетъ судить о вышеописанномъ нами бѣдственномъ состояніи края. Тѣмъ обязательнѣе впредь должны быть для насъ уроки исторіи. Въ наше время нѣсколько лѣтъ готовилась большая «Камчатская Экспедиція» Русскаго Географическаго Общества, но, къ счастію, наконецъ рушилась сама собою, отъ чрезмѣрной огромности своего плана: она была оставлена въ уваженіе представленій, сдѣланныхъ противъ этого предпріятія мѣстными начальствами. Но планъ этого предпріятія, при содѣйствіи болѣе ста любителей, заходилъ такъ далеко, что мы имѣемъ въ этихъ замыслахъ новый примѣръ того, какъ еще и въ наше время ошибочны понятія многихъ о средствахъ далекихъ пустынь нашей Сибири. Въ-слѣдствіе того, для предупрежденія тѣхъ, кто захотѣлъ бы объявить сдѣланный нами въ текстѣ, смѣлый отзывъ преувеличеннымъ, я вмѣняю себѣ въ обязанность извлечь изъ старинныхъ дневниковъ слѣдующія пояснительныя обстоятельства.

28 Іюля 1738 Мининъ требуетъ отъ Самоѣдскаго старшины Сорусовалова, чтобы онъ выставилъ 120 оленей. А у него ихъ только 50. Снова приказъ—доставить 120. Старшина понуждаетъ къ тому другаго Самоѣда, съ 20 оленями. Оба должны слѣдовать за кораблями по безвѣстному морскому берегу, гдѣ надо было опасаться недостатка въ продовольствіи для скота. Сорусоваловъ не соглашается ѣхать туда, и наконецъ (10 Сент.) бѣжитъ въ тундру. 17 Сентября Самоѣдъ Тусколобъ увѣдомляетъ, что старшина со всѣмъ своимъ родомъ приближается. Корабль стоитъ на мели. Штурману Стерлегову, для защиты провіанта, выгруженнаго на берегъ, отъ расхищенія, съ корабля посланъ мушкетонъ и два пистолета. 22 Сентября Мининъ наряжаетъ 160 саней (стало быть, отъ 480 оленей, по меньшей мѣрѣ, до 640) для перевозки, сверху Енисея, провіанта, лѣса на подставки для корабля, и разныхъ другихъ вещей, даже цѣлаго анбара, какъ матеріала для постройки жилья. Черезъ годъ у Сорусовалова, вмѣсто 50, стало только 40 собственныхъ оленей, изъ которыхъ 3 тотчасъ-же пали, а 2 не могли дальше слѣдовать, такъ что ужь только 35 могли сопровождать корабли. Такимъ образомъ у этого старшины убыло скота почти на $1/3$.

29 Мая 1740 Мининъ отпускаетъ рабочихъ, которые набраны были болѣе, чѣмъ изъ десяти селеній: они отправляются ловить кормъ для собакъ, «потому что уже послѣ прошлогоднихъ корабельныхъ работъ былъ у нихъ голодный годъ». Штурманъ Минина Стерлеговъ доноситъ 2 Февраля того-же года, что онъ принужденъ стоять, потому что поселенцы съ своими собаками скрылись отъ него. Однакожъ черезъ недѣлю онъ достаетъ 40 собакъ, для которыхъ обыватели должны были доставить сани, сбрую и даже котлы для корма.

Такъ было на Енисеѣ. Вокругъ Лаптева на Хатангѣ происходило такъ много дѣлъ, что ихъ можно здѣсь изложить только въ сжатомъ видѣ. Всего труднѣе было, конечно, перевезти провіантъ отъ мѣста кораблекрушенія и съ Оленека на Хатангу; это было сдѣлано въ два пріема. Сперва постепенно перевезли запасы на Анабаръ. Отсюда на Хатангу они были доставлены частію на собакахъ Хатангскихъ жителей, частію на оленяхъ Самоѣдовъ, Тунгусовъ и Якутовъ. Перевозка длилась во всю зиму. Въ то-же время было въ гоньбѣ 8 саней на собакахъ (80 собакъ), кромѣ оленей для доставки съѣстныхъ припасовъ. 2 декабря 1740 привезено 38 битыхъ оленей съ Болохни; позднѣе $5^1/_2$. Якорь прибылъ съ Лены 16 Апрѣля 1740. Нѣсколько разъ говорится о совершенномъ изнуреніи и падежѣ оленей, такъ что приходилось покидать запасы въ тундрѣ и посылать за ними на собакахъ. Подъ 3 Апрѣля 1740 сказано, что половина оленей пала и погонщики, по недостатку пропитанія, отъ невыносимаго голода страшно изнурены. Въ-слѣдъ за тѣмъ нужно было значительное количество подводъ для обратной доставки всего экипажа съ Хатанги на Енисей. Затѣмъ цѣлый мѣсяцъ употребленъ на снятіе юртъ, устроенныхъ у мѣста кораблекрушенія; за тѣмъ оттуда, кромѣ провіанта, перевезенъ былъ багажъ и такелажъ на 11 саняхъ на собакахъ и

Самоѣды Таймырскаго края, дальше всѣхъ туземцевъ проникающіе на сѣверъ лѣтомъ, противорѣчили другъ другу въ своихъ показаніяхъ на разспросы, съ которыми я, предъ отъѣздомъ къ Таймыру, обращался къ нимъ на ихъ зимнихъ кочевьяхъ у предѣла лѣсовъ. Вѣрно было только то, что никто изъ нихъ никогда не доходилъ до соленой воды. Въ-послѣдствіи я дѣйствительно убѣдился, что границу ихъ странствованій составляютъ: къ западу отъ Таймырскаго озера горный хребетъ Бырранга́, а дальше къ востоку южный берегъ самаго озера. За эти предѣлы, стало быть, дальше $74\frac{1}{2}°$ с. ш., — не переступаетъ нога человѣческая даже лѣтомъ. «Камни тамъ такъ остры», говорилъ мнѣ Самоѣдскій Крезъ Око, «что наша обувь (правда, она изъ сыромятной кожи) изнашивается въ одинъ день; отъ того тамъ не растетъ и мохъ для нашего скота: тамъ голая мерзлая земля». Отъ Самоѣдскихъ предковъ идетъ темное преданіе, что нижняя Таймыра, то есть половина рѣки, протекающая изъ озера въ море, бѣжитъ между отвѣсными скалами съ изумительною быстротою. Рѣка, говоритъ преданіе, падаетъ тамъ будто съ горы, такъ что и смотрѣть страшно [1]). Вспомнивъ, что и Франклинъ предъ отправленіемъ внутрь материка получилъ въ отвѣтъ на свои разспросы такі-еже разсказы, я попалъ на прямой путь къ правильной ихъ оцѣнкѣ. Грозный водопадъ дѣйствительно оказался незначительнымъ порогомъ, по которому можно было плавать.

---

52 саняхъ на оленяхъ. 7 Апрѣля 1741 Лаптевъ далъ приказъ: Самоѣдскому старшинѣ Ломову пригнать ото всѣхъ кочующихъ 600 оленей для обратнаго поѣзда на Енисей. Въ-слѣдствіе чего и видимъ мы отправленіе вышеупомянутыхъ 160 саней, въ которыя закладывалось, вѣроятно, по четыре оленя; къ этому еще трое сани на собакахъ для кассы и т. п.

Теперь только доходитъ очередь до отправокъ для осмотра Таймырскихъ полуострововъ. 9 саней на собакахъ (стало быть, 90 головъ) и 18 оленей взялъ 23 Марта 1740 Чекинъ. Изъ этихъ оленей пало впрочемъ только 7, а не всѣ, какъ сообщалъ Бэръ на основаніи позднѣйшихъ извѣстій. Чекинъ возвратился черезъ два мѣсяца на Самоѣдскихъ и Тунгусскихъ оленяхъ. Не меньше потребовалось подводъ еще для пяти отправокъ. 8 Апрѣля послано 19 нартъ (слѣдовательно 190 собакъ) съ припасами на рѣку Таймыру. Не далѣе какъ черезъ десять дней послѣ того отправляются 2 нарты Чекина и черезъ четыре дня еще 3 нарты. Черезъ два дня потомъ самъ Лаптевъ отправляется на рѣку Таймыру на 4 нартахъ и встрѣчаетъ 10 человѣкъ, отвозившихъ припасы на Таймырскій заливъ. Наконецъ къ началу 1742 года Челюскинъ выполняетъ свое большое предпріятіе, ѣдетъ изъ Туруханска на Хатангу и беретъ съ собою въ концѣ Марта и въ началѣ Апрѣля 15 нартъ. Въ то-же время на встрѣчу ему ѣдетъ съ Енисея на рѣку Таймыру самъ Лаптевъ и употребляетъ на то 5 нартъ, запряженныхъ 49 собаками и отправляетъ еще въ дорогу 22 сани на оленяхъ. Онъ и послѣ него Челюскинъ на возвратномъ пути гонятъ каждый по 20 оленей, переѣзжая съ Пясины на Енисей и т. д.

Соколовъ (Зап. Гидр. Деп. IX, 1841, стр. 262) сообщаетъ, что олени, которые должны были слѣдовать между Печерой и Енисеемъ на морской берегъ къ кораблямъ Муравьева, были куплены. Въ Таймырскомъ краѣ этого не было. Изъ всего упряжнаго скота экспедиціи принадлежало только 10 собакъ, — одна закладка, которую Лаптевъ купилъ (19 Іюля 1739) у одного Якута на нижней Ленѣ и которая при кораблекрушеніи оказала, очевидно, отличныя услуги. Давать вознагражденіе или лучше подарки для ободренія было постановлено, но выполнялось лишь изрѣдка. И доходили ль эти подарки въ руки тѣхъ, кого должно было наградить? А если и такъ, то на Хатангѣ не было никакихъ запасовъ, а на Енисеѣ роздано лишь нѣсколько пудъ муки. Въ числѣ розданныхъ подарковъ значится 5 ножей, нѣсколько сукна, стекляннаго бисера и особенно табаку, который записанъ подъ названіемъ шаръ. Такъ напр. за поѣздъ, 20 оленей на разстояніи 288 верстъ дано 11 фунтовъ табаку, за версту по $\frac{1}{2}$ копейки. Могло ли это спасти отъ нищеты и голода?

[1]) А на возвратномъ пути я узналъ, откуда взялись эти сказки. Въ концѣ прошлаго столѣтія на нижней Таймырѣ былъ поселенецъ изъ Озернаго на Дудыптѣ по имени Фирсъ, отецъ бывшаго въ мое время старика Самуила. Кромѣ Лаптева съ товарищами, это былъ, вѣроятно, единственный мой предшественникъ.

Пространства, лично мною видѣнныя на пути и занесенныя на бумагу на мѣстѣ, для желающихъ ближе ознакомиться съ предметомъ, представлены въ нашемъ атласѣ на III, IV и V листахъ [1]). Листъ III показываетъ теченіе рѣки Таймыры, именно: все теченіе нижней Таймыры, служащей истокомъ Таймырскаго озера въ Таймырскій заливъ Ледовитаго моря, потомъ югозападный уголъ Таймырскаго озера и часть рѣки верхней Таймыры. Къ этому листу съ юга примыкаютъ IV и V, представляющіе нашъ маршрутъ черезъ Большую Низовую (Сѣверную) Тундру.

Какъ должно представлять Таймырскій край на основаніи съемокъ прошлаго столѣтія и по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною изъ моихъ наблюденій и изъ распросовъ, показано будетъ на сводной картѣ, лист. I. Необходимыя для нея поясненія прилагаются здѣсь въ длинномъ примѣчаніи [2]).

---

[1]) Съёмки р. Таймыры имѣли базисъ въ двѣ версты, измѣренный нами цѣпью, на лѣвомъ берегу, насупротивъ урочища Сяттага́-Мылла. Съ нимъ привели мы въ связь другой базисъ въ пять верстъ, при урочищѣ Сонна-Гетте, у впаденія рѣки въ озеро. Для съемки употреблялась, гдѣ можно, маленькая мензула, а въ другихъ случаяхъ Шмалькальденскія буссоли. Магнитная стрѣлка, по причинѣ близости магнитнаго полюса, была довольно ненадежнымъ инструментомъ. Мензула была особенно неудобна на нижней Таймырѣ, гдѣ мы очутились въ тѣсной долинѣ безъ простора для глазъ; потому неудивительно, что по направленію нашего пути острые углы вышли слишкомъ длинны. Чѣмъ точнѣе заносились подробности, тѣмъ больше вытягивался незамѣтно чертежъ. Потому данный масштабъ вѣрно идетъ только къ поперечному пространству, а въ продольномъ направленіи 10 верстъ надобно принимать только за 8. Наконецъ, оригинальный чертежъ средняго участка, т. е. берега Таймырскаго озера между устьемъ Верхней Таймыры и истокомъ Нижней, къ сожалѣнію, погибъ съ вмѣстѣ нашимъ челнокомъ: но намъ удалось связать Верхнюю Таймыру съ Нижнею отъ части по сохранившимся замѣткамъ, а частію по пеленгамъ, вновь потомъ взятымъ.

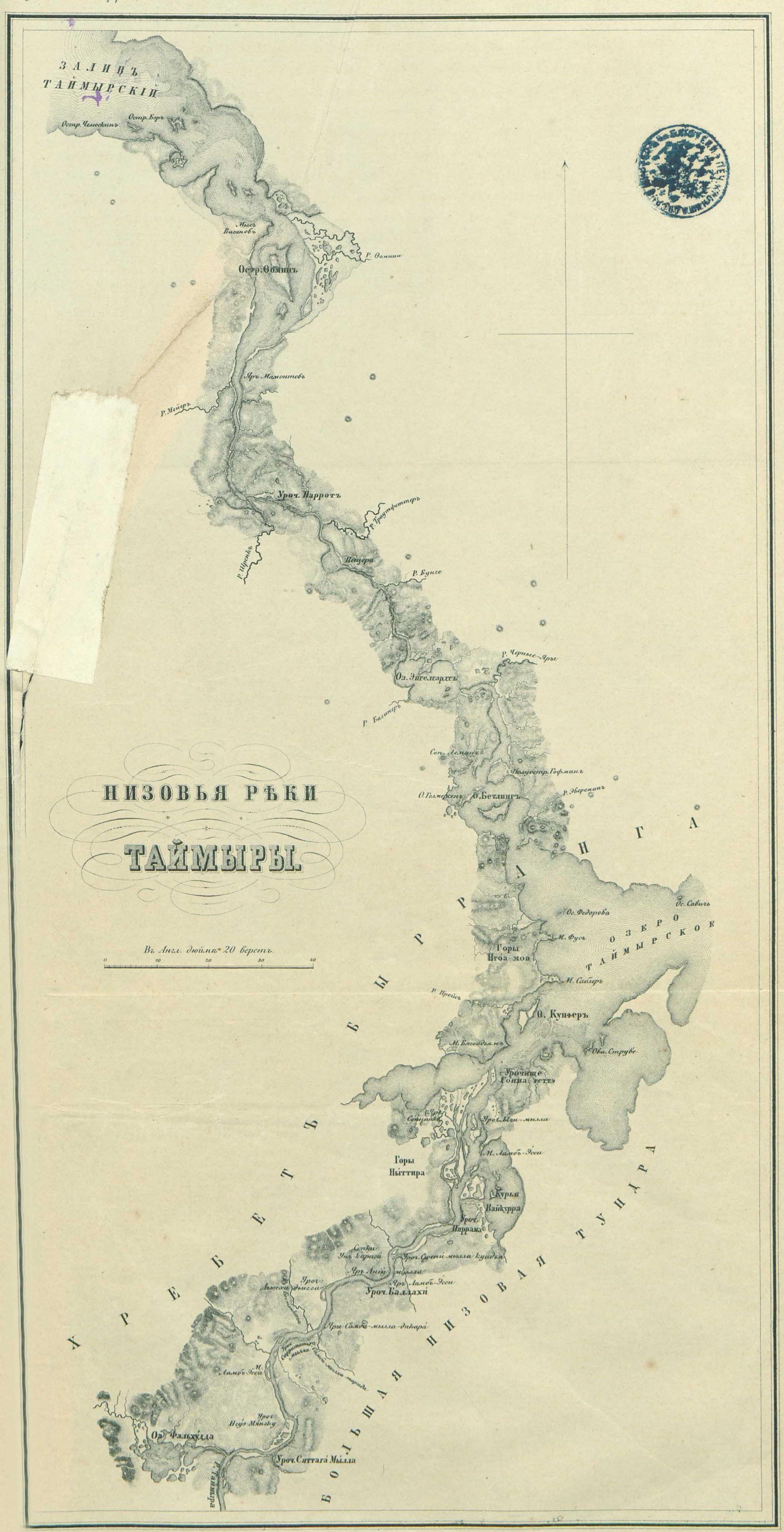
На лист. IV и V съемка сдѣлана съ помощью часовъ. Мы отмѣчали нѣсколько разъ кольями пространство версты, и проѣзжая ее пріучались отличить 5 разныхъ степеней скорости оленьяго бѣга (См. объ этомъ ниже, гдѣ говорится объ оленяхъ, какъ домашнемъ скотѣ): на этомъ основаніи мы вычисляли пространства совершеннаго нами пути.

[2]) Касательно долготъ этихъ странъ Туруханскъ представляетъ намъ единственный твердый пунктъ. Ниже его по Енисею на всемъ пространствѣ Таймырскаго края, и даже къ востоку отъ Енисея до Лены не опредѣлено астрономически ни одного пункта. Широкое поле для будущей дѣятельности.

Да и касательно широтъ за Туруханскомъ мы лишены опредѣленій съ такой точностью, какая требуется въ новѣйшее время. Потому я нахожу здѣсь умѣстнымъ представить перечень астрономически опредѣленныхъ пунктовъ между Енисейскомъ и Туруханскомъ. Мы обязаны ими Ганстеену и Федорову. Наблюденія Ганстеена были изданы въ Mém. de l' Acad. de St Pétersb. (VI série, Sc. math., phys. et natur. I, 1831. Bullet. scient. стр. III и IX) и въ Schumacher's Astr. Nachricht. (1831, VIII, стр. 251. IX, стр. 106, 110, 137). Повторить ихъ здѣсь тѣмъ болѣе кстати, что показанныя въ этихъ изданіяхъ числа Ганстеенъ въ послѣдствіи призналъ требующими исправленія прибавкою къ каждому 5′ 3″, что и будетъ исполнено въ нижеслѣдующей таблицѣ, въ которой вмѣстѣ имена будутъ написаны правильнѣе, чѣмъ могъ это сдѣлать иностранецъ.

Четыре пункта, опредѣленныхъ Федоровымъ, я вставляю между Ганстееновыми по рукописному въ 1842 г. сообщенію. Я отмѣчаю ихъ звѣздочкой.

Малый Контатъ	56° 57′ 54″	110° 56′ 26″
Енисейскъ	58° 27′ 19″	109° 56′ 24″
Анцыферово	59° 8′,4 (?)	109° 19′ 5″
Назимово	59° 30′ 18″	108° 40′ 48″
Серебряниково	60° 1′ 52″	108° 18′ 35″
* Устье Сыма (недалеко отъ Ярцова	60° 17′,0 —	107° 56′ 15″
Дубческое	61° 1′ 35″	107° 21′ 31″
Устье Елотихи	61° 29′ 51″	107° 56′ 25″
* Устье Подкаменной Тунгуски	61° 35′, 9	108° 0′ 45″
Сумароково	61° 39′ 33″	107° 28′ 15″
Лебедево	62° 6′ 33″	106° 48′ 59″
Чулково	62° 46′ 19″	106° 10′ 39″
* Устье верхняго Имбака	63° 9′,6	105° 52′ 23″
Ка́нгатово	63° 27′ 0″	105° 1′ 33″
Фатьяновское	64° 3′ 45″	105° 16′ 49″
Ново-Черностровское	64° 36′ 41″	105° 17′ 54″
Байхинское	64° 59′ 48″	105° 33′ 56″
* Устье нижней Тунгуски	65° 47′,3	105° 57′ 0″
Туруханскъ	65° 54′ 56″	105° 17′ 50″


Заливъ Таймырскій
Остр. Бэръ
Остр. Челюскинъ
Мысъ Вакановъ
Р. Ѳомина
Остр. Ѳомина
Яръ Мамонтовъ
Р. Мейеръ
Уроч. Наррот
Р. Траутфеттеръ
Р. Шренкъ
Пещера
Р. Бунге
Р. Черные-Яры
Оз. Энгельгардтъ
Р. Базинеръ
Соп. Ленцъ
Полуостр. Гофманъ
О. Гельмерсенъ
О. Бетлингъ
Р. Эверсманъ
Низовья рѣки
Таймыры
Въ Англ. дюймѣ 20 верстъ
0 10 20 30 40
Хребетъ Бырранга
Ос. Федорова
Ос. Савичъ
М. Фусъ
Озеро Таймырское
Горы Нгоа-моа
М. Саблеръ
Р. Ирейсъ
О. Купферъ
М. Благодьянъ
Ова. Струве
Урочище Сопиа-эсттэ
Урч. Ыгы-мылла
М. Ламоъ-Эсси
Горы Ныттира
Курья Вайкурра
Уроч. Ниррама
Сопки Унъ карака
Уроч. Срени мылла куадья
Яръ Аний мылла
Яръ Ламоъ-Эсси
Уроч. Баллахи
Уроч. Дьюсхи дыкга
Яры Самоъ-мылла-дикара
Уроч. Сирритаты мылла
М. Ламоъ Эсси
Уроч. Нгуо Мянгку
Ор. Фальхудда
Уроч. Ситтагá Мылла
Р. Таймыра
Большая низовая тундра


3

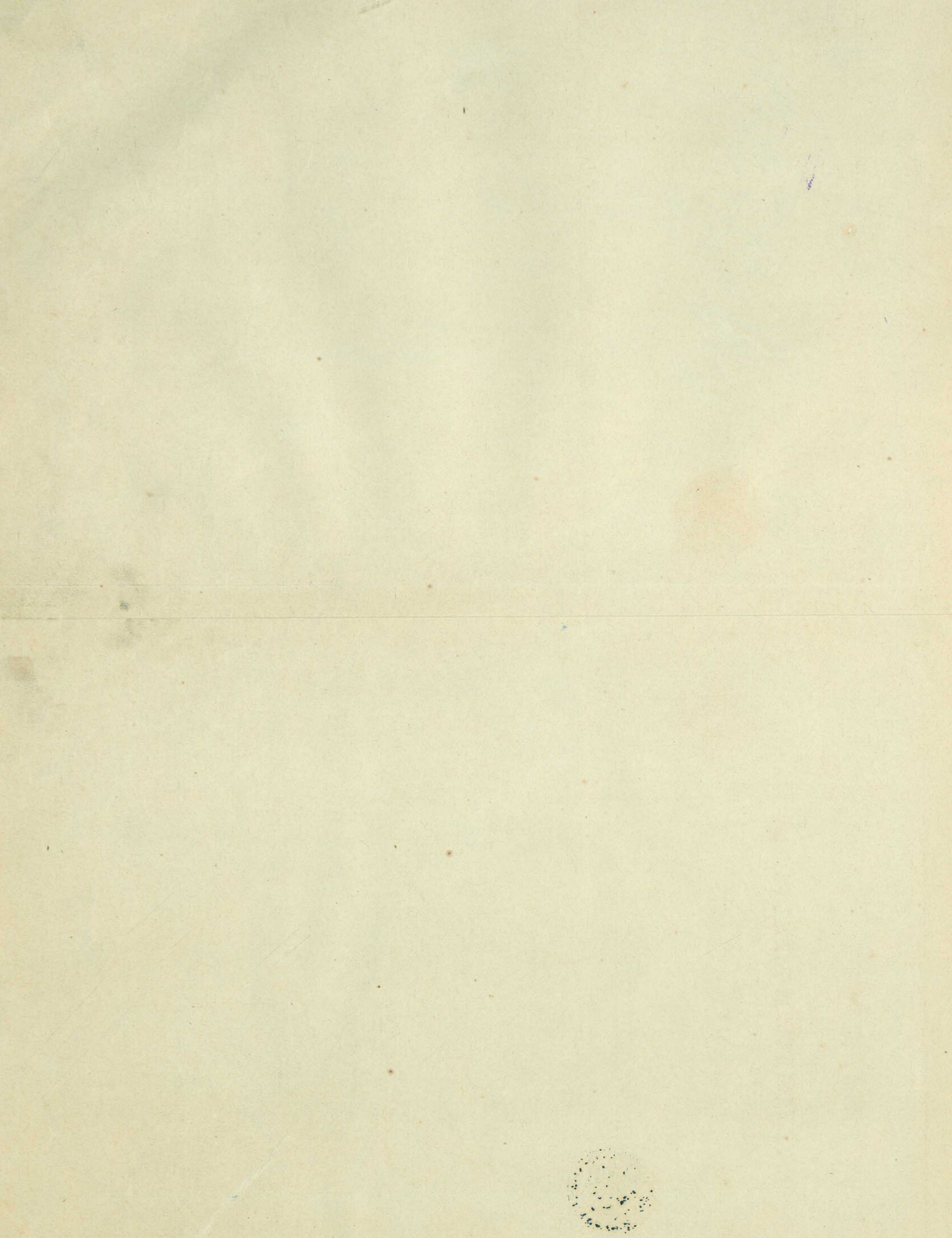
МАРШРУТЪ

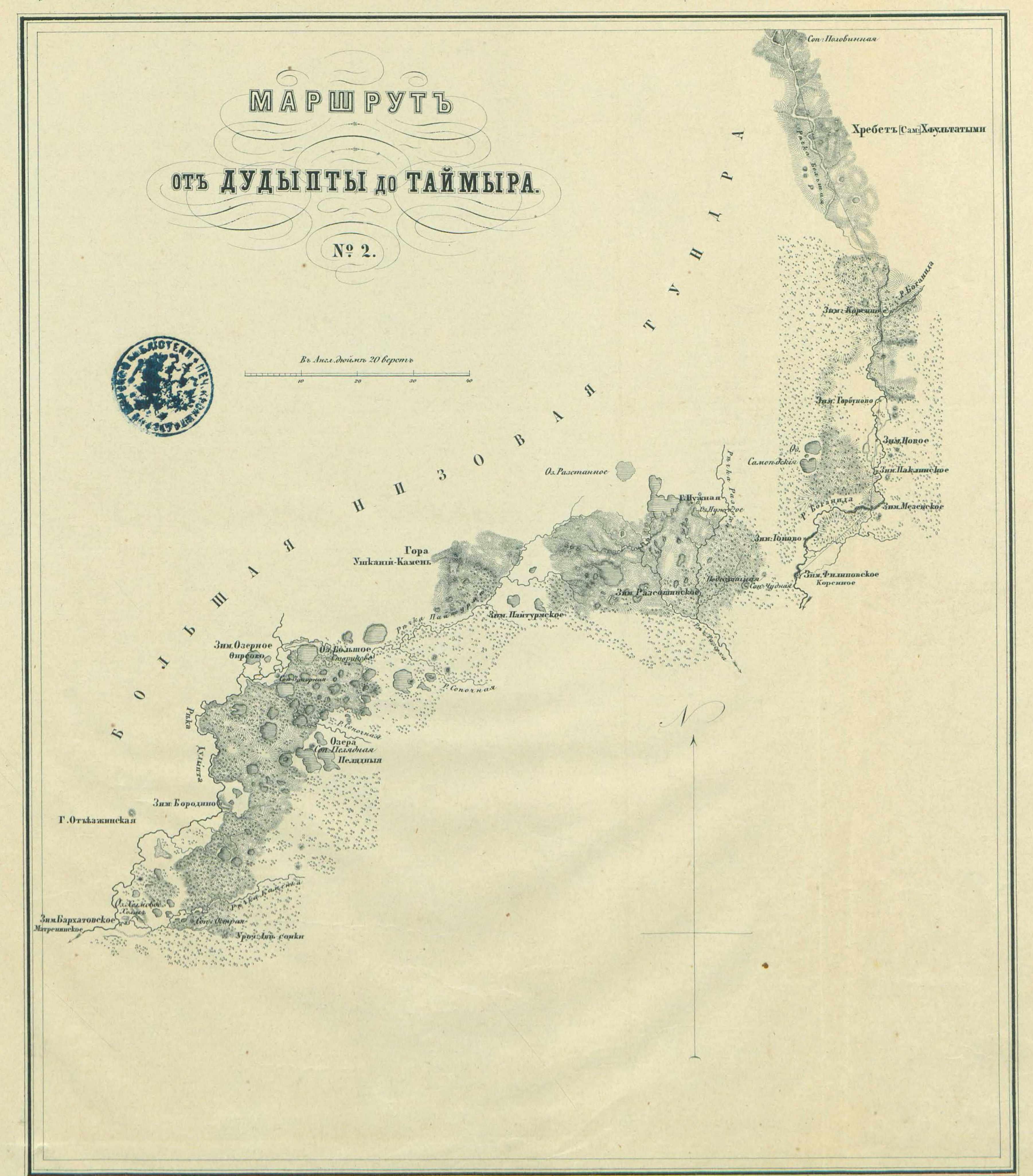


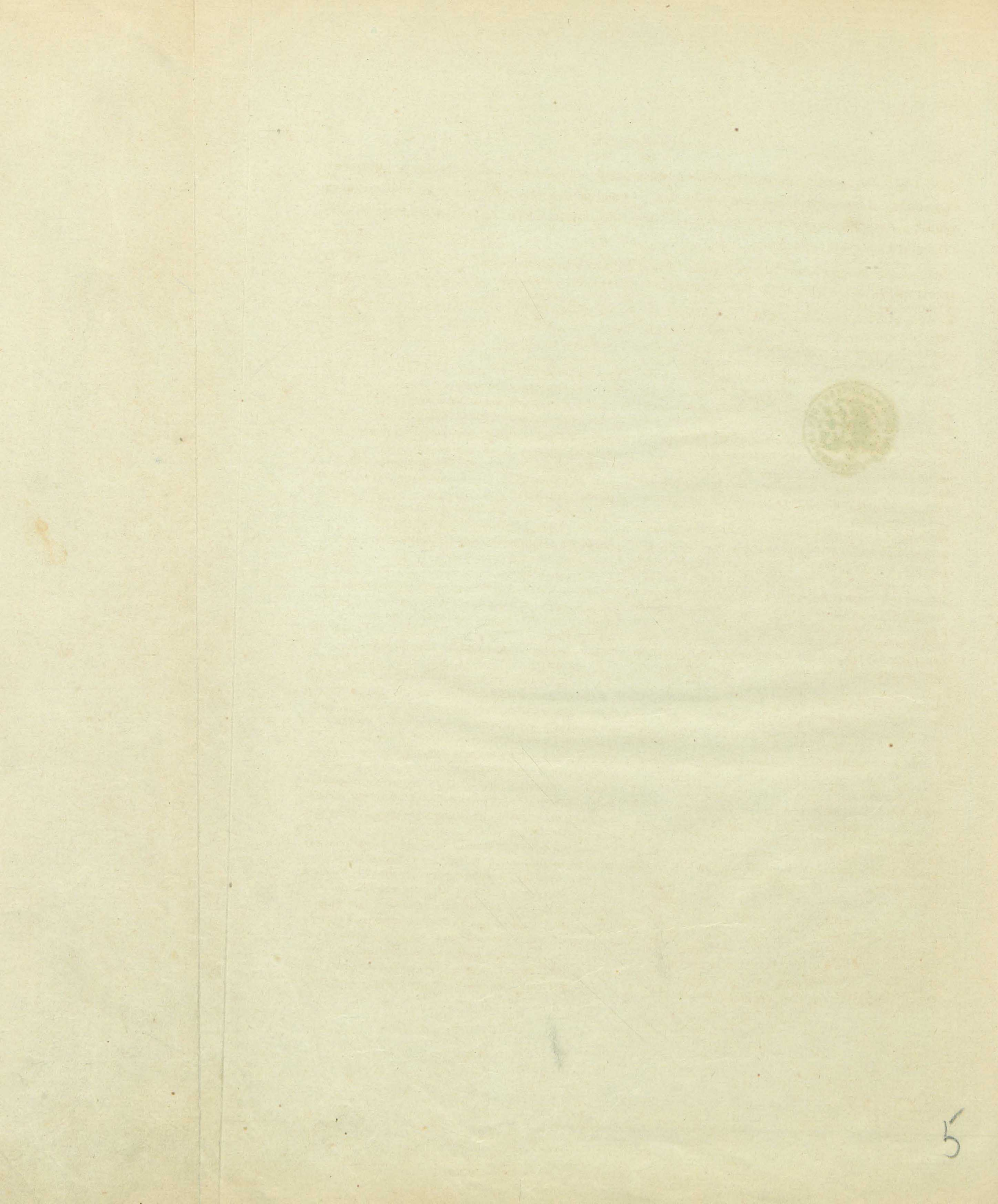
№ 1.

Масштабъ

Въ Англійскомъ дюймѣ 20^{ти} верстъ.




МАРШРУТЪ
отъ ДУДЫПТЫ до ТАЙМЫРА.
№ 2.
Въ Англ. дюймѣ 20 верстъ
10
20
30
40
БОЛЬШАЯ НИЗОВАЯ ТУНДРА
Соп: Половинная
Хребетъ [Сам:] Хфультатыми
Р. Боганида
Зим: Горбуново
Зим. Новое
Оз. Самоѣдскія
Зим. Паклинское
Р. Боганида
Зим. Мезенское
Зим: Попово
Зим. Филиповское
Коренное
Соп: Чудная
Рѣчка Разсоха
Оз. Разстанное
Зим. Разсошинское
Зим. Паитурское
Гора
Ушканий-Камень
Зим. Озерное
Ѳирсово
Оз. Большое
Р. Сопочная
Озера
Сол. Пелядная
Пелядныя
Рѣка
Кулкита
Зим: Бородино
Г. Отъѣзжинская
Зим. Бархатовское
Матренинское
Соп: Острая
Уроч: Дѣв. санки
N


5

Такъ какъ сто лѣтъ назадъ Таймырскій край лишь въ первый разъ былъ пройденъ въ разныхъ направленіяхъ и тогда какъ это стоило такихъ страшныхъ, даже гибельныхъ усилій, любопытно всмотрѣться ближе въ особенности моего туда путешествія, единственнаго съ того времени.

Положенія, обнародованныя Степановымъ (Енис. губ. I, стр. 46) по рукописному сообщенію Ганстеена, естественно, надобно считать менѣе достовѣрными. Точно также и собственноручную роспись Ганстеена, которую я нашелъ въ Туруханскѣ и въ которой замѣтилъ нѣкоторыя разницы отъ предлагаемой.

Федоровъ опредѣлялъ долготы относительно къ Красноярску, который онъ полагалъ подъ 110° 33'. Онъ опредѣлилъ и Енисейскъ, именно: 58° 27', 2 при 109° 55' 45". Такимъ образомъ долгота эта разнится отъ Ганстееновой только на $^1/_2$ минуты.

Теперь я выставлю опредѣленія широтъ, извлеченныя изъ оргинальныхъ дневниковъ нашихъ прежнихъ мореплавателей, чтобы было, чего держаться при изображеніи Таймырскаго края. Они могутъ покуда служить для насъ опорой, равно какъ и мои собственныя три отмѣченныя звѣздочкой опредѣленія широтъ, вычисленныя профессоромъ Савичемъ: я вношу ихъ сюда для исправленія моего прежняго показанія, которое было вычислено невѣрно. Такъ какъ Мининъ и Стерлеговъ полагаютъ Туруханскъ подъ 60° широты, а Дубческое — подъ 60° 59', то сказанное мною выше (стр. 57) объ ошибкахъ опредѣленій широты въ прошломъ столѣтіи подтверждается: ошибки эти составляютъ минуты двѣ разницы, но простираются иногда и до 5 и болѣе минутъ. Впрочемъ нѣкоторыя изъ тѣхъ показаній широты я здѣсь выпустилъ, какъ объяснено будетъ ниже въ примѣчаніи на 92 стр.

A. *На Енисеѣ.*

Дудино	69° 11'
Зимовье Исáково (Терёхино)	70° 28'
Зим. Верхнее Троецкое	70° 43'
Зим. Гольчинскіе Магазейны	71° 37'
Глубокіе Магазейны	72° 1'
Зим. Троецкое пустое	72° 15'
Зим. Волгино	72° 20'
Мысъ Ефремовъ Камень	72° 45'

B. *На берегу моря* (отъ W къ O).

Острова Сѣверо-восточные (на южномъ краѣ)	73° 05'
Зим. Убоино	73° 16'
Зим. Заледеево	73° 21'
Зим. Коргóвое	73° 22'
Мысъ и островъ Здоровскій	73° 24'
Въ дельтѣ Пясины:	
a) Зим. Тобольскаго (на лѣвомъ берегу)	73° 39'
b) Зим. Федора Попова и Трофима Юдина	73° 44'
Сѣверный берегъ Пясинской губы	73° 56'
Зим. Нижнее Пясинское	74°
Мысъ Медвѣдевъ	74° 6'
Губа Медвѣдева	74° 14'
Мель Сорусовáлова	74° 27'
Мысъ Стерлегова	75° 10'
Мысъ Среднiй	75° 21'
Мысъ Высокій	75° 37'
Мысъ Чекинъ	76° 23'
Мысъ Лаптевъ	76° 38'
Мысъ Медвѣжій Яръ	75° 49'
Землянка при устьѣ р. Таймыры	75° 35'
Мысъ Прончищевъ-Челюскинъ	77° 27'
Островъ Прончищевъ 1736	75° 53'
Лаптева кораблекрушеніе (построенныя имъ юрты)	75° 26'
Отъѣзжее зимовье (найденное Прончищевымъ 15 Авг. 1736)	74° 48'
Устье рѣки Болахни	74° 15'

(Лаптевъ, очевидно, ошибочно принималъ это устье за устье рѣки Новой)."

C. *На Хатангѣ и внутри Таймырскаго края.*

Устье Блудной въ Хатангу	72° 56'
* Хатангскій Погостъ	71° 42'
* Урочище Сонна-Гетте при впаденіи Верхней Таймыры въ озеро (Губа Вайкурра)	73° 59'
Озеро на югѣ отъ озера Таймыра, за которое и принимали его	73° 15'
Верхній заводъ Федора Сухова (къ W отъ Дудыпты	71° 21'
* Зим. Коренное-Филиповское (на Боганидѣ)	70° 44'

На этихъ-то опредѣленіяхъ широтъ, изъ которыхъ многія занесены на оригиналы картъ прошлаго столѣтія вмѣстѣ съ ихъ долготами, въ сущности основывается мое начертаніе Таймырскаго края. Если я, какъ сказано выше, во многомъ не могу согласиться съ Соколовымъ, то это происходитъ частію отъ того, что Соколовъ не довольно точно и безъ достаточной критики пользовался дневниками прошлаго столѣтія и не раскрывалъ ихъ недостатковъ. Я, напротивъ того, соображалъ ихъ разнорѣчія.

Вымѣчая всѣ опредѣленія широтъ, находящіяся въ дневникахъ прошлаго столѣтія, я убѣдился въ необходимости отличить всѣ опредѣленные пункты береговъ названіями и воспользовался для того или первоначальными именами ихъ въ самыхъ дневникахъ или назвалъ ихъ именами участниковъ въ этихъ съемкахъ. Уваженіе, внушаемое мнѣ достоинствами трудовъ Челюскина можетъ быть, увлекло меня въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко; но мнѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ лучше идти впередъ по проложенному, хотя бы и

Мое путешествіе на край сѣвера совершено было въ лѣтнюю половину года. Сухопутныя путешествія моихъ предшественниковъ ограничивались проѣздами по льду и по снѣгамъ около весны: ихъ примѣру послѣдовали многіе путешественники, всѣ тѣ, которые въ нынѣшнемъ столѣтіи съ такимъ блестящимъ успѣхомъ содѣйствовали къ расширенію нашихъ познаній о положеніи полярныхъ странъ. Этотъ способъ путешествія оказывается самымъ плодотворнымъ для изысканій, потому что пользуется наилучшими путями, какіе только возможны въ этихъ непроходимыхъ пустыняхъ. Предпріятія, выполняемыя въ такую продолжительную половину года, какъ зимняя, достигали бы еще несравненно большихъ успѣховъ, еслибы осенью и зимою не мѣшала тому мгла и холодъ: послѣдній впрочемъ мѣшаетъ собственно только тогда, какъ сопровождается мятелью.

Мое путешествіе было лѣтнее: поэтому оно идетъ въ сравненіе не съ береговыми

менѣе удобному пути, чѣмъ изъ осторожноти возвратиться вспять. Десять лѣтъ тому назадъ я заказалъ г. Мальману въ Берлинѣ литографировать листъ II прилагаемаго здѣсь атласа, но удержалъ его у себя и донынѣ не издавалъ въ свѣтъ. Между тѣмъ этотъ листъ былъ, должно быть, на глазахъ у г. Киперта, и вотъ уже лѣтъ 10, какъ самый сѣверный мысъ Азіи носитъ имя Челюскина, а мысъ западнаго Таймырскаго полуострова имя: Таймыръ, какъ я назвалъ ихъ на моей отпечатанной, но до сихъ поръ отнюль не изданной карточкѣ. Такъ какъ теперь эти названія безчисленными изданіями неутомимаго Киперта и множествомъ другихъ картъ въ разныхъ краяхъ введены во всеобщее употребленіе, то я принужденъ теперь удержать ихъ и не могу уже отказаться отъ сдѣланной мною попытки наименованія, какъ поступилъ бы, можетъ быть, безъ этого обстоятельства. Впрочемъ эти наименованія не совсѣмъ лишены основаній. До 1786 Таймырскіе мысы на картахъ нашей Академіи оба оставались безъ названій. Въ 1787 являются названія: Сѣверо-западный и Сѣверо-восточный и въ томъ-же году даже по-латыни: prom. caurinum u euro-aquilonium (на болшомъ листѣ Nova Tabula geogr. Imper. Ross). Русскія названія составлены прямо на основаніи оригиналовъ, въ которыхъ дѣйствительно упоминаются: мысъ сѣверной западный и сѣверный восточный. Эти названія перешли даже въ чужіе краи, именно въ бывшемъ въ большомъ ходу изданіи Вейланда: General-Charte vom Russischen Reiche, но сопровождались именемъ Taimur, усвоеннымъ западному мысу. — Съ 1825 года это послѣднее названіе изъ карты Познякова, въ то время уважаемой и подтвержденной топографическимъ депо, перешло во всѣ карты Сибири, съ тѣхъ поръ изданныя въ Россіи, а въ 1829 посредствомъ: Nouvelle Carte de l' Asie (dressée par Fremin, publiéee par Berthe), благодаря имени Клапрота, нашло пріемъ и въ чужихъ краяхъ. Тогда имя западнаго мыса, по видимому, установилось. Не смотря на то въ новѣйшее время нѣкоторые писатели начали переносить имя Таймыръ на восточный мысъ, и притомъ наиболѣе уважаемые авторитеты, какъ Врангель (Путеш. по Сибири 1841, стр. 84) и Гумбольдтъ (Asie centrale 1843, стр. 35, 38, по Крузенштерну); также Шницлеръ (L'Empire des Tsars, 1856, III стр. 97, 98 примѣч.).

Непостоянству этого названія съ одной стороны благопріятствовала, кажется, трудность для иностранцевъ произносить слово сѣверо-восточный, что и повело ихъ къ попыткамъ передавать это имя въ переводѣ словами: Nordost-Cap, Nordest, и даже cap Nord (у Бальби) и пр.: съ другой стороны это имя находили, конечно, и неудовлетворительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ по сосѣдству съ этимъ сѣверо-восточнымъ мысомъ, по оригиналу Минина, значится другой мысъ того-же имени, именно восточный мысъ крайняго устья Енисея, какъ на картѣ Познякова, такъ и у Вейланда, съ которой копировались, кажется, всѣ разнообразныя Русскія и иностранныя карты (Ср. Зап. Гидрограф. Деп. 1851. IX, стр. 286). Какъ бы то ни было, но если сѣверо-восточный мысъ получитъ имя Челюскина, то онъ сохранитъ это имя съ честію. Челюскинъ не только единственное лицо, которому сто лѣтъ назадъ удалось достигнуть этого мыса и обогнуть его, но ему удался этотъ подвигъ, не удавшійся другимъ, именно потому что его личность была выше другихъ. Челюскинъ, безспорно, вѣнецъ нашихъ моряковъ, дѣйствовавшихъ въ томъ краѣ. За 7 лѣтъ до того онъ ѣздилъ подъ начальствомъ Прончищева въ Ледовитое море и достигъ съ нимъ самой дальней широты, какая только достигалась на ледовитомъ морѣ Азіи; потомъ, по смерти Прончищева принялъ команду надъ караблемъ и вмѣсто того, чтобы изнуриться четырехъ-лѣтнимъ пребываніемъ на глубокомъ сѣверѣ, какъ изнурялись всѣ другіе, онъ въ 1742 году ознаменовалъ полноту своихъ дѣятельныхъ силъ достиженіемъ самаго труднаго, на что до тѣхъ поръ напрасно дѣлались всѣ попытки. Когда Лаптевъ объѣ-

поѣздками, упомянутыми выше, а скорѣе съ сухопутными путешествіями, какія совершилъ до меня Франклинъ, а послѣ меня Рэ въ глубину Сѣверной Америки. Но я не только проникъ на сѣверъ дальше обоихъ на нѣсколько градусовъ широты, но и провелъ лучшую пору лѣта внутри материковой страны на крайнемъ сѣверѣ, между 74° и $75\frac{1}{2}$° с. ш. Этотъ материковый край былъ главнымъ предметомъ моихъ изысканій: отъ этого мое путешествіе становится единственнымъ въ своемъ родѣ; потому что во всѣхъ подобныхъ лѣтнихъ путешествіяхъ спѣшили къ берегамъ Арктическаго Моря и на нихъ проводили середину лѣта.

Кромѣ пріобрѣтеній для естествознанія, я имѣлъ возможность точнѣе моихъ предшественниковъ снять положеніе мѣстностей Таймырскаго края, и посѣтилъ страны, которыхъ они не касались, именно: югозападную часть Таймырскаго озера и верхнюю половину рѣки Таймыры. Между Боганидой и этой верхней Таймырой наши пути одинъ разъ пресѣклись между собою: я ѣхалъ въ сѣверо-западномъ направленіи, мои предшественники въ сѣверо-восточномъ.

Средства, устроенныя въ прошломъ столѣтіи для изслѣдованія Таймырскаго края, какъ мы уже достаточно убѣдились, отнюдь не были незначительны, какъ должно было полагать [1]), а были напротивъ. по тогдашнимъ обстоятельствамъ, даже чрезмѣрны. Три, четыре года длились приготовленія, попытки, неудачи, пока наконецъ добились успѣха. Мое же путешествіе, напротивъ, началось, къ сожалѣнію, безъ приготовленій, нашло въ томъ краю значительное запустѣніе, должно было все покончить въ одно лѣто и могло повести къ успѣху только съ помощью гибкаго приноровленія къ тамошнимъ обстоятельствамъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ ихъ застало; оно нисколько не было въ тягость туземному населенію, а напротивъ оставило по себѣ добрую память. Только одинъ разъ я нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ угрозамъ противъ шаманскаго изувѣрства, какъ объяснено будетъ дальше, въ главѣ о Самоѣдахъ.

Не такъ ли опять должно будетъ поступить, какъ мнѣ привелось въ моемъ путешествіи, если вновь повторится, хотя, конечно, въ отдаленной будущности, подобный походъ къ послѣднимъ предѣламъ Таймырскаго края? Отнюдь не такъ, потому что отнынѣ надобно думать уже не объ летучемъ набѣгѣ, а о предпріятіи, которое отличалось бы полнотою. Опытъ снаряженія въ прошломъ столѣтіи, говоря вообще, можно признать образцовымъ. Главная ошибка, въ которой должно упрекать выполненіе, была слѣдствіемъ кораблекрушенія, которое заставила Лаптева перенести свое мѣстопребываніе на Хатангу и отсюда вести все дѣло. Но и эта ошибка значила бы немного, еслибы Лаптевъ

халъ западный полуостровъ, тутъ Челюскинъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу изъ устья Пясины до 75°, и только ту часть западнаго берега этого полуострова, которую онъ проѣхалъ вмѣстѣ съ Лаптевымъ, можно воспроизвести въ чертежѣ удовлетворительно. Припоминаю, что уже въ первомъ моемъ донесеніи въ Академію изъ Туруханска я отозвался объ немъ: «При большой настойчивости, Челюскинъ изъ участ-«никовъ эспедиціи всѣхъ точнѣе и отчетливѣе въ своихъ «показаніяхъ».

[1]) «Экспедиція Лаптева, при своихъ скудныхъ средствахъ, нѣсколько разъ совершала этотъ путь на собакахъ», писалъ Бэръ 1831 (въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, IV, 279).

распорядился отправить свой отрядъ къ назначеннымъ для него запасамъ, велѣлъ тамъ прозимовать ему и оттуда возвратиться вверхъ по Ленѣ, и еслибы только строгость службы дозволила Лаптеву меньше озабочивать себя перевозкой груза съ пострадавшаго корабля.

Главный путь для экспедиціи въ Таймырскій край есть Енисей; естественная точка отправленія для всѣхъ частныхъ предпріятій этой экспедиціи есть Дудино или Дудинское Зимовье, между 69 и 70 градусами широты. Отсюда должно отправить, по ровнымъ частямъ, всѣ запасы и снаряды на Пясину, на впаденіе рѣки Таймыры въ озеро и на Хáтангу. По всѣмъ этимъ тремъ водянымъ путямъ должны спуститься къ Ледовитому морю, зарывая на пути часть своихъ снарядовъ, три небольшія партіи, человѣкъ изъ пяти или шести, каждая подъ распоряженіемъ ученаго начальника. На каждомъ изъ этихъ трехъ путей должно выставить по небольшому пóсту, человѣкъ изъ трехъ, на такомъ мѣстѣ, съ котораго въ случаѣ нужды еще довольно вѣрно можно было бы войдти въ сношеніе съ самыми крайними поселеніями на предѣлѣ лѣсовъ, чтобы эти посты, лѣтомъ занимаясь добычею и заготовленіемъ мяса и рыбы, осенью безопасно могли переѣхать въ эти поселенія. Годъ для приготовленій необходимъ; если захотятъ употребить два года на самое предпріятіе, то не только можно будетъ изслѣдовать со всѣхъ сторонъ Таймырскій край, но и проникнуть дальше его, въ Ледовитое море, о которомъ въ этой части свѣта мы не имѣемъ еще свѣдѣній. Что находится за Таймырскимъ краемъ и за сѣверовосточною оконечностью Новой Земли: еще полярная страна, или архипелагъ, или открытое море? И какой видъ имѣетъ это послѣднее? Обо всемъ этомъ мы не имѣемъ еще ни малѣйшаго понятія, потому что полярныя экспедиціи Британцевъ въ своихъ плаваніяхъ вились только по тѣснымъ проливамъ необозримаго архипелага.

Самую большую ошибку въ моей экспедиціи составляетъ то, что я принужденъ былъ на мѣстѣ построить для себя лодку. Мнѣ поставлены были на видъ готовые боты на Хáтангѣ, но надежда на нихъ обманула меня. Еслибы я могъ предвидѣть, что̀ предстояло мнѣ, я закупилъ бы нужное число воловьихъ кожъ на верхнемъ Енисеѣ, какъ сдѣлалъ въ слѣдующемъ году въ Якутскѣ, поплылъ бы по рѣкѣ Таймырѣ и изъ нея въ море въ кожаной байдарѣ, которая была бы гораздо больше моей «Тундры», меньше ея текла бы, будучи въ то-же время помѣстительнѣе и легче; я не потерялъ бы мѣсяца на переѣзды взадъ и впередъ для перевоза съѣстныхъ припасовъ и выжидая прекращенія сѣверовосточныхъ ураганов въ Таймырскомъ озерѣ, нашелъ бы такимъ образомъ время выплывать все дальше и дальше въ море, которое я видѣлъ предъ собой совершенно свободнымъ отъ льда, и успѣлъ бы, какъ я разсчитывалъ весною, обогнуть восточную половину полуострова и войдти въ Хáтангу, или былъ бы отброшенъ назадъ льдами, — и тогда, конечно, не былъ бы въ состояніи разсказать, что̀ я тамъ видѣлъ, потому что мой обратный путь не былъ бы обезпеченъ никакими запасами.

Во всякомъ случаѣ поѣздка въ тотъ край не должна ограничиваться только однимъ изъ употребительныхъ тамъ способовъ движенія. Всѣ должны быть употреблены въ дѣло, но

каждый на своемъ мѣстѣ. Плаваніе на кораблѣ или какомъ-либо другомъ суднѣ большаго размѣра вообще должно ограничиваться Енисеемъ. По тремъ остальнымъ рѣкамъ, о которыхъ говорено выше, должно плыть или въ кожаныхъ байдарахъ, или въ особенно устроенныхъ ботахъ, въ родѣ тѣхъ, какіе снаряжены были для экспедиціи Парри къ сѣверному полюсу: если можно, еще легче. Образцовый снарядъ этихъ ботовъ вообще, отъ частностей постройки до мачтъ и рей изъ бамбука, для знатока и любителя — истинное очарованіе [1]). Питая къ этому снаряду страстное удивленіе съ давнихъ поръ, я не понимаю, какъ могло случиться, что онъ вовсе былъ забытъ при новѣйшихъ этого рода предпріятіяхъ. И для кожаныхъ байдаръ оставъ должно дѣлать изъ лѣса низшихъ широтъ, гдѣ дерево еще не обнаруживаетъ на себѣ неблагопріятнаго вліянія суроваго климата. Но обо всемъ этомъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ, и я ограничиваюсь здѣсь замѣчаніемъ, что до 74° широты и дальше олени оказывались весьма полезными. За тѣмъ ихъ должны смѣнить собаки, но съ соблюденіемъ существенно важнаго правила — на время зимняго бездѣйствія для всякаго путешественника оставлять этихъ прожорливыхъ животныхъ вблизи поселеній. Но выше всякаго сомнѣнія остается вѣрнымъ для будущаго, что въ полярныхъ странахъ только съ помощію собакъ можно достигнуть возможно-большаго. Въ лѣтніе три мѣсяца собакъ, конечно, должны замѣнять лодки — чѣмъ они легче, тѣмъ лучше, — особенно гдѣ окажется открытое море. Желѣзная настойчивость, съ какою нѣсколько столѣтій старались пробиваться на корабляхъ сквозь ледяныя поля какъ можно дальше, была ошибкой въ томъ отношеніи, что командиры, не исключая и людей безъ предразсудковъ, какъ Кенъ, бросить свой корабль считали вопросомъ о своей чести и по возвращеніи подвергались даже суду въ этомъ смыслѣ. Корабли должно вести сколько угодно ближе къ полюсу только въ смыслѣ жилищъ и запасныхъ магазиновъ, обреченныхъ на жертву съ самаго начала, или въ значеніи точки отправленія, которую въ случаѣ рѣшительнѣйшихъ предпріятій позволительно бросить.

Въ заключеніе этого отдѣла о географіи Таймырскаго края прибавимъ нѣсколько словъ о вышеупомянутыхъ бóльшихъ рѣкахъ, которыя или омываютъ его, или составляютъ его границы.

Енисей.

Русскіе проникли на Енисей съ наступленіемъ XVII вѣка и на первый разъ попали, какъ извѣстно, въ негостепріимный край у полярнаго круга. Слѣдуя отъ устья Таза вверхъ по рѣкѣ, они переправились потомъ на Туруханъ, текущій къ востоку [2]).

О древнѣйшихъ предпріятіяхъ плаванія по Енисею въ Ледовитое море и по берегамъ его до Пясины мы упоминаемъ въ другихъ мѣстахъ нашего сочиненія (см. стр. 88 съ прим. 2 и стр. 64). Но каково бы ни было тогда движеніе по низовой части

[1]) Parry, Narrative of an attempt to reach the North-Pole, 1828.

[2]) Ср. Müller, Samml. Russ. Gesch. VI, 513 и слѣд.

Енисея, въ свѣдѣніяхъ о его теченіи мало было точности: не даромъ-же Ремезовъ и Витзенъ на своихъ картахъ такъ укоротили его теченіе ниже Туруханска.

Во время большой сѣверной экспедиціи Мининъ сдѣлалъ много съемокъ по теченію Енисея внизъ отъ Туруханска. Эти съёмки, лишь нѣсколько лѣтъ тому, сдѣланы общедоступными Соколовымъ [1]), съ уменьшеніемъ размѣра на половину и съ пропускомъ именъ многихъ мелкихъ притоковъ и многихъ селеній. До сихъ поръ это единственная съёмка нижняго Енисея съ опредѣленіемъ широтъ, тогда какъ послѣ того не разъ были ислѣдованы не только Обь, но даже Лена и Колыма. Между тѣмъ неизданная землемѣрная карта теченія Енисея, какъ видно, содержитъ много матеріаловъ для лучшаго начертанія этой рѣки, и они, какъ кажется, вошли уже въ новѣйшую карту Сибири [2]). Хотя въ 1772 году спутникъ Палласа Зуевъ совершилъ плаваніе внизъ по Енисею отъ Туруханска, но онъ достигъ только до Селякина, находящагося около $69\frac{1}{2}°$ с. ш. Итакъ у него недоставало больше трети всего пути отъ Туруханска до моря. Изъ двухъ мѣстъ его дневника, кое-какъ сообщенныхъ Палласомъ, почти ничего не видно. А въ 1781 году, по Палласу, снаряжалось жившимъ въ Енисейскѣ архангельскимъ купцомъ Лобановымъ судно, которому предназначалось спуститься по Енисею и обогнуть моремъ Таймырскій край [3]). Состоялось ли это предпріятіе, было ли даже приступлено къ его выполненію, я нигдѣ не нашелъ никакого упоминанія; но къ этому, мнѣ кажется, надобно отнести показаніе одного старика въ Туруханскѣ. Помнилъ онъ, что въ его молодые годы прибылъ однажды сверху «гальотъ» и отплылъ внизъ по Енисею къ морю. «Что съ нимъ сталось, Богъ вѣсть: видно, Богъ наказалъ ихъ за то, «что они нещадно обижали жителей, насильно отнимали и били скотъ, какъ будто у «нихъ не чѣмъ было по крайней мѣрѣ заплатить за него». Еще примѣръ насилій, какія черезъ 40 лѣтъ послѣ большой сѣверной экспедиціи позволяли себѣ даже частныя лица, не говоря уже о начальникахъ предпріятій правительства (ср. стр. 73). Немного лѣтъ

---

[1]) Зап. Гидрогр. Деп. 1851, IX. Карта I. Обская Губа.— Находящійся на этой части Енисея изгибъ его въ видѣ петли Мининъ ставитъ на своей картѣ подъ $66\frac{1}{4}°$ с. ш. Хотя я не имѣлъ времени заняться теченіемъ Енисея и совершенно полагался на Минина, однако по возвращеніи въ Туруханскъ мнѣ показалось, что этотъ выгибъ поставленъ слишкомъ близко къ помянутому городу. Мѣсто изгиба очень замѣтно было для меня потому, что тамъ только мы оставили русло рѣки, чтобы проѣхать прямой дорогой черезъ лѣсъ. Можетъ быть, меня сбили съ толку кривизны рѣки; но я все-таки предпочелъ помянутый выгибъ Енисея на западъ (а не на востокъ, какъ сказано выше, стр. 18, по ошибкѣ) перенести дальше къ сѣверу, хотя бы для того только, чтобы обратить вниманіе будущихъ путешественниковъ на его положеніе. Въ пользу назначаемаго ему мною положенія говоритъ разстояніе отъ Туруханска до начала изгиба у Денежкина, полагаемое во 160 верстъ, а я знаю по опытамъ, что такія опредѣленія растояній обыкновенно бываютъ на одну треть больше дѣйствительнаго пространства. Отъ Денежкина до Карасина прямой дорогой черезъ лѣсъ, минуя излучину Енисея, считаютъ добрыхъ 35 верстъ.

[2]) Эта еще неизданная карта есть «карта Восточной Сибири. Составлена по новѣйшимъ свѣдѣніямъ при управленіи Генеральнаго Штаба Восточной Сибири. 1852». Въ этой предварительной обработкѣ она обогащена разнымъ топографическимъ матеріаломъ, но не даетъ мѣста нѣкоторымъ уже твердо установленнымъ результатамъ и опредѣленіямъ мѣстъ. Замѣчательное начертаніе нижняго Енисея, кажется, заимствовано на ней изъ той землемѣрной карты, которую видѣлъ Ганстеенъ (Степанова, Енис. Губ. I, стр. 44 примѣчаніе).

[3]) Neue Nord. Beiträge I, стр. 341. Въ томъ мѣстѣ дневника, которое указано Палласомъ, я не нашелъ обстоятельнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ предпріятіи. Помнится, какъ будто я встрѣчалъ извѣстіе объ этомъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», но теперь не могу отыскать его.

спустя, инструкціей для сѣверо-восточной экспедиціи Биллингса предполагалось отрядить часть ея изъ Якутска вверхъ по Вилюю, потомъ внизъ по Нижней Тунгускѣ и Енисею и, если можно, даже въ Таймырскій край. Но это предположеніе не состоялось [1]).

Въ нашемъ столѣтіи Енисей ниже Туруханска былъ посѣщенъ — разумѣя ученыхъ путешественниковъ — только мною и, два года спустя, Кастреномъ, но безъ всякихъ разсчетовъ на съёмку его теченія. Хотя Кастренъ посвятилъ страницы двѣ описанію Енисея, но оно вышло незначительно [2]). Я же день и ночь летѣлъ по ледяному полотну Енисея и не видалъ даже его открытой воды. Но ледяной покровъ его почти сплошь ровенъ: одно это уже свидѣтельствуетъ о его глубинѣ при умѣренной быстротѣ теченія.

Между тѣмъ говорятъ, что зимою въ Енисеѣ бываетъ большею частью лишь нѣсколько маховыхъ саженъ глубины и только мѣстами больше десяти. Въ рукописи Минина я только разъ нашелъ замѣтку, что на немъ не могли достать до дна бечевкой въ 20 саженъ: да и то было уже около $69\frac{1}{2}°$ с. ш. (у Селякина). При всемъ томъ и здѣсь, какъ вездѣ, у жителей есть толки о бездонной глубинѣ нѣкоторыхъ мѣстъ рѣки. А на опытѣ Гмелина старшаго мы видимъ, какъ можно въ подобныхъ случаяхъ насчитать до 90 саженъ глубины, какъ насчиталъ онъ на быстринѣ Енисея за 6 верстъ выше устья Верхней Тунгуски [3]). Ниже этого устья, гдѣ собственно и получаетъ Енисей это имя, онъ отличается умѣреннымъ теченіемъ по глинисто-песчаному грунту. Всякое нарушеніе этого спокойнаго тока дѣлаетъ его воду мутною. Изгибы его поразительно легки: онъ течетъ прямо къ своей цѣли, не измѣняя этого степеннаго характера. Совсѣмъ инаго свойства главные притоки его съ-права — двѣ большія Тунгуски. Въ своемъ рѣшительно параллельномъ теченіи онѣ берутъ въ товарищи третью значительную сестру — Подкаменную Тунгуску — какъ-бы для наполненія пробѣла между ними. Всѣ три — чада горъ, какъ и народъ, которому онѣ обязаны своимъ именемъ. Ихъ теченіе, даже въ общемъ своемъ направленіи изгибаясь въ видѣ колѣна, вьется безчисленными излучинами, чрезъ множество пороговъ. При всемъ томъ вода въ нихъ чиста, часто удивительно чиста: особенно славится тѣмъ вода Верхней Тунгуски тамъ, гдѣ она, подъ именемъ Ангары выливается черезъ край изъ

[1]) Sauer, Voyage, raduit par Castera, 1802, II, p. 368, article XXIV. — И Пахтусову, когда онъ отправлялся изъ Архангельска, предписывалось также войдти, если будетъ возможно, въ устье Енисея. (Зап. Гидр. Деп. I, стр. 226).

[2]) Castrén's Reiseberichte und Briefe, II, 1856, стр. 469. — Онъ ошибно замѣчаетъ, будто Енисей при устьѣ Сыма дѣлаетъ значительный поворотъ къ востоку и сохраняетъ это направленіе до Подкаменной Тунгуски. Этого не можетъ быть, потому что послѣдняя лежитъ на разстояніи только четырехъ минутъ къ востоку отъ Сыма. Отъ устья Сыма Енисей течетъ почти $\frac{3}{4}$ градуса широты въ сѣверозападномъ направленіи. Рѣки, впадающія въ Енисей, можно найти частію у Кастрена, гораздо больше у Степанова, а всего обстоятельнѣе у Пестова (въ «Запискахъ объ Енис. Губ.» 1833, стр. 18 и слѣд.) Гагемейстеръ (Стат. Обозрѣніе Сибири 1834, I, стр. 33 и далѣе) выставилъ главныя черты. Ср. также Сибирскій Вѣстн. II, стр. 110 и слѣд.).

[3]) J. G. Gmelin's Reise durch Sibir., 1752, стр. 221. Читая внимательно, ясно замѣчаешь, что бечевка доставъ до дна, была уносима теченіемъ. Гмелинъ не былъ герой и быстрота теченія приводила его въ замѣшательство.

бездоннаго очистительнаго котла — Байкала. При сліяніи съ Енисеемъ Верхняя Тунгуска превосходитъ его шириною.

Утверждали, что рѣка Миссури при сліяніи съ Миссисипи напрасно теряетъ свое имя, потому что она въ-двое длиннѣе послѣдней и въ-четверо больше ея доставляетъ ей воды. Далеко не такъ справедливо было вести длинный споръ о томъ, не считать ли собственно за начало Енисея Верхнюю Тунгуску и не перекрестить ли даже Енисей, назвавъ его Ангарою [1])? Такъ-какъ ихъ истоки близки другъ къ другу, то въ длинѣ теченія ихъ до соединенія разница между ними не велика; да и въ количествѣ воды между ними гораздо меньше различія, чѣмъ между помянутыми Американскими рѣками. И кто допустилъ бы доказательства, взятыя отъ длины теченія и отъ обилія водъ, еслибы къ-тому-же р. Миссисипи не была въ своей верхней части свѣтлою, спокойною рѣкою и не становилась уже, глубже, быстрѣе и иловатѣе только по соединеніи съ Миссури, этой «грязной» рѣкой, какъ и называютъ ее Индіанцы? А Енисей, называемый при истокѣ Кемью, уже у Красноярска начинаетъ принимать свойственный ему характеръ — спокойное теченіе; дальше внизъ этотъ характеръ образуется все рѣшительнѣе и укрощаетъ природную ярость вливающихся въ него горныхъ потоковъ. Ихъ чистыя

---

[1]) Семивскій, «Новѣйшія повѣствованія о Восточной Сибири» 1817, стр. 111. и дал.—Пестовъ, Записки объ Енисейской Губ. 1831, стр. 14.

Эти господа меньше бы затруднялись, если бы знали, что мысль, принятая ими за родное дѣтище, есть подкидышъ, котораго родословная восходитъ до Рашида, потому что у него уже Кемь, нынѣшній Енисей, впадаетъ въ Ангару, т. е. нашу Верхнюю Тунгуску (d' Ohsson, Histoire des Mongols, 1853, I, p. 7, примѣч.). Всѣхъ правильнѣе разсматриваетъ этотъ вопросъ Степановъ (Енис. Губ. I, стр. 17 и слѣд.); у него-же и подробнѣйшая монографія Енисея, съ длиннымъ перечнемъ его притоковъ. Гагемейстеръ (Стат. Обозр. Сиб. 1854, I, стр. 34) также слишкомъ много придаетъ вѣсу ширинѣ рѣкъ. Даже количество воды было бы лучшимъ основаніемъ.

Впрочемъ оказывается, что этотъ вопросъ чаще занималъ ученыхъ, чѣмъ полагалъ я при изложенія текста.— Не такъ давно Гумбольдтъ (Asie centrale I. 1843, p. 374) привелъ отзывъ Клапрота, который также представляетъ Енисей притокомъ Верхней Тунгуски. Развитіе этого мнѣнія начато, очевидно, Гмелиномъ старшимъ (J. G. Gmelin's Reise durch Siberien, III. 1752, p. 120) и растянуто потомъ Фишеромъ (Siberische Geschichte, 1768, I. p. 388, прим. 52).

Гофманъ (Reise nach den Goldwäschen Ostsibiriens 1847, p. 147) старается подтвердить правильность этого стариннаго взгляда, придавая особенную важность тому обстоятельству, что Тунгуска въ-трое шире Енисея, притомъ сохраняется свое направленіе, а Енисей принимаетъ это направленіе.

Недавно наконецъ г. Берсиловъ (въ Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1858, V. стр. 79) точнымъ описаніемъ сліянія Енисея въ Верхней Тунгуской довелъ этотъ вопросъ до окончательнаго рѣшенія. Показанія его поясняются приложенной картой. Разрѣзъ водъ Верхней Тунгуски опредѣленъ въ 1360 квадр. саженъ, а разрѣзъ Енисея не больше 270; къ этому, г. Берсиловъ придаетъ особенную важность тому, что и геогностическій характеръ береговъ по В. Тунгускѣ и при сліяніи ея съ Енисеемъ неизмѣняется.

Такимъ образомъ вопросъ, какъ я уже отозвался, поконченъ, и количество воды, на опредѣленіе котораго я указывалъ, по крайней мѣрѣ въ-пятеро, а если примемъ въ соображеніе быстроту теченія, то еще больше оказывается въ пользу Верхней Тунгуски. Итакъ моя догадки о количествѣ воды была несправедлива. Но то остается вѣрнымъ, что сказалъ я о совершенно особенномъ свойствѣ спокойнаго Енисея, въ противоположность горному характеру Верхней Тунгуски, и самымъ лучшимъ тому доказательствомъ служатъ измѣренія высотъ, сообщаемыхъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашего сочиненія. По этимъ измѣреніямъ Верхняя Тунгуска между Байкаломъ и своимъ сліяніемъ съ Енисеемъ имѣетъ 950′ паденія, а отъ помянутаго сліянія до моря, на пространствѣ, навѣрное въ полтора раза большемъ, только 350, стало быть, почти въ-четверо меньше. У самого г. Берсилова на картѣ мы видимъ при сліяніи наносные острова въ руслѣ Енисея, именно потому что и выше сліянія онъ несетъ мутную массу, которая при умѣренной быстротѣ его теченія осаждается.

струи можно еще слѣдить на нѣкоторомъ пространствѣ въ главномъ потокѣ рѣки, какъ напр. свѣтлыя воды обѣихъ Тунгусокъ внизъ по правому берегу Енисея; но вскорѣ онѣ изчезаютъ въ общей мути, зависящей отъ мягкости главнаго русла.

Только на одномъ мѣстѣ Енисея снова поднимаютъ мятежъ принятыя и успокоенныя имъ стихіи: около $61\frac{1}{3}^{\circ}$ с. ш. его теченіе встрѣчаетъ каменную плотину. Сибиряки на своемъ нехитромъ языкѣ называютъ эту гряду скалъ просто «камень»: путешественникъ, быстро перенесенный туда изъ Европейской Россіи, очаровывается простотою этого названія, тѣмъ болѣе, что на равнинахъ по сю сторону Урала оно не имѣетъ никакого другаго значенія, кромѣ обыкновеннаго. Естественный шлюзъ этой плотины находится въ четырехъ верстахъ ниже селенія Осиновки и называется «воротами». Въ сто футовъ вышины стоятъ по обѣ стороны узкаго прохода двѣ крутыя скалы въ романтически-дикомъ величіи. Отвѣсъ ихъ кое-гдѣ пріодѣтъ чахлыми деревьями, которыя держатся корнями въ узкихъ разсѣлинахъ между камнями. Незначительныя возвышенія облѣплены гнѣздами ласточекъ. Здѣсь, даже зимою, выказываетъ свою силу послѣдній и самый главный порогъ рѣки, громоздя льдины, одну на другую, въ чудовищныя массы. Позади плотины, стало-быть, выше ея, рѣка разливается далеко, дѣлясь на множество рукавовъ, вьющихся вокругъ низменныхъ, но часто большихъ островoвъ, которыхъ сосѣдніе жители насчитываютъ 77. Положеніе и свойство этой плотины и производимой ими сѣти рукавовъ съ ихъ островами до сихъ поръ передавались вовсе непонятно [1]). Главное русло идетъ вдоль праваго берега рѣчной ложбины, а рукава рѣки захватываютъ по низменности лѣваго берега верстъ до 10 на западъ, представляя собою сѣтеобразную путаницу.

Такимъ образомъ здѣсь съ Енисеемъ въ маломъ размѣрѣ дѣлается то-же, что повторяется съ нимъ ниже на пространствѣ, составляющемъ болѣе полутора градуса широты

---

[1]) Уже съ Зотина Енисей становится шире, но и здѣсь ширина его не больше $2\frac{1}{2}$, а у Ворогова (Дубческое-тожь) не больше 3 верстъ. Между Вороговымъ и Осиновкой онъ расплывается такъ, что на немъ считаютъ 77 островoвъ. Отъ Осиновки, онъ опять едва имѣетъ $2\frac{1}{2}$ версты ширины. Въ Вороговѣ мнѣ сказывали, что тамошній дьяконъ Карпъ, составилъ описаніе всѣхъ 77 островoвъ, которое было отправлено въ Енисейскъ.

Степановъ (тамъ-же, стр. 17 и слѣд.), увлекшись картинностью страны и впечатлѣніями плаванія въ низъ по рѣкѣ, среди бушующей массы воды, сдѣлалъ свое описаніе рѣшительно неяснымъ. Изъ его словъ выходитъ только, что въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ, должно быть, есть точныя съемки, которыя стоило бы внести въ картографію тѣхъ странъ.

Объ этомъ мѣстѣ рѣки карты даютъ ложное понятіе: съ половины прошлаго столѣтія, особенно со времени слишкомъ рѣшительнаго начертанія Позняковымъ, здѣсь изображается большая поверхность озера, вмѣсто сѣти рукавовъ. «Почтовая Карта, принадлежащая къ дорожнику 1842 года», есть единственная карта, на которую въ новѣйшее время рѣшились занести множество существующихъ по Енисею селеній, и она рѣшительно невѣрно представляетъ положеніе этихъ селеній въ отношеніи къ разсматриваемому разливу Енисея. Впрочемъ эта ошибка въ ней скопирована съ «Генеральной Карты Енисейской Губерніи» 1829, — единственной оригинальной карты, на которую занесены многія изъ селеній между Енисейскомъ и Туруханскомъ. Какъ у Степанова, такъ и у Кастрена выходитъ, что разливъ выше плотины съ своемъ протяженіи состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ верхняя, значительно меньшая, отдѣляется отъ нижней русломъ рѣки, съуэившимся у Зотина.

Но огромное расширеніе Енисея между $67\frac{1}{2}$ и $71°$ широты происходитъ уже не отъ каменной плотины: вѣрнѣе будетъ допустить здѣсь преждевременное и на множество вѣтвей разбившееся образованіе дельты. Во всемъ теченіи Енисея замѣтно расположеніе осаждать песчаный илъ, котораго вóды его даютъ тѣмъ больше, чѣмъ яростнѣе бушуетъ крѣпкій ледяной покровъ его, срываемый весною силою теченія, чѣмъ сильнѣе вода напираетъ на плотины, образуемыя спирающимися льдинами и чѣмъ быстрѣе вода съ необычайнаго подъема отъ тающихъ снѣговъ упадаетъ на свой обыкновенный уровень. Даже зимою на всемъ протяженіи рѣки въ Туруханскомъ округѣ, то есть, на пространствѣ почти 200 геогр. мили, замѣтны песчаныя мели, изъ которыхъ образуются острова, покрытыя ивами; а деревья на нихъ представляютъ очевидные признаки того, что весною все погружается въ зеркалѣ водъ глубоко, но что прежде достаточно-высокаго подъема воды плавающіе льды производятъ опустошенія. На многихъ мѣстностяхъ я замѣчалъ слѣды такого разрушительнаго дѣйствія воды на 5 и даже 6 мах. саженяхъ надъ уровнемъ ледяной поверхности.

Другіе острова, напротивъ, — и такихъ много — образовались, очевидно, отъ промоинъ вешними водами, разливающимися вокругъ высокихъ мѣстностей. Такъ заставляетъ думать самая высота ихъ почвы, равно и почтенный видъ крупныхъ хвойныхъ деревьевъ, какія растутъ на нихъ [1]). Нѣкоторые изъ этихъ промывныхъ рукавовъ, конечно, только въ весенніе разливы достигаютъ значенія настоящихъ водъ; а въ остальныя времена года они съуживаются до нестоющихъ вниманія канавокъ [2]). Туруханскъ лежитъ въ серединѣ такихъ островов и отъ главнаго русла рѣки удаленъ верстъ на 15 или на 20. Уже у Троицкаго монастыря отъ Енисея отдѣляется западный рукавъ (Шаръ), который опять дробится на два рукава — большій и меньшій, наиболѣе удаляющійся къ западу. Этотъ послѣдній есть такъ называемый Малый Шаръ, съ которымъ сливается рѣка Туруханъ. Городъ Туруханскъ стоитъ близь этого сліянія, на западномъ изъ тѣхъ двухъ островов, которые образуются упомянутымъ раздѣленіемъ Енисея на-трое. Чтобы показать, какъ песчаный грунтъ, на какомъ построенъ Туруханскъ, въ глубинѣ своей подчиненъ вліянію окружающихъ его водъ, помѣщаю на VI листѣ прилагаемаго атласа въ уменьшенномъ размѣрѣ копію съёмки Туруханска и его округа, начатой въ 1812 году и только въ 1829 оконченной. За исключеніемъ совершенно лживой правильности города, которая не разъ поражала меня, начертаніе, мнѣ кажется, точно соотвѣтствуетъ природѣ. Положеніе этой мѣстности получило въ моихъ глазахъ особенную важность отъ неожиданныхъ результатовъ моихъ наблюденій надъ

---

[1]) Изъ такихъ островов я замѣтилъ, напримѣръ, одинъ, версты въ двѣ длины, недалеко отъ Комсина (62°), но выше этого мѣста. Двѣ версты ниже Баклановскаго ($64\frac{1}{2}°$), Енисей дѣлится на два русла, съ версту шириною каждый; они огибаютъ островъ версты въ двѣ шириной и верстъ въ двадцать длиной, потому что конецъ его простирается за Черноостровское.

[2]) Назовемъ, для примѣра, рукавокъ называнный Ангутская курья, куда впадаетъ другой полойный-Малый Шаръ, на которомъ стоитъ Туруханскъ.



ТУРУХАНСКЪ и его ОКРЕСТНОСТИ.

Въ Англ. дюймѣ 800 саженъ.

0 100 200 400 600 800 1000

Оз. Березовое

Оз. Подборное

Рѣчка Глубокая

Оз. Большое Никольское

Г. ТУРУХАНСКЪ

Оз. Малое

Оз. Подбанное

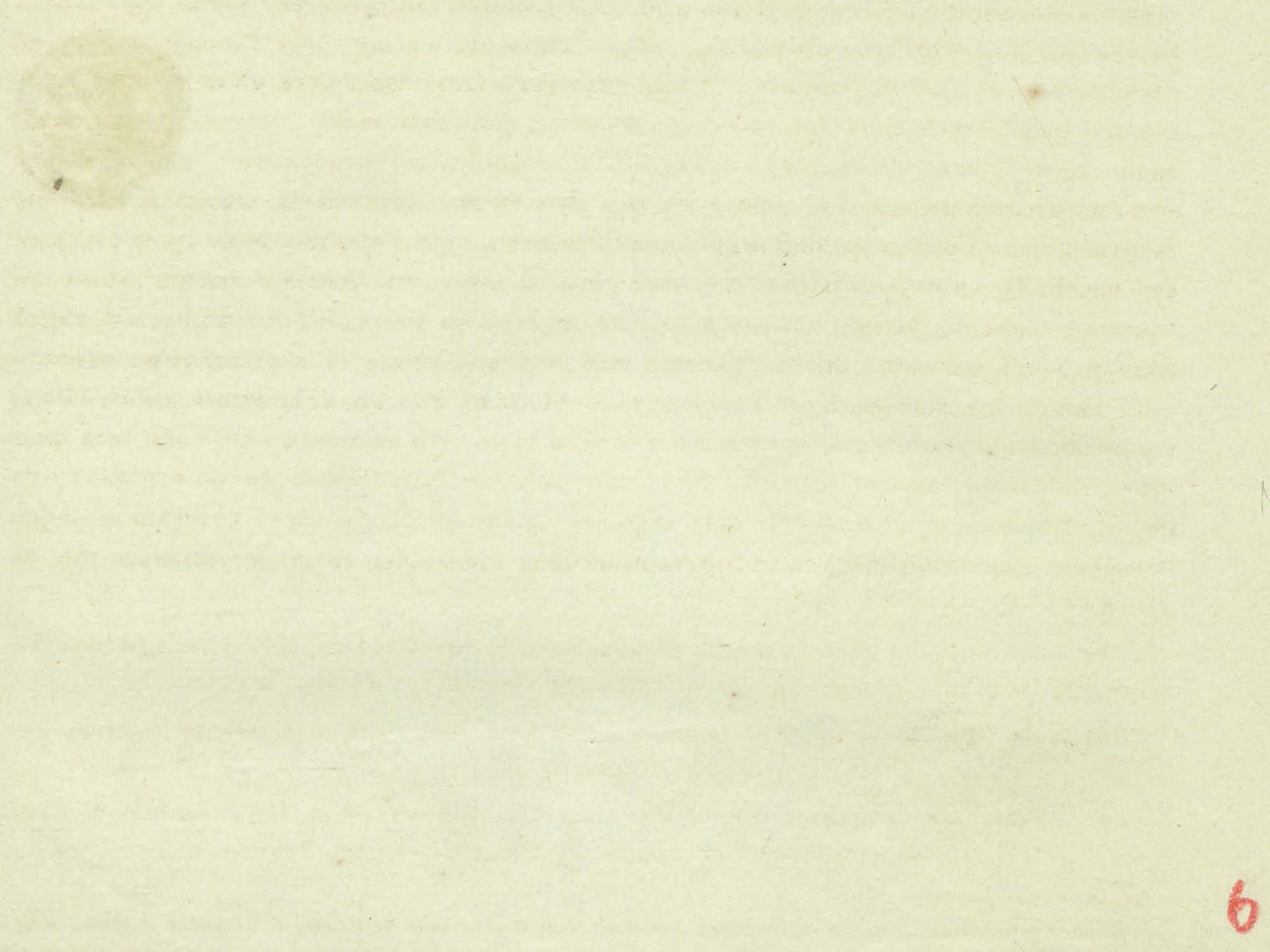
Протока Малый Шаръ

Лазарово

Озеро Долгое

Оз. Долгое

РѢКА ТУРУХАНЪ


6

температурой земли, надъ которою, какъ кажется, господствуетъ именно вліяніе помянутыхъ водъ и озеръ вокругъ Туруханска [1]).

Въ вышеупомянутомъ образованіи дельты Енисея залегаетъ тотъ самый соръ, который уносится вешними водами изъ производимаго ими опустошенія. Это явленіе повторяется повсюду. Но мы упоминаемъ здѣсь объ немъ потому, что Енисей, составляя единственное въ своемъ родѣ исключеніе, образуетъ свою дельту наносами не подъ вліяніемъ борьбы морскихъ волнъ съ теченіемъ рѣки, а гораздо выше. Очевидно, отъ положенія горъ и вида поверхности земли должно зависѣть то, что Енисей, очистивъ свои воды образованіемъ дельты, собираетъ ихъ потомъ въ одинъ общій каналъ и, какъ-бы запруженный между высокими и крѣпкими берегами, передаетъ ихъ морю въ нераздѣльной массѣ. Отъ того собственно при входѣ его въ море есть только незначительныя песчаныя отмели по бокамъ [2]). Сравнительный взглядъ на устья Лены и Енисея на картѣ Сибири даетъ наглядно понять разницу между обыкновеннымъ образованіемъ приморской дельты и между дельтою материковою, какъ въ Енисеѣ. Напоминая собою Гафъ, эта послѣдняя существенно отличается отъ него тѣмъ, что песчаная мель Гафа есть плотина, наметанная самимъ моремъ, тогда какъ водоёмъ Енисейской дельты отрѣзанъ отъ моря, очевидно, независимо отъ него образовавшимся видомъ берега, который надобно объяснять геологическимъ поднятіемъ. Конечно, стоило бы труда изслѣдовать это на мѣстѣ [3]).

Соленая морская вода, кажется, не заходитъ далеко въ дельту Енисея: приливъ заноситъ ее, конечно, не дальше самаго устья канала, которымъ онъ впадаетъ [4]).

Ширину Енисея у селенія Назимова ($59\frac{1}{2}°$ с. ш.), гдѣ онъ течетъ однимъ русломъ, я опредѣлилъ приблизительно посредствомъ вымѣреннаго шагами базиса и пелькомпаса. Тамъ она оказалась около $1\frac{1}{2}$ версты [5]). По впаденіи Подкаменной Тунгуски и Елогуя воды замѣтно становится больше; но только Нижняя Тунгуска и

---

[1]) Ниже Туруханска, въ слѣдъ за сліяніемъ помянутыхъ рукавковъ, отъ Енисея, у селенія Конощельскаго опять отдѣляется рукавъ къ западу и подъ именемъ Боганиды течетъ отдѣльно отъ главнаго русла верстъ на 50, почти до Денежкина. А у Денижкина опять отдѣляется рукавъ въ правую сторону. Въ дневникѣ Минина онъ значится подъ именемъ Полукъ; нынѣ, сказывали, онъ называется рѣкой Денжихой.

[2]) Карта Познякова и ея копіи показываютъ противъ устья Енисея островъ Кускинъ. Не тотъ ли это, о которомъ есть свѣдѣніе уже у Витзена (Tweede Druk, 1705, стр. 763): het Eiland dat in Zee voor de Rivier Jenisea legt, genaemt Ganskoy, is woest? Очень вѣрно также сказано у него: doch de Jenisea valt ten eersten met eene mond in de Zee. На новѣйшихъ картахъ этотъ островъ исчезъ. Вѣрно, и Соколовъ не нашелъ его въ рукописныхъ источникахъ.

[3]) Пя̀синскіе Самоѣды, которыхъ я распрашивалъ, называли мнѣ какія-то воды Дянтагіэ; но я не могъ добиться, что они разумѣли подъ этимъ именемъ? Устье ли Енисея, или значительную часть его нижняго теченія, или чтонибудь совсѣмъ другое?

[4]) Въ Ду́динѣ мнѣ сказывали, что вода Енисея становится солновата у Якова-Краснаго, а у Суханова уже совсѣмъ солона. Яковъ Красный есть тоже, что у Минина. Верхне-Троицкое на рѣчкѣ Яковлевой ($70\frac{3}{4}°$) Что разумѣли подъ Сухановымъ, я не могъ себѣ выяснить. По наблюденіямъ Минина, приливы достигали до Гольчинскихъ Магазейновъ ($71\frac{1}{2}°$). Вѣтеръ, конечно, увеличиваетъ на время пространство, захватываемое приливами.

[5]) Это совершенно согласно съ показаніемъ ширины Енисея при Енисейскѣ у Пестова (Записки объ Енис. Губ., 1833, стр. 14): въ низкую воду $1\frac{1}{7}$, въ высокую — $1\frac{1}{2}$ версты.

Туруханъ своимъ впаденіемъ видимо увеличиваютъ ширину Енисея, которая здѣсь возрастаетъ, среднимъ числомъ до половины геогр. мили. Ниже Туруханска въ Енисей впадаютъ лишь незначительныя рѣчки [1]); не смотря на то ширина его постепенно увеличивается, такъ-что подъ 69° надобно положить ее, среднимъ числомъ, въ полную геогр. милю. Этимъ объясняется наблюденіе судоходовъ, которые говорятъ, что теченіе Енисея особенно съ Туруханска становится тихо.

Пясина.

Изъ разныхъ правописаній имени этой рѣки [2]) только это нашелъ я въ устахъ туземцевъ, хотя, побывавъ въ томъ краю какъ-то невольно покушаешься на правописаніе Пя́синга, потому что этотъ вставочный звукъ очень часто слышится въ языкѣ туземцевъ. Сверхъ того, Самоѣды, живущіе на Пя́синѣ, называли мнѣ свою рѣку Нямiэ.

На карту слѣдъ этой рѣки въ первый разъ занесенъ, сколько мнѣ извѣстно, уже въ 1612 г. Исаакомъ Массой, который сообщилъ и извѣстіе о первомъ предпріятіи для развѣдокъ Пясины [3]). Въ первыхъ годахъ XVII столѣтія отрядъ, посланный Исаакомъ

---

[1]) Ср. листъ II нашего атласа. Шо́риха казалась мнѣ ручейкомъ. Точно также Ангу́тиха, впадающая въ рукавъ Енисея въ Ангутскую Курью въ четырехъ верстахъ ниже зимовья Ангутихи. Курейка, говорили мнѣ, одинъ изъ значительнѣйшихъ притоковъ, имѣетъ верстъ двѣсти длины. Дальше внизъ рѣчкѣ Гремяхѣ, впадающей въ Енисей, въ четырехъ или пяти верстахъ выше Карасина, при Карасинѣ Ясашномъ, давали только 50 верстъ длины, впрочемъ при весьма извилистомъ теченіи; а у самаго Карасина течетъ лишь ручеекъ. Озеро Карасино, изъ котораго вытекаетъ Гремяха, полагали въ 30 верстахъ разстояніемъ отъ селенія Карасина.

Еще дальше внизъ у зимовья Денежкина течетъ въ Енисей рѣчка того же имени, потомъ съ версту ниже другое, а еще черезъ нѣсколько верстъ третье Денежкино. Всѣ три, говорятъ, очень незначительны. Точно также рѣчка Ду́дино обязана своимъ именемъ только извѣстности лежащаго на ея устьѣ селенія. Въ Ду́дино впадаетъ ручеекъ Боганида, вытекающій изъ Боганидскаго озера.

Даже съ западной низменности текущія въ нижній Енисей: Кета (по Самоѣдски Ketaга) и Соленая, Пелятка Самоѣд. Pa-Hätta), по словамъ Хантайскихъ Самоѣдовъ, которыхъ я выспрашивалъ, незначительны, не говоря уже о впадающихъ еще ниже съ востока: Гольчихѣ (Самоѣд. Сыа-джягга) и Глубокой (Самоѣд. Джуре, что также значитъ «Глубокій»).

[2]) Ср. Beitr. z. Kenntniss d. Russ. Reichs, 1841, IV, стр. 283. — Витзенъ называетъ эту рѣку: Pesida, Peisida, Piasida и Tarsida (Tweede Druk, стр. 758). Вѣроятно и подъ именемъ Paschi, на которое онъ дѣлаетъ такой наивный комментарій, на его картѣ разумѣется опять таже Пясина. — Переводъ этого имени словами: «низкая безлѣсная земля», пущенный въ ходъ Миллеромъ (Samml. Russ. Gesch. VIII, стр. 49), обязанъ своимъ происхожденіемъ, какъ мнѣ кажется, только ученому толкованію. По крайней мѣрѣ я, при всемъ стараніи, никакъ не могъ добиться такого объясненія слова отъ кочующихъ тамъ Самоѣдовъ.

[3]) Это извѣстіе сообщенно Витзеномъ (изд. 1692, стр. 516 и Tweede Druk, стр. 832). Миллеръ помѣстилъ и разобралъ это извѣстіе въ Samml. Russ. Gesch. VIII, стр. 93 и слѣд. Опровергая Витзена, онъ ошибно утверждаетъ, что Исаакъ ле-Меръ предпринялъ свое сѣверо-восточное путешествіе не раньше 1615 года. Первое изданіе Массы: Descriptio ac delineatio, было сдѣлано 1612 года Гесселемъ Герардомъ въ Амстердамѣ и имѣется въ Имп. Публичной Библіотекѣ (чѣмъ мы обязаны просвѣщенной заботливости бар. Корфа, тогда какъ Бэръ въ своей замѣткѣ о Массѣ (Bullet. scientif. de l' Acad. de St. Pétersb. X, 1842, p. 267) могъ пользоваться только показаніями другихъ библіографовъ. Такъ какъ Масса замѣчаетъ, что люди, посланные Ле-Меромъ и принесшіе первое свѣдѣніе о Енисеѣ, ѣздили туда «за семь лѣтъ до того», то мы получаемъ по меньшей мѣрѣ 1605 годъ, если т. е. допустимъ, что сочиненіе Массы было написано въ томъ-же году, въ которомъ издано, хотя это мало вѣроятно. Итакъ Миллеръ во всякомъ случаѣ ошибается, полагая, что Енисей открытъ въ 1607 году. Такъ какъ сочиненіе Массы во второй разъ было издано въ слѣдующемъ 1613 году, то въ показаніи этихъ годовъ нѣтъ возможности допустить какую-либо ошибку.

Ко всему этому Масса прямо говоритъ, что его карточка составлена по собственнымъ наблюденіямъ путешественника только до Оби, а за Обью тѣмъ-же путешественникомъ, по чужимъ разсказамъ.

Ле-Меромъ на востокъ отъ Оби, достигъ Енисея; а потомъ, съ помощью союзныхъ Остяковъ, Самоѣдовъ и Тунгусовъ, кажется, обыкновеннымъ въ-послѣдствіи путемъ, внизъ по Турухану къ Енисею, онъ проникъ до Пясины. Это открытіе и огромныя преувеличенія, которыми оно изукрашено, побудили правителей Сибири отправить туда отрядъ, состоявшій, какъ говорятъ, изъ 700 человѣкъ.

Я видѣлъ Пя́сину только при истокѣ ея изъ озера того-же имени и слѣдовалъ по ней не дальше зим. Введенскаго. Она вытекаетъ, какъ извѣстно, изъ ряда соединенныхъ между собою горныхъ озеръ, но получаетъ свое имя только при истокѣ изъ послѣдняго изъ нихъ. Пя́синскаго: выше она называется Быстрою [1]).

Количество воды, уносимое Пясиной, довольно значительно; уже у Введенскаго она имѣетъ глубины, среднимъ числомъ, около двухъ саженъ, мѣстами до четырехъ; а ширина, при низкой водѣ, по моему измѣренію, оказалась въ 80 саженъ. Она течетъ, правда, очень извилисто: у Введенскаго напр. она образуетъ узкую петдю, далеко вытянутую на западъ.

Что касается дальнѣйшаго теченія Пясины, то главныя черты его, кажется, вѣрнѣе изображены на картѣ 1770, изданной нашей Академіей, хотя общій изгибъ его, кажется, слишкомъ преувеличенъ. Немного лѣтъ спустя тотъ-же издатель [2]), вѣроятно опять неправильно, измѣнилъ направленіе рѣки въ прямое, и этотъ чертежъ повторяется на всѣхъ картахъ донынѣ.

---

[1]) Мнѣ описывали три Пясинскихъ озера: Давыдово, Быстровское и Пясино которыя лежатъ сряду одно за другимъ. Такъ я и передаю ихъ, хотя начертаніе ихъ на картѣ Познякова, какъ будто намекаетъ на болѣе точныя съёмки; но оно нигдѣ еще не встрѣчается на картахъ прошлаго столѣтія.

Озеро Пясино, кажется, имѣетъ видъ молодаго мѣсяца; своею вогнутою стороною оно обращено къ сѣверу, а продольная ось его идетъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Ширина его верстъ десять. Впрочемъ я мало видѣлъ его, потому что было темно. Быстровское полагаютъ короче его, но не уже. Оно окружено каменными высотами; истокъ его — рѣка Быстрая или Норыльская проложила себѣ тѣсный путь между скалъ. Пясинскіе Самоѣды называли этотъ истокъ Нюнюдетія, а другую водную мѣстность — можетъ быть, верховья рѣки Авама, — Гала-Тырёмму (Gada-Tyrömmu). На многихъ картахъ Быстрая представляется впадающею въ нижнюю Пясину на мѣстѣ Пыры — вѣроятно, по ошибкѣ. Не эта ли Пыра разумѣется у Кастрена подъ именемъ «Туры» (Reiseberichte, стр. 245)?

[2]) Трескотъ. На его картѣ: «Часть Мангазейскаго и Якутцкаго уѣзда», 1770, Пясина на значительномъ простанствѣ поворачиваетъ даже назадъ, съ сѣвера къ югу. А на его Mappa Gubernii Sibiriensis, continens provincias Toboliensem et Jenisejensem, Пясина течетъ уже почти прямо по меридіану, лишь съ небольшимъ уклоненіемъ къ западу. Сочиненная подъ начальствомъ Фрауендорфа, рукописная общая карта Сибири въ нашемъ академическомъ собраніи, составленная, вѣроятно, раньше 1770 года, теченіе Пясины изображаетъ, мнѣ кажется, всего вѣрнѣе. Изгибъ ея на Carte générale du gouvernement de Jenissey. St. Pétersb. 1829, произошелъ, очевидно, изъ другихъ источниковъ.

Лаптевъ, конечно, лучше всякаго могъ знать теченіе Пясины, потому что одинъ изъ его отрядовъ совершилъ путь отъ нижней Пясины къ Енисею; а онъ замѣчаетъ, что Пясина «сначала указываетъ на востокъ, «потомъ, до устья Пыры течетъ къ западу, а отсюда «на сѣверъ къ морю» (Зап. Гидрогр. Деп. 1851, IX, стр. 47). Сверхъ того, мой толмачъ, взятый именно съ этой рѣки, увѣрялъ меня, что Самоѣды, перейдя съ устья Пыры на Енисей, выходятъ къ Гольчинскимъ Магазейнамъ, а это ставитъ помянутое устье и выгибъ рѣки къ востоку, приблизительно, подъ 72° с. широты. Этимъ объясняется вмѣстѣ и то, что истоки Янгуты, какъ сказывали мнѣ Самоѣды, близки къ истокамъ Горбиты.

Съ высоты, находящейся съ версту на сѣверо-востокъ отъ селенія Введенскаго на Пясинѣ, пеленговалъ я по указанію человѣка, хорошо знавшаго страну: истокъ Пясины изъ озера 360° компаса; ниже Введенскаго селеніе Черново 206°; высота Коева на озерѣ 26°; озеро Половинное 94°. — А отъ селенія Бархатовскаго на Дудыптѣ селенія Пайтурма 247°, Озерное 221°, Лѣтовье 62°

Рѣка Таймыра и Таймырское озеро.

На III листѣ атласа очень подробно представлено все теченіе Таймыры, сколько я съ нимъ ознакомился. Нужно прибавить лишь нѣсколько строчекъ для поясненія.

Таймыра, особенно Верхняя, впадающая въ озеро, вообще имѣетъ спокойное, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ скорое теченіе. Не смотря на гористую мѣстность, на ней нѣтъ значительныхъ пороговъ. Только на обрывѣ Ламбъ-Эсси вода Верхней Таймыры катилась съ шумомъ, такъ что клокотаніемъ ея насъ неожиданно подбросило вверхъ на нашихъ скамейкахъ и на минуту мы были въ страхѣ быть затопленными водопадомъ, съ котораго спустились. Но это была напрасная тревога, происходившая отъ того, что вся западная половина рѣки была мелка и камениста. То съ плескомъ, то съ шумомъ рвался между камнями избытокъ воды весенняго разлива. Грозное завываніе сѣверо-восточнаго вѣтра неотдѣлимо сливалось у насъ въ ушахъ съ клокотаніемъ, плескомъ и шипѣніемъ воды.

Значительнѣе, но все-же впрочемъ довольно покойны пороги Нижней Таймыры при урочищѣ Даль и повыше пещеры, гдѣ рѣка съуживается между утесистыми берегами, и особенно при помянутомъ урочищѣ. Пролагая себѣ путь изъ широкаго бассейна Таймырскаго озера къ морю, вода тѣснится здѣсь чрезъ разсѣлину горы, которой ширина — около 80 саженъ — въ-двое, а весною даже въ десять разъ (!) меньше ширины той-же рѣки даже гораздо выше, до впаденія ея въ Таймырское озеро [1]).

Впрочемъ кажется, что видъ рѣки неслыханнымъ въ нашихъ широтахъ образомъ измѣняется тѣмъ болѣе, чѣмъ быстрѣе таютъ снѣга тундры, не защищаемые никакою тѣнью, чѣмъ менѣе въ другія времена года сочится воды изъ вѣчно-мерзлой почвы и чѣмъ огромнѣе отъ того разница въ уровнѣ воды во время прибыли и убыли. Время весенняго разлива справедливо можно противополагать всѣмъ другимъ временамъ года, потому что на глубокомъ сѣверѣ вода съ наступленіемъ лѣта постоянно убываетъ до тѣхъ поръ, пока вдругъ опять не поднимется весною. Осенью тамъ прибыли воды не бываетъ. Когда я возвращался осенью вверхъ по рѣкѣ, я едва узнавалъ видѣнныя мною мѣста: такъ напр. непрерывная водяная равнина ниже пещеры, которую прежде, спускаясь къ морю, я называлъ въ своемъ дневникѣ озеромъ, при моемъ возвращеніи превратилась въ глинистую низменность, огибаемую двумя рукавами рѣки; точно также проглядывали отмели на озерѣ Энгельгардтѣ, и два каменные острова какъ-будто соединились одною широкою, хотя и плоскою подошвой; истокъ рѣки изъ Таймырскаго озера, между полуостровомъ Гофманомъ и ручьемъ Черные Яры, когда мы плыли внизъ, представлялъ широкую водяную поверхность, ограничиваемую скалами, а на возратномъ пути мы, къ великому затрудненію своему, замѣтили, что съ обѣихъ сторонъ намъ не позволяютъ пристать

[1]) Уже между ручьемъ Черные Яры и озеромъ Энгельгардтомъ теченіе было очень быстро. Дальше, пониже урочища Даль, паденіе такъ увеличилось, что собака моя, попытавшись перерѣзать теченіе, была рѣшительно унесена имъ.

къ берегу широкія тинистыя закраины, и вода отошла на глубину рѣчнаго русла, да и здѣсь скрывала много мелкихъ мѣстъ. Такимъ образомъ мѣсяца черезъ два и здѣсь оказался тотъ-же характеръ дна, какой мы на Верхней Таймырѣ, вѣроятно, убывавшей скорѣе, такъ часто узнавали тащась бичевою, когда набѣгали на глинисто-тинные берега.

Глубина рѣки выше озера постоянно оказывалась между тремя и пятью саженями, на нѣкоторыхъ мѣстахъ доходила до семи; на Нижней Таймырѣ, которую я измѣрялъ между высотою Леманъ и ручьемъ Черные Яры, глубина измѣнялась отъ двухъ до шести саженъ: тоже, кажется, продолжалось и по каменному ложу въ прорывѣ сквозь гору, хотя здѣсь въ иныхъ мѣстахъ могли скрываться значительныя глубины.

Ширина рѣки, какъ сказано выше, очень перемѣнчива. Ниже урочища Зюэни-Мы́лла-Куадя́ Верхняя Таймыра значительно расширяется; во время высокой воды она имѣла отъ одной до четырехъ верстъ ширины; но въ теченіе лѣта очень съузилась. Количество воды, какое Таймыра передаетъ морю, кажется, надобно положить нѣсколько меньше изливаемаго Колымой [1]).

Касательно именъ, занесенныхъ мною на карту (лист. III), замѣчу, что я заимствовалъ всѣ названія у Самоѣдовъ, сколько они знали теченіе Таймыры [2]). Послѣднія высоты, которыя они умѣли мнѣ назвать на западномъ берегу озера, стоятъ подъ не совсѣмъ благозвучнымъ именемъ Мѓòа-Мòа. На дальнѣйшемъ же сѣверѣ для обозначенія мѣстностей я взялъ рядъ именъ астрономовъ и натуралистовъ — представителей того духа, въ какомъ Дерптскій Университетъ издавна умѣлъ воспитывать своихъ учениковъ. Мнѣ, навсегда обязанному благодарностью воспитаннику этого разсадника высшаго знанія, конечно, не поставятъ въ упрекъ того, что я позволилъ себѣ посвятить ему эти лаконическія и знаменательныя надписи на самомъ сѣверномъ кряжѣ горъ, которымъ материкъ стараго свѣта воздымается къ полюсу. Объ избранныхъ мною мѣстностяхъ для этихъ имянъ пусть говорятъ, что угодно; но, я думаю, во всемъ свѣтѣ не найдется другой мѣстности, на которой такія надписи надежнѣе были бы обезпечены отъ опасности быть стертыми неугомонною дѣятельностью человѣка.

---

[1]) Ширина Верхней Таймыры противъ нашего становища Сяттага́-Мылла въ іюнѣ и въ іюлѣ простиралась почти до $^1/_3$ версты; ниже къ Таймырскому озеру до $^1/_2$ версты, и наконецъ на нѣсколько верстъ. Я не упускаю изъ виду, что Колыма, между Среднимъ и Нижнимъ Колымскомъ имѣетъ ширины около 600 саженъ (Сарычевъ, тамъ-же, стр. 76) а при устьѣ, по Врангелю (Путеш. I, стр. 292), 23 версты. Но скорости теченія она въ іюнѣ имѣетъ у Нижне-Колымска при трехъ верстахъ ширины только $^3/_4$ узла (Врангеля, Путеш. II, стр. 58; I, стр. 270, 221; Сибир. Вѣстн. I). Даже въ устьѣ она имѣетъ, по Сарычеву (Путеш. I, стр. 83), только 200 саженъ ширины при 3 — 5 саженяхъ глубины.

[2]) Кромѣ занесенныхъ на III листѣ Самоѣдскихъ именъ, здѣсь надобно упомянуть еще нѣсколько ихъ-же названій. Рѣку Таймыру Самоѣды называли еще Би́гай, т. е. рѣкою по преимуществу, и кромѣ того отличали главное русло ея Ба́лла отъ рукава Викаахку-Би́гай. Таарида значитъ, какъ мнѣ казалось, ручеекъ; покрайней мѣрѣ ручеекъ у мыса Ламбъ-Эсси, на который я указывалъ, Самоѣды назвали Ламбъ-Эсси-Таарида. А названіе Ламбъ-Эсси, употребляемое ими нерѣдко, значитъ, какъ мнѣ кажется, то-же, что Черные Яры. Еще урочища, встрѣченныя мною на Таймырѣ, которыхъ положенія я однакожъ не могу означить точно, назывались: Ныдди, Биныря, Ныттиря.

Но кромѣ этого рода именъ и кромѣ имени моего отличнаго спутника Ваганова, на Нижней Таймырѣ читатель найдетъ на моей каркѣ еще имена, заимствованныя изъ рукописныхъ дневниковъ моихъ предшественниковъ на Таймырѣ, именно: ручей Черные Яры, островъ Ѳоминъ и островъ Челюскинъ. Съ напряженнымъ ожиданіемъ искалъ я глазами какихъ-либо слѣдовъ моихъ предшественниковъ за сто лѣтъ и наконецъ 6 августа на самомъ берегу Нижней Таймыры нашелъ пещеру, въ которой, казалось мнѣ, я узнавалъ признаки, упоминаемые въ ихъ дневникахъ. 9 Августа, какъ припомнятъ читавшіе мои первоначальныя доносенія, по счастливому случаю, я попалъ на первые слѣды пребыванія людей въ открытой тундрѣ повыше устья ручья Мейера; тамъ спокойно лежали цѣлое столѣтіе мамонтовъ клыкъ, распиленный на три части, щепка, напоминавшая Русскій топоръ, головня и нижняя челюсть лошади, остатокъ лакомаго кушанья, привезеннаго изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ, Якутами, принадлежавшими къ отряду Лаптева. Въ Европейской жизни нѣчто подобное представляли черепахи, которыхъ привозили для супа съ Вестъ-Индскихъ морей, пока пароходы не сдѣлали этаго дешевой игрушкой. Когда же наконецъ 14 Августа на островѣ Бэрѣ я нашелъ деревянную избушку, я вполнѣ увѣрился въ своихъ соображеніяхъ и возвращаясь назвалъ ручей и островъ Ѳоминымъ, какъ они названы были въ дневникѣ въ честь главнаго героя въ походѣ къ этому мѣсту, Якута Ѳомы [1]).

---

[1]) Маршруты Лаптева и Челюскина черезъ Таймырскій край я сличалъ по ихъ дневникамъ, и не смотря на пособіе моего личнаго знакомства съ краемъ, ни на пособіе обзора пути Лаптева въ его собственномъ донесеніи, которое сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ изъ изданія Соколова (Зап. Гидр. Деп. IX, стр. 9, 41 и слѣд.), я все не могу вполнѣ объяснить себѣ этихъ маршрутовъ.

Пересмотримъ прежде всего помянутое донесеніе Лаптева, такъ какъ оно напечатано. Онъ начинаетъ тѣмъ, что ставитъ истокъ рѣки Таймыры изъ озера подъ 75° 00′ (!) и описываетъ начало ея до озера Энгельгардта довольно сходно съ дѣйствительностью, и опять показываетъ, что быстрое теченіе рѣки находится будто-бы подъ 75° 10′. Оба эти положенія кажутся мнѣ рѣшительно невозможными и противорѣчащими не только моимъ съемкамъ, но и собственнымъ показаніямъ Лаптева, такъ какъ онъ (стр. 43) говоритъ, что Таймырское озеро узкою губой выдается на югъ до 73° 15′ и что онъ самъ видѣлъ рѣку, вливающуюся въ эту губу изъ тундры. Разстоянія, пройденныя по льду Таймырскаго озера для достиженія истока изъ него рѣки, какъ у Лаптева, такъ и Челюскина показаны слѣдующимъ образомъ: 1) Со стороны Хатанги ѣхали по озеру 27 верстъ; 2) со стороны Дудыпты 45 верстъ въ прямомъ направленіи; между тѣмъ вышеозначенные градусы широты заставляютъ здѣсь предполагать пространство во 180 верстъ. Да и на картѣ Соколова, приложенной имъ къ помянутому донесенію Лаптева («II. Таймырскій полуостровъ»), истокъ Таймыры изъ озера находимъ мы подъ $74\frac{1}{2}°$, гдѣ онъ поставленъ мною уже десять лѣтъ назадъ (на листѣ II). Откуда же взялъ Соколовъ это положеніе истока? Вѣдь не съ моего же II. листа? (Ср. стр. 67 прим. 6). Онъ посвятилъ особенную и очень отчетливую главу (тамъ-же стр. 73 — 77) на объясненіе своей карты; но въ ней именно недостаетъ показанія, откуда извлекъ онъ чертежи Таймыры и ея озера? Такъ какъ однако рѣка и озеро очерчены опредѣлительно, то надо полагать, что онъ снялъ ихъ очертаніе съ какой-нибудь старинной рукописной карты. Но изъ дневниковъ Челюскина и Лаптева о своихъ разъѣздахъ зимнимъ путемъ, онъ не могъ ихъ извлечь: это достовѣрно. Разсмотримъ содержаніе этихъ дневниковъ.

Прежде всего мы находимъ въ нихъ (1742) двѣ опредѣленныя широты: 71° 21′ — отъѣзжее зимовье между истоками Горбиты и теченіемъ Дудыпты близь ея истоковъ. Это показаніе согласно съ другими извѣстными намъ данными; 2) 75° 15′ — въ 45 верстахъ на югъ отъ острова, котораго южная оконечность находится въ трехъ верстахъ отъ истока Таймыры изъ озера и который я безспорно долженъ признать за мой островъ Бетлингъ. Это означеніе широты рѣшительно невѣрно; вѣроятно на цѣлый лишній градусъ. Оно несогласно съ показаніемъ самого Лаптева, которое мы уже подвергли сомнѣнію въ этомъ примѣчаніи, равно и съ его маршрутомъ.

Длиною Нижняя Таймыра простирается верстъ на 100.

Что касается Таймырскаго озера, то мы даже съ высотъ его западнаго берега у скалистаго, конической формы, острова Савича не могли усмотрѣть въ зрительную трубу никакого слѣда противоположнаго берега. Острова Ѳедорова и Струве, какъ вышеупомянутый, также высокія скалы, выдающіяся изъ воды. Югозападные заливы озера, кажется, очень не глубоки, и въ низкую воду, вѣроятно, во многихъ мѣстахъ пересыхаютъ. Островъ Купферъ, на которомъ мы ночевали, имѣетъ торфяную наносную почву и замѣчателенъ по своей тучной растительности. И противоположный ему западный берегъ озера, между ручьемъ Прейсомъ и мысомъ Заблеромъ также землянистъ и торфянъ, хотя обрывистъ и значительно высокъ. Отъ мыса Заблера и особенно отъ мыса Фусса къ сѣверу озеро омываетъ прямо скалы и развалины скалъ; а гдѣ берега отлоги, тамъ они, силою льда, обнесены высокими и въ тоже время довольно широкими грядами хрящевыхъ галекъ: такія-же, но меньшаго размѣра гряды встрѣчаются на своихъ мѣстахъ и по берегамъ Нижней Таймыры (напр. пониже пещеры).

Кажется, что озеро состоитъ главнымъ образомъ изъ множества заливовъ, такъ что если оно и простирается къ востоку верстъ на 100 или, пожалуй, даже въ-двое, все-таки оно не можетъ представить большой сплошной массы воды, какою оно изображается на картахъ, не исключая и новѣйшей карты Соколова. Заливы по южному берегу, которыя я видѣлъ и о которыхъ могли мнѣ разсказать Самоѣды, всѣ мелки, такъ что при большой убыли воды многія мели пересыхаютъ (ср. стр. 90).

Хатанга.

Теченіе Боганиды, служившей мнѣ точкою исхода для наблюденій и отправленія въ Таймыръ, довольно правильно занесено было на карту уже въ прошломъ столѣтіи, и между тѣмъ на ней-то и сдѣланы въ новѣйшихъ картахъ самые рѣзкіе промахи. Главная ошибка въ томъ, что ее смѣшивали съ рѣкой Новой и на нее переносили это имя. Бога-

---

Кромѣ селеній, которыя Лаптевъ проѣхалъ на своемъ пути къ Таймыру, спускаясь по Пясинѣ и Дудыптѣ, по его показаніямъ можно приблизительно опредѣлить истокъ Горбиты. Затѣмъ онъ попадаетъ на рѣку Новую на тѣхъ-же широтахъ, на которыхъ мы были на ней. Только въ 37 верстахъ отъ нея къ сѣверу проѣзжаетъ онъ Никоткую, которая, по его словамъ, впадаетъ въ Таймыру и которую слѣд. должно признать за Логату. Напрасно я навѣдывался объ имени Никóткая, тогда какъ кромѣ большой Логаты Самоѣды знаютъ еще малую — Логатáхху. Проѣхавъ около 80 верстъ отъ Логаты къ сѣверовостоку, Лаптевъ попалъ на Болахню, по которой онъ ѣхалъ потомъ 15 верстъ къ сѣверозападу и оставляя ее замѣтилъ, что она продолжаетъ свое теченіе къ OSO. Вертъ 60 проѣхалъ онъ отсюда до острова, которой я долженъ признать за островъ Бетлингъ.

Во вторую сухопутную поѣздку (1741) дорога шла отъ устья Блудной (впадающей въ Хатангу) въ сѣверозападномъ направленіи. Послѣ 40 верстъ оттуда переѣхали Болахню, а верстъ черезъ 8 отсюда — Россоху, которая изъ озера Болахни изливается въ рѣку тогоже имени. Продолжая путь черезъ Тундру въ сѣверозападномъ направленіи верстъ 50, прибыли къ незначительной по высотѣ, но каменистой полосѣ, среди которой было много небольшихъ озеръ. Въ 30 верстахъ оттуда переѣхали рѣчку Ѳомичеву, впадающую въ Таймырское озеро; еще черезъ 45 верстъ достигли рѣчки, которую я хочу называть Ошибочною, потому что въ старинныхъ дневникахъ она называется Черные Яры, а я за эту рѣчку по ошибкѣ принялъ ручей, впадающій въ Нижнюю Таймыру невдалекѣ отъ озера Энгельгардта и назвалъ его этимъ именемъ. (Ср. III листъ

нида выходитъ изъ множества озера и течетъ беспрестанными извилинами на-встрѣчу Хетѣ въ діаметрально-противоположномъ ей направленіи [1]). Посредствомъ Хеты́ она изливается въ Ха̀тангу.

Хету́ [2]) я нашелъ круглымъ числомъ въ полверсты шириною; но это было въ такое время, когда она до крайности съузилась. Настоящее русло ея обозначалось съ обѣихъ сторонъ, далеко отъ зимнихъ береговъ ея, замѣтными подъемами и уступами, которыхъ даже глубокіе снѣга не могли уравнять. Весною она разливается на версту.

Ха̀танга, не смотря на ледяной покровъ, казалась у Хатангскаго погоста весьма значительной рѣкой [3]). Она дѣлится здѣсь на два рукава, изъ которыхъ въ бо̀льшемъ нашлось по измѣренію $^4/_5$, а въ меньшемъ $^1/_2$ версты ширины. А при ближайшемъ осмотрѣ ея теченія на многихъ мѣстахъ оказывались низменные песчаные островки, иногда поросшіе ползучимъ ивнякомъ, который погребенъ былъ подъ снѣговымъ покровомъ. Итакъ и эта рѣка обильна водой только весною, когда она разливается далеко, особенно по низменному лѣвому берегу, который, бывъ изрѣзанъ глубоко вдающимися заливами,

---

атласа). Этой рѣчкой слѣдовали 17 верстъ до самаго впаденія ея въ Таймырское озеро, 8 верстъ ѣхали по озеру до косы, вдающейся въ озеро съ сѣвернаго берега, и потомъ продолжали путь 19 верстъ по озеру, когда наконецъ прибыли къ вершинѣ Нижней Таймыры, т. е. къ полуострову Гофману.

Какъ прежде трудно мнѣ было найдтись въ этихъ показаніяхъ, такъ теперь я увѣренъ, что узнанныя мною мѣста опредѣлены безошибочно. Меня сбивали разстоянія, показанныя, должно быть, лишь наугадъ.

Встрѣченная на пути коса сѣвернаго берега озера, выдающаяся къ югу, должно быть, со стороны моего острова Савича, показываетъ, что и въ восточной части берегъ озера также изрѣзанъ заливами, какъ я видѣлъ это на югозападномъ концѣ его. На чертежѣ Соколова вновь повторяется прежнее изображеніе озера, по которому сѣверный конецъ его простирается на полградуса дальше истока изъ него. Мнѣ кажется это невѣроятнымъ потому, что я видѣлъ тамъ высокія горы, между которыми нельзя предполагать тамъ далеко вдающуюся низменность. Длинная каменистая полоса, которою на картѣ Соколова (II. Таймурскій полуостровъ) отдѣляется начало Нижней Таймыры отъ озера, не показывала ли на какой нибудь старинной рукописной, очень грубой картѣ мой полуостровъ Гофманъ?

[1]) На разстояніи двухъ добрыхъ дней пути отъ селенія Горбунова на сѣверъ, Боганида, сказываютъ, беретъ свое начало изъ большаго озера того же имени, которое такъ велико, что не смотря на высоту противоложнаго берега, конецъ его въ длину даже въ ясный день едвали можно увидѣть. Четыре дня нужно, чтобы объѣхать вокругъ его (около 150 верстъ). Глубина доходитъ до 4 саженъ.

Еще другое озеро, Тонско, до 8 саженъ глубиной, даетъ также притокъ, около версты длиной, къ истоку Боганиды. Выше, говорятъ, есть еще два озера, называемыя Мелкими, въ 1 и $1^1/_2$ саж. глубины, которыя надобно считать самыми крайними источниками Боганиды. Степановъ (Енис. губ. I, стр. 38) рѣшительно невѣрно описываетъ эту мѣстность истоковъ Боганиды.

Рѣчка Россоха, впадающая въ Боганиду, согласно съ своимъ именемъ, мало имѣетъ воды; при всемъ томъ я нашелъ въ ней 60 шаговъ ширины.

Относительное положеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ Боганида и Хета́ сближаются наиболѣе, я нашелъ, по указанію туземцевъ, слѣдующее: 1) съ половины дороги между Мезенскомъ и Налтановымъ 1 къ Мезенску 70°, къ Налтанову Лѣтнему 220°; 2) Отъ Налтанока Лѣтняго къ Мезенску 74°; по направленію верхней части теченія Хеты 335° пель-компаса.

[2]) Хета́, сколько мнѣ извѣстно, въ первый разъ названа у Purchas, his. Pilgrimes, London 1625, Lib. III. p. 530.

[3]) Степановъ (Енис. Губ. I, стр. 43) показываетъ ширину Ха̀танги при ея устьѣ въ 90 верстъ, принимая за устье рѣки Ха̀тангскій заливъ. Но Лаптевъ показываетъ глубину Ха̀танги въ самую низкую воду не меньше 6 саженъ (Зап. Гидр. Деп. IX. 1851, стр. 40). Истокъ громко-извѣстнаго въ Сибири озера Есей въ Хатангу называютъ Россоха.

Отъ Ха̀тангскаго погоста пеленговалъ я по указанію тамошнихъ жителей: селеніе Крестовское на устьѣ Хеты́ $54^1/_2$°, Жданиха 193°; Козачье 201°. На проѣздъ отъ Ха̀тангскаго погоста въ Казачье нужно пять четвертей часа скорой оленьей рыси.

протоками и глухими рукавами, теряется въ низменностяхъ, то песчаныхъ, то повидимому поросшихъ травой и чахлымъ ивнякомъ. Даже зимой встрѣчалъ я выглядывавшіе изъ-подъ снѣга клочья, величиною въ сажень, въ которыхъ земля держится на сплетеніи лиственичныхъ корней и прикрыта моховымъ дерномъ; клочья эти выбрасываются на берегъ водою во время весенняго разлива: такъ сильно тогда ея броженіе.

Новая — довольно значительная рѣка, впадающая въ Хатангу съ-лѣва.

Лаптевъ сообщаетъ, что Болохня впадаетъ немного ниже Хатанги и что послѣдняя заноситъ своимъ соромъ первую [1]). Это служитъ подтвержденіемъ, что есть двѣ рѣки этого имени.

Широта, подъ которой р. Блудная впадаетъ въ Хатангу, показана выше (стр. 77 прим.) и потому положеніе устья ея на полградуса южнѣе на картѣ Соколова надобно считать рѣшительно за ошибку [2]).

Юго-восточная часть Сибири.

Обзоръ странъ по южнымъ берегамъ Охотскаго моря и на сѣверныхъ притокахъ Амура мы начнемъ съ Шантáрскихъ острововъ; потому что они рѣшительнѣе выдѣляются изъ того неизмѣримаго пространства, которому намъ предстоитъ здѣсь посвятить изслѣдованіе, и лежатъ въ виду того пункта на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, который былъ предѣломъ моихъ странствованій на востокѣ. Исторія посѣщеній этихъ необитаемыхъ острововъ, подъ перомъ моимъ, возросла почти въ непрерывный рядъ очень многихъ и довольно частыхъ предпріятій. Между тѣмъ до сихъ поръ казалось, что Анабара, Филкѣевъ, Шельтингъ, Козьминъ и я были единственными посѣтителями Шантарскихъ острововъ. Многимъ изъ читателей, можетъ быть, и теперь эта группа острововъ едва извѣстна по имени.

Шантарскіе острова.

Въ сѣверо-западномъ направленіи отъ устья Амура, на который со времени моего путешествія обращено вниманіе всего свѣта, въ виду южнаго берега Охотскаго моря ле-

---

1) Зап. Гидр. Деп. IX, стр. 41. Лаптевъ, очевидно, ошибся, полагая, что подъ 74° 15° (ср. стр. 77 прим.) попалъ на устье Новой, тогда какъ это была Большая Болохня. Отсюда всѣ невѣрности на новѣйшихъ картахъ.

Самоѣды, которыхъ я спрашивалъ, называли Болохню Фяседянгу.

2) Соколовъ (Зап. Гидр. Деп. IX, стр. 77) объявляетъ, что берега Хатанскаго залива онъ занесъ по рукописной картѣ Фондезина. Хотя и на этой картѣ устье Блудной показано неправильно, около 72¾° (ср. на нашемъ II листѣ карточку на лѣвомъ углу), но Соколовъ удвоилъ ошибку, скопировавъ не вѣрно и поставивъ устье подъ 72° 30′.

Пестовъ (Записки объ Енис. Губ. 1833, стр. 25) перечисляетъ по именамъ рѣчки, впадающія въ Хáтангу выше. Онъ ошибочно показываетъ, будто Хатанга течетъ большею частію по низменнымъ, болотистымъ мѣстамъ.

житъ дюжина гористыхъ и утесистыхъ острововъ; это Шантáры. Наибольшій изъ нихъ, потому и называемый Большимъ Шантáромъ, имѣетъ около 30 географическихъ миль въ окружности. Только трети его пространства равняется второй по величинѣ островъ — Фéклистовъ. За этимъ слѣдуетъ по величинѣ Малый Шантáръ, съ девятью другихъ все меньше и меньше; а они обстановлены еще множествомъ крутыхъ скалъ, которыя здѣсь противъ многихъ мысовъ, какъ и отъ мысовъ материка, выдаются въ море въ видѣ передовой стражи хребтовъ. Острова эти необитаемы; но ихъ близость къ материку издавна должна была привлекать по временамъ его жителей на промыслы; да и видъ живописныхъ очерковъ, въ какихъ они съ своими вершинами, лѣсами, обрывами береговъ поднимаются въ далекой синевѣ изъ моря, долженъ былъ могущественно дѣйствовать на живое воображеніе тѣхъ удальцовъ, которыхъ страсть къ открытіямъ и къ обогащенію все дальше и дальше гнала на востокъ по сѣверной Азіи.

Открыты были Шантáры, кажется, около половины XVII столѣтія нашими Сибирскими козаками, но не тѣми, которые первые достигли Охотскаго моря ближайшимъ путемъ, а предпріимчивымъ Поярковымъ, когда онъ, отправившись изъ Якутска, поднялся вверхъ по Алдáну и притокамъ его Учýру и Кёнáму, перевалилъ чрезъ Становой Хребетъ и, спустившись отсюда по Дзеѣ, достигъ Амура. За тѣмъ Поярковъ плылъ внизъ по этой рѣкѣ, которая даже и такому неутомимому странствователю должна была казаться безконечною. Возвратиться вверхъ по Амуру было невозможно, и Поярковъ, сообразивъ огромность сдѣланнаго имъ объѣзда. возвратился съ устья Амура прямой дорогой, чрезъ Охотское море къ устью рѣки Уліи, которая лежитъ немного южнѣе Охотска и на которой Якутскіе козаки уже за семь лѣтъ до того стали твердою ногою. Хотя ближайшихъ свѣдѣній объ этомъ возвратномъ пути мы не имѣемъ, но разумѣется само собою, что Поярковъ не пускался въ открытое море, а, по тогдашнему обычаю, держался береговъ, при чемъ и долженъ былъ натолкнуться на Шантáры. Не даромъ-же черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того (1653) на устьѣ Тугýра заведено Ясашное Зимовье: Шантарскіе острова расположены именно при входѣ въ Тугурскій заливъ.

Около того-же времени начали принимать опредѣленный видъ извѣстія о Камчаткѣ. Кажется даже, что неоднократныя снаряженія для покоренія этой не поддававшейся страны и сосѣднихъ Чукчей, столько-же какъ и разныя затрудненія, препятствовавшія утвердиться въ При-байкальскихъ странахъ, равно и потеря Амура, — кажется, что эти обстоятельства во вторую половину XVII столѣтія совсѣмъ отвлекли вниманіе правительства и мѣстныхъ начальствъ отъ Шантарскихъ острововъ, такъ что объ нихъ не встрѣчается уже и упоминанія въ этотъ промежутокъ времени. А Китайцы или по крайней мѣрѣ ихъ союзники разрушили тогдашній ключь къ этимъ островамъ — вышеупомянутое Ясашное Зимовье на Тугурскомъ заливѣ.

Только въ началѣ XVIII столѣтія Русское правительство начало обращать вниманіе на Шантáры. Въ ближайшемъ къ нимъ мѣстѣ, стало быть въ Удскомъ, велѣно было собирать объ нихъ свѣдѣнія, и затѣмъ (1712) изъ сказаннаго мѣста снаряженъ былъ отрядъ козаковъ для ихъ осмотра. Козаки эти зимовали, какъ кажется, на Большомъ Шантарѣ,

занимались промысломъ пушныхъ звѣрей и въ слѣдующее лѣто возвратились въ Удской, оставивъ нѣсколько человѣкъ умершихъ товарищей [1]). Въ то-же время изъ Камчатки предпринято было изслѣдованіе гряды Курильскихъ островов, открыто плаваніе изъ Охотска въ Камчатку. За первымъ вскорѣ послѣдовалъ другой отрядъ козаковъ на Шантары (именно 1718). Къ козакамъ велѣно было присовокупить нѣсколько матросовъ: ясный признакъ того, какое участіе и въ какихъ видахъ принимало въ этихъ рекогносцировкахъ правительство. Результатомъ былъ большой успѣхъ звѣроловства. Отголоскомъ этого успѣха надобно считать предписаніе правительства, сохранившееся въ Удскомъ архивѣ. Указомъ 1728 было разрѣшено: «отпускать на Шантарскіе острова охотниковъ, Русскихъ и ино-«земцовъ, для промыслу, дабы они достовѣрно увѣдомились, какіе на тѣхъ островахъ «народы живутъ и какой звѣрь на нихъ промышляется; паче всего увѣдомить, чьего «оныя владѣнія, Китайскаго или другихъ какихъ народовъ, и отъ Удскаго въ какомъ «разстояніи обрѣтаются». Предпослѣдній вопросъ вызванъ былъ, очевидно, тѣмъ, что отряды, на возвратномъ пути съ Шантарскихъ островов, были побиваемы Гиляками: этимъ и объясняется, почему въ послѣдніе десять лѣтъ поѣздки на Шантарскіе острова прекратились. 1729 Шестаковъ младшій сдѣлалъ поѣздку въ Удскую губу, воспользовавшись для того судномъ, которое по окончаніи первой экспедиціи Беринга стояло безъ употребленія.

Не далѣе какъ черезъ два года (1731) Охотскъ, дальновидными планами отличнаго начальника, князя Гагарина, избранъ въ средоточіе всѣхъ предпріятій по Восточному Океану и между прочимъ предписано отправлять отряды на Шантары для наложенія ясака [2]). Теперь наконецъ прямо выступило само правительство: оно уже открыто распоряжалось, тогда какъ до сихъ поръ оно только допускало частныя предпріятія и негласно оказывало имъ свое содѣйствіе. Вообще теперь сѣверную часть Восточнаго Океана стали захватывать со всѣхъ сторонъ.

Вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ Курильскихъ островов, сосѣдней съ ними Японіи и устья Амура, на Беринга, во вторую его экспедицію возложено было осмотрѣть Шантары.

---

1) Сравн. Müller's Sammlung Russ. Gesch. III, стр. 96 и слѣд., стр. 107, и Современникъ Т. XXII. Отд. II, стр. 4.

1709 Сорокоумовъ привезъ извѣстія о Шантарахъ; 1712 поѣхалъ на Шантарскіе острова Анабара, зимовалъ сперва на Тугу́рѣ, потомъ на островѣ и 1714 возвратился только съ двумя спутниками: остальные погибли. 1718 Шантары посѣтилъ боярскій сынъ Филькѣевъ.

2) Словцовъ, Историческ. Обозрѣніе Сибири 1831, I, стр. 456.

Въ 1729 году Шестаковъ, племянникъ и подчиненный извѣстнаго предводителя Аѳанасія Шестакова, ѣздилъ къ устью Уди на суднѣ, оставшемся отъ первой экспедиціи Беринга: посѣтилъ ли онъ тогда Шантарскіе острова, или нѣтъ, остается неизвѣстнымъ. Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. III, 128, 130, 132) не могъ рѣшить этого. Извѣстіе о томъ, что Шестаковъ на пути туда и обратно видѣлъ разные острова, безъ сомнѣнія, относится къ плаванію его не въ Удской, а изъ Охотска въ Камчатку, при чемъ онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ увидѣть разные острова, когда огибалъ южную оконечность полуострова и переѣзжалъ къ восточному его берегу. Соколовъ (въ Запискахъ Гидр. Деп. IX, 1851, стр. 79, 80) мимоходомъ выражается объ этомъ такъ, какъ будто Шантары были въ то время посѣщены. Такъ ли? Отвѣтъ на это, по видимому, долженъ быть въ архивахъ нашего Адмиралтейства.

Не могу удержаться отъ намека для тѣхъ, кто захочетъ принять ближайшее участіе въ этомъ предметѣ. Между моими замѣтками я нахожу свѣдѣніе о людяхъ, заброшенныхъ кораблекрушеніемъ на Большой Шантаръ, гдѣ они прожили больше 20 лѣтъ и около 1730 года были большею частію истреблены Гиляками. Къ сожалѣнію, ссылка на источникъ этого свѣдѣнія, именно: на Морской Сборникъ 1856, Смѣсь, стр. 107, у меня оказалась ошибочною.

Предводитель этой южной вѣтви экспедиціи Шпанбергъ, лѣтомъ 1742 отправилъ изъ Охотска мичмана Шельтинга съ однимъ морскимъ судномъ къ Шантарамъ, гдѣ оно напрасно искало у береговъ мѣста для гавани. Безплодно Шельтингъ заѣзжалъ, по сосѣдству, и въ устье Уди, которое также оказалось мелко, только въ три фута, и потому онъ на своемъ суднѣ, давшемъ течь, возвратился въ Камчатку (Большерѣцкъ) [1].

По свѣдѣніямъ, какія доступны были донынѣ [2], надобно было полагать, что со времени второй экспедиціи Беринга до Козьмина, стало-быть почти въ продолженіе столѣтія Шантары совсѣмъ оставлены были въ запустѣніи. Между тѣмъ бѣглый обзоръ архива въ почти покинутомъ нынѣ Удскомъ Острогѣ открываетъ намъ совсѣмъ иное. Сообщаемыя здѣсь извлеченія [3]) рѣшительно показываютъ, что Шантары до конца XVIII

---

[1]) Соколовъ въ Запискахъ Гидр. Деп. IX, 1851, стр. 418, 85, и IV, 1846, стр. 8. Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. стр. 185) сообщаетъ объ этомъ плаваніи недостаточное свѣдѣніе.

[2]) Соколовъ, сообщая о съёмкѣ Шантарскихъ острововъ Козьминымъ (въ Зап. Гидр. Деп. 1846, IV, стр. 1 и слѣд.), собралъ все, что было извѣстно объ немъ.

[3]) Нижеслѣдуюшее обозрѣніе предпріятій составлено изъ свѣдѣній, наскоро собранныхъ мной изъ архивныхъ бумагъ въ то время, какъ я останавливался въ Удско́мъ для необходимѣйшихъ приготовленій къ отплытію въ Охотское море. Столбцовъ изъ XVII вѣка въ архивѣ не оказалось, хотя я жадно отыскивалъ ихъ между пыльными свитками.

1739 Мая 16, по представленію Охотскаго «командира» предписано Сенатомъ: на Шантарскіе острова пускать безостановочно, «ради обложенія тамо неясашныхъ народовъ къ ясашному платежу и для (звѣроловнаго) промыслу».

1748 данъ былъ указъ брать въ пользу казны третью часть съ промысла звѣрей на Шантарскихъ островахъ. Смыслъ зтого указа излагается ниже, во 2-мъ пунктѣ указа 1754 года. Едвали можно сомнѣваться, что этому указу предшествовало много поѣздокъ на Шантары и съ хорошимъ успѣхомъ. Извѣстія объ этомъ легко могли ускользнуть отъ моего вниманія, хотя они, можетъ быть имѣются въ Удскомъ архивѣ: я не имѣлъ времени все перерыть, а могъ только бѣгло пересматривать.

1753 «отпущены на Шантарскіе острова Якутскаго вѣдомства разныхъ волостей Якуты, а именно: Сахтаевъ съ товарищами. Побывъ тамъ чрезъ одну зимовку, принесли добровольно въ честь Ея Императорскаго Величества лисицу чернобурую недошлую, да три соболя».

1754 Февраля 22 данъ былъ слѣдующій «Указъ Ея «Императорскаго Величества Самодерж. Всероссійской «изъ Канцеляріи Охотскаго порта въ Удской острокъ ка«пралу Якову Фролову. Сего 1754 года Февраля 17 дня въ «присланномъ изъ оного Удскаго Острога, отъ закащика «Ивана Лазарева Васильева въ Канцелярію Охотскаго «Порта, рапортѣ написано: прибывшіе де во оной Удской «Острогъ Якутскаго вѣдомства ясашные Якуты разныхъ «волостей, а именно: Чакырской волости Кобирке Сах«таевъ съ товарищи просили, чтобъ ради ихъ звѣринаго «промысла отпустить на имѣющіеся прямо того Удскаго «Острогу морскіе острова, называемые Шантарскіе: по «которому ихъ прошенію оной Лазаревъ далъ позволе«ніе, съ таковымъ объявленіемъ, ежели де на оныхъ остро«вахъ на щастіе Ея Императ. Велич. Богъ дастъ добраго «зверя, то по прибытіи не утая объявить въ Ясашной «избѣ; по чему де бывъ означенные Якуты на показан«ныхъ островахъ и прибывъ минувшаго 753 году Августа «5 дня и принесли изъ промысловъ своихъ добровольно «въ честь Ея Импер. Велич. одну лисицу чернобурую не«дошлую, да три соболя въ кожахъ, которые лисицу и «соболей прислалъ онъ Лазаревъ при ономъ рапортѣ въ «Канцелярію Охотскаго Порта, кои и приняты и въ при«ходъ записаны; и притомъ оной же Лазаревъ предлагалъ: «въ какомъ де оные Шантарскіе острова находятся со«стояніи, объ ономъ де въ Удскомъ острогѣ въ Ясашной «избѣ изъ Канцеляріи Охотскаго Порта никакаго указу «не имѣется. И въ предь на показанные острова вольно«желающихъ Якутовъ и разныхъ чиновъ людей ради про«мысловъ зверей пропущать ли, оный безъ позволенія «Охотской Канцеляріи собою смѣлости не имѣетъ. А по «справкѣ въ Канцеляріи Охотскаго Порта прошлаго «1739 году Мая 16 дня, а въ Охотскѣ полученномъ Іюня «17 дня 1740 года въ Указѣ Ея Импер. Велич. изъ Сибир«скаго Приказу и прописаннаго въ ономъ Правительствую«щаго Сената Указу велено по представленію бывшаго «Охотскаго командира Скорнякова-Писарева на выше«означенный морской островъ Шантаръ ради обысканія не«ясашныхъ народовъ къ ясашному платежу и промыслу «зверей отправлять, какъ въ его Писарева представленіи «показано, моремъ на судахъ или какимъ путёмъ способ«нѣе, по пристойному числу изъ служилыхъ людей: и того «ради по Ея Имп. Вел. Указу и по опредѣленію Канцеля«ріи Охотскаго Порта велено тебѣ Фролову чинить слѣ«дующее исполненіе: 1-е По силѣ вышеозначеннаго Сибир«скаго Приказу Указу, ежели оные и въпредь пожелаютъ «Якуцскаго вѣдомства ясашныхъ Якутовъ и другихъ чи«новъ люди на вышеозначенные морскіе Шантарскіе «острова ради промыслу зверей, таковыхъ желающихъ

столѣтія почти непрерывно были навѣщаемы звѣропромышленниками, которые прошли ихъ вдоль и поперекъ, проводя тамъ по преимуществу зимы. Уже во время большой «сѣверной» экспедиціи, то-есть, сколько она касалась разсматриваемыхъ здѣсь морей, во время

«людей пропущать безъ задержанія съ таковымъ догово «ромъ, какъ и показанной Лазаревъ учинилъ первой до«броты того промысла зверей лисицы чернобурые, бурые, «сѣдые, и соболи высокихъ цѣнъ приносили бы въ казну «Ея Импер. Величества безъ всякой утайки, и въ томъ съ «тѣхъ пропущенныхъ людей брать подписки съ крѣпкимъ «обязательствомъ; понеже оные иноземцы тотъ промы «селъ чинятъ не для торговаго купечества, но для плате«жа въ казну ясака, и для того со оныхъ иноземцевъ про«тивъ купечества съ промыслу десятой пошлины не брать, «чтобъ ихъ тѣмъ не привесть въ отягощеніе, а паче въ «ясашномъ платеже не учинить недобору. 2-е А буде же «между тѣмъ случаемъ по познаніи тѣхъ островов же«лающіе являться будутъ изъ купечества и изъ прочихъ «чиновъ люди, таковыхъ пропущать же съ таковымъ дого«ворнымъ контрактомъ т. е. подпискою, ежели они же«лаютъ на показанные Шантарскіе острова и сколько ими «упромышляемо будетъ зверя, то съ того зверя брать тебѣ «Фролову по силе указу Правительствующаго Сената «Февраля 17 дня прошлаго 1748 году, какъ по контракту «съ купца Емельяна Егорова съ товарищи показано, съ про«мыслу третья часть, съ добраго добрымъ, средняго сред«нимъ, съ плохова плохимъ, дабы въ томъ какъ купече«ству и другихъ чиновъ Русскимъ людемъ обиды послѣ «довать не могло, и более бъ къ тому имѣли охоту, по«неже оные купцы Русскіе люди ради промыслу на тѣ «острова охоту имѣть будутъ для своего прибытка, и того «для съ промыслу зверей третья часть брать и определе«но, а по взятіи той третьей части давать тѣмъ людямъ «описи, куда они ѣхать пожелаютъ, въ такой силѣ, что со «столько-то зверей съ промыслу третья часть взято столь«ко-то зверей, и записать тѣ описи въ книгу, также и въ «предь по всягодно во оную книгу, что у кого явиться, съ «раздѣленіемъ годовъ записывать же безъ проронки, ко«торая при семъ и посылается; и по запискѣ запѣчатавъ «тѣ описи посланною нынѣ при семъ Ея Императорскаго «Величества Указѣ Охотскаго Порта казенною Таможен«ною Ея Императорскаго Величества сребряною печатью, «также и за взятіемъ третей части, достальныя мѣста, «сколько у кого въ отпускъ пропущаемо будетъ, тоюжъ «печатью въ мѣстахъ запѣчатывать по силѣ Ея Импер. «Велич. Указовъ и Таможеннаго Устава, чтобъ въ проѣздѣ «ихъ и въ явкѣ въ Якутской Таможнѣ было безсумнитель«ства. А для письма оныхъ описей послано къ тебѣ Фро«лову гербовой двукопѣечной бумаги на первой случай «десять листовъ, за которую бумагу по продажѣ деньги «присылать въ Канцелярію Охотскаго Порта при репор«тахъ; а буде оная бумага гербовая расходомъ вся употре«бится, то требовать тебѣ заблаговременно, а до присылки «оной на письмо показанныхъ описей употреблять за под«пискою своею за неимѣніемъ гербовой простую бумагу, «за которую брать по цѣнѣ деньги по двѣ копѣйки съ «листа, и записывать тамо тѣ деньги въ приходъ. 3-е. А «сколько того съ промыслу зверей будетъ сбору, оную «присылать въ Канцелярію Охотскаго Порта за казенною «печатью при репортахъ съ раздѣленіемъ имянно: съ кого «что и со скольки числомъ зверей взято, дабы въпредь «Канцелярія Охотскаго Порта не малѣйшаго сумнительства «имѣть не могла. 4-е Тебѣ жъ Фролову ради промыслу «зверей на показанные Шантарскіе острова изъ обретаю«щихся въ ономъ Удскомъ Острогѣ служилыхъ людей «желающихъ человѣка по три и по четыре по близости «оныхъ островов Удскаго Острогу по силѣ означеннаго «изъ Сибирскаго Приказу Ея Импер. Велич. Указу от«пущать и давать имъ инструкціи, въ коихъ прописывать, «чтобъ они по силѣ выше объявленнаго Правительствую«щаго Сената Указу на тѣхъ морскихъ островахъ и кромѣ «тѣхъ Шантарскихъ и прочихъ островахъ изыскивали, не «имѣется ли какихъ неясашныхъ народовъ, и буде изы«щутся, то оныхъ со всякимъ приласканіемъ призывали «въ подданство Ея Имп. Величеству и въ ясашный пла«тежъ; а обидъ и налоговъ отнюдь бы имъ не чинить ни «какихъ подъ потеряніемъ живота ихъ. Также въ какой «обширности оные морскіе острова состоятъ, измѣривать, «и какія жъ на тѣхъ островахъ лѣса, рѣки и звѣри имѣют«ся и въ тѣхъ рѣкахъ какая жъ именно рыба, и въ оные «рѣки морскимъ судамъ входъ и во время случаю отстой «тѣмъ судамъ имѣется-ли и о прочемъ обо всемъ обстоя«тельно и подлинному познанію описать, а между тѣмъ «чинить звериные промыслы, и сколько ими промышляемо «какихъ именно зверей будетъ, оные по прибытіи объ«являть въ Ясашной избѣ безъ всякой утайки, съ котора«го промыслу за такое приращеніе чтобъ и въ предь они «имѣли охоту на первой случай дать десятую часть, по«неже тѣ служилые хотя на показанные острова по ихъ «желаніемъ и посылаться будутъ, токмо причитая за ихъ «службу какъ денежное такъ и хлѣбное жалованье произ«водится будетъ противъ прочихъ служащихъ во Удскомъ «Острогѣ служилыхъ равномѣрно. 5-е. А сколько тѣхъ «звѣрей ими упромышлено будетъ, оные присылать въ «Канцелярію Охотскаго Порта купно и съ описаніемъ «тѣхъ островов при Ясашной казнѣ, къ которой попутно «выбирать изъ тѣхъ служилыхъ, кои на тѣхъ островахъ «были, по одному человѣку для обстоятельнаго въ Канце«ляріи Охотскаго Порта пережадно (!) отъ нихъ объ оныхъ «островахъ извѣданія. И во всемъ томъ поступать тебѣ «Фролову по силѣ Ея Имп. Велич. прибыли, по присяжной «своей должности яко вѣрному Ея Имп. Велич. рабу подъ «опасеніемъ за малое преступленіе и пренебреженіе инте«ресса по Указамъ тягчайшаго отвѣта и истезанія И выше-

второй экспедиціи Беринга, изъ Петербурга было разрѣшено охотникамъ производить промыселъ на Шантарахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ облагать ихъ жителей ясакомъ. Долго, очень долго правительство не могло разувѣриться въ своемъ предположеніи, что тамъ

«означенный Ея Имп. Велич. Указъ въ ономъ Удскомъ «Острогѣ какъ жительствующимъ въ томъ острогѣ, такъ «и пріѣзжающимъ изъ Якутска разнаго чина людемъ къ «вѣдѣнію ихъ чинить неоднократные публикаціи не от- «мѣнно, и капралу Фролову чинить о томъ по сему Ея «Импер. Велич. Указу. Февраля 22 дня 1754 году».

1762 Марта 15, Охотской команды солдатъ Хорошевъ отпущенъ былъ изъ Охотскаго порта на Шантарскіе острова «для интересу Ея Императорскаго Величества». Онъ просилъ себѣ въ товарищи: одного солдата и трехъ козаковъ изъ Якутска, двухъ козаковъ изъ Удскаго, изъ которыхъ одинъ (чуть ли даже не третій) разумѣлъ бы по крайней мѣрѣ по-Тунгусски, а если можно, и по-Гиляцки. Всѣмъ выдать жалованье за полтора года впередъ, и при постройкѣ лодки оказать нужное вспомоществованіе. А начальнику поставлено въ обязанность даннаго провіанта «въ торговлю отнюдь не употреблять».

Что Хорошевъ дѣйствительно исполнилъ свое предпріятіе, видно изъ указа, посланнаго въ 1765 въ Удской, которымъ требовалось свѣдѣніе: «при отправленіи на Шантарскіе острова коликое число съ ними провіанта и протчего казеннаго съ собою взято было; и у тѣхъ солдатъ Хорошева съ товарищами и казаковъ было ль собственнаго своего чего изъ харчевыхъ припасовъ, яко-то масла, крупы и протчего; такожъ (сколько) кета (сушеной рыбы) казеннаго отпущено было изъ Уцкой казенной избы на щетъ того промысла въ расходъ; и когда оные казаки воротились съ промыслу (съ) Шантарскихъ острововъ и что съ собою кромѣ объявленныхъ въ казну 26, да Якутами 4 соболей вывезено, (о томъ) послать съ нарочнымъ рапортъ въ Охоцкъ».

1768. Тюменскій купецъ Яковъ Протасовъ и коммиссіонеръ его Суздальскій купецъ Слезинъ и Вологодскій купецъ Епимаховъ, называемые послѣ «компаніею», уполномочили крестьянина Якутскаго Вознесенскаго Монастыря Ивана Васильева Попова — «слѣдовать отъ имени ихъ изъ Удскаго Острога на Шантарскіе острова», чинить онымъ осмотръ и притомъ произвесть звѣриный промыселъ; для того «мореходное судно построить и пріохотить вольныхъ желающихъ людей». И дѣйствительно «построены были двѣ байдары по морскому обычаю» и въ Іюнѣ или въ Іюлѣ пустились въ море. Поповъ получалъ содержаніе отъ компаніи и имѣлъ «половину одного пая» отъ добычи. Въ-послѣдствіи подана была жалоба на притѣсненія, учиненныя промышленникамъ Удскаго Острога комисаромъ. Компанія заплатила правительству «десятую пошлину» съ соболей и прочаго, упромышленнаго на Шантарскихъ островахъ. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что «съ Попова и съ рабочихъ его людей, съ упромышленныхъ ими на упомянутомъ острову морскихъ и земныхъ звѣрей, съ бобровъ, котиковъ и песцовъ, взять въ казну отъ девяти десятаго звѣря, а не съ полныхъ десятковъ, по разсчету деньгами».

1772 въ Удской опять поступила просьба отъ нѣсколькихъ крестьянъ, подъ начальствомъ Сольвычегодскаго крестьянина Родіона Стефанова Сокольникова, которые собрались на Шантары и обязывались по возвращеніи заплатить «со всего упромышленнаго одну десятую пошлину, какъ и прежде было» (т. е. какъ платилъ Суздальскій купецъ Слезинъ съ товарищами). Они были отпущены въ 1773 году и притомъ по преимуществу на островъ Феклистовъ; имъ даны такія-же инструкціи, какъ служилымъ людямъ въ 1754 году (см. выше).

1777 Якутскій первой гильдіи купецъ Яковъ Поповъ подаетъ просьбу о томъ, что онъ желаетъ ѣхать на Шантары для промысла всякаго рода звѣрей. 1778 на его счетъ пріѣзжаетъ въ Удской нѣкто Терентьевъ изъ Якутска, чтобы построить байдары для отправленія къ Шантарамъ.

1784 нѣкто Стручковъ объявляетъ, что онъ присланъ въ Удской Поповымъ, который взялся по контракту поставлять водку изъ Якутска въ Удской для продажи и также ѣхать на Шантары. Съ нимъ ѣдутъ по контракту Тунгусы «на компанейскомъ такелажѣ: что Господь даруетъ, каждый изъ своего промыслу (получитъ) половину пая». Въ Іюлѣ Стручковъ отправляется на Шантары. Черезъ годъ подается объявленіе о томъ, что 7 человѣкъ, отправленные въ 1784 году съ передовщикомъ Терентьевымъ, 25 Іюля 1785, благополучно возвратились съ Шантарскихъ острововъ, а позднѣе то-же объявляетъ о себѣ Стручковъ: объявленіе подано сюда потому, что Стручковъ и Терентьевъ имѣли у себя рабочими разныхъ Тунгусовъ, принадлежащихъ къ Удскому. Вѣроятно, въ связи съ тѣмъ, 16 Мая князецъ Ежанскаго рода Улянканъ и старшина его Тарасъ, 16 Мая 1784 года, просятъ отпустить своихъ родичей на Шантарскіе острова на промыселъ звѣрей для уплаты ясака. Въ слѣдующій день о томъ-же проситъ Тунгусскій князецъ Порука. Затѣмъ въ 1785 году поступило объявленіе о томъ, что служащій компаніи Якутскаго 1-й гильдіи купца Павла Лебедева-Ласточкина (слѣд. того-же, который въ 1777 посылалъ корабль съ Пѣтушковымъ къ Курильскимъ островамъ) и Тотемскаго купца Попова, перегонщикъ Кузнецовъ, отправленный изъ Охотска, 1 Августа прибылъ на устье Уди, чтобы провести потомъ годъ на Шантарахъ.

1786 и 1787 въ Удскомъ полученъ указъ, которымъ предписывалось мѣстному начальству оказывать Стручкову законное вспомоществованіе во время его пребыванія на Шантарахъ по дѣламъ компаніи Попова; это вспомоществованіе предоставлено послѣднему потому,

должны быть постоянные жители; въ-продолженіе пяти четвертей столѣтія оно не переставало повторять звѣропромышленникамъ свое порученіе «со всякимъ ласканіемъ призывать» тамошнихъ инородцевъ «въ подданство Ея Императорскаго Величества» и «къ ясашному

что подъ начальствомъ передовщика Стручкова съ 1777 г. проживаетъ на Шантарахъ 20 человѣкъ Русскихъ, Якутъ и Тунгусовъ, которымъ посылается ежегодно провизія и такелажъ. 1787 на Шантарскіе острова отправился князецъ Аинкагирскаго рода Чолугинъ съ «родниками» своими. Въ томъ-же году съ Усть-Уды поступила просьба слѣдующаго содержанія: Выбранный въ байдарщики горнаго начальства отставной ученикъ Иванъ Матвѣевъ, служащій компаніи (тотемскій купецъ) Кузнецовъ и Лебедевъ доносятъ, что трое изъ ихъ людей, именно: два Алеута Уягакскаго рода Параскоповъ и Ѳедотъ Громовъ, и присланный изъ Якутска купцомъ Стручковымъ продавецъ французской водки, бѣжали неизвѣстно куда и увезли съ собой байдару, порохъ, свинецъ, три «носка» (т. е. остроги) (что̀ считалось такелажемъ) и многое другое. Изъ бумагъ 1788 г. оказывается, что бѣжавшіе видѣны были на Тугурѣ, вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Бѣлорыбцовымъ и его пятью товарищами Тунгусами, которыхъ шестеро бѣжало изъ Удскаго уже прежде. Полагаютъ, что они ушли на Амуръ. Между тѣмъ еще 1787 г. 18 человѣкъ подъ начальствомъ Стручкова, на счетъ Попова, вновь предприняли морское путешествіе къ «извѣстнымъ и неизвѣстнымъ» островамъ для промысла разныхъ звѣрей и для «пріиска курьёзныхъ вещей». Они возвратились благополучно, оставивъ (какъ кажется, на устьи Уди) двоихъ больныхъ и стражу при такелажѣ, и готовились еще разъ предпринять такое-же плаваніе въ Іюнѣ 1789. Они надѣялись также открыть новые народы. Зимовали въ урочищѣ Миликáнъ на Таватимѣ, гдѣ онъ впадаетъ въ Удь (ниже Удскаго). Въ Маѣ перешли на урочище Чумиканъ, для ловли, вмѣстѣ съ Тунгусами, рыбы Кета. Мимоходомъ мы узнаёмъ, что теперь отрядъ состоялъ, если не весь, то по большей части изъ Охотскихъ и Камчатскихъ мѣщанъ. И прежде упоминаемый передовщикъ Терентьевъ опять тутъ и 1788 г. съ десятью человѣками жилъ на Шантарахъ. Три Якута изъ находившихся для промысла на Худомъ Шантарѣ пропали безъ вѣсти и унесли съ собой много вещей, исчисленныхъ въ реестрѣ. Эти десять человѣкъ вѣроятно принадлежали къ числу 18-ти, отправленныхъ 1788 со Стручковымъ на Шантары, для которыхъ онъ, вслѣдствіе даннаго указа, получилъ, на счетъ Попова, 40 пудовъ муки изъ казеннаго магазина, чтобы выѣхать на встрѣчу своимъ людямъ, жившимъ на Торомѣ и Алѣ.

1789 «Верховилюйскаго вѣдомства, Кангалаской волости» .... (имени нельзя разобрать) обязуется «ити изъ Удскаго Острога въ морской вояжъ на извѣстный островъ, называемый Сахалинъ, а по-Тунгуски—Янкуръ, для промысла разныхъ родовъ звѣрей и отысканія курьёзныхъ вещей до будущего году, подъ предводительствомъ отправленнаго передовщикомъ и мореходомъ Якуцкаго посадскаго Леонтья Ѳедотова сына Терентьва на двухъ лодкахъ». Изъ другой бумаги видно, что 1789 Терентьевъ «на двухъ построенныхъ подъ его распоряженіемъ байдарахъ съ 12-ю человѣками, по приспѣвшему осеннему времени и бурнымъ вѣтрамъ не дошелъ до устья рѣки Амура, прекратилъ путь, остановившись въ недальнемъ отъ него разстояніи на матерой землѣ, при рѣкѣ, называемой Локери и при озерѣ, именуемомъ Мукухъ (въ другомъ мѣстѣ: Мукуре), гдѣ и прозимовалъ». Онъ намѣренъ «на слѣдующее лѣто продолжать свой путь до самаго устья рѣки Амура, а оттоль, смотря по обстоятельствамъ и по благонадежности и безопасному ходу байдары свои мысли простиралъ и до острова Сахалина». Сильный пловучій ледъ не дозволилъ ему выйти раньше Іюня; съ этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, въ связи то, что тотъ-же Терентьевъ, какъ видно изъ другой бумаги, возратился съ Шантарскихъ острововъ 20 Іюня 1790 г.

1791 въ Сентябрѣ компанія Павла Лебедева доноситъ: бѣжавшіе изъ ея людей Якуты показали, что въ Ноябрѣ 1790 «на Сахалинѣ по серединѣ выкинуло (морское) судно; тамошніе жители сказывали имъ, что они въ числѣ шести человѣкъ ходили на западную сторону черезъ хребетъ и одинъ мѣсяцъ по берегу острова; къ судну пришли Гиляки, Тунгусы, оленныхъ мохнатыхъ много людей, доски и брусья, желѣзки, болты, гвозди добывали». Полагали, что судно могло быть Русское. На вопросъ, что на немъ выкинуто, сказывали, что нашли «одну суму съ сухарями, одну суму съ крупой, одну суму съ табакомъ».

1792 купецъ Ласточкинъ жаловался на засѣдателя Гольцгаузена, что онъ притѣснялъ его, въ-слѣдствіе чего у людей, отправленныхъ компаніею на Шантары, недостало провіанта и трое съ голоду умерли, а прочіе разбѣжались.

1794 Стручковъ доноситъ, что Якуты его отряда бѣжали къ Нигидайцамъ.... «Съ оными Бужеспдайцами почти каждый годъ какъ здѣшные, такъ Охотскіе и Майскіе Тонгусы видятся, обходятся между собой дружно и ласково». Стручковъ проситъ послать за этими Якутами. Изъ другой бумаги видно, что 10 человѣкъ мѣщанъ, бывшихъ для промысла на Шантарахъ въ 1794 г., за уплату податей отъ 1785 до 1790, оставались должными компаніи больше 600 р.

1795 Стручковъ хочетъ на прежнихъ условіяхъ послать Якутъ на 1796 годъ, чтобы они своими промыслами на Шантарахъ заработали ему свой долгъ. Обстоятельства были слѣдующія. Компанія Попова, по условію съ нимъ, теперь осталась за однимъ Стручковымъ; а тѣ Якуты ѣздили на Шантары отъ имени Попова въ 1787 и потомъ опять вторично; въ 1789 — на другіе острова, а въ 1790 «вышли они съ тѣхъ острововъ на

платежу». Изъ этого, пожалуй, можно бы заключить, что въ старину и Шантарскіе острова, подобно Курильскимъ, имѣли постоянныхъ жителей. Но этому заключенію противорѣчитъ содержаніе всѣхъ пересмотрѣнныхъ мною архивныхъ бумагъ. Единственная женщина, которую видѣли тамъ козаки перваго отряда и которая опять исчезла, безъ сомнѣнія, была захвачена туда удальцами на пути съ твердой земли.

Еслибы правительство, вызывая и поощряя охотниковъ, не поспѣшило черезъ какіе-нибудь десять лѣтъ обременить ихъ тяжкимъ налогомъ, то промыслы на Шантарахъ, по всей вѣроятности, пошли бы впередъ очень быстро. Но государственная экономія запада требовала отъ торговыхъ промышленниковъ въ видѣ такъ называемой «правой пошлины» цѣлую треть изо всей добычи, прикрывая свой непомѣрный налогъ фразами о томъ, чтобы промышленникамъ «не было никакой обиды и притѣсненія и чтобы они не потеряли охоты къ своему промыслу».

Послѣ этого Шантары могли манить къ себѣ только болѣе разсчетливыхъ изъ инородцевъ, потому что ихъ отпускали туда на промыслы для добыванія ясака, и они, опираясь на то, доставляли казнѣ только высшіе сорты и рѣдкостные предметы своего промысла. Съ 1754 г. дѣлались попытки производить промыселъ на счетъ казны и въ ея пользу, имѣя вмѣстѣ въ виду собрать обстоятельнѣйшія свѣдѣнія о Шантарахъ, но черезъ десять лѣтъ пришлось отказаться отъ продолженія, кажется, по причинѣ утаекъ добычи.

Съ 1768 года, когда правительство стало наконецъ довольствоваться десятою частью, промыслами на нашихъ островахъ овладѣла компанія, и продолжала ихъ до конца столѣтія, содержа тамъ для этой цѣли 20 человѣкъ, особенно когда распоряженіе дѣлами взяли въ свои руки почетныя лица изъ купечества, управляя ими изъ Якутска. Тогда-же сдѣлана кое-какая съемка Шантарскихъ острововъ, какъ увидимъ ниже (стр. 107, прим. 1.).

Во благо ли тѣмъ странамъ служила эта компанія, — это, конечно, другой вопросъ, на который не трудно отвѣчать, когда видишь, какъ компанія обезпечила себя правомъ продавать водку, и какъ подъ предлогомъ доставить инородцамъ возможность уплачивать

матерую землю къ устью рѣкъ, называемыхъ Побилятши и Овали, отстоящей не въ дальнемъ разстояніи отъ устья рѣки Амура, гдѣ, по совѣту между собою передовщиковъ, одинъ изъ нихъ съ небольшимъ промысломъ и съ нѣкоторыми работниками прибылъ назадъ въ (Удской) Острогъ, а товарищъ его остался тамъ съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ въ числѣ девяти человѣкъ слѣдовать въ одной байдарѣ для осмотру лежащаго противъ устья упомянутой рѣки Амура морскаго острова; но между тѣмъ покуда исправлялись они потребными въ путь припасами, отлучились изъ той компаніи самовольно пять человѣкъ рабочихъ Якутовъ, изъ коихъ 3 человѣка, идучи въ здѣшній острогъ, дорогою померли, а прочіе чрезъ нарочно посланныхъ изъ острога Тонгусовъ вывезены сего 1795 года весною». По другимъ свѣдѣніямъ кажется, что эти самые Якуты проживали въ урочищѣ Буруканъ.

1796. «Находившіеся въ бѣгахъ между Китайскими народами, бывшіе у Стручкова, черезъ нарочно посланныхъ казаковъ пойманы идущіе въ одной лодкѣ по край морскаго берега уповаемо не иначе, какъ намѣреніе ихъ простиралось въ тѣ-же мѣста, гдѣ прежде находились». Одинъ изъ бѣглецовъ показалъ, что онъ бѣжалъ отъ голода, а другіе говорили, что должны были остаться по причинѣ болѣзни своихъ товарищей.

1798. Живущему въ Удскомъ 3-й гильдіи купцу Михаилу Стручкову, брату Якутскаго 2-й гильдіи купца Өедора Алексѣева Стручкова, запрещено отправлять промышленниковъ на Шантарскіе острова и поселиться компаніи на устьи рѣки Уди. Это предпріятіе не удостоено Высочайшаго соизволенія.

Кромѣ прямыхъ свѣдѣній, относящихся къ Шантарамъ, надобно принять въ соображеніе и исторію предпріятій къ Курильскимъ островамъ (напр. у Словцова, Ист. Обозр. Сибири. II, 1844, стр. 136); потому что нѣкоторыя изъ этихъ предпріятій могли касаться и Шантарскихъ острововъ.

недоимки ясака за себя и за своихъ умершихъ, она дѣлала ихъ какъ-бы своими крѣпостными работниками, а между тѣмъ, отправляя на пустынные острова безъ достаточнаго снабженія, морила ихъ съ голоду, тогда что остававшіеся въ живыхъ искали спасенія въ бѣгствѣ и только козаками были приводимы обратно. Соображая эти и другія подобныя обстоятельства, невольно одобряешь распоряженіе правительства, когда оно въ 1798 году положило конецъ этому теченію дѣлъ. При всемъ томъ, еслибы дѣятельность компаніи имѣла продолженіе, Россія вѣроятно уже въ началѣ XIX столѣтія стояла бы твердою ногою на устьи Амура и на островѣ Сахалинѣ, потому что въ эти именно края направлены были предпріятія компаніи въ послѣдніе годы.

Неудивительно теперь, что послѣ запрещенія правительствомъ, отправки на Шантары стали рѣдки и большею частію только по оффиціальному порученію. При всемъ томъ и въ XIX столѣтіи можно насчитать нѣсколько разныхъ предпріятій, направленныхъ въ тѣ края. Крузенштерну [1]) въ самомъ планѣ его путешествія было указано — изслѣдовать Шантары; но онъ не дошелъ до нихъ, хотя былъ уже вблизи ихъ лѣтомъ 1805, когда снималъ сѣверозападную оконечность Сахалина. За то въ то-же лѣто Шантары вошли въ кругъ обширныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ съ материка для отысканія на берегахъ Охотскаго моря лучшей гавани вмѣсто гибельнаго Охотска и для того, чтобы проложить дорогу къ новой гавани черезъ горы. По этому случаю начальникъ Охотска Бухаринъ потерпѣлъ на своемъ кораблѣ крушеніе, наткнувшись на мысъ Бырранджá, у южнаго берега Охотскаго моря, въ виду Шантарскаго острова — Медвѣжьяго [2]). Въ слѣдующій годъ его отрядъ производилъ съёмку Феклистова острова и южнаго берега Охотскаго моря. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1811 г. Головину дано было порученіе сдѣлать съёмку, начиная съ Камчатки, Курильскимъ островамъ и Шантарамъ, но порученіе осталось безъ исполненія по причинѣ плѣна Головина у Японцевъ [3]). Изъ реестра бумагъ въ Удскомъ архивѣ

---

[1]) Reise um die Welt, 1811. II, p. 195. 196.

[2]) Свѣдѣніе, сообщенное объ этомъ Соколовымъ (въ Зап. Гидр. Деп. IV, 1846, стр. 14), есть только указаніе. Шишковъ (Двукратное Путешествіе въ Америку Хвостова и Давыдова, 1810, I, стр. XXVII) упоминаетъ о Бухаринѣ, какъ человѣкѣ самовластномъ и корыстолюбивомъ.

Въ рукописномъ дневникѣ Редовскаго подъ 15-мъ Августа 1806 я нашелъ замѣтку, что онъ недалеко отъ Ули встрѣтился съ байдарой, которая была построена людьми, оставленными Охотскимъ начальникомъ въ Удскомъ, и на которой они теперь возвращались домой. Послѣ того какъ одномачтовое судно «Кадьякъ», разсказываетъ Редовскій, осенью прошлаго года разбилось у берега Удскаго, Бухаринъ пріѣхалъ изъ Охотска въ Удской на лодкѣ (вѣроятнѣе, какъ разсказываетъ Соколовъ, что Бухаринъ послѣ кораблекрушенія на байдарѣ воротился въ Удской); но лодка была выброшена морскимъ волненіемъ на Удской берегъ и погибла почти со всѣми вещами. Съ трудомъ спасены были люди, и Бухаринъ уже зимою воротился домой на оленяхъ. Напротивъ того три штурмана и 11 матросовъ въ ту-же весну (1806) съѣздили на островъ Феклистовъ и даже на устье Тугура и описали неизвѣстные до тѣхъ поръ острова. На Шантарѣ (стало быть на Большомъ Шантарѣ) имъ не удалось побывать по причинѣ льда.

Черезъ три дня послѣ того (18 Авг.) какъ Редовскій записалъ показанія этихъ людей, онъ самъ, ввѣривъ себя, если не ошибаюсь, ихъ байдарѣ, въ четырехъ верстахъ отъ устья Ули сильнымъ вѣтромъ былъ выброшенъ на берегъ, и байдара разбилась.

Въ Удскомъ архивѣ мнѣ попалась только одна бумага, изъ которой видно, что на «Кадьякѣ», разбившемся у рѣчки Бырранджá, найдено 9 пушекъ; недоставало еще двухъ, которыя надобно было достать изъ воды. Шесть изъ этихъ пушекъ я еще засталъ въ Удскомъ; изъ нихъ стрѣляли въ честь нашего отправленія. Во время Козьмина онѣ были, равно какъ якорь и балластъ, еще на мѣстѣ кораблекрушенія, и онъ взялъ изъ этихъ вещей лишь небольшую часть. 7 пушекъ и якорь остались на прежнемъ мѣстѣ. (Зап. Гидр. Деп. IV, стр. 40, 59).

[3]) Головинъ, «Записки о плаваніи его на шлюпѣ Діанѣ въ 1811, 1819».

я узналъ, что уже въ слѣдующемъ году какой-то штурманъ Борисовъ трудился надъ исправленіемъ чертежа Шантаръ, сохранившагося отъ прошлаго столѣтія [1]).

Тотъ-же архивъ показалъ мнѣ, что въ слѣдующемъ году состоялось единственное въ XIX столѣтіи частное предпріятіе на Шантары до моего туда путешествія. Въ 1813, по прошенію Якутскаго мѣщанина Матвѣя Лопатина, производившаго съ дозволенія высшаго начальства, «изысканія и открытія» на Шантарскихъ островахъ, равно и «промыслъ звѣрей и прочее», дозволено было ему воспользоваться мастеровыми «изъ ссыльныхъ, вывезенныхъ въ Удской», напр. кузнецомъ и др.

Только съ Козьмина — бывшаго спутника Врангеля въ его разъѣздахъ по льду съ устья Колымы, — только съ этого заслуженнаго офицера штурманскаго корпуса начинается собственно настоящее знаніе, т. е. точныя и отчетливыя свѣдѣнія о Шантарахъ. Охотскъ уже около двухъ столѣтій оказывалъ себя одною изъ самыхъ негодныхъ гаваней въ свѣтѣ, которая причиняла несоразмѣрно много убытковъ и губила людей. Эти потери, это постоянное истребленіе флота правительство частію оставляло безъ вниманія, частію старалось предотвратить на будущее время обширными и многолѣтними поисками новой гавани. Но поиски были безплодны и Охотскъ по прежнему оставался гаванью. Сѣверо-Американская Компанія, какъ разсчетливое торговое общество, не могло однакожь сносить этого: въ 1829 году она рѣшилась поручить Козьмину искать новой гавани между рѣками Удью и Тугуромъ, слѣдовательно на южномъ берегу Охотскаго моря. Нашедши удобное мѣсто для гавани, онъ тотчасъ долженъ былъ приступить къ ея сооруженію; въ случаѣ же неуспѣха взяться за съёмку Шантаръ, которая позднѣйшею инструкціей поставлена была ему даже въ главную обязанность. Козьминъ въ ту-же осень увѣрился въ негодности устья Уди. Въ Удской онъ пріѣхалъ сухимъ путемъ. Лѣтомъ 1830 онъ сначала занимался съёмкой южнаго берега, а потомъ, когда пришла, послѣ зимовки на Феклистовѣ, высланная для него изъ Охотска шкуна «Акція», началъ съёмку, но съёмку Большаго Шантара кончилъ на лодкѣ, объѣхавъ вокругъ острова въ мѣсяцъ. Шкуна зимовала въ другой разъ, при устьѣ Алы у материка, тогда какъ большой отрядъ звѣропромышленниковъ на Большомъ Шантарѣ съ большимъ успѣхомъ ходилъ въ-продолженіе зимы за лисицами и соболями. Въ слѣдующее лѣто Козьминъ возвратился моремъ въ Охотскъ, и съ тѣхъ поръ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ показаній, собранныхъ мною на мѣстѣ, никто не бывалъ на Шантарахъ, даже изъ Тунгусовъ.

Точныя карты, основанныя на множествѣ географическихъ опредѣленій, равно и краткое описаніе плаваній, береговъ материка и острововъ теперь сдѣлались общимъ достояніемъ, потому что дневникъ Козьмина изданъ черезъ два года послѣ моего возвращенія съ Шантарскихъ острововъ [2]).

---

[1]) Подъ 3 Сентября 1812 значатся бумаги слѣдующаго содержанія: «о выправкѣ описанія и положеніи на планъ штурманомъ Борисовымъ относительно до Феклистаго и Шантарскаго острова, противъ объясненія мещанина Терентьева». Такимъ образомъ очень вѣроятно, что тотъ-же самый Терентьевъ, котораго мы столько лѣтъ видѣли передовщикомъ на службѣ компаніи, занесъ Шантары, какъ умѣлъ, на бумагу (Ср. стр. 107 прим. 1.).

[2]) Записки Гидр. Деп. 1846, IV, стр. 20 и слѣд. — До тѣхъ поръ были извѣстны только съемки Шантаръ въ атласѣ Крузенштерна въ весьма маломъ масштабѣ.

Литке также имѣлъ порученіе снять Шантары (За-

Пріостанавливаясь покуда сообщеніемъ того, чѣмъ мы можемъ пополнить извѣстія Козьмина, присовокупимъ здѣсь къ вышеизложенному (стр. 98 и слѣд.) ряду промышленныхъ предпріятій, направленныхъ на Шантары, разныя изображенія ихъ на старинныхъ картахъ. На Китайскихъ и Японскихъ картахъ мы имѣемъ безъ сомнѣнія древнѣйшія изображенія устья Амура, острова Сахалина и, какъ кажется, даже первые намеки на существованіе Шантаръ [1]). Но послѣдніе могли быть показаны большею частію только по слухамъ; развѣ допустимъ, что въ концѣ XVII вѣка, когда Русскіе были оттѣснены отъ Амура и даже ихъ ясашная изба на Тугурѣ была сожжена, Китайскіе чиновники такъ далеко вдавались на сѣверъ, что у нихъ были въ виду Шантарскіе острова.

На печатной картѣ Россіи, Шантарскіе острова подъ этимъ именемъ мы находимъ въ первый разъ во второй половинѣ XVIII столѣтія; оно было введено нашей Академіей, хотя на рукописныхъ картахъ можно было найти его больше тридцати лѣтъ до того времени [2]). Изъ всей группы острововъ тотчасъ выдается особенно имя Медвѣжьяго

писки, изд. Гос. Адмиралтейскимъ Департаментомъ, 1826, XI, стр. XLIX), но былъ отвлеченъ отъ того своими предпріятіями къ другимъ частямъ того берега. Равно и Станюковичь не дѣлалъ съемки островов, какъ полагаетъ Словцовъ. (Ист. Обозр. Сибири, 1844, II, стр. 342).

[1]) Если Шантарскихъ островов не видно на картахъ, изданныхъ въ 1842 г. Іакинѳомъ преимущественно по Китайскимъ источникамъ (при «Статист. описаніи Китайской Имперіи»), такъ это объясняется или дурнымъ выборомъ источниковъ, или неумѣньемъ пользоваться ихъ показаніями, потому-что въ рукописномъ атласѣ специальныхъ картъ Китайской имперіи, перевед. на Русскій языкъ въ 1846 г., противъ устья Тугура значится скалистый островъ Кебутъ - (хада), а на половинѣ пути между нимъ и устьемъ Амура еще большой безъименный островъ (можетъ быть, то-же, что на другихъ картахъ Кусоку), а возлѣ него еще небольшой островъ, по имени Гьяудзи-(хада). Мы встрѣчаемъ эти острова еще на Д'Анвилевой Carte d'Asie 1753 г. и кромѣ того, очевидно по Китайскимъ источникамъ, еще два другіе острова ближе къ Удскому: изъ нихъ восточный - Amga — (chata), подъ которымъ разумѣется, должно быть, Большой Шантаръ, лежитъ насупротивъ рѣки Amga, которую я безъ всякаго сомнѣнія принимаю за горный ручей, называемый Мамга, потому-что на западѣ отъ него можно узнать по очертанію материковый мысъ Дугандя, а къ западу отъ этого мыса выемку залива, въ который впадаетъ Торомъ, и мысъ Тыльскій. Островъ Медвѣжій, хотя онъ и не названъ, также навѣрное можно узнать какъ по его положенію, такъ и по общему сходству его очертанія съ дѣйствительностью. А это очертаніе взято, должно быть, съ «Атласа Россійскаго», изданнаго нашей Академіей 1745, и именно съ листа: «Устье р. Амура» и пр., хотя на немъ мы напрасно стали бы искать имени Тугура, а Торому дано неправильное положеніе и т. п. На картѣ: Imperii Rossici et Tatariae universae Tabula.... Joh. Math. Hasii, Norimb. 1730 я вижу противъ устья Тугура островъ Kiboul. На Nova Tabula Geographica Imperii Rossici, in Gubernia divisi 1787 страна Тугурскаго устья имѣетъ надпись: Rupes Siskusgaszane, которою хотѣли означить вѣроятно островъ, имѣющій на «картѣ Курильскихъ островов съ около-лежащими мѣстами», названіе Сискуне. Всѣ эти имена очевидно принадлежатъ Шантарамъ. О мѣстныхъ подробностяхъ ближайшія свѣдѣнія, можетъ быть, дадутъ когда-нибудь Китайскіе источники. Японскія карты на мѣстности Шантарскихъ островов представляютъ островъ Kubit esima, обитаемый по ихъ показаніямъ пигмеями.

[2]) У Ремезова нѣтъ еще никакого слѣда Шантаръ. Витзенъ, у котораго на первыхъ картахъ нѣтъ еще Сахалина, у береговъ Охотскаго моря разсѣялъ на удачу множество безъименныхъ островов, изъ которыхъ штуки двѣ приходятся на мѣстность устьевъ Уди и Тугура.

На картѣ Штраленберга 1730 Шантары, очерченные очень грубо, также еще не имѣютъ имени, но на самомъ большомъ изъ нихъ ужъ сдѣлана надпись: Insula vasta, zobolis et aliis feris abundans. Однако Сахалина у Штраленберга еще вовсе нѣтъ. Гораздо подробнѣе, хотя также еще очень грубо изображеніе нашей группы островов на двойномъ листѣ: Geographica nova.... duabus tabulis specialissimis contenta, quarum una Mare Caspium, altera Camtzadaliam seu Terram Jedzo curiose exhibet, edit. Jo. Bapt. Homann, Norimbergae. Эта карта явилась, должно быть, вскорѣ послѣ карты Штраленберга. Я не могъ отыскать оригинала, изъ котораго она заимствована, хотя ей очевидно служили источникомъ Русскія извѣстія (напр. ближайшій къ Тугуру островъ называется Ottugura; очевидно съ Русскаго: отъ Тугура). Наибольшій островъ находится въ ближайшемъ разстояніи отъ устья Уди и объ немъ говорится: «Отъ Удскаго Зунда «онъ представляется обширною землею, но тамъ еще ни-«кто не бывалъ». Къ югу отъ него лежитъ: Bären-Insel; къ юго-востоку отъ этого—островъ съ подписью: «здѣсь козаки ночевали», и наидалѣе къ востоку—еще одинъ, о

острова. Иначе и быть не могло, потому что этотъ островъ всѣхъ ближе къ материку и ясно виденъ съ него. Только въ послѣдней четверти XVIII вѣка является имя острова Феклистова и нѣсколько раньше его нѣкоторыя другія имена, которыя однако опять исчезли на позднѣйшихъ картахъ [1]).

которомъ сказано: «на этомъ островѣ козаки нашли много лисицъ и соболей».

При всемъ томъ имени Шантаръ нигдѣ еще не видно. Въ первый разъ оно пущено въ ходъ 1758 на картѣ, изданной при нашей Академіи подъ надзоромъ Миллера, который (Samml. Russ. Gesch. III, стр. 96) безъ сомнѣнія напрасно производилъ это имя отъ Гиляковъ, потому что отъ нихъ ни я, ни Л. Шренкъ не могли доспроситься его. Карта эта имѣетъ заглавіе: Nouvelle Carte des Découvertes faites par les vaisseaux Russiens и проч., а на Русскомъ: «Карта представляющая изобрѣтенія Россійскими мереплавателями .... соч. при Импер. Академіи И. Ив. Трускотомъ». Хотя по мнѣнію самого Миллера (Samml. Russ. Gesch. III. 258) эта группа острововъ означена «почти наугадъ», лишь приблизительно, однако она имѣетъ, говоря вообще, довольно вѣрное положеніе. До тѣхъ поръ дѣйствительно напрасно ищешь имени Шантаръ: ихъ нѣтъ на картѣ Кирилова 1734 Imperii Russici Tabula Generalis и въ первомъ Атласѣ нашей Академіи 1745. Между-тѣмъ это имя уже 1720 занесено было на карту геодезитами, отправленными Петромъ Великимъ для съемки Камчатки и Курильскихъ острововъ, какъ вижу я въ рукописномъ экземплярѣ древнѣйшей карты нашего академическаго собранія, на листѣ подъ заглавіемъ: Tabula Geographica partis extremae orientalis Sibiriae et Tatariae.... delineata partim secundum Obss. Geodaesistarum J. Jewreinov et Lushin, partim desumtâ ex tabula Geographica accuratissima Chinensi a defuncto Chinae Monarchâ Kamhi, Imperatori Petro M. missa На этой картѣ два самые западные острова называются Пустые Малые; изъ двухъ самыхъ восточныхъ сѣверный называется Медвѣжій и имѣетъ подпись: Hic nulli incolae, sed multae martes scythicae; а южный названъ Шандарскимъ.

[1]) Двѣ рукописныя карты Охотскаго моря 1767 и 1768 (большая 1767 съ подписью: «сочинена морскимъ служителемъ Филипомъ Вертлюговымъ», на меньшей помѣчено: «получена въ Якутскомъ отъ купца Яренскаго Завялова») представляютъ только сѣверный берегъ Шантара съ двумя малыми островами возлѣ него. Не ѣздили-ль тогда отъ устья Уди прямо къ сѣверной сторонѣ острововъ, вмѣсто того, чтобы приставать съ южной стороны, какъ обыкновенно было позднѣе? Или скорѣе не было ли это произвольное начертаніе видѣнной Шельтингомъ (ср. стр. 98) части острова, такъ какъ надобно полагать, что прежде корабли всегда подходили къ острову съ сѣверной стороны, а байдары съ южной? Вспомнимъ, что Козьминъ нашелъ у озера Большаго на Большомъ Шантарѣ развалившіяся хижины, которыя приписывали Гилякамъ, тогда какъ преданія, собранныя мною въ Удскомъ, рѣшительно присвояютъ ихъ Русскимъ звѣропромышленникамъ, что по моему мнѣнію и вѣроятнѣе. Рукописная карта нашего генеральнаго штаба, 1746, изображающая также сѣверныя берега Шантаръ, заставляетъ меня думать, что вышеупомянутый чертежъ происходитъ отъ Шельтинга. На печатной картѣ 1778 («Карта представляющая открытія Россійскихъ мореплавателей.... сочин. А. Вильбректъ») мы видимъ повтореніе того-же чертежа; тутъ опять стоятъ и два меньшихъ острова, подъ именемъ Голые, равно и побольше ихъ, на востокѣ отъ Шантара, «Курильскій». Этого острова очерченъ также только сѣверный берегъ. Судя по положенію, этотъ островъ пришлось бы принять за тотъ, что у Козьмина названъ Прокофьевымъ. Тотъ-же чертежъ перепечатанъ еще на «Картѣ новыхъ открытій въ Восточномъ Окіанѣ», 1781.

Островъ «Каменна Гора» на «Генеральной картѣ Иркутской губерніи, соч. И. Трескотъ 1776» (латинское изданіе того-же года подъ заглавіемъ: Mappa Gubernii Irkutensis) къ востоку отъ Шантаръ противъ устья Тугура удержанъ, очевидно, по Китайскимъ источникамъ, и вслѣдствіе слишкомъ большаго разстоянія, въ какомъ представленъ Тугуръ отъ Уди, отдѣленъ отъ Шантаръ, хотя подъ этимъ именемъ разумѣется, вѣроятно, одинъ изъ нихъ.

«Сухой Шантаръ» въ первый разъ является, сколько мнѣ извѣстно, на рукописной картѣ 1778, сохранившейся въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ («Генеральная карта всей Сибири, составленная по разнымъ описаніямъ»). Его начертаніе повторяется на рукописной картѣ 1784 («Генер. карта Иркутскаго Намѣстничества, сочинена въ Иркутскомъ городѣ»); неизданная карта Мантейфеля 1807 поясняетъ, который изъ Шантаръ разумѣется подъ этимъ именемъ, именно теперь называемый «Малый Шантаръ». Но намъ конечно не удалось бы такимъ же образомъ указать мѣсто для имени Худой Шантаръ (см. выше, стр. 101 прим.), которое впрочемъ нигдѣ и не является на картахъ.

Въ Библіотекѣ нашей Академіи хранится единственное въ своемъ родѣ собраніе картъ Сибири, принадлежавшихъ ея прежнему «Географическому Департаменту». Отмѣчу въ немъ въ-частности съемку озера Байкала въ весьма большомъ размѣрѣ, выполненную при тамошнемъ начальникѣ генералѣ фонъ-Брилѣ, и цѣлый рядъ древнѣйшихъ чертежей Камчатки вмѣстѣ съ Охотскимъ моремъ. Но, можеть-быть, я окажу нѣкоторую услугу будущимъ обработывателямъ этого собранія, если укажу, чего недостаетъ въ немъ. Таковы, сколько я могу собрать изъ своихъ замѣтокъ: 1) Вышеупомянутая карта съ подписью: «сочинена сія карта морскимъ служителемъ Филипомъ Вертлюгинымъ 1767». Замѣчательно въ самомъ

Первое сносное начертаніе положенія Шантаръ относительно другъ друга, съ двумя вновь занесенными островами: Малымъ Шантаромъ и Большимъ, распространилось только посредствомъ всюду бывшей источникомъ, карты Азіатской Россіи Познякова и держалось до съёмки Козьмина. Въ рукописи, а въ позднѣйшее время даже въ печати мы съ-полстолѣтія имѣли нѣчто значительно лучше этого начертанія; но это лучшее, какъ и многое другое, оставалось безъ употребленія [1]).

Отправляясь на Шантары, я зналъ только начало и конецъ всѣхъ туда направленныхъ предпріятій, которыя изложилъ я выше: мнѣ были извѣстны только первыя открытія Сибирскихъ козаковъ и послѣднія съёмки Козьмина. Большой пожаръ, происшедшій, какъ говорятъ, по неосторожности зимовавшихъ тамъ козаковъ, истребилъ на главномъ островѣ лѣса и съ ними его богатство соболями, и тѣмъ отбилъ [2]), какъ кажется, всякую охоту у звѣропромышленниковъ ѣздить на этотъ островъ. Я надѣялся найти на немъ первобытное состояніе, которое я желалъ видѣть, какъ натуралистъ, и жалѣлъ только, жалѣю и теперь, что не могъ запастись важнымъ пособіемъ, какимъ послужили бы мнѣ прекрасныя съёмки Козьмина [3]). Будь онѣ у меня въ рукахъ, я съ двойнымъ

низу этой карты свѣдѣніе: «Устье Колымы обсервовано Шалаурова судна морскимъ служителемъ Филипомъ Вертлюгинымъ въ 70° 10′. 2). Съемка Лены Лосевымъ въ 1785 и 1786 годахъ. — 3). «Генеральная карта пред«ставляющая удобныя способы къ умноженію Россій«ской торговли и мореплаванія по Тихому и Южному «Океану.... учиненныхъ на корабляхъ Сѣверо-Американ«ской Компаніи капитана Голикова съ товарищи 1787 г. — 4). «Астрономическая и геометрическая Ландкарта Росс. «Госуд. Иркутской губерніи, сочинена Россійской Импе«раторской Академіи Наукъ геодезистомъ Иваномъ Ко«жевинымъ 1810». Эта послѣдняя обязана своимъ происхоженіемъ Академіи и пользовалась въ свое время заслуженнымъ предпочтеніемъ. Она имѣется въ Румянцовскомъ Музеѣ.

[1]) Опять, сколько я знаю, нашей-же Академіи принадлежитъ начертаніе Шантаръ, которое удержалось до Козьмина, именно въ изданной 1818 Вишневскимъ «Картѣ части сѣверовосточной Азіи и сѣверозападной Америки» (въ «Атласѣ къ полному собранію ученыхъ путешествій по Россіи»). Но, кажется, уже при адмиралѣ Фоминѣ начертаніе Шантаръ было исправлено. Соколовъ (Зап. Гидр. Деп. IV, стр. 78), пользуясь картой Фомина, только недавно сообщилъ гидрографію береговыхъ горъ Охотскаго моря по съёмкѣ 1789. Мнѣ она встрѣтилась гдѣ-то въ рукописи подъ заглавіемъ: «Карта «Меркаторская, содержащая въ себѣ положенія морскаго «берега отъ г. Охотска до Устья рѣки Уды.... сочине«на со сдѣланныхъ описаній подъ командою флота ка«питана бригадирскаго ранга Фомина Іюля 10-го дня «1796 г.», и мнѣ кажется, здѣсь Шантары занесены уже въ томъ видѣ, какъ на картѣ такого же происхожденія, съ которой у меня есть копія. Она имѣетъ заглавіе: «Меркаторская карта землямъ, рѣкамъ и рѣчкамъ по «Якутскому и Охотскому уѣздамъ до Утскаго укрѣпле«нія, 1811 года». На этой картѣ оба большіе острова: Феклистовъ и Большой Шантаръ, занесены въ очертаніяхъ, въ которыхъ вполнѣ можно узнать дѣйствительный ихъ видъ; но по какой-то странности ихъ фигуры здѣсь перевернуты. Озеро на Большомъ Шантарѣ эта карта уже показываетъ.

Въ архивѣ нашего Генеральнаго Штаба я нашелъ двѣ вырѣзанныя, но неизданныя карточки, изъ которыхъ одна имѣетъ надпись: «Примѣрный планъ Шантарскихъ «острововъ и берега отъ 56 до 53° широты, назначен«ный по объявленію купца Попова, послѣ четвертаго его «плаванія 1807». Эта карта — самое лучшее изображеніе Шантаръ, какое было до Козьмина: даже Тугурскій заливъ и названный мною Академическій на этомъ чертежѣ въ первый разъ показаны приблизительно и лучше, чѣмъ гдѣ-либо до моего туда путешествія, но понынѣ онъ оставался неизвѣстнымъ. Эта, равно какъ и другая карта Генеральнаго Штаба подъ заглавіемъ: «Карта Сибири, «сочиненіе графа Мантейфеля, сдѣланная коллежскимъ «ассессоромъ Максимовичемъ, но гравировкою не окон«чена. въ 1806 и 1807 годахъ», обязаны своимъ происхожденіемъ Шантарской Компаніи и графу Мантейфелю. Такъ какъ въ «Лѣтописи Сибиряка» (Современникъ 1850, XXII, отд. II, стр. 21) я нашелъ, что въ 1785 году Иркутскъ посѣтилъ графъ Андрей Андреевичъ Мантейфель и какъ этотъ годъ согласенъ и съ свѣдѣніями, найденными мной въ Удскомъ архивѣ (ср. стр. 104 прим. 1), то я долженъ заключить, что оригиналъ Мантейфелевой карты получилъ начало еще въ прошломъ столѣтіи и только гравированъ былъ въ 1806 и 1807 годахъ.

[2]) Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 108.

[3]) Ср. стр. 46 прим. 2. Сказанное здѣсь, равно и на стр. 67 прим. 6 и на стр. 114, прим. 1, объясняетъ духъ

успѣхомъ употребилъ бы на наполненіе этой рамы краткій срокъ удобнаго времени, тѣмъ болѣе, что съёмки и безъ того были для меня второстепеннымъ дѣломъ. На всѣ три острова, которыя посѣтилъ я, мнѣ можно было употребить не больше 12 дней. При всемъ томъ мореплаватели, кромѣ нижеслѣдующихъ свѣдѣній, можетъ быть, оцѣнятъ нѣкоторыя замѣчанія объ этихъ островахъ въ отдѣлѣ «Орографіи и Геогнозіи».

Первый изъ Шантаръ, къ которому я присталъ, былъ лѣсистый островъ **Медвѣжій** (по-Тунгусски Нгóрбакъ, по-Якутски äсälǟх-ары̄ или, по новѣйшему выговору, ähälǟх-ары̄ [1]), приближающійся къ материку верстъ на шесть. Онъ простирается длиною отъ NW къ SO и на обоихъ концахъ увеличивается какъ въ ширину, такъ и въ вышину. Западный конецъ составляетъ главную массу острова и опускается въ море крутыми скатами, большею частію отвѣсно, въ нѣсколько сотъ футовъ вышины. Восточный конецъ, меньшаго объема и меньшей высоты, соединяется съ западнымъ посредствомъ узкаго каменнаго хребта, который во многихъ мѣстахъ немного больше полуверсты шириною, а въ одномъ мѣстѣ сѣдломъ спускается къ морю на сѣверъ и югъ. Эта средняя часть хребта составляетъ самую низкую и отлогую часть острова. Восточная половина южнаго берега окаймлена широкимъ уступомъ изъ каменной розсыпи, который большею частію затопляется приливами, отъ чего во время отливовъ на этомъ хрящеватомъ ложѣ остаются прудки; частію же сторона этого уступа, прилегающая къ скалистымъ крутизнамъ острова, покрыта дерномъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ широкой розсыпи простираются въ море по направленію къ югу длинныя гряды булыжника; изъ числа такихъ отличается одна болѣе $1\frac{1}{2}$ версты длиною, составляющая продолженіе южной оконечности восточнаго края острова: оставаясь наружѣ только во время отливовъ, она, при быстротѣ теченія, въ высшей степени опасна для всѣхъ близко проходящихъ судовъ. У корня этой банки — прекрасное пристанище для

и наоборотъ объясняется духомъ, въ какомъ написана статья г. П. К., membre de la. Soc. géogr. russe, въ Annales marit. et colon. Paris 1847. 3-ème série, 32-ème année, № 10, Oct. p. 578, № 75. Въ то время было только два члена въ нашемъ Географическомъ Обществѣ, которые могли подписываться буквами П. К. и потому узнать сочинителя статьи не стóило бы ни малѣйшаго труда; но я не хочу узнать его. Стоитъ только развѣ упомянуть объ этомъ для потомства въ воспоминаніе о разрушительномъ стремленіи, которое въ свое время имѣло довольно много приверженцевъ. Мучимые жалкою народной антипатіей старались, въ удовлетвореніе ей, произвести раздоръ и противопоставляли «compatriotes hydrographes russes» такимъ-же, хотя инороднымъ соотечественникамъ, которые по порученію одного и того-же для обѣихъ сторонъ правительства старались принести свою скромную долю одной и тойже гидрографіи; годы путешествія по крайнимъ предѣламъ сѣвера и востока — не уголка какого-нибудь, а Сибири,—называли «экскурсіей»; увѣряли, какъ-бы въ исправленіе невѣрныхъ слуховъ, что этотъ путешественникъ посѣтилъ только **одинъ** островъ (тогда какъ онъ былъ на трехъ) и т. п. Въ то-же время одна изъ нашихъ газетъ утверждала, что я не больше, какъ послѣдователь или продолжатель **Козьмина**. Въ чемъ же? Ужъ не въ моихъ ли изслѣдованіяхъ о географическомъ распространеніи тамошнихъ моллюсковъ?... Въ томъ-же духѣ въ другомъ мѣстѣ (Зап. Гидр. Деп. IV, стр. 78) моя съемка южнаго берега величиною въ 5 квадр. футовъ названа «карточкой» и т. д.

Кто хочетъ увѣриться, что ни академическая коммиссія, ни я самъ не упустили оказать надлежащее вниманіе къ **Козьмину** и ссылаться на него въ разныхъ случаяхъ, тотъ пусть потрудится заглянуть въ Bull. de la Classe Phys.-math. de l' Acad. Imp. d. Sc. de St. Pétersb. T. III, № 4 и T. IV, № 1, 2, также Baer und Helmersen's Beiträge zur Kenntn. d. Russ. Reiches, IX, 2. p. 598.

1) Äсä или ähä медвѣдь, lǟх соотвѣтствуетъ Русскому окончанію *истый* (напр. въ словѣ: лѣсистый), ары̄ островъ. О Якутскомъ выговорѣ h вмѣсто с см. третій томъ нашего Путешествія, обработанный О. Бетлингомъ (подлинное заглавіе см. выше стр. 2, прим. 1). Грамматика § 139. Ниже въ текстѣ мы будемъ писать Русскими буквами: Эге (г = h).

вытаскиванія лодокъ. И опушка лѣса здѣсь, противъ общаго правила, опускается близко къ морской поверхности, соединяясь съ возвышенностью острова посредствомъ покатости, также поросшей лѣсомъ. Съ высоты крутой скалы я видѣлъ, что по меньшей мѣрѣ часть обрывистаго и очень высокаго сѣвернаго берега этого острова окружена такими-же розсыпями [1]).

Мы не нашли на Медвѣжьемъ островѣ ни одного ручейка, и воду для своихъ потребностей должны были добывать изо льда. Но на сѣверозападномъ краѣ острова долженъ быть ручей.

Второй изъ посѣщенныхъ нами островoвъ Шантарской группы былъ Малый Эгэ, лежащій между материкомъ и Большимъ Шантаромъ. Эгэ (см. предпосл. прим.) онъ называется на Якутскомъ языкѣ, который здѣсь, въ глуши крайняго востока, успѣлъ занять такое-же положеніе, какъ Французскій въ западной Европѣ. По-Тунгусски этотъ островъ называется Мутыха́нгда [2]); Козьминъ перекрестилъ его въ Утичій. Главною массой своего небольшаго тѣла онъ простирается въ направленіи отъ NtO къ остроконечному, раздвоенному въ видѣ вилъ полуострову. Главный зубецъ этихъ вилъ — восточный — очень тонокъ. Не смотря на высоту, которая все еще простирается на нѣсколько сотъ футовъ, онъ имѣетъ острую вершину, какъ конекъ кровли, и по обѣ стороны къ морю такъ крутъ, что съ него трудно, даже невозможно сойти. Главная масса острова, поросшаго непрерывнымъ и густымъ лѣсомъ, простирается волнистою возвышенностью на нѣсколько сотъ футовъ надъ моремъ, а самою высокою вершиной больше тысячи футовъ. Ось этой возвышенности имѣетъ направленіе отъ южной оконечности острова къ главному

---

[1]) Весь южный берегъ представляетъ неглубокую выемку, которая дѣлится на двѣ половины низменнымъ мысомъ, поросшимъ деревьями. Этотъ мысъ опускается къ низкому, также покрытому лѣсомъ хребту, который съуживается къ морю. Къ западу отъ мыса до южной оконечности западной половины острова южный берегъ состоитъ изъ пяти небольшихъ выемокъ. А къ востоку отъ того-же мыса начинается самая низменная часть острова и самое широкое мѣсто розсыпи. Эту низменную часть я полагаю не шире 300 саженъ. Восточная половина южнаго берега имѣетъ форму трехъ выемокъ, ясно отдѣляющихся одна отъ другой.

Длинная банка у южнаго берега на восточномъ концѣ, будучи обнажена во время отлива, оказалась длиною въ 673 сажени; она имѣла три погиба. Первый въ 100 саженъ длиною, идетъ къ SSOtO $151\frac{1}{2}°$; второй въ 233 сажени къ SOtS 146°; третій, крайній въ 340 саженъ идетъ къ StO 169° до конца банки, которая впрочемъ подъ водою простирается дальше. Отъ этой оконечности взялъ я пеленгъ на самый восточный мысъ острова къ NtO, 14°. У восточнаго берега, начинающагося отъ помянутой южной оконечности, только во время большаго отлива оказалась узкая каменистая окраина, которую можно слѣдить глазомъ; а во время приливовъ морскія волны омываютъ прямо крутыя скалы береговъ, которыя часто даже неприступными отвѣсными обрывами воздымаются на нѣсколько сотъ футовъ. Съ восточной оконечности взялъ я пеленгъ на середину скалы Каменный Столбъ къ NtW, $15\frac{1}{2}°$; восточный ея край — 13°.

Относительное положеніе сѣверозападной оконечности острова и мыса Медвѣжье Одѣяло показано у Козьмина не совсѣмъ вѣрно. Отъ названнаго мыса мы могли такъ ясно видѣть сѣверозападную оконечность, что взяли на нее пеленгъ къ NOtO, $52\frac{1}{4}°$; мимо ея самая западная изъ скалъ Сахарная Голова къ NOtN, $35\frac{1}{2}°$; самая восточная — Каменный Столбъ Козьмина на NO $44\frac{3}{4}°$. Обѣ оказались неприступно крутыми. Отъ мыса Джукджангдранъ взяли мы пеленгъ на самую сѣверозападную видимую оконечность мыса Медвѣжьяго острова къ NOtN, 30°; на Сахарную Голову къ NOtN, $24\frac{1}{2}°$; на юговосточную оконечность Медвѣжьяго острова къ OtS, $93\frac{3}{4}°$. Ср. листъ XVII прилагаемаго атласа.

[2]) Тебеньковъ въ своемъ «Атласѣ сѣверозападныхъ береговъ Америки.... и острововъ Алеутскихъ съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ сѣверовосточнаго берега Азіи, 1852, табл. XXXVI, 1849», выбралъ, изъ сообщенныхъ мною названій, имя Мутыхангда. Ср. Гидрографическія примѣчанія къ этому атласу.

зубцу вилообразнаго раздвоенія; но такъ-какъ возвышенность идетъ сперва по западному берегу и только у корня полуострова переходитъ къ восточному, то главный водоёмъ острова, ручеекъ, течетъ къ морю на юговостокъ, тогда какъ другой ручей, еще меньше, текущій на сѣверъ, впадаетъ въ промежуткѣ при раздвоеніи полуострова. У сѣверной оконечности главной массы острова возвышенность такъ близко подходитъ къ берегу, что большой ручей низвергается со скалы прямо въ море. Этэ окруженъ множествомъ скалъ, которыя то скрываются подъ водою, то высовываются изъ нея. Самые берега по большой части обрывисты, вышиною отъ 300 до 500 футовъ, и только прибольшихъ отливахъ являются съ узкою каемкой въ бухточкахъ. Гдѣ видны отлогія покатости, тамъ не трудно замѣтить, что онѣ произошли и происходятъ изъ разрушившихся каменныхъ глыбъ, отъ развалившихся обрывистыхъ утесовъ.

Козьминъ могъ только приблизительно показать этотъ островъ; но его не совсѣмъ вѣрно поставилъ и Тебеньковъ (ср. предыдущее примѣчаніе), хотя, по всѣмъ признакамъ, заимствовалъ его изъ моихъ чертежей [1]).

Всего дольше, но все-же только семь дней (съ 6 до 13 Августа), пробыли мы на Большомъ Шантарѣ. Онъ оправдываетъ свое названіе: его поверхность простирается до 50 квадр. миль. Поточнѣе мы изслѣдовали только Якшину губу на южномъ берегу острова, но ходили отсюда на вершины высотъ, поднимающихся въ сѣверо-восточномъ и восточномъ направленіяхъ отъ устья Якшины. Благодаря этому трехдневному походу, мы увидѣли съ этихъ высотъ разные другіе острова и обозрѣли поверхность самого Большаго Шантара. Черезъ высокую гряду западнаго берега видѣлъ я южный мысъ острова Феклистова; промежъ дикихъ вершинъ вдоль восточнаго берега ясно обрисовывался островъ Кусовъ — урѣзанный конусъ, къ которому примыкаетъ съ одной стороны уступъ; наконецъ и въ юго-восточномъ направленіи виднѣлись два мыса Малаго Шантара. Доступнѣе былъ видъ большаго озера, которое извнутри острова на 12 верстъ въ длину простирается къ сѣверному его берегу и прорвалось въ море чрезъ каменную розсыпь. Отъ

---

[1]) *Сообщаемые здѣсь и на слѣдующихъ страницахъ пеленги всѣ передаются безъ измѣненія и потому требуютъ исправленія на 5° западнаго отклоненія.*

Южный конецъ острова обрѣзанъ въ направленіи ONO ($67\frac{1}{2}$°). Въ легкой выемкѣ этой урѣзанной стороны, имѣющей съ полверсты въ поперечникѣ, впадаетъ главный ручей острова. Онъ течетъ здѣсь по отлогости, имѣющей около 45° наклоненія и внизу покрытой дерномъ, а вверху обросшей лѣсомъ. Отъ восточной оконечности этого южнаго конца, отъ которой раздвоенный конецъ виденъ въ направленіи къ NOtN (37°), выдается (къ StO, 171°) подъ водою рифъ саженъ на 60 въ море. Восточный берегъ острова, версты въ $3\frac{1}{2}$ длиною, весь слегка вогнутъ и состоитъ изъ пяти очень мало вогнутыхъ выемокъ, одна возлѣ другой; первая изъ нихъ, имѣя саженъ 200 въ поперечникѣ, вогнута глубже другихъ. Югозападный берегъ острова (главное направленіе NWtN, $36\frac{1}{2}$°, около $\frac{5}{4}$ версты длиною) состоитъ изъ двухъ выемокъ и окаймленъ отвѣсными крутизнами. У западнаго конца этого берега, саженяхъ въ 20 отъ него, торчитъ скала въ видѣ конуса, стоящая на скрытомъ рифѣ. Отъ этого западнаго конца югозападнаго берега западный берегъ сначала беретъ направленіе къ NtO ($7\frac{1}{2}$°), образуя губу около $\frac{1}{5}$ версты въ поперечникѣ, а потомъ поворачиваетъ, образуя губу на половину шире предъидущей, въ направленіи NOtN ($27\frac{1}{2}$°) къ сѣверному концу западнаго берега, имѣющаго на большомъ пространствѣ тупое очертаніе. Отъ этого конца западная оконечность вилообразнаго раздвоенія лежитъ къ NOtO (55°). Между ими простирается открытая къ сѣверу бухточка, болѣе полуверсты въ поперечникѣ, изрѣзанная ущельями и съ такими отвѣсными берегами, что я нигдѣ не могъ пристать къ нимъ. Раздвоеніе простирающагося къ сѣверу полуострова имѣетъ около $\frac{3}{4}$ версты въ поперечникѣ и раздѣлено на двѣ выемки. Ручей течетъ по скату градусовъ въ 20 наклоненія на разстояніи около $\frac{3}{4}$ версты и съ обѣихъ сторонъ прикрытъ лѣсомъ на пространствѣ саженъ по 30. Ср. лист. XVII прилагаемаго атласа.

глухаго конца этого озера тянулась предъ нашими глазами болотистая низменность (по-Сибирски Ка́лтусъ), верстъ въ 15 шириною сверкая водяною поверхностію до истоковъ Якшины и до сѣверо-западнаго конца острова. Да и Якшина, казалось, течетъ по низкой и хотя лѣсистой, но болотистой долинѣ, шириною отъ 2 до 10 верстъ. Всматриваясь въ форму долины, мелькавшую предъ нашими глазами между множествомъ высотъ, можно было распознать, что въ глухомъ концѣ озера, тамъ, гдѣ Козьминъ показываетъ коротенькій ручеекъ, должна впадать, кромѣ рѣки Средней, еще другая рѣка не меньше той, но текущая съ юга на сѣверъ. Истоки этой рѣки, по всей вѣроятности, берутъ свое начало на южномъ берегу между истоками Малаго Ана́ура, у Козьмина ошибочно называемаго Анабаромъ, и рѣки Крестовой [1]).

Берегъ около устья р. Якшины составляетъ глинистая низменность, подмываемая водою. Черезъ него Якшина проложила множество своихъ мелководныхъ устьевъ, сквозь которыя она несется по каменной розсыпи въ море. На отлогомъ песчаномъ склонѣ въ-право отъ устья мы нашли съ полдюжины избушекъ и шалашей—разваливающіеся остатки поселенія, которое покушалась здѣсь основать въ 1830 году Сѣверо-Американская Компанія. Предъ нашимъ прибытіемъ, какъ-бы въ честь его, огромный медвѣдь, патріархъ своего рода, остававшійся единственнымъ властителемъ острова вопреки попыткамъ его заселенія, избралъ это мѣсто для своего смертнаго ложа. По странной противоположности, впрочемъ не совсѣмъ некстати, около покойника, уже нѣсколько тронувшагося отъ солнечнаго зноя, лежала помадная банка вмѣстѣ съ другими мелочами, брошенными въ-торопяхъ при отъѣздѣ прежнихъ посѣтителей.

При отливахъ дно моря предъ Якшиной губой обнажалось саженъ на $1\frac{1}{2}$ ста, и

---

[1]) Западный берегъ Якшиной губы явно раздѣляется на двѣ половины мысомъ, противъ котораго въ 30-ти саженяхъ отъ берега возвышается изъ моря утесъ: это Кекуръ Топазный у Козьмина. Южная часть этого западнаго берега начинается у югозападной оконечности острова выемкой около $\frac{3}{4}$ версты въ поперечникѣ; берегъ этой выемки идетъ каменной стѣной съ пятью перерывами, но въ главномъ направленіи къ ONO (60°). Тоже направленіе (только 57°) берегъ соблюдаетъ и дальше до вышеупомянутаго мыса съ кекуромъ впереди, но образуетъ на этомъ пространствѣ три выемки, изъ которыхъ первая, около версты въ поперечникѣ, на 100 саж. углубленія, имѣетъ отвѣсные утесистые берега и принимаетъ въ себя незначительный ручей съ югозапада. Вторая выемка, версты въ $2\frac{1}{2}$ длины при $\frac{3}{4}$ версты углубленія, принимаетъ съ запада два ручья, при устьѣ которыхъ есть пристанище для лодокъ. Третья и послѣдняя выемка имѣетъ около 3 верстъ длины и едва 200 саженъ углубленія; въ ней кромѣ ручья впадаетъ въ серединѣ сухая ложбинка, при устьи которой съ нуждой можно найти пристанище. Въ другихъ мѣстахъ, отвѣсныя стѣны скалъ вовсе не допускаютъ приставать къ берегу. По другую сторону мыса съ кекуромъ слѣдуетъ другая половина западнаго берега Якшиной губы, которая своимъ изгибомъ въ 8 верстъ въ поперечникѣ едва на $2\frac{1}{2}$ верстахъ углубленія идетъ на NOtO (54°) къ устью Якшины. И на этомъ пространствѣ можно насчитать три выемки: изъ нихъ вторая принимаетъ горный ручей Кангала́съ, который на сѣверозападѣ составляется изъ слiянія двухъ потоковъ. По третьей выемкѣ утесистый берегъ все понижается, пока не приходитъ на близкое разстояніе къ устью Якшины. Здѣсь, на правомъ берегу Якшины и впадающаго въ нее ручейка, мы нашли постройки селенія, которое хотѣла основать, подъ начальствомъ Козьмина, наша Сѣверо-Американская Компанія: это были двѣ бревенчатыя избы, окна со слюдой, одна юрта, два магазина, баня и три тунгусскихъ балагана.

Отъ самой южной изъ трехъ главныхъ посѣщенныхъ нами вершинъ, которую мы означимъ буквою А, эти постройки оказались на WNW, 73°. На полпути отъ нея къ морю на StW стоитъ высота, изъ которой выходятъ притоки къ Большому Ана́уру: изслѣдовавъ ихъ, мы сошли съ нея по склону къ морю. Отъ вершины А вершина В лежитъ на NOtO, $51\frac{1}{2}$°, а отъ В самая сѣверная высота С, посѣщенная нами сперва отъ устья Якшины, лежитъ въ направленіи къ сѣверу, нѣсколько склоняясь, какъ кажется, къ западу.

видно было, что глинистый грунтъ, должно быть, еще далеко простирается подъ водою съ такимъ-же малымъ наклоненіемъ. Приставать во время отлива не только мѣшаетъ тинистая глина, но и выглядывающіе изъ нея острые камни опасны, именно для кожаныхъ лодокъ.

Восточный берегъ Якшиной губы къ югу отъ устья Якшины быстро поднимается, такъ что у мыса Анáура онъ стоитъ уже утесомъ отъ 400 до 500 футовъ вышины, хотя продолженіе этихъ скалъ версты на $1\frac{1}{2}$ въ море такъ понижается, что выходитъ наружу только при отливѣ. Съ высоты каменной стѣны мыса живописно льется на край берега небольшой водопадъ. Множество подводныхъ и надводныхъ камней идутъ вдоль берега до другой стороны устья Анáура, и здѣсь въ островкѣ Олаѣ, окруженномъ рифами, достигаютъ наибольшаго своего развитія. Посѣщенное мною устье Большаго Анáура находится въ широкой долинѣ, поросшей густымъ лѣсомъ и окруженной высокими горами. Узкая каменистая розсыпь, сплоченная глиной, простираясь вдоль берега, такъ запираетъ Анáуръ при его устьи, что его воды затопляютъ всю правую низменность долины [1]).

Южный берегъ Охотскаго моря.

Сообщивъ прибавленія къ описанію Шантаръ Козьминымъ, мы переходимъ теперь къ тому, чѣмъ можно пополнить его топографію южнаго берега Охотскаго моря; потомъ посвятимъ нѣсколько страницъ Алданскому хребту, т. е. той части Становаго хребта, черезъ которую лежитъ сухопутная дорога изъ Якутска въ Удской и къ помянутымъ южнымъ берегамъ. Затѣмъ предметомъ нашего изслѣдованія будетъ наконецъ южная покатость Становаго хребта, изъ которой берутъ свое начало главнѣйшіе сѣверные притоки Амура: такъ какъ названіе «Пограничный Хребетъ» теперь уже потеряло свое значеніе, то мы будемъ называть эту часть его Кореннымъ-Становымъ хребтомъ, а южный отрогъ его на лѣвомъ берегу Буреи — Буреинскимъ. Обстоятельнѣе объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже и въ отдѣлѣ Орографіи.

Почти всѣ вышеупомянутыя (стр. 98 прим. 3) поѣздки на Шантары изъ Удскаго совершены были однимъ путемъ: отъ устья Уди къ востоку вдоль южнаго берега Охотскаго моря къ западному мысу Тугурскаго залива (Дугандя); потому что отсюда оставался самый короткій переѣздъ на Большой Шантаръ, и притомъ еще, въ случаѣ нужды, можно было сдѣлать привалъ къ Малому Эгэ. А съ Большаго Шантара легко было попасть на какой угодно островъ этой группы. Не смотря на эти соприкосновенія съ разсматриваемыми берегами материка въ продолженіе столѣтія, точное географическое по-

---

[1]) Отъ устья Якшины мысъ Анáуръ лежитъ къ SSO ($163\frac{3}{4}°$) верстахъ въ 12-ти; на этомъ пространствѣ впадаютъ въ море, на довольно равныхъ разстояніяхъ, три ручейка: первые два могутъ имѣть верстъ по 15 длины, третій половину того. Морской берегъ отъ устья Якшины до перваго ручейка идетъ невысокимъ глинистымъ обрывомъ: только здѣсь онъ становится каменистымъ. Большой Анауръ, образуемый сліяніемъ двухъ ручьевъ, впадаетъ въ выемку около пяти верстъ въ поперечникѣ при $1\frac{3}{4}$ версты углубленія. У Малаго Анаура гора отлого опускается къ морю; къ этой покатости прилегаетъ песчаный слой, чрезъ который проложилъ себѣ дорогу ручей. Отъ устья Малаго Анаура я пеленговалъ восточную оконечность южнаго конца острова Эгэ къ WtS, $104\frac{1}{4}°$; отъ устья Большаго Анáура оно къ WSW 112°; отъ устья Якшины къ SWtW, $131\frac{1}{2}°$.

знаніе ихъ начинается только съёмками Козьмина, который, вѣроятно, проникъ бы дальше въ Тугурскій заливъ и къ восточному его берегу, еслибы наша политика въ своихъ соприкосновеніяхъ съ Китаемъ не наблюдала въ то время чрезвычайной осторожности, такъ что Сѣверо-Американская Компанія, не смотря на страданія отъ гибельнаго Охотска, никакъ не могла получить разрѣшенія заложить гавань на южномъ берегу Охотскаго моря дальше устья Уди, хотя бы и нашлось тамъ удобное мѣсто, и не смотря на то, что и по картамъ и на дѣлѣ тотъ берегъ до Тугура безспорно принадлежалъ Россіи; Козьминъ получилъ даже приказаніе немедленно воротить назадъ всѣхъ посельщиковъ съ женами и дѣтьми, которые отданы были подъ его команду [1]).

Такимъ-то образомъ и досталось мнѣ первому пріобрѣсть обстоятельнѣйшія свѣдѣнія о Тугурскомъ заливѣ и о другомъ, еще большемъ, на востокѣ отъ него, который 16 лѣтъ тому я назвалъ Заливомъ Академіи [2]). Уже четырнадцать лѣтъ, какъ мои съёмки этого береговаго пространства перешли на карты: сперва Соколовъ внесъ ихъ въ весьма уменьшенномъ масштабѣ въ свою общую карту южной части Охотскаго моря; потомъ воспользовался ими Тебеньковъ въ изданномъ имъ атласѣ, уменьшивъ величину оригинала на половину [3]).

Впрочемъ если мнѣ удалось проникнуть на юговостокъ дальше моего предшественника, это отнюдь не значитъ, чтобы въ этотъ промежутокъ времени произошла какая-либо перемѣна въ нашихъ политическихъ отношеніяхъ къ Китаю: напротивъ, перемѣна произошла лишь позднѣе и преимущественно въ слѣдствіе того, что мое путешествіе доставило болѣе вѣрныя понятія о тамошнихъ и Амурскихъ странахъ, равно и объ ихъ жителяхъ [4]). Итакъ нашей Академіи принадлежитъ честь перваго повода къ тому преобразованію, которое въ наше время совершается въ Амурскомъ краѣ.

Не смотря на нынѣшнее живое движеніе на устьи Амура, заливъ Академіи со времени моего путешествія былъ посѣщенъ, сколько я знаю, только однажды, и то въ одной опредѣленной мѣстности, и притомъ, очевидно, въ-слѣдствіе того, что я на своей картѣ показалъ мѣстахъ въ двухъ удобныя пристанища. Въ 1847 году капитанъ-лейтенанту

---

[1]) Ср. Зап. Гидр. Деп. IV, 1846, стр. 22, 56.

[2]) Ср. Bullet. de la Classe Phys - math. de l' Acad. Imp. de St. Pétersbourg, Tom. IV, № 15, 16, и Baer und Helmersen, Beiträge z. Kenntn. d. Russ. Reiches, 1855, XI, 2, p. 616.

[3]) Ср. Соколова въ Зап. Гидр. Деп IV, 1846, стр. 78 «Карту восточной части Сибири и берега отъ Охотска до Китайской границы, къ описи поручика Козьмина», также Атласъ Тебенькова, указанный на стр. 109 прим. 2. Въ томъ же 1849 году моя съёмка перешла въ «Меркаторскую карту сѣверной половины Охотскаго моря, отъ губы Удской до устья рѣки Тигиль, сост. въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морскаго Министерства, 1849», а изъ этого источника — въ иностранныя карты.

[4]) Въ какомъ свѣтѣ являлось даже оффиціальному представителю Академіи сообщенное мною намѣреніе ѣхать за Тугуръ и потомъ въ теченіе мѣсяца возвратиться по области Амура, видно изъ письма, которое къ счастію дошло до меня слишкомъ поздо и гдѣ говорилось объ... «опасности попасть въ плѣнъ безъ надежды вырваться «изъ него скоро, потому что такое предпріятіе было бы «противно предписаніямъ». Согласно съ тѣмъ и въ своемъ годовомъ отчетѣ Непремѣнный Секретарь Академіи счелъ за нужное сдѣлать слѣдующую оговорку: «Nous ferons «observer que la route que M. Middendorff se propose de «prendre en quittant Oudskoï ne lui a été tracée dans ses «instructions, mais qu'il l'a choisie de son libre arbitre». (Compte Rendu de l'Acad. d. sc. de St.-Pétersb. pour l'année 1844, in 4, p. 65). При этомъ съ намѣреніемъ было умолчано, что я хотѣлъ ѣхать не только вдоль границы, а прямо за границу.

Поплонскому поручено было осмотрѣть южный берегъ Охотскаго моря съ цѣлію отыскать удобное мѣсто для гавани, и обратить особенное вниманіе на посѣщенные мною два залива: на Тугурскій и заливъ Академіи [1]). Онъ вошелъ въ бухту найденную мною на восточномъ берегу полуострова Сегнека́, пробылъ тамъ недѣлю, произвелъ надлежащій промѣръ глубины, и назвалъ ту бухту во имя Е. И. В. Генералъ-Адмирала «Константиновскою» Гаванью. Два острова вблизи материка, изъ которыхъ одинъ остался вовсе незамѣченнымъ мною по причинѣ далеко выдающагося полуострова Муктеля, капитанъ-лейтенантъ Поплонскій снялъ съ корабля и назвалъ ихъ — одинъ Меншиковымъ, другой Рейнеке.

Къ описанію Константиновской бухты, составленному кап.-лейт. Поплонскимъ, я немного могу прибавить изъ моего дневника, именно слѣдующее. Югозападной половинѣ Константиновской бухты и въ Тугурскомъ заливѣ соотвѣтствуетъ приблизительно полукруглая выемка, такъ что на этомъ мѣстѣ полуостровъ Сегнека́ соединяется съ материкомъ столь же узкимъ, какъ и низменнымъ перешейкомъ. Самое узкое мѣсто, не болѣе 300 саженъ ширины, служитъ волокомъ изъ Тугурскаго залива въ заливъ Академіи, къ устью ручья. Какъ Тунгусы, такъ и Гиляки, съ помощію собакъ, переволакиваютъ здѣсь свои лодки туда и обратно, и тѣмъ избавляютъ себя отъ опаснаго для нихъ объѣзда вокругъ полуострова. Что этимъ путемъ пользовались издавна, показывалъ намъ помостъ, которымъ выложенъ былъ волокъ; а теперь я могу достовѣрно доказать картами нашего собранія, что уже около половины прошлаго столѣтія этотъ волокъ знали и пользовались имъ [2]). Теперь вдоль волока наставлено множество козловъ въ родѣ тѣхъ, какіе ставятся

---

[1]) Записки Гидр. Деп. IV, 1848, стр. 92, съ планомъ Константиновской гавани. Довольно странно, что здѣсь сказано, будто я хотя и осмотрѣлъ Тугурскій заливъ и полуостровъ Сегнека́, но не снялъ ихъ. Между тѣмъ только два года передъ тѣмъ мои съёмки этихъ странъ были сообщены въ тѣхъ-же самыхъ «Запискахъ». (Ср. стр. 113, прим. 3). Еще черта въ пополненіе моего 3-го примѣчанія на стр. 107.

Надо полагать, что кап. Попло́нскій имена мысовъ при входѣ въ Константиновскую бухту взялъ не изъ устъ туземцевъ, а съ моей карты, и что такимъ образомъ, при неточности начертаній буквъ въ русской скорописи, у него изъ Бори́-Кича́нъ, какъ и стоитъ у Тебенькова съ моего оригинала (ср. стр. 109, прим. 2), вышло Бари-Каганъ.

[2]) Одна рукописная карта, представляющая область рѣкъ Алдана, Уди и Тугура и весь берегъ Охотскаго моря отъ Охоты до Тугура, хотя не имѣетъ ни года ни надписи, однако несомнѣнно принадлежитъ къ половинѣ прошлаго столѣтія, какъ показываетъ, кромѣ нѣкоторыхъ мелочей (напр. въ способѣ черченія), названіе Охотскаго моря Камчатскимъ. Примѣту этой карты составляетъ ярко-краснаго цвѣта кайма, которою обведены берега, а на оборотной сторонѣ подпись: «копировалъ ученикъ Василій Шишкаревъ»; она интересна для насъ тѣмъ, что на ней полуостровъ Сегнека вычерченъ уже очень рѣшительно, въ видѣ небольшаго черенка, и возлѣ него надпись: «Гилятская переволока». Кстати здѣсь припомнить, что на Академическомъ атласѣ 1745, равно и на листѣ: «Генеральная карта» и пр., также на картѣ: «Устье рѣки Амура» и пр., и даже на листѣ Кирилова: Imperii Russici Tabula generalis 1734, Тугурскій заливъ уже замѣтенъ, но нѣтъ никакого слѣда полуострова Сегнека, котораго имя является только въ семидесятыхъ годахъ. На картѣ графа Мантейфеля (ср. стр. 107, прим. 1) показаны не только этотъ полуостровъ, но даже и перешеекъ между Ульбанскою и Усальгинскою губами; но полуостровъ представленъ островомъ, вѣроятно, потому что видѣнъ былъ съ моря, да и въ заливѣ Академіи надписано: «рейда съ зеленовато песчанымъ дномъ», — явный знакъ того, что уже въ концѣ прошлаго столѣтія здѣсь становился на якорь Русскій корабль.

Гиляцкую переволоку («Schleppweg der Giläken») находимъ мы и у Штукенберга (Hydrographie des Russ. Reiches, 1844, II, p. 774), какъ кажется, по Витзену, если не по извѣстію въ Büching's Magazin (für d. neue Hist. u. Geogr. 1729, II, p. 507); и это послѣднее позволяетъ догадываться, что въ немъ собственно «Гилятская» переволока смѣшана съ волокомъ на Укакытѣ (см. ниже). Такъ какъ тамъ говорится, что изъ двухъ ручьевъ,

Гиляками для сушки и склада рыбы; а при началѣ его отъ Тугурскаго залива стоитъ Гиляцкій лѣтній шалашъ.

На сѣверѣ отъ этого волока, полуостровъ Сегнека́ не былъ нами посѣщенъ, хотя нѣкоторые его мысы мы занесли на бумагу. Но сказаннаго будетъ достаточно, чтобы оправдать мой отзывъ на вопросъ, предложенный мнѣ главнымъ управленіемъ восточной Сибири. Командиръ Охотской гавани, капитанъ Вонлярлярскій предложилъ перевести Охотскую гавань въ Константиновскую бухту и устроить оттуда въ Забайкальскій край дорогу для вьючной или даже для обыкновенной ѣзды: это предложеніе я назвалъ опрометчивымъ. Еслибы направленіе вѣтра не принудило г. Поплонскаго обойти Большой Шантаръ съ востока, то онъ попалъ бы въ другую указанную мной бухту, которая несравненно лучше Константиновской можетъ въ случаѣ нужды служить гаванью; но и она по уединенному положенію среди горъ и по причинѣ поздняго вскрытія точно также не представляетъ для Сибири удобной торговой гавани. Такою гаванью я считалъ и считаю глубокую выемку на западномъ берегу Тугурскаго залива и назвалъ ее Мамгинскою гаванью: она занесена, по моимъ указаніямъ, и на атласъ Тебенькова (ср. стр. 109, прим. 2). Хотя мы ночевали на оконечности мыса, защищающаго эту гавань съ востока, однако не могли всмотрѣться въ окрестности обстоятельнѣе; постоянный туманъ (бусъ) очень мѣшалъ намъ видѣть вдаль. При всемъ томъ я могу сообщить слѣдующій, хотя и недостаточный очеркъ и считаю его тѣмъ болѣе кстати, что я еще въ 1844 г., въ своемъ донесеніи Академіи, указалъ эту гавань, похвалилъ и объявилъ единственною на всемъ берегу отъ устья Уди до тогдашней Китайской границы [1]).

Изъ множества бухтъ по западному берегу Тугурскаго залива Мамгинская есть четвертая отъ мыса Восточнаго Дугандя́; она больше всѣхъ, но меньше вогнута. Съ обѣихъ сторонъ она ограждена двумя высокими и скалистыми мысами, далеко выдающимися въ море; изъ нихъ сѣверный продолжается на югъ гористою полосою и такимъ образомъ закрываетъ собою далеко вдающійся глухой конецъ Мамгинской бухты и тѣмъ образуетъ **гавань**, которая, будучи защищена горными высотами, открыта только южному вѣтру, да и съ этой стороны прикрыта не только вообще материкомъ, но сверхъ того еще южнымъ мысомъ Мамгинской бухты. Устье гавани, около 2 верстъ ширины, имѣетъ достаточную для большихъ судовъ глубину и песчаный грунтъ; входъ и вы-

---

между которыми находится этотъ волокъ, сѣверный на Китайскихъ картахъ называется Голе, то этотъ вопросъ еще можетъ быть когда нибудь рѣшенъ.

Волокъ въ томъ видѣ, какъ мы его нашли, начинается въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега Константиновской бухты у помянутаго въ текстѣ ручья и продолжается пятью колѣнами (длиною во 100, еще во 100, потомъ во 120, 180 и 400 шаговъ) въ SWtS направленіи къ Тугурскому заливу, котораго берегъ тянется здѣсь отъ SO къ NW (134°) и образуетъ губу, называнную мной Волоковою. Берегъ по всей излучинѣ губы состоитъ изъ глинистаго обрыва только въ полторы сажени вышины. На сѣверъ отъ волока перешеекъ безпорядочно поросъ кипарисными кустами, также елью и лиственницей; почва влажная низменность, едва замѣтно поднимающаяся къ Тугурскому заливу. Къ югу отъ волока перешеекъ безлѣсенъ и усѣянъ лужами; часть этой южной половины прилегающая къ Константиновскому заливу, саженъ въ 50 шириною, покрыта густою травою, какъ кажется, потому что по временамъ удобряется разливомъ.

[1]) См. Bullet. Phys.-mathém. T. IV, № 15, 16 и Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. IX, 2. 1855, p. 613.

ходъ удобны. По своимъ размѣрамъ гавань просторна, около $1/2$ географической мили въ длину и $1/3$ въ ширину. Во время отлива вода уходитъ отъ берега только на нѣкоторыхъ мѣстахъ; за то есть, какъ мнѣ казалось, такія мѣста, гдѣ суда могутъ подходить къ самому берегу. Въ бухту изливаютъ свою чистую воду два источника: словомъ, это была бы навѣрное одна изъ извѣстнѣйшихъ по своимъ удобствамъ гаваней, еслибы находилась въ населенной странѣ. При всемъ томъ, какъ бы мы ни вдумывались въ преобразованія, какія готовитъ этому краю даже отдаленная будущность, какъ бы вѣрно ни разсчитывали, что неудержимыя волны возрастающаго народонаселенія разольются и на эту пустыню, проложатъ дороги черезъ крутыя горы и поставятъ нашу гавань въ сообщеніе съ внутренними странами, при всемъ томъ мы можемъ предсказывать ей развѣ только посредственную будущность, потому что пловучій ледъ покидаетъ южный берегъ Охотскаго моря только въ серединѣ лѣта, какъ это обстоятельнѣе будетъ объяснено въ въ климатологическомъ отдѣлѣ нашего сочиненія. Все-же, эта гавань остается отличнымъ прибѣжищемъ, которое и отъ напора ледяныхъ массъ доставляетъ вѣрную защиту. Что я могу еще сказать объ ней подробнѣе, сообщаю въ примѣчаніяхъ [1]). Впрочемъ показанія Гиляковъ, какъ мнѣ казалось, не отнимали еще надежды отыскать хорошую гавань между заливомъ Академіи и устьемъ Амура: они говорили о глубокихъ округлыхъ, или замыкаемыхъ островомъ бухтахъ. Судя потому, сколько я видѣлъ полуостровъ Муктеля издали, можно догадываться о существованіи глубоко вдающихся бухтъ на восточномъ берегу.

Удовлетворивъ по возможности настоятельнѣйшей потребности — вопросу о гавани, возвращаюсь теперь къ устью Уди, чтобы, слѣдуя оттуда берегомъ къ востоку, до мыса Дугандя, сперва сообщить то, чѣмъ я могу дополнить описаніе и карту Козьмина, а потомъ передать, что я нахожу въ своихъ запискахъ о заливахъ Тугурскомъ и Академіи, которые никѣмъ еще не были описаны.

---

[1]) Согласно съ сообщеннымъ ниже (стр. 121, прим.) обзоромъ, сѣверный мысъ Мамгинской бухты я называю мысомъ № II, а южный отмѣчаю № III. Мысъ № II продолжается подъ водою рифомъ и замѣтенъ потому, что на концѣ рифа, можетъ быть въ $3/4$ версты отъ берега къ OSO (115°), поднимается изъ моря каменный столбъ болѣе 5 саженъ вышиною и кажется издали правильнымъ конусомъ, но вблили оказывается съ уступомъ на половинѣ вышины. У начала рифа съ высоты берега низвергается въ море ручей. Отъ мыса № II полуостровокъ принимаетъ направленіе къ SWtW ($130\frac{1}{2}$°) и простирается въ длину версты на 4. Отъ оконечности его берегъ на пространствѣ около полуверсты поворачиваетъ къ сѣверу въ гавань, потомъ около 3 верстъ къ NtO (15°) и затѣмъ, повернувъ къ западу, принимаетъ наконецъ южное направленіе. Въ своихъ очертаніяхъ гавань представляетъ двѣ главныя выемки, изъ которыхъ одна занимаетъ ея глубину, а другая — западную ея сторону. Въ эту послѣднюю впадаетъ Мамга́, въ меньшую—горный ручей. На югъ отъ рѣчки Мамги берегъ идетъ къ морю излучиной, опускаясь на воду крутыми скалами: это западная сторона входа въ гавань. Отсюда углубленіе Мамгинской губы продолжается въ StW направленіи обрывами меньшей высоты, подъ защитою которыхъ мы замѣтили съ нашей байдарки хорошія становища для лодокъ; но при отливѣ вода отступаетъ отъ берега съ версту и обнажаетъ на видимомъ краѣ водяной поверхности острія подводныхъ камней, занесенныхъ сюда, очевидно, льдомъ. Въ срединѣ этого углубленія Мамгинской губы вливается горная рѣчка Корель, съ которой опять начинаются скалы, опускающіяся въ море отвѣсно, такъ что во время прилива негдѣ пристать на лодкѣ, хотя при среднемъ уровнѣ воды показываются розсыпи, удобныя для пристанища. Трехъугольный мысъ № III на двухъ своихъ углахъ, сѣверномъ и восточномъ (между которыми берегъ идетъ къ SOtS $146\frac{1}{2}$°), усѣянъ вокругъ подводными скалами.

А чтобы избѣжать повтореній, выставимъ напередъ то, что можно вообще сказать о топографіи обозрѣваемаго мною южнаго берега Охотскаго моря.

Край материка, ограждающій Охотское море съ юга, состоитъ изъ крутыхъ горъ, которыя возвышаются надъ моремъ тысячь до двухъ футовъ. Нѣкоторыя изъ первостепенныхъ высотъ, особенно на обоихъ помянутыхъ заливахъ стоятъ очень близко къ морю, и тѣмъ круче бываетъ спускъ ихъ. Но и тамъ, гдѣ выдаются въ море не такія огромныя отдѣльныя или сплошныя высоты, онѣ почти всегда представляютъ отвѣсныя или нависшія стремнины въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, выступающія изъ береговой линіи въ видѣ многочисленныхъ мысовъ. Мало того: характеристическую черту разсматриваемыхъ береговъ, конечно, очень невыгодную для мореходства, составляетъ то, что эти мысы обыкновенно продолжаются по дну морскому безчисленными подводными камнями, иногда рифами версты въ двѣ длиною, которые то вовсе скрыты подъ уровнемъ воды, то выходятъ наружу только при отливѣ, то выглядываютъ изъ воды во всякое время. Нерѣдко дико-романтическій видъ украшается каменными столбами, которые по концамъ рифовъ, идущихъ отъ берега, высоко и смѣло поднимаютъ свои вершины надъ моремъ [1]), какъ естественные маяки, иногда прикрыты кое-гдѣ чахлыми деревьями и почти всегда увѣнчаны орлиными гнѣздами. Онѣ будутъ отлично служить примѣтами для мореходовъ.

Съ этимъ характеромъ подводныхъ камней и рифовъ, прилегающихъ съ моря къ крутымъ берегамъ, очевидно, должно поставить въ связь ту особенность, что хотя волны морскія во время прилива издалека несутся прямо на береговой обрывъ, и всякая лодка, брошенная вѣтромъ и приливомъ на такое мѣсто, должна погибнуть безъ спасенія, однако во время отлива даже подъ самыми крутыми обрывами берега обнажается уступъ изъ булыжника, которымъ берегъ окаймленъ на всемъ своемъ протяженіи почти безъ исключенія. Мѣста, на которыхъ самый большой отливъ не обнажалъ бы такой каймы у переднихъ скалъ мысовъ, почти также рѣдки, какъ и такія мѣста, гдѣ у мысовъ были бы уступы, которые хотя въ самой большой приливъ доставляли бы безопасность. Надобно строго остерегаться такихъ ловушекъ. Когда мы съ **Вагановымъ** захотѣли изъ Мамгинской губы обойти вокругъ мыса № III, то должны были искать защиты отъ свѣжаго

---

[1]) Изъ этихъ передовыхъ скалъ, разставленныхъ въ видѣ почетной стражи, упомянемъ тѣ, которые окружаютъ мысы при входѣ въ Тугурскій заливъ.

Первая пара ихъ стоитъ противъ скалистаго выступа середи губы **Нинты**. Одинъ изъ этихъ двухъ утесовъ похожъ на островъ, пріодѣтъ лѣсомъ и отдѣляется отъ материка узкимъ перешейкомъ; другой, восточный, возвышается въ видѣ башни, но при самомъ большомъ отливѣ дѣлается полуостровомъ.

Вторая скала у мыса Нинты показана у **Козьмина**, а за нимъ и у **Тебенькова**, островомъ: такъ она и кажется издали; но на близкомъ разстояніи оказывается, что она находится только въ переходѣ къ этому состоянію и покуда соединена еще съ мысомъ невысокой грядой скалъ. Этотъ полуостровокъ имѣетъ при подошвѣ саженъ 100 длины и на вершинѣ обросъ деревьями.

Третья скала стоитъ противъ I мыса западнаго берега Тугурскаго залива среди безчисленнаго множества камней; отъ нея идетъ въ море по направленію къ NtO цѣлый рядъ скалъ все меньше и меньше на протяженіи около $1\frac{1}{2}$ версты.

Четвертая — противъ II мыса и описана выше, въ примѣчаніи на 116 страницѣ.

Пятая — противъ IV мыса (ср. стр. 121 прим.) и т. д.

Въ предѣлахъ устья **Уди** я видѣлъ издали такую же скалу вплоть у мыса **Тыльскаго** и еще противъ **Алы** и **Медвѣжьяго Одѣяла**.

Кстати можно также упомянуть коническую скалу у юго-западной оконечности острова Эгэ, описанную на стр. 110 въ прим.

вѣтра, дувшаго къ берегу, у одного изъ такихъ уступовъ, лежавшаго выше другихъ. Но приливъ поднялъ воду выше обыкновеннаго и мы вскорѣ принуждены были вскарабкаться на выступъ, только въ нѣсколько футовъ ширины, у подошвы нависшаго надъ нами утеса и втаскивали на этотъ выступъ нашу орѣховую скорлупу, такъ что у насъ не осталось ни одного фута впереди. Надъ нами висѣла къ морю защищавшая насъ скала, а къ нашимъ ногамъ подступала вода все выше и выше; съ яростью подкатывались къ намъ волны, гонимыя съ открытаго моря и, обливая насъ буруномъ, злобно вырывали изъ нашихъ рукъ байдарку, которую мы едва могли удерживать. Еслибы приливъ продолжалъ прибывать только еще пять минутъ, волны неудержимо унесли бы насъ. Пусть это послужитъ урокомъ для тѣхъ, кто пойдетъ по моимъ слѣдамъ.

Гдѣ же, напротивъ, берегъ между двумя мысами вогнутъ въ материкъ, тамъ море захватываетъ края долинъ, лежащихъ между вѣтвями горъ, оканчивающихся мысами, и здѣсь, особенно въ глубинѣ этихъ бухтъ, никогда нѣтъ недостатка въ мѣстахъ для пристанища лодокъ на каменистыхъ или песчаныхъ уступахъ, которые имѣютъ большую или меньшую покатость, соединяясь съ подошвой или съ отлогостями хребтовъ, спускающихся въ долины. Переходныя мѣста отъ этихъ мелей къ долинамъ, очевидно, лишь изрѣдка и на короткое время понимаемыя водою во время самыхъ большихъ приливовъ, бывъ наполнены и обложены морскимъ иломъ, прикрылись плотною опушкой соляныхъ травъ. Ближе къ водѣ на пространствѣ, захватываемомъ обыкновенной высоты приливами, лежитъ размытый булыжникъ; еще дальше, подъ уровнемъ средней высоты моря, песокъ или глинистый морской илъ, смотря по обстоятельствамъ, прикрываютъ скалистое дно и во время отливовъ обнажаются, а вмѣстѣ съ ними выходятъ наружу, и всего болѣе у самаго крайняго предѣла убывающей воды во время отливовъ, большіе валуны, которые приноситъ съ собою и оставляетъ ледъ.

Чѣмъ больше и глубже бухта, чѣмъ больше примыкающая къ ея дну долина и чѣмъ больше также изливаемый ею горный потокъ, тѣмъ толще слой галекъ, песку или глины, который могли нанести на морское дно материковыя воды въ теченіе вѣковъ, тѣмъ мельче берегъ и потому морское дно обнажается во время отливовъ на цѣлыя версты: вязкій морской илъ мѣшаетъ здѣсь приставать къ берегу [1]). Гдѣ быстрота стремительнаго впаденія находится въ постоянной борьбѣ съ силой морскихъ волнъ, тамъ устья рѣкъ до того загромождаются гальками, что даже значительнѣйшія изъ устьевъ во время отливовъ хотя очень широки, но текутъ черезъ розсыпи совершенно мелкими струями и вода исчезаетъ, просачиваясь черезъ розсыпь въ море. По устью Уди даже въ челнокѣ я не могъ спуститься

---

[1]) Въ Удской губѣ, особенно въ сѣверной половинѣ ея, дно моря при отливѣ обнажается на 6, на 7 верстъ; точно также въ корнѣ Усальгинской губы. Къ юго-востоку это обнаженіе дна въ Удской губѣ совершенно прекращается у мыса Тыльскаго, гдѣ береговыя скалы окаймлены наносомъ голышей только въ 12 саженъ ширины. Тугурская губа въ своемъ углубленіи при отливѣ убываетъ до перечной линіи дугою отъ мыса Асмака къ мысу Амыякану. На 3, на 4 версты вода уходитъ въ глубинѣ Тугурскаго залива и въ Константиновскомъ; версты на двѣ въ губахъ Торóмской и Уяконской. И Якшина губа у Большаго Шантара является при отливѣ съ закраиной, и боковая губа Лебежья на южномъ берегу Феклистова острова названа Сухою отъ того, что вода при отливѣ почти совсѣмъ уходитъ изъ нея.

въ море. Но черезъ нѣсколько часовъ послѣ того на тѣхъ-же мѣстахъ отъ прилива сдѣлалось 15′ глубины. Такимъ образомъ встрѣчая у путешественниковъ показанія глубины въ 12, 13 и 15 футовъ на устьяхъ рѣкъ въ тѣхъ краяхъ, можно смѣло заключить, что дѣйствительная глубина при устьяхъ, не исключая и многоводныхъ рѣкъ, простирается отъ 0 до какихъ нибудь двухъ футовъ. Въ отдѣлѣ «Орографіи и Геогнозіи» мы будемъ имѣть случай войти въ подробности о совершенномъ преграждeніи рѣчныхъ устьевъ въ Охотскомъ морѣ. Горныхъ рѣчекъ въ дождливомъ краю по этому берегу безчисленное множетво, и во многихъ мѣстахъ мелкіе ручьи очень живописно падаютъ съ высокихъ береговыхъ скалъ въ море.

Берегъ отъ устья Уди на 150 верстъ простирается прямо на востокъ до мыса Дугандя, самаго крайняго на западномъ берегу Тугурскаго залива, отъ оконечности его берегъ вдругъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ къ югу и также строго выдерживаетъ это направленіе верстъ на сто, а потомъ въ предѣлахъ Тугурскаго залива поворачиваетъ къ западу.

На первомъ пространствѣ, отъ рѣки Уди до мыса Дугандя, мало имѣетъ бухтъ, хотя здѣсь много впадаетъ въ море разной величины горныхъ рѣчекъ, и нерѣдко выдаются въ море довольно высокіе мысы [1]).

---

[1]) Изъ подробностей касательно разсматриваемаго пространства я могу прибавить къ показаніямъ Козьмина слѣдующія свѣдѣнія. Отъ мыса Чумикана, ограничивающаго устье Уди съ права, виднѣется въ дали къ Охотску, т. е. въ сѣверо-восточномъ направленіи, утесистый мысъ, называемый Тунгусами Магджалинда. По ту сторону его, сказывали, впадаетъ въ море рѣка Нéмуй: о положеніи ея не удалось доспроситься, но Тунгусы представляли ее очень значительною и даже сравнивали съ Удью, что̀ конечно было преувеличенно. Между рѣчкой Кырáномъ и мысомъ Антыканомъ, который своей лѣсистой вершиной виднѣлся къ NtW на $15^1/_2°$, указывали намъ рѣчку Салгáнъ верстахъ въ $3^1/_2$ за мысомъ. Рѣку Арбатъ, какъ кажется, разумѣли подъ именемъ: Барбáсъ. По сю сторону его называли еще рѣчку — Алкаќанъ и устье ея указывали на NWtW, 56°, а между ею и предъидущею, верстахъ въ 4 отъ устья Алкакáна,— кругловатое озеро Саяргá, имѣющее версты 4 въ поперечникѣ, на NWtW отъ Чумикáна.

Къ востоку отъ Чумикана, верстахъ въ пяти отъ него и верстахъ въ двухъ отъ морскаго берега встрѣтили мы небольшое озеро Бюкуя среди равнины, нѣсколько возвышенной. Между нимъ и моремъ разстилается луговая равнина; называемая Басынъ Сырраджёкъ. Верстахъ въ двухъ другъ отъ друга текутъ ручьи Галавачинъ и Шóнка. Первый вытекаетъ изъ восточнаго склона того же хребта, изъ котораго послѣдній течетъ съ SSW. Устье Тылакачана находится на растояніи около $^5/_4$ версты отъ устья Тылы. Между мысомъ Тыльскимъ и ручьемъ Омолекóномъ (у Козьмина Умуликанъ), только въ $^3/_4$ версты отъ послѣдняго, впадаетъ въ море другой ручей—Джагдондякóнъ. Истоки этихъ двухъ ручьевъ сходятся съ истоками Тылакачана.

Торóмъ при устьи имѣетъ саженъ 60 ширины. Онъ и рѣка Ала текутъ по лѣсистой долинѣ, которая начинается на западѣ съ Омолекóна; только на пространствѣ отъ 50 до 100 саженъ берегой уступъ, усыпанный голышами, на самомъ взморьи не имѣетъ лѣса. Подобно Козьмину и мы нашли, что уступъ изъ булыжника, шириною лишь саженъ во 100, скрываетъ въ себѣ большія кучи пловучаго лѣса, который повсюду высовывается концами. За каймою изъ булыжника, во внутреннемъ пространствѣ берега луговая равнина, шириною саженъ въ 150, изрѣзанная параллельными рядами лужъ и прудковъ, показываетъ, что прежде здѣсь было мѣсто встрѣчи рѣчной и морской воды. Верстъ 10 выше устья въ Алу впадаетъ съ права Укикáнъ; а верстъ 15 дальше вверхъ она, какъ сказывали, беретъ свое начало отъ притока, идущаго съ востока, и отъ другаго, идущаго съ StW. Мнѣ называли еще рѣчки Сёэлу и Экатинъ, впадающія въ Алу на ея верховьяхъ, первая съ права, вторая съ лѣва. Между мысомъ Алы и Медвѣжьимъ Одѣяломъ впадаетъ въ море незначительный ручей, Дюнкуръ, при устьи котораго есть становища для лодокъ, но они конечно понимаются осеннею прибылью воды.

Отъ мыса: Медвѣжье Одѣяло къ востоку мой чертежъ значительно разнится отъ чертежа Козьмина, какъ можно видѣть на листѣ XVII прилагаемаго атласа и какъ объяснится изъ нижеслѣдующаго описаній.

Вокругъ мыса Медвѣжье Одѣяло идетъ покатый уступъ изъ булыжника, шириною саженъ въ 15, кажется совершенно затопляемый сильными приливами. Отъ этого мыса къ востоку начинается губа Джукджангдранъ, имѣющая версты $4^1/_2$ въ поперечникѣ и версты $1^1/_2$ углубленія. Въ нее впадаетъ рѣчка того-же имени. Булыжникъ здѣсь мельче, чѣмъ у Алы. На мысѣ Джукд-

Второе пространство, до меня вовсе неизвѣстное, начинается мысами Дуганд**я**, которые выдаются въ море прямо на сѣверъ: двѣ оконечности ихъ надобно считать двумя краями западнаго входа въ Тугурскій заливъ. За тѣмъ западный берегъ Тугурскаго залива несравненно рѣшительнѣе вышеупомянутаго перваго пространства образуетъ своими изгибами бухты и, какъ мы видѣли (стр. 115), въ одномъ мѣстѣ представляетъ даже настоящую гавань. Впереди мысовъ, опускающихся въ море отвѣсными скалами, много подводныхъ камней и скалъ въ видѣ сторожевыхъ башенъ. Высокіе отроги горъ такъ близко подходятъ къ морю, что изъ нихъ много вытекаетъ ручьевъ, и всѣ они незначительны. Изъ этихъ ручьевъ Корель, на сѣверной половинѣ западнаго берега, кажется, всѣхъ больше; Чукинингда и Мамга, какъ говорятъ, значительно меньше. Въ южной половинѣ съ Уякона начинается рядъ горныхъ рѣкъ нѣсколько больше, и устья ихъ, при отливѣ остаются, какъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ, перегороженными мелкимъ булыжникомъ.

Отъ мыса Малая Ларгангда къ югу въ глубину Тугурскаго залива западный берегъ его при отливѣ на много верстъ обнажается, такъ что наша байдарка на разстояніи вѣрныхъ 4 верстъ отъ берега плыла по отмели только въ $1\frac{1}{2}$ фута глубины. Все это пространство усѣяно большими валунами и подводными рифами, по причинѣ которыхъ здѣсь большею частію опасно или даже невозможно приставать. Отъ Малой Ларгангды берегъ видимо понижается все болѣе и болѣе, чѣмъ дальше подвигаешься въ глубину залива, хотя кое-гдѣ на мысахъ все еще торчатъ скалы въ видѣ отроговъ высокихъ горъ, которыя тянутся вдоль берега въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Устье рѣчки Мальмакитъ замѣчательно тѣмъ, что на немъ мы нашли три Гиляцкихъ анбара, которые поражаютъ

жангдранѣ растетъ лѣсъ и онъ пониже Медвѣжьяго Одѣяла, такъ какъ обрывъ его совпадаетъ съ сѣверною покатостью, которая начинается отъ самой вершины, тогда какъ Медвѣжье Одѣяло круто опускается въ море съ полной высоты горнаго хребта. При отливѣ обнажается вокругъ не только самый мысъ, но и множество острыхъ скалъ въ углубленіи бухты, изъ которыхъ одна высовывалась даже въ 50 саженяхъ отъ берега. При среднемъ уровнѣ воды и въ бурную погоду даже большимъ лодкамъ приставать опасно.

Дальше къ востоку слѣдуетъ губа Бырранджа № I, верстъ въ 6 въ поперечникѣ; въ нее впадаетъ рѣчка того-же имени, у которой опять начинаются отвѣсныя скалы до 150′ вышиною и выдаются въ море подъ имеименемъ Бырранджа № II. Затѣмъ слѣдуетъ губа Бырранджа № II, которая еще дальше первой врѣзывается въ берегъ и въ своемъ углубленіи замыкается лѣсистою покатостью. Малый Уякóнъ называется у Тунгусовъ Уякичáнъ или Уйкочóнъ, съ однимъ и тѣмъ-же значеніемъ; длину его полагаютъ на одинъ день оленной ѣзды и меньше Бырранджи.

Узкій и длинный мысъ Западный Дуганд**я** кругомъ поднимается крутыми обрывами въ нѣсколько сотъ футовъ къ лѣсистымъ склонамъ. Берегъ Лебяжьей губы (по-Тунгусски: Аммыдженджá) состоитъ изъ широкой полосы булыжника, особенно на западѣ. Саженъ до 20 отъ берега среди травянистой и даже болотистой низменности лежатъ параллельно берегу два озера, изъ которыхъ дальнѣйшее имѣетъ версты $1\frac{1}{2}$ длины при $\frac{3}{5}$ версты ширины. Ближайшее маленькое. Истокъ изъ этихъ озеръ въ полуверстѣ, къ востоку отъ нихъ, сливается съ рѣчкой, которая до своего впаденія въ море саженъ двѣсти течетъ параллельно берегу, отдѣляясь отъ моря полосой булыжника. Восточный берегъ Лебяжьей губы утесистъ и усѣянъ подводными камнями. Въ западной половинѣ углубленія губы морское дно при отливѣ обнажается саженъ на 50.

Козьминъ назвалъ западный мысъ Дуганд**я** «Большимъ», а Тебеньковъ по моей рукописной картѣ, составленной со словъ Тунгусовъ, совершенно наоборотъ, восточный мысъ пустилъ въ ходъ подъ именемъ «Большаго», а тотъ — подъ именемъ «Малаго»: послѣ этого мнѣ кажется, всего лучше бросить эти два названія и различать только «Западный» и «Восточный», какъ у меня здѣсь принято. На Восточномъ Дуганд**я** въ серединѣ его впадаетъ въ море ручей — единственное мѣсто, гдѣ могутъ съ нуждой приставать лодки.

путешественника сходствомъ своей постройки съ русскими избами: это самые крайніе предѣлы распространенія этого народа на западъ [1]).

Соперникъ Уди, рѣка Тугуръ течетъ въ свою губу однимъ стремительнымъ устьемъ, минуя на своемъ исходѣ стоящую съ права утесистую высоту Лумука́нъ, у подошвы которой съ юга, на низменности, въ-правѣ отъ устья рѣчки Кутинъ, шириною отъ 20 до 30 саженъ, мы нашли 7 Гиляцкихъ избушекъ и 3 Тунгусскихъ берестяныхъ шалаша — единственныя жилыя мѣста, встрѣченныя нами съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили устье Уди. Хотя Тугуръ съ полверсты выше устья имѣетъ около версты ширины, однако мели здѣсь раздробляютъ его и вода на этихъ розсыпяхъ Тугура, какъ и у другихъ рѣкъ этого берега, во время отлива такъ убываетъ, что даже на челнокѣ мы съ трудомъ могли переѣхать черезъ рѣку, потому что среди наибольшей глубины его

---

1) Близь Восточнаго Дугандя простирается мысъ Ни́нта (что̀ на Тунгусскомъ значитъ корень): о его крайней оконечности было сказано выше (стр. 117 прим.). Между ними лежитъ губа Нинта (по-Тунгусски Нинта-Аги́), которая вдается въ берегъ глубокою выемкой съ небольшимъ песчанымъ мѣстомъ для пристани во время приливовъ. Сильные отливы обнажаютъ сто саженъ песчанаго морскаго дна, по которому кое-гдѣ раскиданы огромные валуны. Въ это углубленіе впадаетъ незначительный ручеекъ, точно также какъ въ каждую изъ трехъ выемокъ губы Нинты.

Къ губѣ Нинтѣ примыкаетъ съ юга продолговатая губа Джукини́нгда; съ юга она ограничивается мысомъ № I: 4 мыса, слѣдующіе за мысомъ Нинтой, у насъ отличены цифрами. Эта губа представляетъ въ себѣ четыре выемки, и въ каждую впадаетъ ручей; самый значительный изъ нихъ — Джукинингда, впадающій въ наибольшую выемку. Въ глубинѣ этой выемки видно было много становищъ и даже открытаго песку, а два выступа, составляющіе границы третьей выемки, усѣяны подводными камнями. Точно также мелкая губа между мысами № I и № II большею частію обставлена стѣнами скалъ, противъ которыхъ много камней и утесовъ выглядываетъ изъ воды. Восточную оконечность западнаго конца Эгэ мы пеленговали отъ мыса № I на NOtO, 57°, отъ мыса № II на NO, $43^1/_2$°; отъ мыса № III на NOtN, 35°.

Слѣдующую за тѣмъ Мамгинскую губу съ гаванью мы описали выше (стр. 115). За нею къ югу слѣдуетъ Кумгайская губа, съ рѣчкой того-же имени. Отъ мыса Кумгая я пеленговалъ мысъ Нинту на NtO, $13^1/_4$°; выдающійся полуостровъ его $14^1/_2$°, восточную оконечность южнаго конца острова Эгэ на NOtN, $29^3/_4$°. За Кумгайскою губой слѣдуетъ губа Уяко́нъ, въ которой мы пробыли нѣсколько дольше. Въ глубинѣ этой губы, на сѣверномъ берегу, впадаетъ въ нее по розсыпи горная рѣка Уяконъ. Будучи значительнѣе другихъ здѣшнихъ водъ и отличаясь именно быстротою теченія, эта рѣка была причиной того, что въ 1829 году передовщикъ Сѣверо-Американской Компаніи Серебрениковъ выбралъ для зимовья съ своими рабочими лѣсистую равнину, прилегающую къ Уякону съ-лѣва и не понимаемую самымъ большимъ морскимъ приливомъ. Главная изъ этихъ построекъ была сожжена Тунгусами; остался только маленькій и развалившійся анбаръ, въ которомъ мы съ большимъ трудомъ могли укрыться отъ непрерывнаго проливнаго дождя. Вблизи течетъ въ рѣку съ сѣвера родникъ, который снабдилъ насъ водой для питья. Въ глубинѣ своей губа Уяконъ имѣетъ границей обрывъ глинистаго горизонтальнаго пласта, примыкающаго къ наклонной долинѣ, которая тянется отъ горъ. Но выдающіяся стороны губы замкнуты неприступными стѣнами скалъ. Къ южнымъ изъ этихъ скалъ низвергается въ море горный ручеекъ черезъ большіе камни и наносный лѣсъ по горному ущелью скалъ длиною версты въ двѣ, въ главномъ направленіи къ NtO, $7^1/_2$°. Слѣдуя по его продолженію вверхъ, приходишь къ высокой горной вершинѣ, которая, стоя на самомъ взморьи, круто спускается къ мысу Большая Ларгангда. Съ этой вершины мы прекрасно обозрѣлись вокругъ, взявъ съ полсотни пеленговъ.

Къ югу отъ мыса Чёпы находится утесистый и покрытый лѣсомъ полуостровъ, который, сколько я могъ разсмотрѣть въ сумеркахъ, во время приливовъ дѣлается островомъ. Здѣсь повсюду выглядываютъ изъ воды рифы, такъ что по причинѣ ихъ нельзя приставать ни въ Большой, ни въ Малой губѣ Чёпы. На пространствѣ къ Малой губѣ Чёпы отъ мыса Малой Ларгангды опять встрѣчаешь скалу въ видѣ башни (кекуръ). Другая и третья такія-же стоятъ по обѣ стороны версты на $1^1/_2$ отъ устья рѣчки Эрень-Юрэхъ (Ürăch); изъ нихъ сѣверная во время отлива остается на сушѣ. Эрень-Юрахъ, говорятъ, течетъ 25 верстъ съ NW: скалы на правомъ его устьи называются у Якутовъ Эрень-Сиръ. Рѣчку Малмасинъ полагаютъ верстъ въ 50 длины; во время приливовъ она такъ глубока, что на ней не отыщешь брода. Какъ у крутизны Сырраджёкъ, такъ и у мыса Амыйка́на стоятъ кекуры.

русла вездѣ выдаются каменистыя косы и мелкія мѣста. Но вверху на Тугурѣ виднѣются острова, не потопляемые приливомъ и отчасти покрытые лѣсомъ; тамъ оба рукава Тугура имѣютъ саженъ по 100 ширины, но глубоки, и рѣка течетъ середи болотистой низменности, покрытой такимъ множествомъ прудовъ, что вся поверхность воды, при бѣгломъ взглядѣ, кажется однимъ водоемомъ съ разнообразными перегородками. Эта низменность, простирающаяся, вѣроятно, верстъ на 100 къ юго-востоку, тамъ гдѣ входятъ въ нее Кути́нъ и Эльгека́нъ [1]), подходитъ близко къ морю, а вверхъ по Тугуру близко къ Бурукану. По большой части она состоитъ изъ моховыхъ болотъ, рѣже изъ простыхъ болотъ, и усѣяна множествомъ мелкихъ озеръ и почти такимъ-же множествомъ и такой-же величины бугорковъ, которые выглядываютъ изъ воды въ видѣ островковъ.

Отъ устья Тугура восточный берегъ залива становится ниже, чѣмъ западный. Упомянемъ одинъ кекуръ, саженъ въ 6 вышиною, въ незначительной бухтѣ Уямбинъ версты на $1\frac{1}{2}$ отъ берега: отъ многихъ другихъ, показанныхъ въ примѣчаніяхъ, она отличается тѣмъ, что въ ней есть сквозной ходъ. Отсюда до перешейка Сегнека́, о которомъ подробно было говорено на стр. 114, мы видѣли берегъ только издали, равно и берегъ къ сѣверу отъ этого перешейка мы сняли съ противоположнаго ему западнаго берега Тугурскаго залива [2]).

Возвратившись на устье Тугура, мы оставили нашу байдарку и воспользовались оленями собравшихся тамъ Тунгусовъ, чтобы поѣздкой къ высокой горѣ Укуронду́ [3]) черезъ перешеекъ полуострова Сегнека посѣтить Ульбанскую бухту залива Академіи. Мы ѣхали вверхъ по рѣчкѣ Кутинъ и кромѣ двухъ другихъ вершинъ горы Укурунду мы всходили на высочайшую вершину этого хребта, откуда намъ открылся видъ на все пространство моря по обѣ стороны полуострова и даже на Шантары. Мы отлично осмотрѣлись во всѣ стороны [4]).

---

1) Болотная низменность тянется вдоль главнаго русла Кутина вверхъ, вплоть до горнаго хребта. Близь устья Кутинъ течетъ въ глинисто-тинныхъ берегахъ.

2) Въ бухточкѣ Асма́къ ближайшая къ мысу Лумукану выемка окаймлена уступомъ изъ булыжника и лѣсистою низменностью; другая выемка имѣетъ скалистые берега, которые тѣмъ выше, чѣмъ ближе къ мысу Асмакъ. Отъ него до мыса Вост. Ларгангды по выгибамъ береговъ уступы представляютъ много удобныхъ мѣстъ для пристани. Изъ мыса Ваганова выдается скалистый полуостровокъ, который посредствомъ наносной косы соединяется съ материкомъ; наносъ этотъ образовался посредствомъ остановившагося пловучаго лѣса, засыпаннаго голышами. Противъ Вост. Ларгангды далеко тянется въ морѣ рифъ.

Бухта Волокъ заканчиваетъ низменную часть восточныхъ береговъ Тугурскаго залива, которые къ сѣверу, какъ кажется, круты и утесисты. До этой губы восточная сторона углубленія Тугурскаго залива обнажается во время отливовъ версты на двѣ. У южной половины Волока, на маленькой рѣчкѣ стоятъ два Гиляцкихъ зимняка.

3) Выговоръ колеблется между Укурунду и Укуруниру, и у нѣкоторыхъ даже ближе къ послѣднему чтенію.

4) Съ этой высоты мы взяли около сотни пеленговъ. Помѣщать ихъ здѣсь нѣтъ надобности, потому что они употреблены при занесеніи разсматриваемыхъ мѣстъ на карту.

Рѣчка Ингака́нъ, долиною которой, густо обросшей лѣсомъ, мы спустились къ морю, близь устья имѣетъ съ обѣихъ сторонъ луговины саженъ въ 30 шириной, и подобно многимъ другимъ рѣкамъ течетъ саженъ 100 до своего впаденія параллельно морскому берегу. Рѣчка Бе́ти меньше Ингака́на; отъ ея устья тянется на югъ около версты каменистая розсыпь, къ мысу того-же имени. Противъ мыса Укурунду́ виднѣется издали кекуръ.

Отъ рѣчки Ингакана къ югу тянется сперва версты на $2\frac{1}{2}$ вдоль моря безлѣсная, но сухая низменность, и скоро переходитъ въ травяное болото, изрѣзанное прудками и водяными рукавами.

Углубленіе Ульбанской бухты, какъ и Тугурскаго залива, окружено болотистой низменностью, которая испещрена безчисленнымъ множествомъ то круглыхъ, то продолговатыхъ, то извивающихся водоемовъ; она представляетъ травяное, а не моховое болото по преимуществу, какъ Тугурская низменность. Рѣка Сыра́нь и даже впадающій въ нее ручей Джавра́къ, въ нѣсколько саженъ шириною, вдругъ представляютъ совсѣмъ иной видъ, чѣмъ всѣ другія рѣки, впадающія въ Охотское море. Вмѣсто мелководныхъ горныхъ потоковъ, которые катили свои прозрачныя струи по мелкому камню, унося его съ собою, въ Сыранѣ мы увидѣли подобіе Темзы въ маломъ размѣрѣ. Если вѣрны показанія туземцевъ о мѣстѣ его истока, то онъ имѣетъ не болѣе 40 верстъ длины; при всемъ томъ онъ проложилъ себѣ русло отъ 20 до 25 мах. саженъ ширины и проложилъ себѣ въ глинѣ крутые берега. И у самыхъ береговъ онъ тотчасъ глубокъ, какъ въ серединѣ, и избалованному взгляду онъ кажется еще тѣмъ глубже, что нигдѣ не видишь дна. Его мутная глинистая вода, негодная для питья, движется съ усиливающеюся, хотя и спокойною быстротою, при отливѣ—внизъ, а во время прилива нѣсколько медленнѣе, противъ теченія. На протяженіи пяти, даже десяти верстъ вверхъ, свойство рѣки, по словамъ Гиляковъ, неизмѣнно одинаково. На каждомъ, даже малѣйшемъ изъ его притоковъ мы видѣли повтореніе того, что происходило въ Сыранѣ. Лѣсъ не достигалъ до морскаго берега только на $3^1/_2$, на 5 верстъ, продолжаясь на этомъ пространствѣ по болотистой низменности чахлыми деревьями. Рѣчка Эльге́ ближе къ своему истоку отдѣляется отъ области Сырана, какъ кажется, едва замѣтнымъ возвышеніемъ, но внизъ по теченію она параллельно Сырану проложила себѣ русло по той-же самой равнинѣ и на одинаковой съ нимъ высотѣ. Эльге, да еще и Ульбань совершенно одинаковыхъ качествъ съ Сыраномъ; только берега ихъ гуще поросли лѣсомъ. Недалеко отъ устья Ульбани есть небольшое селеніе Гиляковъ, которые выбрали здѣсь для жилья первыя сухія покатости. Дальше къ востоку вдоль залива за равниной начинается опять кряжъ горъ, называемый Токореу́, и длиннымъ и узкимъ языкомъ выдается между двумя глубокими бухтами, на которыя дѣлится заливъ Академіи. Съ этимъ кряжомъ опять начинаются скалистыя крутизны, о которыя разбиваются во время приливовъ морскія волны, опять рифы и подводные камни [1]). Мы всходили на самыя высокія вершины, на востокѣ отъ мыса Гилякъ, у которыхъ получаетъ свои сѣверные истоки рѣка Обка́нь. Отъ этого самаго крайняго пункта, до какого мое путешествіе простиралось къ востоку, мы возвратились на устье Тугура.

---

[1]) Небольшія возвышенности Ка́тынки постепенно спускаются къ морю. Онѣ покрыты лѣсомъ до примыкающаго къ нимъ узкаго уступа изъ булыжника. Въ трехъ верстахъ отъ устья Ульбани на косогорѣ стоятъ Гиляцкія двѣ зимнія и одна лѣтняя избы; за $1^1/_4$ версты къ востоку стоитъ еще лѣтняя изба на небольшой сухой равнинѣ, при истокѣ ручейка, вытекающаго изъ Катынки. Дальше къ востоку идетъ лѣсная покатость до самаго моря. Незначительныя возвышенности Ка́лымки, отъ коихъ начинается эта покатость, стоятъ въ двухъ-трехъ верстахъ отъ берега и здѣсь оканчиваются обрывомъ. Между возвышенностями Ку́махи и склономъ хребта Токореу́ къ югозападу лежитъ опять низменность, верстъ въ 12 шириною, покрытая множествомъ озеръ и разрѣзанная вдоль по серединѣ рѣкою Итканью. Она казалась намъ не такъ болотистой, какъ низменность Сырана и Ульбани, и сильно заросла мхомъ.

Изъ-за мыса Гилякъ поднимается вершина, отдѣленная отъ другихъ глубокими долинами: мы всходили на нее; потомъ на другую, которая стоитъ гораздо дальше

Якутскъ и Алданскій хребетъ.

Дальнѣйшій ходъ моего путешествія, вверхъ по Тугуру внутрь края, я откладываю до слѣдующей главы, чтобы обозрѣть сперва ближайшія окрестности и острова Охотскаго моря, какъ раму, которую должнò потомъ наполнить обозрѣніе материка. Потому, сообразно съ нашимъ предположеніемъ (стр. 112), перенесемся опять на исходный пунктъ путешествія — въ Якутскъ и прослѣдимъ отсюда пройденный мною путь между отроговъ Становаго хребта въ юго-восточномъ направленіи и черезъ гребень этого хребта къ пресловутому, но теперь столь ничтожному Удскому Острогу. И здѣсь мой единственный образованный предшественникъ, Козьминъ, избавляетъ меня отъ труда издавать все, что нахожу я въ географическихъ замѣткахъ моего дневника. Сверхъ того, изображеніе моего пути, переданное во всей подробности на X—XII листахъ прилагаемаго атласа, своею наглядностью съ выгодой замѣнитъ иное многословное описаніе [2]). Впро-

---

къ востоку. Мысъ Муктеля, какъ видно было издали, составляетъ гористый полуостровъ, соединяющійся съ материкомъ посредствомъ очень низменнаго кряжа. Чрезъ этотъ кряжъ, намъ казалось, видны были другія высоты.

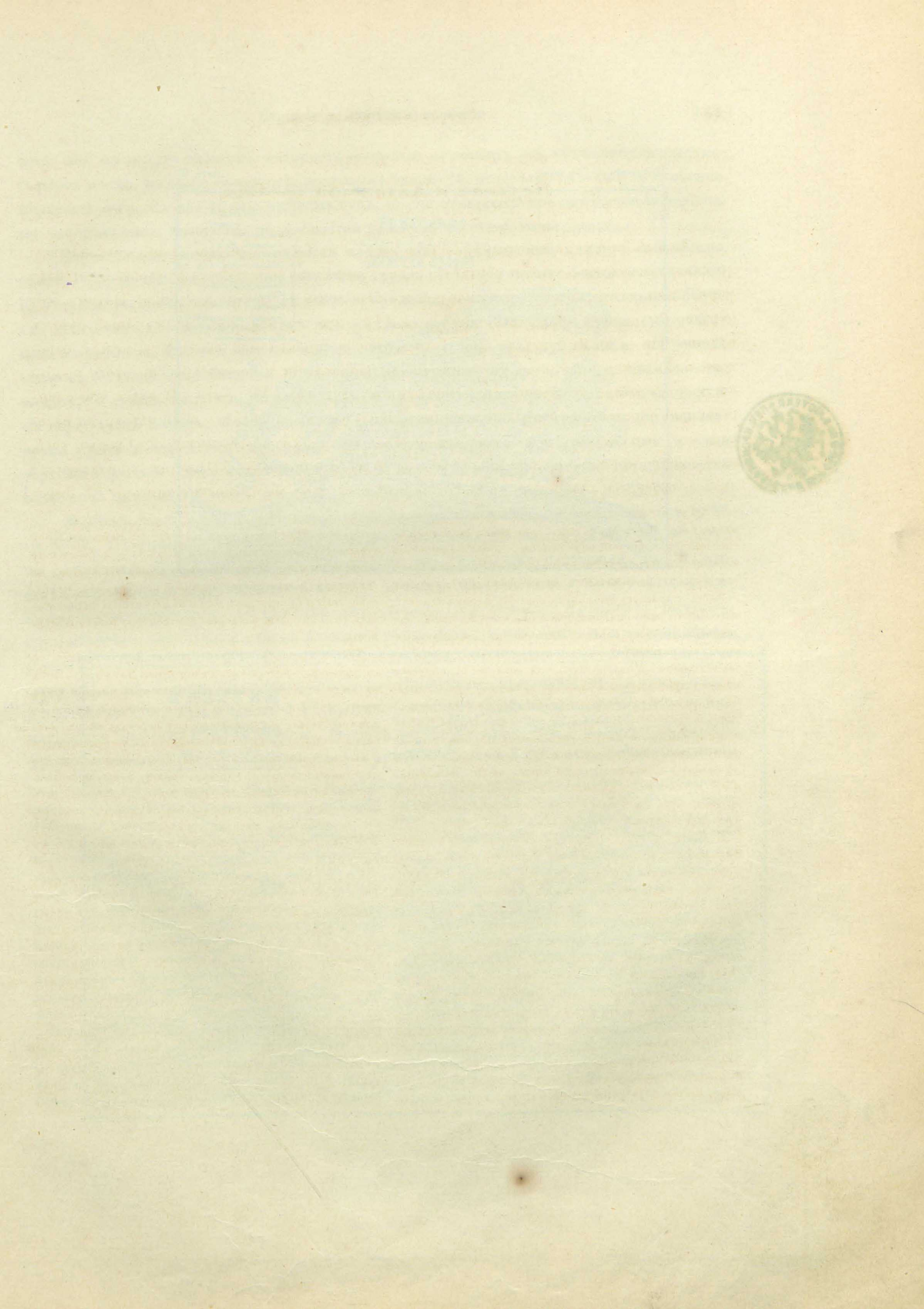
Здѣсь я долженъ упомянуть еще объ одномъ островѣ, который мы ясно видѣли и пеленговали съ вершины, выдающейся къ мысу Гиляку. Островъ этотъ издали представлялся величиною съ Эгэ и въ очертаніи своемъ казался горою съ плоскою вершиной, которая поднимается не на срединѣ острова, а ближе къ западному краю. Западный край мы пеленговали на NtO 12°; вершина $12^1/_2$°; восточный край $13^1/_4$. Не была ли это часть острова Бѣличьяго, или какой-нибудь сосѣдъ его? Нѣкоторое время мы думали соединить эти пеленги съ пеленгомъ, взятымъ съ волока у Константиновской бухты на OtN между 82° и 83° и указывавшимъ повидимому на такой-же островъ; но тамъ могъ показаться намъ островомъ мысъ Вагановъ восточнаго берега Усальгинской губы.

Не очень далеко отъ мыса, названнаго мною именемъ Ваганова, у восточнаго берега Усальгинской губы долженъ быть широкій уступъ, который указывали намъ Тунгусы подъ именемъ Поктакъ на разстояніи трехъ дней Тунгусской ѣзды отъ устья Усальгина. Отъ этого мѣста до мыса Муктеля Тунгусы считали еще три дня пути.

[2]) Козьминъ астрономически опредѣлилъ 9 мѣстъ между Якутскомъ и Удскимъ (ср. Зап. Гидр. Деп. 1844, IV, списокъ къ стр. 78). Это доставило твердыя точки для нашего маршрута, который былъ нами записанъ по пель-компасу и по часамъ съ величайшею добросовѣстностью, послѣ неоднократныхъ испытаній скорости бѣга нашихъ лошадей: нерѣдко на пути, прежде того или другаго переѣзда, мы для повѣрки отмѣривали цѣпью нѣсколько верстъ, и дѣлали это какъ послѣ ночнаго отдыха, такъ и послѣ привала днемъ, когда лошади были утомлены. При всемъ томъ вычетъ для горизонтальной и вертикальной кривизны пути надобно было дѣлать по личному чувству, и потому наши маршруты нерѣдко не сходились съ заготовленной рамкой пространства. Вслѣдствіе того я принужденъ былъ иные участки то растягивать то сокращать, наблюдая внутреннюю ихъ соразмѣрность.

Такъ какъ здѣсь на пути я имѣлъ другія занятія, то выспрашивать названія мѣстъ поручилъ Ваганову. Имѣя въ виду отчасти лучше согласить правописаніе этихъ именъ съ третьею частью нашего сочиненія, частію же для того чтобы присовокупленіемъ перевода именъ дать бóльшую полноту маршруту и внести въ него нѣкоторыя донынѣ неизвѣстныя слова, частію наконецъ потому что нѣкоторыя надписи на картахъ, теряясь между орографическими штрихами, не довольно ясны, а иныя требуютъ исправленія, присовокупляю здѣсь слѣдующее дополненіе къ мѣстнымъ именамъ, находящимся на листахъ X — XII нашего атласа, начиная съ Амгинска и идя къ Удскому.

Kyrgás', Мостовыя юрты.—Chatýng Урочище березы.— Törüt uräch начальная рѣка.—Озеро charasobolóch черное карасевое озеро (отъ sobo карась). — Mangan-atyr-saláata истокъ ручья бѣлаго жеребца. — Озеро kördügonj погорѣлая земля. — Ulachan cholchú küölj большое открытое озеро.—Tokúr küölj кривое озеро. — Kubalách tördö Лебединое устье.—Ahýs' arylach съ осьмью островами.— Anbar küölj анбарное озеро.—Küöch ottó зеленая трава.— Оз. ölös'in, можетъ быть, отъ ölöng болотная трава. — Elgé s'amagá оконечность лѣса у Эльге (отъ s'amach). — Ylách balyktàch многорыбное вонючее. — Tangý küölj озеро приснаровленныхъ сѣтей.—Nal kulundú мелкое кулунду́. — Bas'j küölj сосновое (p. abies) озеро. — Mukú s'amagá кабаргинъ перелѣсокъ (отъ Тунгус. mukú). —




ОБЛАСТНОЙ
(нынѣ Губернскій)
ГОРОДЪ ЯКУТСКЪ.
0 50 100 200 саженъ.
a. Старинный казачій острогъ
b. Монастырь
c. Гостиный дворъ
d. Рынокъ
e. Запасный Магазинъ
f. " "
g. Старая больница
h. Новая "
k. Тюрьма
l. Строенія назначенныя къ сломкѣ
m. Шергина шахта.
Озеро Талое
Протока р. Лены
Озеро Монастырское


ЯКУТСКЪ
и его
ОКРЕСТНОСТИ.
въ Англ. дюймѣ 4 версты.
0 1 2 3 4 5 верстъ.
Якутскъ
Островъ Бору-Ары
Ост. Кутуръ-Ары
Харбелахъ
Хатыстахъ
Ос. Хатыстахъ
Островъ Сагахъ
Ос. Бельской
Рѣка Лена

чемъ изъ множества названій, которыми инородцы отличаютъ всѣ чѣмъ-нибудь замѣчательныя мѣста, въ наше начертаніе допущены только тѣ, которыя чѣмъ-нибудь особенно поражали насъ. Стоило только пріѣхать туда, чтобы отказаться отъ намѣренія исчерпать все безпредѣльное множество подробностей туземной изустной топографіи.

Значительные результаты ученыхъ наблюденій, объясняющіе климатъ и особенно температуру почвы Якутска, придали этому городу вѣсъ несравненно больше его значенія въ государственномъ хозяйствѣ. Изучить всѣ условія, которыми мѣстное положеніе Якутска дѣйствуетъ на замѣчаемыя тамъ явленія температуры, составляетъ теперь существенную потребность. Съ этой мыслью я отпечаталъ (на л. VIII и IX) двѣ съёмки, найденныя мною въ Якутскѣ въ Межевомъ Отдѣленіи: первая представляетъ обзоръ низменности, на которой стоитъ Якутскъ, вторая точнѣе опредѣляетъ отношеніе Шергинской шахты къ окрестнымъ водамъ. Можно бы только обойтись безъ той правильности въ расположеніи улицъ и городскихъ построекъ, какою мѣстные землемѣры вскрашиваютъ свои чертежи городовъ, хотя планъ Якутска въ этомъ отношеніи не такъ льстивъ, какъ сообщенный нами на VI листѣ, планъ Туруханска.

Якутскъ лежитъ въ долинѣ Лены, гдѣ долина эта имѣетъ направленіе отъ SSW къ NNO. Ширина долины мѣстами достигаетъ слишкомъ 10 верстъ; длина же вѣроятно составляетъ болѣе 50 верстъ. Начинается она, какъ мнѣ сказывали, въ 30 верстахъ выше города, погруженнымъ въ рѣку утесомъ, называющимся Кангаласкій Камень, а оканчивается въ 40 верстахъ ниже города Сергуевымъ Камнемъ. Якутскъ, какъ извѣстно, расположенъ не на главномъ руслѣ Лены, а на одномъ изъ ея западныхъ рукавовъ, называемомъ Хатыстахъ и отдѣленномъ отъ главнаго русла Лены посредствомъ ряда нѣсколькихъ большихъ острововъ. Наименьшее разстояніе города отъ главнаго русла около 7 верстъ. и верстъ 5 въ противоположномъ направленіи, отъ круто поднимающихся береговъ рѣчной долины, вышина которыхъ здѣсь отъ 300 доходитъ до 400 футовъ, и служитъ городу защитой съ NW: вмѣстѣ съ тѣмъ берега эти, съ своими узкими

Tütör s'achtách грязная водяная мышь.—Nelegér урочище плоское. — Yarhá ahylyg кустовое кормовище. — Uolbút küölj утекшее озеро.

Us'ún küölj долгое озеро. — Tuora küölj поперечное озеро.—Diríng ürïä глубокій ручеекъ.—? Yppyta выстрѣлилъ.—Elgi bügä изгибъ (рѣки) Эльге. — S'en bahá лягушечій Сенъ. — Attamýt charyjá подъемная ель. — Olegá ytabýt Алеха плакалъ:—Käbelikán непроходимое мѣсто.—Artýk ürïä рѣчка ущелья. — Yt ottúk собачій покосъ. — Kurúng üräch рѣчка лѣснаго пожара. — Bochór chaptschingá каменная Хапчинга. — Dsharmány chaptschingá Ярмaночная или почлежная Хапчинга.—S'oburchán charyjá сплошной ельникъ.—Már küölj озеро на моховомъ кочковатомъ болотѣ.

Tarynnách накипень-рѣчка. — S'as'ýl tolón лисья долина. — Mus' Munalý ледяная Муналы. — Tas' Munalý каменная Муналы. — Balyktach рыбная рѣчка. — Ardyrháidach коническій утесъ. — Sibiktalach богатъ хвощомъ. — Cholunjä женщина. — Ogús bahá воловья голова. — Us'utúr Burujakán призывный Буруяканъ — Tyjmyttach Burujakán ящеричный Буруяканъ.—Uluchan küöch üräch большой зеленый ручей. — Урочище Üs'j s'amaga три конца лѣса. — Bos'uda alamýta, Босудá плавалъ. — Krés't üräch крестовая рѣчка (русское крестъ обыкновенно выговариваетсяココресъ).—Рѣчка Dshakón — S'olurnáj (s'olúr котелъ). — S'olurnáj artýk üräch. — Baharahyn as'ylýg завидное кормовище.—Aes'a s'ochs'olóch медвѣжья ловушка.—Ború as'ylýg хвощевое кормовище.— Tscharáng as'ylýg кормовище при березовой рощѣ. — Tyallach kajá вѣтреный камень. — Sytygán tübä гніющая чаща лѣса. — Ats'igä коневій —?

Сверхъ того сообщены были еще слѣдующія названія мѣстностей между Амгинскомъ и Удскимъ, но сообщены поздо, когда уже нельзя было опредѣлить ихъ положенія: Alas' поляна въ чащѣ лѣса; Kytyl лугъ; Olögnöch поросшій осокой; S'yrdách съ покатостями; Tumúl предгорье; Uahás' берестяная чашка.

и глубокими оврагами, промытыми силой весеннихъ потоковъ, составляютъ переходъ къ окрестной плоской возвышенности. Итакъ Якутскъ лежитъ на краю низменной равнины, которая въ отдаленнѣйшія времена, безъ сомнѣнія, была покрыта водами Лены. И теперь еще эта низменность изрѣзана множествомъ сухихъ ложбинъ, изъ которыхъ только наиболѣе глубокія удержали въ себѣ воду въ видѣ мелкихъ озеръ; до сихъ поръ при весеннемъ разливѣ рѣкъ многія изъ этихъ ложбинъ и ихъ высохшихъ котловинъ наполняются водою; до сихъ поръ съ каждымъ годомъ увеличивается обмелѣніе рукава Лены съ примыкающими къ ней ложбинами; наконецъ и теперь еще въ спускахъ помянутаго сѣверо-западнаго берега долины Лены замѣтны слѣды древнихъ береговыхъ уступовъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ преобладаніе ивняка, точно также какъ и группы мелкаго сосноваго и березоваго лѣса, покрывающія въ видѣ островов только возвышенія этой плоскости, даютъ низменности, въ сравненіи съ первобытнымъ характеромъ лѣса, растущаго на примыкающемъ возвышенномъ берегу долины, видъ недавняго происхожденія. Болѣе я не могу сказать о Якутскѣ, да и эти свѣдѣнія извлечены мною не столько изъ личныхъ наблюденій, сколько изъ разсказовъ, такъ какъ земля покрыта была глубокимъ снѣгомъ; къ тому же и загадочность глубоко вскрытой почвы въ Шергинской Шахтѣ не оставляла мнѣ досуга.

Направляясь отъ Лены къ Уди т. е. отъ Якутска къ Удскому, проходишь не менѣе $7\frac{1}{2}$ градусовъ широты къ югу, а въ тоже время подвигаешься къ востоку едва на 6 градусовъ долготы. Это разстояніе, пройденное въ-продолженіе двухъ-мѣсячнаго странствованія, составляетъ почти 1200 верстъ [1]). Только вблизи Удскаго, именно на такомъ

---

[1]) Сверхъ озеръ, поименованныхъ на VIII картѣ, на низменности находится весьма много другихъ; мнѣ напр. называли еще слѣдующія озера: Юттэхъ, Чардахъ, Чичикалахъ, Хараулахъ, Кустахъ, Хрептяхъ, Таралханъ, Кичкино, Мачая или Усунъ кюель, Дардылахъ, Олжуръ, Долгу-Бюгюя, Атырджактахъ и другія. Озеро Крестяхъ называютъ также Мутуръ.

Озеро Ytyk, и безъ того растянутое въ видѣ рѣки, продолжается еще у подножій высотъ и въ дождливые годы соединяется, съ одной стороны, съ Булгуяхомъ и Эсердахомъ, а съ другой почти съ озеромъ Бѣлымъ, которое сверхъ того питается водами ручейка Моховаго. Кромѣ этого ручья съ высотъ береговъ долины сбѣгаютъ еще и другіе ручьи посредствомъ ложбинъ Чабидаль, Арагастахъ, Хрептяхъ, выходящіе изъ озеръ и болотъ плоской возвышенности, подобно ручьямъ Шестаковой и Морхѣ, которые показаны на нашихъ картахъ.

Бывшій протокъ Становой-Сухой, еще на памяти нынѣшнихъ обитателей мѣстности, въ лѣтнее время соединялся съ рукавомъ Хатыстахъ, а теперь самый этотъ рукавъ судоходенъ только во время весенняго разлива.

На чертежѣ Лены, снятомъ, по приказанію полковника Ахте, въ большомъ масштабѣ и очевидно весьма бѣгло, нахожу я у входа въ долину Якутска, именно выше города, по направленію отъ него: островъ Улу' ары, у котораго начинается рукавъ Хатыстáхъ; а выше этого рукава впадаютъ въ Лену ручьи Кымыр-Дагастахъ и Ракбэра; возлѣ Улу-ары другой большой большой островъ Мастыръ и т. д.

[2]) При скорой ѣздѣ въ благопріятную пору года на путешествіе отъ Якутска до Удскаго потребно отъ 4 до 5 недѣль.

Отъ Якутска до Амгинска считается около 170 верстъ. Если сложить по моему дневнику пройденныя нами пространства, считая разстоянія отъ хребта до хребта, то выйдутъ слѣдующіе участки пути, выраженные отчасти въ круглыхъ числахъ:

Отъ Амгинска			до	Амгинскаго кряжа	32 версты.
отъ этого хребта			»	Темэкона	80 »
»	»	»	»	Долгыку	45 »
»	»	»	»	Аппатина	125 »
»	»	»	»	Дыкды	15 »
»	»	»	»	Олега-Ытабыта	44 »
»	»	»	»	Ыт-Оттука	75 »
»	»	»	»	Кёт-Ката	78 »
»	»	»	»	Джукджура	325 »
»	»	»	»	Удскаго Острога	190 »
					1009 верстъ.

разстояніи отъ того пункта, которое составляетъ менѣе $^1/_6$ части всего пути, подымается громадный кряжъ Становаго хребта, возвышающагося на нѣсколько тысячъ футовъ. Склонъ его къ сторонѣ Удскаго вдвое круче, нежели сѣверная покатость, обращенная къ сторонѣ Якутска. Мы уже условились (стр. 112) называть эту часть Становаго хребта Алданскимъ хребтомъ. Подошва юговосточнаго склона этого хребта находится въ 150 верстахъ отъ главнаго гребня, вблизи Удскаго, именно тамъ, гдѣ падающіе съ Кореннаго хребта потоки, совокупившись въ рѣкѣ Половинной, устремляются на соединеніе съ рѣкою Удью. Вдвое дальше отстоитъ отъ главнаго гребня Алданскихъ горъ долина рѣки Учуръ, и не ранѣе какъ этотъ пунктъ должны мы принять за подошву сѣверовосточнаго склона. Впрочемъ долина Учура и здѣсь еще лежитъ несравненно выше надъ моремъ, нежели долина рѣки Половинной, воды которой въ скоромъ времени вливаются въ Охотское море, тогда какъ на противоположной сторонѣ горъ, Учуръ, пройдя не меньшее разстояніе, достигаетъ только Алдана, и затѣмъ воды его должны еще совершить огромный путь чрезъ 15 градусовъ широты, прежде нежели успокоятся въ Ледовитомъ морѣ.

На помянутомъ протяженіи между долинами Уди и Учура идетъ рядъ крутыхъ хребтовъ, увѣнчанныхъ высокими голыми вершинами («гольцами») или служащихъ основаніемъ остроконечнымъ сопкамъ. Послѣднія рѣзко выдаются надъ утесистыми и въ то же время густо покрытыми лѣсомъ высотами. Глубокими и узкими полосами входятъ долины въ эти скалистыя горы, хотя изрытыя шумящими стремительными потоками, но по большой части покрытыя густымъ, первобытнымъ лѣсомъ.

Далѣе къ сѣверу, на томъ пространствѣ, которое охватываютъ Учуръ и Алданъ, пять различныхъ кряжей хотя и заграждаютъ путнику дорогу, но это уже только кряжи, а не гребни. Вся эта страна тоже еще утесиста, склоны часто еще очень круты, даже встрѣчаются скалистые обрывы, долины тоже еще мало расширены, но все это является здѣсь уже въ несравненно меньшемъ масштабѣ: подъемъ вершины надъ основаніемъ долины составляетъ едва одну треть того размѣра, который мы признали въ главной цѣпи Алданскихъ хребтовъ. Озирая пространство между Учуромъ и Алданомъ, мы замѣчаемъ, что изъ пяти кряжей горныхъ высотъ, которыя намъ должно было пересѣчь, первыя лежатъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, послѣднія же на болѣе и болѣе близкомъ; замѣчаемъ, что только первый горный хребетъ (Кётъ-Катъ) можетъ быть названъ уменьшенной копіей главной цѣпи Алданскаго хребта, тогда какъ прочія скорѣе

Считая отъ одной большой рѣки до другой, мы имѣемъ:

отъ Амги до Алдана	225 верстъ.
отъ этой рѣки до Учура............	330 »
(до Малаго Аима 170; отъ него до Большаго Аима 50).	
отъ Учура до Уди	450 »
	1005 верстъ.

Ближайшее разстояніе Половинной отъ Удскаго оказывается 28 верстъ.

Прямыя линіи, ведущія на X—XII картахъ нашего атласа, отъ одного привала до другаго, гдѣ они и обозначаются числами нашего прибытія, означаютъ только направленія, такъ какъ не было никакой возможности передать на бумагѣ безконечные изгибы нашего пути. Слѣдовательно въ случаѣ примѣненія масштаба, для того чтобы опредѣлить съ точностію длину пути, надобно, смотря по состоянію дороги, прибавлять $^1/_4$, $^1/_3$ и даже до $^2/_5$ разстоянія, показаннаго на маршрутѣ.

имѣютъ характеръ горныхъ равнинъ: ихъ кряжи и вершины имѣютъ уже умѣренные склоны, и постоянно покрыты густымъ лѣсомъ; только долины врѣзываются въ нихъ еще довольно круто. Въ-слѣдствіе этого, относительно здѣшнихъ рѣкъ или вѣрнѣе горныхъ потоковъ, тоже замѣтно, что они дѣлаются тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ дальше подвигаешься въ помянутомъ направленіи.

По ту сторону Алдана до самой Лены, неровности почвы сгладились еще значительнѣе, утесы больше ушли въ землю; долины обширны и плодоносны; потоки нерѣдко пролагаютъ себѣ путь чрезъ стоячія болота и маленькія озера, и даже незначительные источники имѣютъ уже большое протяженіе.

Послѣ этого обозрѣнія прослѣдимъ нашъ путь отъ Якутска до Удскаго, говоря о каждой части его отдѣльно.

Изъ Якутска въ Амгинскъ наша кладь отправлена была заранѣе на саняхъ, запряженныхъ волами, а сами мы ѣхали ночью на ямскихъ лошадяхъ и такъ скоро, что я объ этой части пути, составляющей отъ 160 до 170 верстъ, почти ничего не могу сообщить. Дорога была отличная, наѣзженная; превосходныя лошади живущихъ здѣсь Якутовъ мчали насъ со станціи на станцію. Всѣхъ станцій на этомъ пути шесть. Дорога идетъ то по небольшимъ лѣсистымъ возвышеніямъ, то чрезъ лощины, и почти постоянно въ юговосточномъ направленіи [1]). Зимою ледяной и снѣжный покровъ почвы избавляетъ путешественниковъ отъ объѣздовъ болотистыхъ мѣстъ, лужъ и озеръ, которыми богатъ этотъ путь, хотя онъ въ такой-же степени бѣденъ свѣжею водою, годною для питья.

Амгинская Слобода, особенно по успѣшному земледѣлію на вѣчно-замерзлой почвѣ, имѣетъ такое важное значеніе, что я почелъ нужнымъ бѣгло снять этотъ погостъ и его окрестности на планъ, посредствомъ малой мензулы. Результатъ этой работы находится на листѣ XIV. Надобно только замѣтить, что не смотря на то, что уже было 11 Апрѣля, лежало еще много снѣга и потому иныя очертанія, особенно очертанія озеръ, находящихся на низменностяхъ, могли быть схвачены только приблизительно. Амгинскъ лежитъ на умѣренномъ склонѣ у лѣваго берега Амги, опускающемся къ юговостоку, въ довольно плоскомъ расширеніи рѣчной долины. Главное направленіе этой долины идетъ верстъ 20 или 25 отъ WSW къ ONO, и имѣетъ среднимъ числомъ около 6 верстъ ширины, которая однакожъ мѣстами доходитъ до 8 верстъ

---

[1]) Козьминъ, какъ видно изъ рукописныхъ дневниковъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ Американской Компаніей, проѣхавъ здѣсь лѣтомъ, видѣлъ, что мѣстность покрыта была множествомъ болотъ и озеръ, бывшихъ причиною того, что дорога часто отклонялась въ сторону. Въ 9 верстахъ на востокъ отъ Якутска онъ достигъ праваго берега Лены и находящейся на немъ станціонной юрты Буорыларъ (гдѣ берутъ землю). 9 верстъ далѣе онъ переночевалъ въ юртѣ Ölös'in (Камышевой). Въ 14 верстахъ отъ послѣдней находится станція Бюгюръ, а 16 верстъ далѣе Козьминъ ночевалъ въ мѣстѣ Блыгадыръ (Бригадиръ). Отсюда въ 20 верстахъ — станція Ыргаллахъ; 14 верстъ далѣе — мѣстопребываніе старшины Холгума-Арылаха. Затѣмъ чрезъ 9 верстъ Козьминъ ночевалъ въ полѣ Хорджогнохъ и 4 версты далѣе достигъ станціи Дженкерэ; въ 28 верстахъ отъ послѣдней находится станція Хонхопки. Пройдя 12 верстъ далѣе прибыли къ ручью Эмисъ (жирный) которымъ и слѣдовали 36 верстъ вплоть до Амгинска. Слѣдовательно станціи шли въ такомъ порядкѣ: 1) Буорылахъ 10 верстъ; 2) Бюгюръ 30 в. 3) Ыргаллахъ 37 в. 4) Дженкерэ 30 в. 5) Хонхопки 25 в. 6) Крестэхъ 23 в. Козьминъ полагаетъ весь путь во 173 вер.

АМГИНСКАЯ СЛОБОДА И ЕЯ ОКРЕСТНОСТИ.

въ Англ. дюймѣ 2 версты.
0 1 2 3 4 версты.

Рѣчка Кюнд-ю-ля
Мысъ Коюдуку-Канга
Оз. Лепериви
Оз. Мона
Д. Верхняя
Оз. Салдан-ъ
Оз. Токуръ-кель
Д. Тяяксетахъ
Рѣчка Кылъ
Оз. Чабчалгаль
Д. Нижняя
Оз. Богаджа
С. АМГИНСКАЯ
Оз. Калы-балы
Оз. Бол. Джабы
Оз. Олегнихъ
Оз. Хатынъ Монагна
Оз. Ирюнъ Хомустахъ
Оз. Кытегеи Сирдахъ
Оз. Сирдахъ
Оз. Анбаръ-кель
Ур. Харыя
Оз. Курджагалахъ
Оз. Муксунье
Оз. Хара-Хомустахъ
Оз. Ирюнъ Хомустахъ
Оз. Багахтахъ
Оз. Чегуръ-кель
Рѣка Амга
Оз. Молода
Рѣка Амга
Ос. Кербекъ Арыта
Оз. Бол. Кербесиъ
Оз. Харыя
Уроч. Варгудай
Остр. Мозанъ-Арыта

Лит. Э. Брукманъ Адмиралт. площади д. Гамбсъ № 8


8


Листъ X.
Слоб. Амгинская
Ур. Хатынъ
Хребетъ
Ур. Кехъ-Отто
Ур. Эльгай-Самага
Ур. Улахъ-Балыктахъ
Оз. Танъы-Кёль
Ур. Весъ-кёль
Хребетъ Темаконъ сиса
Ур. Тпугеръ-Сахтахъ
Хребетъ Долыку сиса
Ур. Ырга-Асыкъ
Ур. Олбутъ кёль
Старое строеніе принадлежащее Россійской Амер. Комп.
Р. Алданъ
Уроч. Чепанга
Листъ XI.
Старое строеніе принадлеж. Россійско-Америк. Компаніи
Ур. Чепанга
Хребетъ
Дыкды-кая
Уроч. Капитанъ
Олега Итабытъ
Хребетъ
Хребетъ Ытъ-Оттукъ
Р. Большой Аимъ
Хребетъ
Кётъ-Катъ
Урочище Харьи
Собурханъ
Озера Маръ кёль
Мѣсто Учурской Ярморки
Р. Учуръ
Ар. Артыкъ-Маръ-кёль
Вершины Р. Иппата
Листъ XII.
Горы Ардыръ Гайдахъ
Р. Уянъ
Масштабъ
Урочище Огузъ-бага
Урочище Исъ Самахъ
по Якут: ДЖУКДЖУРЪ
ХРЕБЕТЪ СТАНОВОЙ
Ур: Канчной басынъ ба гарагынъ-Асылыга
Ур: Курумъ-Асылыкъ
Ур: Эсе сохъ-солохъ
Ур. Бару-Асылыкъ
Р. Половинная
Ур. Чаранъ Асылыкъ
Горы Тылдахъ-кая
Г. Ань-кая
Г. Кабчи
Острогъ Удекой
Остр. Удекой
Ур. Судно
Мысъ Шенгарской
Мысъ Буреной
Утесъ-Тайканской
Ур. Чумиканъ
Р. УДЬ
Отъ Удекаго Острога до Урочища Чумиканъ
Масштабъ
въ Англійск: дюймѣ 20 верстъ.



или обратно уменьшается на нѣсколько верстъ. Незначительныя, впрочемъ крутыя и лѣсистыя высоты защищаютъ равнину съ сѣверозапада, точно также какъ съ другой стороны и съ юговостока, преимущественно же въ первомъ изъ этихъ направленій, потому что здѣсь селеніе непосредственно примыкаетъ къ высотамъ, тогда какъ рѣка омываетъ подошву юговосточнаго ряда холмовъ. Ширина рѣки въ исходѣ зимы простиралась отъ 40 до 50 саженъ, но русло ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до ширины втрое большей.

Лѣтомъ и особенно осенью, нѣкоторые броды на Амгѣ не выше колѣна; на лошади же эту рѣку можно переѣзжать во всякое время кромѣ весны или случайнаго разлива.

Предоставляя болѣе подробное описаніе положенія Амгинска тому отдѣлу, который будетъ имѣть предметомъ земледѣліе и предѣлы хлѣбныхъ посѣвовъ въ Сибири, прослѣдимъ дальнѣйшія подробности моего пути.

Мы направлялись сначала, какъ показано на листахъ X—XII, на разстояніи 9 верстъ вверхъ по рѣкѣ, хотя этимъ Якуты заставили насъ сдѣлать только крюкъ, что было замѣчено нами уже слишкомъ поздно, чтобы поправить дѣло [1]). На этомъ пути до Алдана, въ долинѣ рѣчки Милú и Билира [2]), на который мы потомъ переѣхали, намъ встрѣчались еще кое-гдѣ отдѣльныя юрты Якутовъ. Берега обѣихъ этихъ рѣчекъ, говорятъ до самыхъ устьевъ заселены не меньше: это надобно приписать тому, что какъ большіе, такъ и малые потоки этой мѣстности, вплоть до самаго горнаго хребта, несутся межъ низкихъ и топкихъ береговъ по болотистымъ и травянистымъ долинамъ, ширина которыхъ приблизительно полверсты, верста, и ужъ никакъ не болѣе двухъ верстъ [3]). Вся страна до крайности однообразна: повсюду горныя высоты, поднимающіяся надъ долиною отъ 80 до 160 футовъ, съ откосами въ 15, 20, до 30°; текущіе между ними ручейки бѣдны водою, и должно быть пересыхаютъ по временамъ, потому что идутъ по травяному руслу (травяныя рѣчки). Только три главныя рѣки: Мили, Билиръ и Долгыку́, проло-

---

[1]) Въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ выше Амгинска переѣхали мы черезъ рѣку и урочище Джарбанъ-Туму, которое, кажется, зовутъ также Крестъ-Кытыла, и потомъ черезъ лугъ Евсей-Кытыла. Если бы мы подвигались впередъ по прямому направленію, то чрезъ 10 верстъ къ юговостоку мы прибыли бы къ озеру Эмисъ (-Кюэль), извѣстному богатыми лугами по его берегамъ; отъ него дорога идетъ чрезъ Амгинскій хребетъ прямо къ Маганъ-Атыру, впадающему въ Мили. Въ юртѣ Кыргáсъ, гдѣ мы покинули рѣку Амгу, намъ сказывали, что въ тридцати верстахъ выше, съ лѣвой стороны, впадаетъ въ эту рѣку — Кудукчу, длина котораго 60 верстъ.

[2]) Отъ урочища Тютэръ-Сахтáхъ, гдѣ мы покинули долину Билира, Якуты считали около 70 верстъ до впаданія Билира въ Алданъ, именно: 20 верстъ до озера Сенняха, затѣмъ 20 верстъ до озера Джéкенде, 10 до озера Сыгáра, потомъ 10 до озера Халгаттá и еще 10 до Алдана. Говорятъ, что нижняя часть Билира очень болотиста. Въ противоположномъ направленіи отъ устья Темэкона вверхъ по Билиру, намъ сказывали, лежитъ большая долина, можетъ быть, верстъ въ 20 длиною, называемая Юсь (Üs'j)-Билиръ и представляющая превосходный лугъ, способный, по своей возвышенности, даже къ земледѣлію.

Долина Долгыку́ по большой части лѣсиста или покрыта кустарникомъ и имѣетъ мало открытыхъ луговинъ. Этотъ ручей, въ срединѣ своего теченія, не шире 30—40 шаговъ. Начиная съ Олбутъ-Кюэль его быстрота увеличивается.

[3]) Рѣчка Мили выше Кюэхъ-Оттó, съ обѣихъ сторонъ такъ сжата склонами, что течетъ въ этомъ мѣстѣ глубоко врѣзавшимся русломъ, ширина котораго не болѣе 10 саженъ, и вовсе не имѣетъ луговъ по берегамъ. Ниже однакожъ долина Мили дѣлается все шире и шире, хотя мѣстами около Темэконскаго хребта, въ-слѣдствіе увеличивающейся крутизны горныхъ склоновъ, она опять съуживается на короткихъ разстояніяхъ.

жили себѣ въ мягкой почвѣ русло поглубже, но и у нихъ берегъ не превышаетъ одной сажени. Замѣчательно, что эта луговая низменность изрѣзана множествомъ озеръ одинаковой величины и обильныхъ рыбой: величина ихъ обыкновенно нѣсколько меньше половины квадратной версты и только изрѣдка превышаетъ эту мѣру въ значительной степени. Они размѣщены по большой части одно за другимъ или по крайней мѣрѣ сообщаются съ направленіемъ ручьевъ, занимающихъ середину долины. Такъ какъ эти долины весною во всю свою ширину покрываются водою, то изъ помянутыхъ озеръ одни слѣдуетъ считать глубже промытыми котловинами весенней воды, другія водоёмами, запруженными посредствомъ наносовъ ила, какъ образовалась и самая почва долины, въ-слѣдствіе этого происхожденія необыкновенно плодородная: трава здѣсь по поясъ. Между тѣмъ на высотахъ почва песчана и покрыта только скуднымъ слоемъ земли, обязанной своимъ происхожденіемъ игламъ хвойнаго лѣса и вереска. Въ-слѣдствіе этого и растительность на высотахъ, сколько я могъ видѣть, весьма бѣдна.

Во время всего пути отъ Амги до Алдана, на разстояніи, которое мы опредѣлили въ 225 верстъ, намъ пришлось перебраться только черезъ три незначительныя горныя цѣпи. Съ долины Амги мы непосредственно перешли къ Мили, потомъ отсюда къ Билиру, и наконецъ къ Долгыку́, такъ что, проѣхавъ всей этой, весьма сносной природной дорогой, которую предлагали къ нашимъ услугамъ долины помянутыхъ трехъ ручьевъ, мы достигли Алдана, въ томъ мѣстѣ его теченія, которое находится почти въ равномъ разстояніи отъ впаденія въ эту рѣку, обоихъ значительнѣйшихъ его притоковъ, Учура и Маи. Ширина Алдана въ этомъ мѣстѣ $^2/_3$ вымѣренной версты. Здѣсь живетъ семья Тунгусовъ, которая и обязана содержать перевозъ. Этой странѣ, хотя быть можетъ и не этой самой мѣстности, кажется, можно предсказать будущность, если только допустимъ, что сообщенія съ Охотскимъ моремъ должны увеличиться въ-слѣдствіе приращенія населенія. Конечно, развалины избъ, построенныхъ не болѣе какъ 15 лѣтъ тому назадъ Сѣверо-Американскою Компаніей, которая завела-было здѣсь поселеніе Чепангу́, ясно намекаютъ на то, что подобное предпріятіе теперь еще не своевременно; но во всякомъ случаѣ дорога отъ Амгинска до Чепанги такъ пряма и такъ приспособлена самой природой, что я вижу въ ней главный будущій трактъ, который отсюда пуститъ свои вѣтви, смотря по тому, какъ кому понадобится достигнуть Охотскаго моря, при устьѣ ли Алдамы, или у Аяна, или чрезъ Удской [1]).

Впрочемъ у Якутовъ извѣстенъ еще другой путь къ Алдану, который хотя длиннѣе того, но зато идетъ еще лучшими кормовыми мѣстностями. Онъ пересѣкаетъ Амгу нѣ-

---

[1]) Селеніе находилось на лѣвомъ берегу Алдана, среди негустаго сосноваго лѣса, на хребтѣ, сѣверозападная сторона котораго оканчивается яромъ, южная—двумя отлогими спусками. Насупротивъ его, на правомъ берегу урочище Чепанга́ было нѣкогда русломъ Алдана: бывъ занесено, оно превратилось теперь въ лугъ; а отъ прежняго его назначенія на немъ остался длинный рядъ небольшихъ озеръ, которые носятъ собирательное имя— Личанда́. По всей вѣроятности, этотъ лугъ въ весеннюю пору затопляется водою. Тунгусы (впрочемъ мы нашли здѣсь чужихъ, а здѣшніе ушли въ горы) выговаривали это названіе также — Чепангда́ и Личангра́. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не въ правѣ умолчать, что на основаніи другихъ показаній, Личангрой называется озеро, находящееся на лѣвомъ берегу Алдана, вблизи прежняго поселенія, и имѣющее около 2 верстъ длины, при ширинѣ въ полверсты, тогда какъ озеро, названное этимъ именемъ на нашей картѣ, называется-дескать

сколько выше того мѣста, гдѣ мы перебрались черезъ эту рѣку, поднимается по одному изъ притоковъ Билира и затѣмъ идетъ внизъ по ручью Эльге, при устьѣ котораго и достигаетъ Алдана, около 60 верстъ выше рѣки Долгыку, послужившей намъ дорогой. Этотъ путь, которому присвоено важное наименованіе «Казенной дорогой», начинается еще у Лены повыше Якутска и за Алданомъ, дня черезъ два ѣзды, встрѣчается съ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ я слѣдовалъ [1]). Изъ разсказовъ объ этой «Казенной дорогѣ» оказывалось, что вся Амгинская долина между Леной и Алданомъ особенно богата лугами и не менѣе благопріятна для земледѣлія; вверхъ по Амгѣ, вмѣсто того, чтобы съуживаться горами, она, по видимому, только шире разстилается своей луговой почвой. Тотъ-же самый благопріятный характеръ мѣстности переходитъ изъ долины Амги и на лѣвую половину долины Алдана, что̀ и заставляетъ меня повторить слова моего перваго извѣстія: «Алданъ образуетъ границу, которая для государственнаго хозяйства можетъ имѣть въ будущемъ важное значеніе: за этимъ предѣломъ начинается страна пушныхъ звѣрей, недоступная для заселенія». Этимъ впрочемъ я вовсе не хотѣлъ сказать, что на востокъ отъ Алдана въ горныхъ долинахъ не встрѣчается ни луговъ, ни кормовищъ: напротивъ, тамъ они только не такъ обширны, встрѣчаются рѣже и находятся подъ вліяніемъ сильныхъ снѣговъ, благодаря которымъ и безъ того продолжительная Сибирская зима держится здѣсь еще дольше.

Начиная отъ Алдана, характеръ страны измѣняется. Хотя макушки хребтовъ, чрезъ которые перебираешься, все еще плоски и походятъ даже иногда на вытянутыя

Усунъ-(Кюэль). Нѣсколько верстъ ниже прежняго поселенія, въ Алданъ, какъ намъ сказывали, впадаетъ съ правой стороны ручей Эльгея; 30 верстъ ниже последняго—Билиръ, а 50 верстъ ниже Чепанги—Мили.

Мы вымѣрили ширину Алдана и она оказалась въ 320 саженъ, и то при весьма низкомъ уровнѣ воды. Сарычевъ (Путешествіе 1802, I, стр. 122) нашелъ, что 14 Іюля ширина Алдана, при впаденіи Маи (Усть-Майская Пристань) была 700 саженъ. Но по словамъ Врангеля (Путешествіе 1841, I, стр. 192) Алданъ при впаденіи своемъ въ Лену, былъ не шире того въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

[1]) Одинъ прикащикъ Сѣверо-Американской Компаніи, дневникъ котораго я видѣлъ, шелъ съ своимъ транспортомъ сначала 35 верстъ вверхъ по лѣвому берегу Лены, переправился въ этомъ мѣстѣ черезъ рѣку, достигъ, 80 верстъ далѣе, рѣчки Тохтусута, потомъ еще 35 далѣе — урочища Джоною и еще чрезъ 95 верстъ — перевоза на Амгѣ, ширину которой въ этомъ мѣстѣ онъ опредѣлилъ (это было въ Октябрѣ) въ 75 саженъ. 30 верстъ далѣе переправы транспортъ прибылъ къ Бе-Олбуту, затѣмъ чрезъ 25 верстъ къ Билиру и наконецъ чрезъ 10 верстъ оттуда вышелъ на «Казенную дорогу», которая находится слѣдовательно между только-что описаннымъ путемъ и тѣмъ, которымъ я слѣдовалъ. Потомъ помянутый прикащикъ поднялся вдоль Билира и достигъ, 15 верстъ далѣе, чрезъ низкую горную цѣпь, рѣки Эльге, которой онъ слѣдовалъ 105 верстъ вплоть до впаденія ея въ Алданъ, именно 15 верстъ до Мель-Балагана, потомъ 60 до Балаганнаха и наконецъ 30 до Алдана. Здѣсь нашелъ онъ двѣ юрты поселившихся Тунгусовъ и не нахвалится, какъ удобно это мѣсто для поселенія. Нѣсколько выше Эльге или, вѣрнѣе, двухъ Эльге, которыя сливаются вмѣстѣ и образуютъ острова, въ Алданъ, какъ мнѣ сказывали, вливается ручей Белкеча, который еще удобнѣе для большаго поселенія, нежели Эльге. При этомъ случаѣ называли мнѣ еще два ручья, находящіеся въ той-же мѣстности — Кюргалахъ и Нелебединъ, которые, выше Чепанды́, вливаются съ правой стороны въ Алданъ, и вдоль которыхъ, по весьма крутымъ, усѣяннымъ скалами обрывамъ, идетъ «Казенная дорога», до тѣхъ поръ пока она на Дыкды-Каѣ достигнетъ Сен-Бага́ и тамъ сходится съ путемъ, мною прослѣдованнымъ. Этотъ послѣдній путь, ведущій отъ Алдана вверхъ по Дири́ну чрезъ Аппатынъ, былъ открытъ не болѣе какъ за 3 или 4 года до моей поѣздки, будто бы вслѣдствіе своей краткости, хотя, по моему вычисленію, разстояніе отъ Алдана до встрѣчи съ «Казенной дорогой» заключало въ себѣ болѣе 65 верстъ, а Якуты, въ то-же время, по старому пути насчитывали до Алдана также не болѣе 70 верстъ.

плоскія возвышенности, хотя высоты, а равно и долины по прежнему густо покрыты лѣсомъ, и послѣдній не рѣдко обрамленъ травянистой почвой или даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ озерами; однако днища долины теперь гораздо уже, потому что заперты между горными склонами, которые здѣсь значительно круче, нежели по ту сторону Алдана; на окраинахъ долинъ, равно и на высотахъ, торчатъ обнаженные утесы и изрѣдка отдѣльныя отвѣсныя скалы незначительной величины; высоты хотя и имѣютъ растительность, но повсюду усѣяны выдающимися камнями. Часто приходится спускаться съ такихъ откосовъ, которыя если и не длинны, за то имѣютъ до 30° наклоненія, и мысль о будущей проѣзжей дорогѣ на западъ отъ Алдана совершенно исчезаетъ въ умѣ путешественника при видѣ трудностей настоящей минуты, какъ скоро дорога дѣлается необыкновенно утомительною даже и для вьючныхъ лошадей. Обрывы и множество встрѣчающихся скалъ и крутыхъ спусковъ не рѣдко заставляютъ караванъ, слѣдующій направленію какого-либо изъ значительнѣйшихъ горныхъ ручьевъ, переходить въ бродъ этотъ ручей разъ двѣнадцать въ теченіе одного дня, или, уклоняясь отъ этого пути, прокладывать себѣ дорогу чрезъ первобытный лѣсъ, если только послѣдній не загроможденъ валежникомъ, что также случается не рѣдко.

Воды на пространствѣ между Алданомъ и Удскимъ имѣютъ быстрое теченіе, однако вообще не могутъ быть названы стремительными горными ручьями; впрочемъ ихъ уровень и сила теченія въ высшей степени перемѣнчивы смотря по погодѣ и времени года. Броды, которые мы переходили въ началѣ Мая, слѣдовательно скорѣе при низкомъ нежели при среднемъ уровнѣ воды, именно броды на Сенѣ, на обоихъ Аимахъ, на Уянѣ и Солурнаѣ, имѣли глубины не болѣе трехъ футовъ. Но въ-слѣдствіе дождя вода въ нѣсколько часовъ поднялась вдвое выше, ручьи выступили изъ береговъ на далекое пространство и переправляться чрезъ нихъ можно было только въ лодкѣ, да и то съ опасностію. Въ-слѣдствіе этого Тунгусскія семьи обязаны содержать въ мѣстахъ труднѣйшихъ переправъ всегда на готовѣ лодки. Обыкновенно же употребляются челноки (поднимающіе отъ 20 до 35 пудовъ), да и то только на трехъ главныхъ рѣкахъ: Алданѣ, Учурѣ и Половинной (такъ называемый Майскій перевозъ), на которыхъ даже и при самомъ низкомъ уровнѣ воды нѣтъ брода. И только эти рѣки, или по крайней мѣрѣ ихъ русло

---

[1]) Долины Сен-Бага́ и Кэбеликана отличались отъ прочихъ множествомъ малыхъ озеръ. У Малаго Аима долина такъ узка, что даже немногія кормовища ея, въ дождливую погоду, понимаются водою. У Большаго Аима открывается болѣе обширная, шириною отъ 1½ до 2½ верстъ, долина съ пространными лугами, которые тянутся тоже вверхъ по Бохоръ-Хапчингѣ. Иногда у Большаго Аима располагается на стоянку нѣсколько Тунгусскихъ семействъ. Несмотря на каменистое свойство этой страны, въ ней нѣтъ особеннаго недостатка и въ непроходимыхъ болотистыхъ мѣстахъ. Такою называли намъ напр. дорогу отъ Кэбеликана къ Малому Аиму, точно также какъ и ту, которая ведетъ отъ истоковъ Куруна къ Большому Аиму. Мы впрочемъ нашли ихъ очень удобными, потому что, по причинѣ ранней поры года (начала Мая), земля еще не растаяла.

Нѣсколько верстъ ближе къ Дыкды-Каѣ нежели урочище Капитанъ, Козьминъ видѣлъ еще въ 1829 году хорошо сохранившійся крестъ, на которомъ въ надписи значилось, что онъ поставленъ былъ въ 1790 году священникомъ Конюховымъ, на возвратномъ пути въ Удской изъ «тайной экспедиціи».

Замѣчу еще, что намъ указывали на сѣверо-западѣ отъ Дыкды-Каи истоки ручья Джанды и что я подозрѣваю, не течетъ ли тамъ Эльги въ обратномъ направленіи, какъ показываетъ маршрутъ № 2, на лист. X, XI, XII. Безпорядочные изгибы сбиваютъ съ толку путешественника.

допускаетъ, хотя вообще, какое-нибудь точное измѣреніе ширины и мы нашли, что ширина Алдана $^2/_3$, Учура $^1/_4$, Половинной $^2/_5$ а Уяна почти $^1/_3$ версты. Впрочемъ по ширинѣ-то ихъ даже нельзя считать одну больше другой, и я поставилъ ихъ одну за другою по степени богатства ихъ водою, которое, какъ мы видимъ, нейдетъ параллельно съ шириной. Сверхъ того Половинная и Уянъ не имѣютъ опредѣлительнаго береговаго русла: подобно другимъ горнымъ ручьямъ меньшей величины, довольно постоянно имѣющимъ во время средняго уровня отъ 5 до 10 саженъ ширины, они обнажаютъ иногда при убыли воды множество каменныхъ розсыпей въ видѣ мелей и острововъ и въ-слѣдствіе того дѣлятся на множество рукавовъ [1]). Напротивъ, какъ скоро вода поднимется, вся долина, даже въ срединѣ лѣта, очутится подъ водою, и тогда вмѣсто странно запутанныхъ, и часто даже безтолковыхъ извилинъ, видишь предъ собою широкую водную равнину. Мы нѣсколько разъ измѣряли быстроту теченія горныхъ ручьевъ и нашли, что она доходитъ отъ 8 до 13 верстъ въ часъ. На перевозѣ Половинная текла со скоростію ровно 10-ти верстъ.

Привыкнувъ къ размашистой, но при всемъ шумѣ все-таки добродушной природѣ горныхъ ручьевъ, путешественникъ приходитъ въ совершенное изумленіе, когда вдругъ, среди горнаго кряжа, какія-нибудь болотныя рѣченки, шириною отъ трехъ до четырехъ саженъ, такъ рѣшительно загораживаютъ ему дорогу, что онъ, въ видѣ исключенія, долженъ прибѣгать къ постройкѣ мостовъ. Такимъ образомъ напр. въ виду Становаго гребня, Хотуня загородила намъ дорогу [2]). Долина Уяна, въ которую изливается этотъ ручей, здѣсь очень низменна и самый Уянъ течетъ необыкновенными извилинами среди густаго лѣса.

Будущій отдѣлъ Орографіи и Геогнозіи, а равно и слѣдующій за нимъ о климатѣ, сообщатъ еще многое для ближайшаго знакомства съ Алданскими горами, напр. изумительное исчезаніе, подъ самыми ногами, горныхъ ручьевъ, замѣчательныя явленія накипней и тому подобное; здѣсь же я упомяну преимущественно только о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

На пути отъ Алдана къ Удскому, Учуръ есть единственная рѣка, годная для плаванія лодокъ бóльшаго размѣра. На немъ, правда, есть одинъ порогъ, именно въ 50 верстахъ ниже Удской дороги, но этотъ порогъ не мѣшаетъ даже проходу плотовъ, на которыхъ Тунгусы иногда плаваютъ къ Алдану, достигая сюда этимъ способомъ отъ помянутой

---

[1]) Половинная т. е. ея главный рукавъ, при низкой водѣ имѣетъ ширины не болѣе 40 саженъ (у урочища Сатыганъ-Тюбе); мы же нашли ее въ 200 саженъ шириной. Уянъ, при Саргатталахѣ имѣлъ 150 саженъ ширины, а при Сибиктелахѣ едва 30; Большой Аимъ —отъ 15 до 20, Кёканъ—10, Сенъ, Малый Аимъ, Селенда предъ впаденіемъ Лакандаха—6 саженъ и т. д.

Кажется, Половинная, относительно своего богатства водой, можетъ быть удобно сравнена съ Юдомой, ширину которой Сарычевъ (Путешест. I, стр. 124) при впаденіи ея въ Маю опредѣлилъ въ 150 саженъ, а глубину въ 3 фута.

[2]) Даже маленькій безъименный ручей этой мѣстности, при Огусъ-Багá, потребовалъ наводки моста. Намъ было бы невозможно перебраться чрезъ небольшое пространство между Половинной и Удскимъ, еслибы на немъ не находилось множество мостиковъ, а предъ самымъ Удскимъ не было моста болѣе значительнаго, находящагося здѣсь уже издавна.

дороги въ три дня. Вливаясь въ Алданъ, Учуръ образуетъ широкое устье и огибаетъ множество острововъ.

Хотя Учуръ глубоко врѣзывается въ горную равнину, чрезъ которую онъ протекаетъ, и берега его иногда такъ круты, что склоны нерѣдко прямо съ высотъ опускаются въ воду, однакожъ при устьѣ обширной горной долины по рѣкѣ Селендѣ представилась возможность избрать мѣсто для ежегодной Учурской ярмарки. Говорятъ также, что одинъ изъ жителей Якутска основалъ здѣсь поселеніе и занимался не только торговлей, но и скотоводствомъ. Мы нашли только при устьѣ ручья Абакана нѣсколько разбросанныхъ избушекъ, которыя дѣлаются жилыми обыкновенно въ Мартѣ, во время ярмарки. Проводники намъ сказывали, что здѣсь предполагается построить церковь.

Путь, избранный нами отъ Алдана, точно также не единственный, какъ и тотъ, который велъ насъ отъ Якутска къ Алдану. Есть, говорятъ, во многихъ отношеніяхъ лучшій путь, идущій отъ устья Мили къ мѣсту Учурской ярмарки: почва его крѣпче и на ней менѣе валежника; перевалы его ниже, и кромѣ того онъ имѣетъ относительно лучшія кормовища.

Чрезъ главный гребень Алданскаго хребта есть также нѣсколько переваловъ. Такъ напримѣръ, поднявшись по Уяну до устья Босуда-Аламыты, можно, вмѣсто того чтобъ направиться къ истокамъ Уяна, какъ мы сдѣлали, выбрать путь по Босуда-Аламытѣ, который ведетъ къ перевалу меньшей крутизны. Затѣмъ доходятъ до истоковъ Нимни и спускаясь внизъ по направленію послѣдняго, достигаютъ при Солурнаѣ дороги, которая вошла въ нашъ маршрутъ [1]).

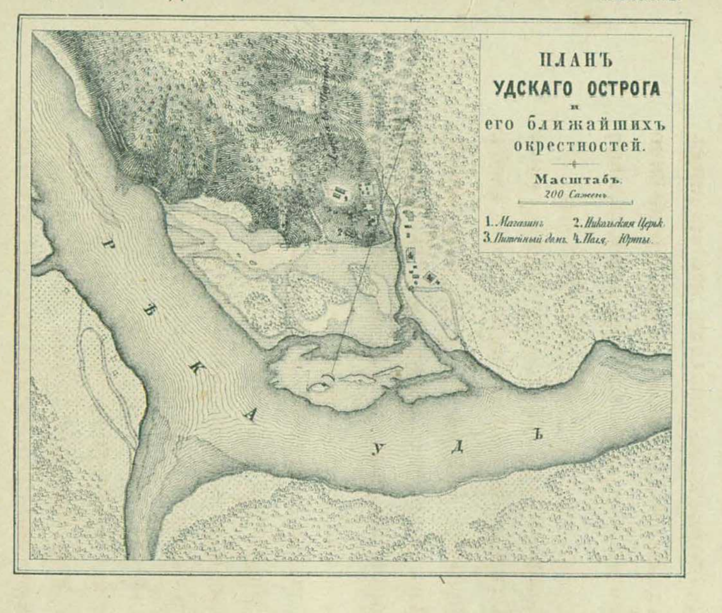
Переходъ отъ Солурная къ Кануною былъ въ высшей степени затруднителенъ: мѣстами лошадямъ приходилось карабкаться вмѣстѣ съ вьюками со скалы на скалу. Слѣдуя внизъ по Кануною, также часто случалось переправляться въ бродъ, какъ было на Уянѣ, на противоположномъ склонѣ хребта. Вблизи Удскаго снова тонешь въ болотѣ, чрезъ которое пролагаютъ себѣ путь ручьи Хатыннáхъ и Харьелáхъ.

Удской Острогъ, положеніе котораго изображаетъ карточка на листѣ XVI, построенъ на песчаномъ пригоркѣ лѣваго берега рѣки Уди и состоитъ изъ двухъ небольшихъ отдѣленій, разграниченныхъ другъ отъ друга незначительнымъ ручьемъ. Только второе, меньшее отдѣленіе имѣетъ удобство для земледѣлія и оно примыкаетъ къ узкой долинной низменности, оканчивающейся лѣсомъ и болотомъ и составляющей сѣверозападную оконечность главной долины, которая тянется отъ Удскаго до впаденія Половинной въ Удь.

При низкомъ уровнѣ воды рѣка Удь отходитъ отъ города на полверсты. Въ это время усѣянная валунами лощина, посреди которой возвышаются три маленькіе острова, покрытые бѣдною растительностію, отдѣляетъ высокій берегъ отъ главнаго русла рѣки. Но при каждомъ повышеніи воды эта лощина болѣе или менѣе понимается водою, которая несется по ней стремительными потоками.

Только при высокомъ уровнѣ воды могутъ ходить по рѣкѣ Уди лодки значитель-

[1]) По мнѣнію инородцевъ, Солурнай впадаетъ въ Нимни, а на дѣлѣ, кажется, выходитъ обратно.



Лит. Э. Брукмана Адмиралт. площади д. Гамбс №8

нѣйшаго размѣра, такъ какъ она распадается на множество рукавовъ, фарватеръ которыхъ загроможденъ розсыпями, камнями, пловучимъ лѣсомъ и тому подобнымъ. Когда плывешь по ней, то при быстромъ теченіи поражаешься разнообразными видами этихъ препятствій и подвергаешься опасности, если вода не высока. Впрочемъ теченіе рѣки, не смотря на грозную наружность, менѣе стремительно, нежели теченіе Половинной [1]).

Приблизительное понятіе о рѣкѣ Уди можно получить изъ находящагося на лист. X—XII очерка ея теченія между Удскимъ и моремъ. Онъ составленъ, сколько это было возможно, во время быстраго плаванія [2]). Вообще на правомъ берегу долины Уди лежатъ гористыя, а на лѣвомъ низменныя мѣстности, такъ что лѣтняя дорога отъ Удскаго ведетъ къ устью по правому берегу. Только при высокомъ уровнѣ воды рѣка, на небольшихъ пространствахъ какъ-бы собирается въ одно русло; однакожъ скоро замѣчаешь, что и въ этихъ мѣстахъ съ паденіемъ воды обнажается множество каменныхъ розсыпей. Въ-слѣд-

---

[1]) Многократныя измѣренія какъ у Удскаго такъ и при устьѣ Уди дали отъ 7 до 11 верстъ скорости въ часъ.

[2]) Все видѣнное и выспрошенное нами въ-продолженіе этого пути заключалось въ слѣдующемъ. Внизъ отъ Удскаго продолжается еще версту широкая каменная розсыпь т. е. упомянутая въ текстѣ лощина, усѣянная в лунами. Концу этой розсыпи соотвѣтствовало озеро Копотинское, изливающее свои воды посредствомъ ручейка въ Удь и находящееся въ связи съ другимъ озеромъ, Сухаревскимъ. Оба они лежатъ параллельно главной рѣкѣ въ низкой, лѣсистой долинѣ и весьма богаты рыбой. Цѣпь высотъ, покрытыхъ лѣсомъ, подходитъ къ лѣвому берегу на разстояніе около полуторы версты. Какъ разъ у подошвы этой цѣпи лежитъ небольшое озеро Камешки́, а возлѣ его, къ морю, озеро Сулукуча́нъ. При урочищѣ Пашни въ главную рѣку снова впадаетъ рукавъ, отдѣлившійся отъ нея противъ Удскаго, подъ именемъ Култу́ка. Вскорѣ затѣмъ снова отдѣляется отъ нея изогнутый въ-право рукавъ, Мамбогойская (протока), шириною около 40 саженъ, а ниже еще протока Амбарская, уклоняющаяся влѣво. Въ эту послѣднюю, тоже съ лѣвой стороны, впадаетъ обозначенный на нашемъ чертеѣ ручей Харьелахъ, по-Русски называемый Еловка. Насупротивъ его устья лежитъ широкая, лѣсистая и покрытая множествомъ озеръ низменность, которая тянется до того мѣста, гдѣ главная рѣка омываетъ своею правою стороною горную цѣпь Алгею́, которая выдается въ рѣку утесомъ Столбы. У этого утеса отдѣляется протока Миликанская, получившая свое названіе отъ рѣчки, въ нее впадающей. Напротивъ его, на лѣвомъ берегу Уди, около полуверсты выше устья Половинной, впадаетъ въ рѣку истокъ изъ озера Курулима, лежащаго среди луговой равнины. Послѣ устья Половинной, называемой также Мая, лежитъ урочище Судно; противъ него находится урочище Торгане, а между ими обѣими, раздѣленная на множество потоковъ Удь огибаетъ четыре большіе лѣсистые острова. Гдѣ всѣ эти рукава снова собрались вмѣстѣ, Удь имѣетъ ширины около $2/_5$ версты. Противъ устья Евдуси́на начинается нѣсколько лѣсистыхъ острововъ. Немериканъ беретъ свое начало въ высотахъ Кабчи близъ Половинной. (Сравн листы X — XII маршрутъ № 3). Ниже его устья отдѣляется рукавъ Брызгинихина; онъ опоясываетъ островъ того-же имени, славящійся своими покосами. Затѣмъ слѣдуютъ съ правой стороны рукавъ Корытихина, и другой длинный рукавъ — Севяканская, оба обтекаютъ островъ, названный по имени послѣдняго изъ нихъ. Выходящій на NNW ручей Дуся впадаетъ съ лѣвой стороны въ весьма длинный рукавъ того же имени. У утеса Горѣлаго длинная протока Севяканская сливается съ главной рѣкой. Изъ слѣдующихъ затѣмъ ручьевъ, означенныхъ на чертежѣ, надобно упомянуть о Сохатомъ, такъ какъ его глубокое устье и запруженная вода даютъ покойное пристанище лодкамъ большаго размѣра. Рукавъ Басынъ Сыруджёкъ омываетъ открытую равнину; за нимъ слѣдуетъ рукавъ Кутачикъ.

Около двухъ верстъ выше урочища Чумика́нъ, ограничивающаго устье Уди съ правой стороны, главное русло поворачиваетъ въ-право, тогда какъ съ лѣвой стороны отдѣляется отъ нея рукавъ Алкака́нъ, между которымъ и главнымъ русломъ лежитъ множество подводныхъ и обнаженныхъ каменныхъ розсыпей и даже покрытыхъ травою острововъ. Урочище Чуминанъ — плоскость, имѣющая $1/_4$ версты ширины и вдвое больше длины и простирающаяся вдоль устья. Около ста саженъ вверхъ по рѣкѣ отъ магазина, стоящаго на Чумиканѣ, впадаетъ съ правой стороны глубокій рукавъ, чрезвычайно удобный для пристани большимъ лодкамъ, въ который около полуверсты выше втекаетъ ручей Табатинъ. (См. также Зап. Гидр. Деп. IV, 1846, стр. 60). Около полуверсты внизъ по рѣкѣ, отъ упомянутаго магазина стоялъ еще другой, поменьше, а $3/_4$ версты далѣе начинается уже морской берегъ, по каменистому уступу котораго Удь, множествомъ устьевъ, бурливо вливается въ море.

ствіе этого видъ Уди при каждомъ измѣненіи уровня воды различенъ. При значительно высокомъ уровнѣ, рѣка по обѣ стороны доходитъ вплоть до склоновъ и отдѣльныхъ крутыхъ скалъ, между которыми заперта ея долина, или вырываетъ себѣ на поемныхъ мѣстахъ долинъ и лѣсистыхъ низменностей крутые, отвѣсные берега. Большіе острова, покрытые лѣсомъ, съ низкими, но крутыми берегами, высятся живописно надъ бурно стремящеюся чрезъ всѣ препятствія водною плоскостію, ширина которой достигаетъ до $2\frac{1}{2}$ верстъ. Картина величественная, но слишкомъ подвижная.

Чѣмъ болѣе спускается вода къ среднему уровню, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ впечатлѣніе могущественной силы, тѣмъ больше обозначается слѣдовъ минувшаго, но неотразимо сокрушающаго величія, и наконецъ тѣмъ безпорядочнѣе и тяжелѣе для глазъ картина. Куда ни взглянешь, дно долины на цѣлыя версты усыпано неизмѣримымъ слоемъ камней, состоящимъ изъ обломковъ скалъ, которые сила теченія разбила въ куски, растерла, округлила, вылощила, и, нагромоздивъ одно возлѣ другаго, смастерила настоящее ложе. Все шире и шире дѣлаются края, покидаемые водою; число каменистыхъ полосъ и мелей увеличивается; каменистые острова растутъ въ объемѣ; все больше извилинъ и раздробленія представляютъ ложбины, въ которыхъ находятъ себѣ путь отдѣльные потоки.

Напослѣдокъ, когда вода ушла въ самое глубокое свое ложе, картина дѣлается опять проще, но тѣмъ пустыннѣе. Менѣе значительныя развѣтвленія воды пропали; осталось впрочемъ еще нѣсколько большихъ рукавовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ у мѣстныхъ жителей свое особенное названіе. Часто бываетъ трудно отличить главное русло рѣки отъ побочныхъ рукавовъ, тѣмъ болѣе, что и оно мѣстами опадаетъ до $2\frac{1}{2}$ футовъ глубины. Ея воды только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ состояніи были вырыть себѣ ложбину поглубже, но въ такомъ случаѣ она съуживается до $\frac{1}{10}$ версты; по большой же части рѣка загромождена розсыпями; ея воды разливаются по пространству въ пять, даже въ десять разъ больше помянутой ширины и стелются по широкимъ отмелямъ. Понятно, какъ въ-слѣдствіе того трудно плавать и подходить къ берегу даже на челнокахъ.

Становой водораздѣлъ и выходящіе изъ него сѣверные притоки Амура.

Я уже упомянулъ (на стр. 112), что въ-слѣдствіе полнаго преобразованія Амурскаго края въ новѣйшее время я вмѣнилъ себѣ въ обязанность выбрать заблаговременно соотвѣтствующее названіе для той части Становаго Хребта, которой я въ моихъ путевыхъ замѣткахъ, а при случаѣ и послѣ, давалъ отличительное наименованіе Становаго Пограничнаго Хребта. Мы условились называть ее отнынѣ Кореннымъ-Становымъ Хребтомъ. Подъ этимъ именемъ мы будетъ разумѣть ту, изслѣдованную мною въ особенности, часть Становаго хребта, въ которой берутъ свои источники далеко расходящіяся вѣтви Зеи,

на которыя дѣлится въ своемъ верховьи этотъ значительнѣйшій изъ всѣхъ сѣверныхъ притоковъ Амура. Согласно тому Зеинскій Хребетъ есть не что иное, какъ восточная половина еще Палласомъ [1]) наименованнаго Становаго Водораздѣла, который, начинаясь въ Забайкальскомъ краѣ подъ названіемъ Яблоннаго, простирается на востокъ до горнаго узла, откуда идетъ на югъ, подъ прямымъ угломъ, Буреинскій Хребетъ.

Такъ какъ только у южныхъ границъ русскихъ владѣній въ Сѣверной Азіи начинается жилой климатъ, и въ то-же время Амуръ есть единственная, значительнѣйшая водная жила, ведущая къ океану, единственный путь, который природа дала со всѣхъ сторонъ запертой Сибири, то мною и овладѣло непреодолимое желаніе посѣтить этотъ край, въ который, рано или поздно, должно проникнуть судоходство, и вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизація. Все лѣто трудился я по мѣрѣ силъ надъ выполненіемъ задачъ, указанныхъ мнѣ Академіей относительно Удскаго и Шантарскихъ острововъ. Возложенное на меня порученіе тѣмъ было окончено и вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніе на родину было тѣмъ настоятельнѣе, что бурная осень стояла уже у дверей, а запасъ нашихъ богатыхъ коллекцій могъ быть переправленъ до Удскаго только водою, а отъ Удскаго въ Якутскъ также не иначе, какъ тою-же дорогой, которою мы пріѣхали, и могъ быть доставленъ только въ началѣ зимы. Якутскъ, лежащій въ полуторѣ-тысячѣ верстъ отъ Тугурскаго залива, былъ для насъ ближайшимъ пунктомъ, находящимся уже въ правильномъ сообщеніи съ Европейской Россіей. Ужели же я долженъ былъ теперь возвращаться въ Якутскъ тѣмъ-же путемъ, на которомъ я только-что собралъ свою лучшую добычу въ благопріятную пору года? Отправивъ коллекціи этимъ путемъ, подъ наблюденіемъ моего помощника Бранта, я составилъ себѣ иной планъ, не обращая вниманія, сходился ли онъ съ видами Главнаго Управленія, завѣдывавшаго въ то время пограничными дѣлами [2]).

Хотя изъ распросовъ объ Амурскомъ краѣ оказывалось, что тамъ даже за 50° сѣв. широты къ югу стоитъ жестокая зима и во многихъ мѣстахъ выпаденіе снѣга бываетъ необыкновенно сильно; но за то съ Амурскимъ краемъ связано было столько вопросовъ первостепенной важности, что ни неблагопріятныя условія зимняго путешествія въ этомъ краю, ни рѣшительный недостатокъ при мнѣ необходимыхъ инструментовъ для ученыхъ наблюденій, не въ состояніи были воспрепятствовать мнѣ отправиться къ низовьямъ Амура, перебраться затѣмъ чрезъ Становой хребетъ, считавшійся въ то время условленной границей, въ Китайскія владѣнія, странствовать по нимъ въ-теченіе четырехъ мѣсяцевъ и наконецъ поднявшись по верхнему теченію Амура достигнуть Русской границы въ Забайкальскомъ краѣ. Такъ какъ я не могъ дѣлать наблюденій ни надъ каменными породами, покрытыми въ то время снѣгомъ, ни надъ роскошною производительностію природы, прославленною старинными козаками за ея необыкновенное богатство лиственнымъ лѣсомъ, хлѣбомъ, плодами и даже виноградомъ, ни надъ міромъ животныхъ, ежегодно уходящихъ отъ чрезмѣрной зимней стужи, то климатическіе и географическіе вопросы естественно выступили въ моихъ наблюденіяхъ на первый планъ. Да и для этихъ вопросовъ оставшіеся при мнѣ инструменты

---

[1]) «Reisen durch versch. Provinzen d. Russ. Reichs». 1776, III, въ различныхъ мѣстахъ, напр. стр. 162.

[2]) Сравни стр. 113 текста, вмѣстѣ съ примѣч. 1 и 4.

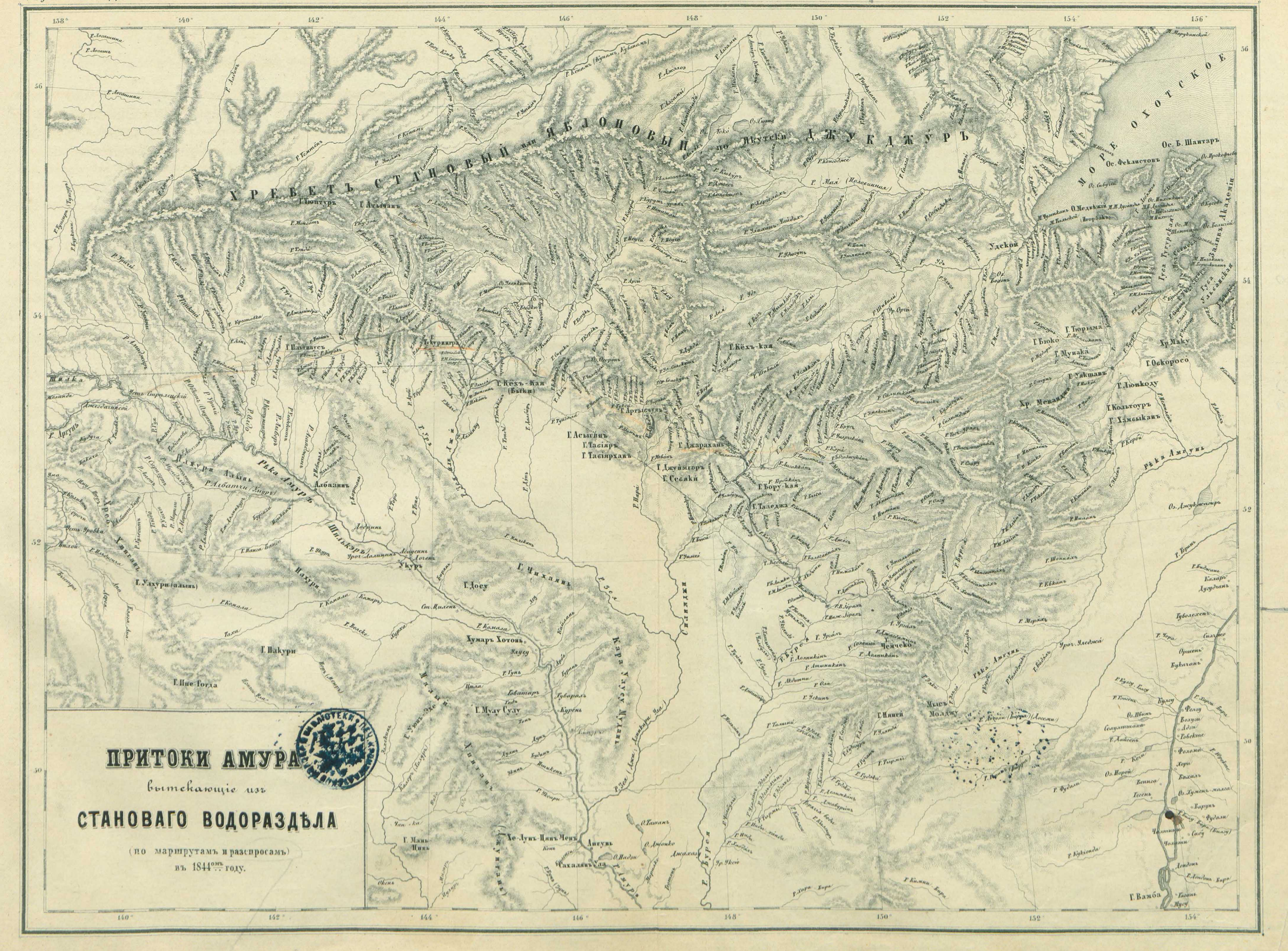
были вовсе неудовлетворительны. Слишкомъ объемистый теодолитъ уже давно не могъ слѣдовать за мною по горамъ; взятые нами барометры или раздѣлены были по разнымъ станціямъ нашей экспедиціи, или оказались негодными; такая же печальная участь постигла вскорѣ нашъ послѣдній термометръ и даже наши послѣдніе часы, и я по неволѣ долженъ былъ ограничиться единственнымъ, оставшимся намъ вѣрнымъ инструментомъ — пель-компасомъ. Какъ бы то ни было, но я не раскаиваюсь въ томъ, что рѣшился на помянутое путешествіе. Тщательно занося на бумагу нашъ маршрутъ и провѣряя, сколько было возможно, критически множество показаній на мои разспросы, я успѣлъ составить картину Амурскаго края, которая бросила новый свѣтъ на эту страну. За исключеніемъ нашихъ старинныхъ козаковъ, этихъ открывателей и завоевателей, которые полтора вѣка тому назадъ снова вытѣснены были изъ занятой ими страны, не говоря уже объ путешественникахъ образованныхъ, никто не сообщилъ извѣстій объ этомъ горномъ краѣ. Для правильнаго уразумѣнія подвиговъ нашихъ удалыхъ промышленниковъ, а равно условій и потребностей образа жизни Тунгусовъ, постоянно кочующихъ въ этихъ горахъ, знакомство съ именами многочисленныхъ горныхъ ручьевъ, которые служатъ этому племени путями сообщенія, перевалами и мѣстами промысла, на первый разъ гораздо важнѣе строгой точности астрономическаго опредѣленія мѣстъ. На этомъ основаніи я не побоялся, десять лѣтъ тому назадъ, составить карту подъ названіемъ: «Первый опытъ гидрографической карты Становаго Хребта съ его отрогами». Эта карта не только напечатана, но и была уже обобрана [1]), хотя собственно еще не появлялась въ свѣтъ. Такой переходъ нѣкоторыхъ главныхъ чертъ моего труда въ небольшіе картографическіе очерки, имѣвшіе величайшій успѣхъ, не могутъ нисколько причинить вреда изданію моего оригинала, потому что главная заслуга его состоитъ въ множествѣ заключающихся въ немъ частностей; однакожъ, такъ какъ со времени моего путешествія прошло уже болѣе десяти лѣтъ и въ теченіе этого періода географіи Амурскаго края посвящены были тщательные труды многихъ спеціалистовъ, нѣсколько экспедицій отправлено сюда какъ правительствомъ, такъ и Географическимъ Обществомъ, многіе пункты, и именно подъ руководствомъ Шварца [2]) опредѣлены астрономически, то я и отступаю охотно предъ великими успѣхами новѣйшаго времени. Я свертываю мою вышеупомянутую карту, въ ожиданіи, что въ Иркутскѣ въ скоромъ времени составлена будетъ карта Восточной Сибири несравненно подробнѣе всѣхъ доселѣ существующихъ. Своихъ читателей прошу я

---

[1]) Если сравнимъ карту Веймарскаго изданія: «Das Russische Reich in Europa, Asien und Amerika», черченную К. Ф. Вейландомъ и исправленную Кипертомъ, то въ изданіи ея 1850 года (а можетъ быть уже и раньше) замѣтимъ появленіе мною сдѣланныхъ исправленій. Дѣло въ томъ, что моя карта была литографирована въ Берлинѣ Мальманомъ и тамъ-то воспользовался ею Кипертъ, на что я и не сѣтую.

Кромѣ того, что я самъ снялъ на бумагу касательно лѣваго берега Амура, къ моимъ услугамъ была сохранившаяся карта праваго берега Амура, составленная Лadыженскимъ по Китайскимъ источникамъ. Относительно же Алданскаго хребта мнѣ доставляли опору составленныя Ѳоминымъ карты рѣкъ.

[2]) Сравни въ Отчетѣ Имп. Р. Географическаго Общества за 1857 годъ, 1858, стр. 113 и дал. самый полный донынѣ (хотя, вѣроятно, не надолго) списокъ пунктовъ на югѣ Восточной Сибири, снятыхъ астрономически. Сибирскій запасъ матеріяловъ преимущественно богатъ, кажется, топографическими рекогносцировками, сдѣланными въ новѣйшее время. Именно Алданскій хребетъ осмотрѣнъ былъ въ разныхъ направленіяхъ.


ПРИТОКИ АМУРА
вытекающіе изъ
СТАНОВАГО ВОДОРАЗДѢЛА
(по маршрутамъ и разспросамъ)
въ 1844омъ году.
ХРЕБЕТЪ СТАНОВЫЙ или ЯБЛОНОВЫЙ по Якутски ДЖУКДЖУРЪ
МОРЕ ОХОТСКОЕ
Рѣка Амуръ
Рѣка Амгунь
Хр. Меванджа
Г. Кехъ-кая
Г. Джарахань
Г. Сесаки
Удской
Албазинъ
Г. Ульхури (Ильинъ)
Г. Накури
Г. Ине-Гогда
Хумаръ Хотонъ
Г. Муду Сулу
Айгунь
Сахалянъ Ула
Мысъ Молджу
Ос. Б. Шантаръ
Ос. Феклистовъ
Г. Важба
138°
140°
142°
144°
146°
148°
150°
152°
154°
156°
50
52
54
56

покамѣсть обращаться къ моему маршруту по Амурскому краю на листѣ XVII и къ сводной картѣ на листѣ I.

Но прежде нежели послѣдуемъ за моимъ странствованіемъ отъ Тугурскаго залива въ Забайкальскій край, не лишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что хотя въ теченіи полутора вѣка не было никакихъ свѣдѣній о сѣверной половинѣ Амурскаго края, тѣмъ не менѣе съ этими мѣстами точно также какъ и съ Шантарами существовали сношенія, остававшіяся неизвѣстными. Итакъ представимъ краткій очеркъ исторіи этого края [1]).

Въ 1636 году въ первый разъ до начальства Сибири дошли слухи о благодатной землѣ, богатой земледѣліемъ и вмѣстѣ обладающей превосходнѣйшими въ мірѣ соболями; утверждали, что тамъ есть также серебро и шелковыя ткани: о бумажныхъ тканяхъ и мѣдныхъ котлахъ и говорить нечего. Къ этому богатству слухи гадательно прибавляли — золото и драгоцѣнные камни.

Очаровательнымъ звукомъ должна была пронестись эта вѣсть въ ушахъ ненасытныхъ искателей приключеній, которымъ выпало на долю дорогою цѣною оплаченное ими право открывать новый міръ, подвигаясь впередъ и завоевывая шагъ за шагомъ. Этимъ удальцамъ изъ рода въ родъ суждено было проникать въ-теченіе полутора вѣка все дальше и дальше, и при каждомъ новомъ шагѣ встрѣчать только все больше ужасовъ природы и все грубѣе обитателей. Тѣмъ не менѣе эти подвиги козаковъ были не что иное, какъ про-

[1]) Исторіею открытія Амурскаго края Россія обязана нашей Академіи. Спустя почти столѣтіе послѣ появленія перваго извѣстія объ Амурѣ Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. II, 1736, стр. 293 и слѣд.) совокупилъ всѣ свѣдѣнія, найденныя имъ въ Сибирскихъ архивахъ. Его единственный предшественникъ былъ Витзенъ (изданіе 1692, II стр. 27, 31 — 34, 40, 41, 433 и 434, 520 и слѣд.), показанія котораго однакожъ крайне неудовлетворительны, по своей неполнотѣ и неясности.

Съ тѣхъ поръ рядъ актовъ, на основаніи которыхъ Миллеръ составилъ свои изображенія, былъ обнародованъ Археографическою Коммисіей, по спискамъ, найденнымъ между его рукописями. Назовемъ, кромѣ упомянутыхъ уже при случаѣ, слѣдующіе нумера Дополн. къ Акт. Историч. 1848, III, касающіеся Амура: №№ 12, 50, 72, 95, 99, 102, 122. Не лишнимъ будетъ замѣтить между тѣмъ, что Сынъ Отечества (1840, Томъ I, Отд. VI, стр. 85) восмью годами ранѣе началъ тоже дѣло, обнародовавъ 14 документовъ, касающихся Хабарова и списанныхъ съ подлинниковъ, находящихся въ Якутскѣ.

Какъ единственное существенное дополненіе къ показаніямъ Миллера, я могу назвать списки съ двухъ старинныхъ рукописей, обнародованные Спаскимъ (въ Вѣст. Геогр. Общ. 1853, VII, Изслѣд. стр. 15) подъ названіемъ: Свѣдѣнія Русскихъ о рѣкѣ Амурѣ въ XVII столѣтіи. Первая рукопись: Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ, почти меньше имѣетъ цѣны, чѣмъ вторая: Отписка.... воеводѣ.... Воейкову отъ посланнаго въ 1681 году для обозрѣнія Амура сына боярскаго Игнатія Милованова. Чрезвычайно жаль, что посланный Миловановымъ чертежъ посѣщеннаго имъ Амурскаго края до сихъ поръ не отысканъ.

Изъ множества сочиненій, въ которыхъ обобранъ Миллеръ, назовемъ прежде всѣхъ Щукина: «Подвиги Русскихъ на Амурѣ» (Сынъ Отечества, Сентябрь, 1848, стр. 1.), такъ какъ сочинитель въ отношеніи Амура занимаетъ первое мѣсто между тѣми Русскими писателями, которые не стыдятся содержаніе мало доступныхъ или на иностранныхъ языкахъ написанныхъ сочиненій выдавать предъ читателями за свое собственное произведеніе. Г. Щукинъ, который, какъ извѣстно, живетъ у самаго источника матеріяловъ и слѣдовательно могъ бы черпать изъ него, далъ своей, впрочемъ весьма хорошо составленной и полной статьѣ обманчивое заглавіе: «на основаніи подлинныхъ бумагъ Якутскаго и Нерчинскаго Архивовъ». Ни слова о Миллерѣ или хоть бы о документахъ, изданныхъ изъ его собраній.

Изъ числа переводовъ или передѣлокъ Миллеровыхъ показаній объ Амурѣ назову здѣсь кстати мнѣ извѣстные, именно: переводы въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ изд. И. Акад. Наукъ, 1757; отдѣльныя мѣста въ Древней Россійской Вивліоѳики, напр. VII, 1775 стр. 384; Фишеръ, «Sibirische Geschichte» II, 1768, стр. 778 и друг.; Спаскій въ Сибирскомъ Вѣстникѣ II, 1819 стр. 175; Словцовъ въ Историческомъ Обозрѣніи Сибири, I, 1838, стр. 82, съ собственными взглядами и разсужденіями; Штукенбергъ Hydrogr. d. Russ. Reiches, II, 1844, стр. 762, гдѣ встрѣчаются нѣкоторыя новыя показанія; и наконецъ небольшая статья въ Современникѣ, 1850, VII, Отд. II, стр. 121.

долженіе того-же великаго замысла, которымъ воспламеняла западную Европу жадность до тропическихъ богатствъ. Образованный Западъ тщетно пытался проложить мимо сѣверныхъ береговъ частей свѣта путь къ богатствамъ Индіи и Японіи. Туда-же, по сухимъ путемъ отыскивали дорогу и наши козаки, само собою разумѣется, тѣмъ менѣе сознавая конечную цѣль своихъ стремленій, чѣмъ медленнѣе подвигались ихъ дѣло къ востоку и чѣмъ болѣе интересъ настоящаго весь поглощался массою богатой добычи, находимою завоевателями на пути. Богатства благословенныхъ тропиковъ, шелкъ, слоновую кость и даже пряности, продававшіяся на вѣсъ золота, — все это Сибирь предлагала въ избыткѣ. Неслыханно жестокая стужа произвела здѣсь шелковистое руно драгоцѣнныхъ мѣховъ; подъ ея-же вліяніемъ выросла изо льда замѣна слоновая кости — клыкъ моржа; кость слона-мамонта сбереглась въ древнѣйшихъ ледяныхъ слояхъ; тамъ добывались наконецъ мускусъ и бобровая струя — магическое средство, подороже тропическихъ пряностей, способное даже не допускать души умирающихъ разставаться съ тѣломъ.

«Открыли неизвѣстную страну!» раздалось повсюду, страну, въ которой ко всѣмъ помянутымъ благамъ Сибири, присоединяются еще шелкъ, драгоцѣнные металлы и необыкновенно плодородный климатъ. Кто изъ насъ, людей промышленнаго вѣка, не пойметъ, въ какой степени эта молва должна была заглушить въ то время всѣ прочіе интересы? И эта молва ручалась за себя: она одновременно пришла съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Тунгусы изъ окрестностей Байкала, именно съ источниковъ Витима, и съ другой стороны Тунгусы береговъ Охотскаго моря, хотя и раздѣленные другъ отъ друга болѣе нежели тысячей верстъ, какъ очевидцы сообщали совершенно одинаковое извѣстіе, что̀ одновременно и было заявлено звѣроловами въ Енисейскѣ и въ Томскѣ, тамошнимъ окружнымъ начальствамъ, соперничествовавшимъ другъ другу. Но прежде нежели въ этихъ отдаленныхъ центральныхъ пунктахъ управленія сдѣланы были надлежащія приготовленія, прежде нежели успѣли отсюда надлежащимъ образомъ снарядить отряды для болѣе основательной развѣдки страны, третій, ближайшій къ мѣсту соперникъ, успѣлъ воспользоваться выгодами минуты. Въ то самое время, какъ взволновавшее всѣхъ извѣстіе объ Амурскомъ краѣ, уже сильно распространилось, Якутскъ, бывшій дотолѣ подчиненнымъ Енисейскому правленію, получилъ самостоятельное административное значеніе. Лена вышла изъ-подъ зависимости Енисея. Назначенный въ Якутскъ воевода — такое воинственное названіе носили въ то время окружные начальники — опередилъ своихъ товарищей: въ 1643 году онъ отправилъ передовщика Пояркова съ отрядомъ во 132 человѣка, набраннымъ преимущественно изъ звѣролововъ, записавшихся охотою въ козаки, для развѣдки Амурскаго края. Мы уже упомянули выше (стр. 96), что онъ съ Алдана перешелъ на Зею и спустившись сначала по ней, и затѣмъ по Амуру, достигъ южнаго берега Охотскаго моря и послѣ трехлѣтняго отсутствія возвратился домой съ востока.

Итакъ Поярковъ былъ здѣсь первый путешественникъ; но онъ только проѣхалъ чрезъ этотъ край. Спустившись внизъ по Амуру, онъ не оставилъ ни какого прочнаго слѣда своего путешествія, а равно и не видалъ верхней части теченія Амура. А сколько

мужества нужно было для того чтобы рѣшиться на подобный подвигъ, сколько предстояло трудностей въ этихъ недоступныхъ, страшно холодныхъ горахъ, чрезъ которыя отрядъ Пояркова рѣшился перебраться въ страны неизвѣстныхъ и не вовсе безоружныхъ народовъ [1]), путемъ до такой степени труднымъ, что въ-послѣдствіи никто не осмѣлился повторить его, — объ этомъ можно судить по слѣдующему факту: болѣе трети людей, вышедшихъ съ отрядомъ, умерло съ голоду, хотя умершіе, подобно оставшимся въ живыхъ, питались трупами убитыхъ туземцевъ и своихъ погибшихъ товарищей [2]).

Ни эти, ни другіе подобные ужасы, повторившіеся въ 1656 году, не были въ состояніи не только заглушить, но даже ослабить обуявшее всѣхъ стремленіе проникнуть въ Амурскій край. Серебряная руда, которую Пояркову поручено было отыскать, хотя и превратилась въ незначительные слѣды серебра, доставляемаго на Амуръ изъ Китая путемъ торговли, но за то добыча соболями была богаче, нежели когда-либо.

Такимъ образомъ, три года спустя по возвращеніи Пояркова, другому развѣдчику Амурской области, имя котораго никогда не забудется, Хабарову, суждено было, достигнуть Амура, именно верхней части его, уже новымъ путемъ, ведущимъ вверхъ по Олекмѣ и потомъ чрезъ Урканъ прямо къ верхнему Амуру; ему суждено было первому утвердиться на этой рѣкѣ и въ-слѣдствіе того проплыть по ней какъ внизъ по теченію, такъ и обратно.

Достаточно будетъ изложить въ короткихъ словахъ, что случилось особенно замѣчательнаго въ-продолженіе слѣдующихъ 40 лѣтъ второй половины XVII столѣтія, именно до того времени, когда Русскіе оттѣснены были отъ Амура. Хабаровъ пустился къ Амуру, имѣя вдвое меньшій отрядъ, нежели Поярковъ, и слѣдовательно не могъ бы утвердиться на Амурѣ, еслибы къ нему почти ежегодно не прибывали, кромѣ нѣсколькихъ козаковъ, порядочныя толпы искателей приключеній, состоявшіе изъ людей всѣхъ сортовъ. Подобно Пояркову, онъ нашелъ на верхнемъ Амурѣ и въ области нижней Зеи уже осѣдлыя племена, которыя занимались земледѣліемъ, щедро вознаградившимъ ихъ трудъ. Хотя страна была населена въ незначительной степени, однако занятіе земледѣліемъ и потребность во взаимной поддержкѣ на случай непріятельскаго нападенія заставили жителей Амура сосредоточиться въ видѣ селеній, находившихся подъ управленіемъ уважаемыхъ старшинъ. Эти старшины, впрочемъ, уже издавна платили дань сосѣднимъ Манджурамъ. Чѣмъ ближе къ южному изгибу рѣки, тѣмъ населеннѣе были эти деревни. Между Зеей

---

1) Историческія воспоминанія, какъ кажется, быстро пропадаютъ у кочевыхъ племенъ; тѣмъ не менѣе мнѣ разсказывали Тунгусы на Дабукытѣ (притокъ Гилю), что прадѣдъ старухи, которая мнѣ разводила огонь, видѣлъ первыхъ Русскихъ, прибывшихъ въ эту страну. Ихъ было 6 или 7 человѣкъ и они дурно обращались съ Тунгусами, а потому прадѣдъ застрѣлилъ ихъ изъ лука въ то время, какъ они спали, тамъ, гдѣ не вдалекѣ отъ истоковъ Конама (притокъ Учура), при Бирантѣ (прит. Зеи) стоитъ гора, называемая съ того времени Нучата Хеката. По какой-то странной логикѣ, разсказщикъ приводилъ это событіе въ связь съ разсказомъ о томъ, что прадѣдъ въ-послѣдствіи былъ приведенъ къ императору (воеводѣ?) и получилъ въ подарокъ кафтанъ, шапку и почетную саблю, которые еще въ мое время хранились у его потомка Бориса.

2) См. самимъ Поярковымъ подтвержденныя показанія его обвинителей: въ Дополнен. къ Актамъ Историч., 1848, III, № 12, годъ 1646.

и Шингаломъ (Сонгари) у Гогуловъ на каждое селеніе приходилось по 10 избъ, и только въ Кокореѣ ихъ было 40, тогда какъ ниже у Дучеровъ число избъ доходило отъ 60 до 80. Многія изъ селеній [1]) были, на случай непріятельскаго нападенія, защищены крѣпостцами; лучшія изъ этихъ крѣпостей окружены земляными валами въ сажень вышины и рвами такой-же глубины, которые посредствомъ крытыхъ ходовъ вели къ водѣ. Башни господствовали надъ окрестностями, и какъ скоро внѣшнія укрѣпленія переходили во власть непріятеля, то осажденные запирались въ двухъ внутреннихъ отдѣленіяхъ, возведенныхъ одно позади другаго, и защищали ихъ мужественно, хотя и не могли устоять противъ трехъ пушекъ и огнестрѣльнаго оружія, равно и противъ военной опытности и храбрости Русскихъ. При штурмѣ первой значительной крѣпости Дауровъ у непріятеля убито было 661 человѣкъ, тогда какъ Русскіе потеряли только 4 человѣка. Такія крѣпостцы находились даже и на верхнемъ Амурѣ: изъ дошедшихъ до насъ скудныхъ извѣстій видно, что еще задолго до вторженія нашихъ козаковъ, Амурскій край пережилъ эпохи, въ-продолженіе которыхъ болѣе значительныя военныя силы спорили между собою и земледѣліе погибало въ-слѣдствіе военныхъ тревогъ. Мило-

---

[1]) Не мѣшало бы при случаѣ отыскать на мѣстѣ, слѣды тѣхъ селеній и укрѣпленій, которыя Русскіе застали въ Амурскомъ краѣ. Мѣста большей части изъ нихъ можно опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностію. Направляясь внизъ по рѣкѣ, встрѣчаешься съ слѣдующими селеніями, которымъ названія даны были по именамъ старшинъ, имѣвшихъ тамъ пребываніе:

А) На Амурѣ:

a) Лавкаево-Даурское было укрѣпленіе, находившееся при устьѣ Уры (Урканъ, ниже Амаджара) на Амурѣ (Дополн. къ Акт. Историч., 1848, III, стр. 347, № 95.—Витзенъ 1692, II, стр. 520, 528; и Миллеръ Samml. Russ. Gesch., II, стр. 305, 306, 308). Это было собственно главное мѣсто, тогда какъ на верхнемъ Амурѣ находилось въ это время не мало мѣстечекъ, напр.:

b) Чипинъ, находившійся въ двухъ дняхъ пути ниже укрѣпленія Лавкаева (Дополн. къ Акт. Историч., 1848, III, стр. 347, № 95 и Миллеръ, Samml. Russ. Gesch., II, стр. 335).

c) Якса (по китайски) или Албаза (Албазинъ), впослѣдствіи, какъ извѣстно, укрѣпленный Русскими (Samml. Russ. Gesch., II, стр. 312).

d) Дасаулъ (Дасауловъ городъ), въ двухъ дняхъ пути отъ Албазина (тамъ же стр. 313).

e) Гугударъ (Гогударевъ городъ), весьма сильно укрѣпленный, на разстояніи одного дня пути ниже Дасаула (тамъ же, стр. 314 и 316).

f) Банбулай (Бамбулаевъ городъ), отъ одного до двухъ дней пути ниже Гугудара (Миллеръ, Samml. Russ. Gesch., II, стр. 317, 328) и въ двухъ дняхъ пути выше устья Зеи (мѣсто не ясное; ср. Дополн. къ Акт. Историч., 1848, III, № 103, стр. 373).

g) Додува, около устья Зеи (Миллеръ, Samml. Russ. Gesch., II, стр. 300).

h) Кокорей (Кокореевъ улусъ) противъ устья Зеи, только нѣсколько ниже (тамъ-же, стр. 317).

i) Айгунъ, упоминаемый въ первый разъ въ 1676 г. Уже и тогда, когда Русскіе впервые познакомились съ нимъ, онъ былъ старымъ, покинутымъ, сильно укрѣпленнымъ мѣстомъ, исторію котораго не знали. Онъ лежалъ на полдня пути ниже устья Зеи, на лѣвомъ берегу. Насупротивъ его, нѣсколько ниже по теченію, былъ выстроенъ Китайцами въ 1683 году на правомъ берегу Амура Сахаля́нъ-Ула-Хотонъ, (Samml. Russ. Gesch., II, стр. 377, 381, 397).

k) Толгинъ (городъ), сильно укрѣпленный, на разстояніи одного дня пути ниже устья Зеи (тамъ-же, стр. 318). Кажется, что на этомъ мѣстѣ въ 1685 (?) году возникъ городъ Сахалянъ-Ула. (Бюшингъ, Magazin für neue Histor. u. Geogr., 1796, II, стр. 502).

l) Ачанъ (Ачанскій городъ), въ странѣ питающихся рыбою Нгатку (Натки) ниже Усури, на лѣвомъ берегу Амура. (Дополн. къ Акт. Историч., 1848, III, № 102, стр. 364 и Миллеръ Samml. Russ. Gesch., II, стр. 321, 323).

B) На Зеѣ, вверхъ отъ ея устья (кромѣ уже названныхъ Додува и Кокорея).

m) Балдачинъ, на разстояніи одного дня пути вверхъ отъ устья Зеи (тамъ-же, стр. 301).

n) Молдикичитъ, при впаденіи Силимджи́ въ Зею (Тамъ-же, стр. 300).

o) Укрѣпленіе при устьѣ Гогулъ-Кургу, впадающаго въ Зею съ востока; на разстояніи одного дня пути выше устья Силимджи.

вановъ, о которомъ рѣчь впереди, нашелъ въ 1681 году при Айгунѣ старинныя укрѣпкенія, которыя онъ описалъ и снялъ на планъ; между самими туземцами не сохранилось ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, кто построилъ эти укрѣпленія и куда дѣвались люди, между тѣмъ какъ съ другой стороны туземцамъ хорошо было извѣстно, что окружныя покинутыя пашни принадлежали Даурамъ, которые, вскорѣ послѣ перваго вторженія козаковъ, отошли отъ береговъ рѣки.

Русскіе немедленно подверглись многократнымъ нападеніямъ со стороны значительныхъ отрядовъ Китайскихъ войскъ. Эти нападенія причиняли имъ иногда много хлопотъ и наконецъ вытѣснили ихъ изъ края; тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ схваткамъ, слава храбрыхъ пришлецовъ явилась въ надлежащемъ ясномъ свѣтѣ. Прежде нежели Русскіе успѣли укрѣпиться какъ слѣдуетъ, на нихъ напалъ непріятель впятеро и даже вдесятеро сильнѣе ихъ. Въ одномъ убиваемомъ козакѣ на сто убитыхъ непріятелей можно бы подозрѣвать предка того неизбѣжнаго одного, который такъ настойчиво является въ новѣйшихъ реляціяхъ, еслибы старинныя реляціи не были такъ чистосердечно правдивы, еслибы новѣйшія драки европейцевъ въ центрѣ Небесной имперіи не служили также мѣркой для событій XVII столѣтія, и еслибы наконецъ еще недавно наша Амурская экспедиція не нашла выставленное на показъ въ Сахалянъ-Ула войско въ такомъ-же жалкомъ видѣ, въ какомъ оно было 200 лѣтъ тому назадъ. Только немногіе солдаты были вооружены ружьями или саблями; колья, заостренные въ видѣ пикъ, не всѣ имѣли желѣзные наконечники; даже черная краска, для приличія замѣнявшая эти наконечники, составляла исключеніе, была чѣмъ-то въ родѣ роскоши. Вспомните, это было въ 1854 г. [1]) Чего же ждать послѣ того отъ 1654 года?

Все это, однакожъ, не можетъ умалить славу подвиговъ нашихъ старинныхъ козаковъ. Поярковъ выступилъ въ походъ только съ одною полуфунтовою чугунною пушкою. Хабаровъ былъ вооруженъ немногимъ лучше. Часто оказывался недостатокъ въ боевыхъ снарядахъ. Когда Хабаровъ въ первый разъ подвергся нападенію сильнаго непріятеля на нижнемъ Амурѣ (Ачанскій Городъ, 1652), то у Манджуровъ было 6 пушекъ и 30 пищалей [2]), изъ которыхъ многія о 3 и 4 стволахъ. Глиняные горшки, называемые пинартами, заключавшіе въ себѣ, каждый, около 40 фунтовъ пороху, служили Китайцамъ для взрыва укрѣпленій. Вскорѣ за тѣмъ (1655) Китайцы явились подъ Комарскій Острогъ осаждать козаковъ, съ войскомъ, какъ упоминается, числомъ до 10,000. Если мы будемъ смотрѣть на эту цифру какъ на употребительный синонимъ слова «много», то все-же не слѣдуетъ забывать, что у этого непріятеля было 15 пушекъ

---

[1]) См. Пермикинъ, Плаванія по Амуру, въ Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., 1856, II, стр. 22 и Свербеевъ тамъ-же, 1857, III, стр. 53.

[2]) Если это оружіе было о трехъ и даже четырехъ стволахъ, то конечно нельзя взять за образецъ его наши легкія двуствольныя ружья. Что пищали были нѣчто среднее между пушками и ружьями и имѣли различный калиберъ, явствуетъ изъ слѣдующаго: Миловановъ, (см. стр. 139, Прим. 1), насчитываетъ въ одной крѣпости при одной пищали 30 принадлежащихъ къ ней чугунныхъ ядеръ, а слово ядро въ настоящее время употребляется только въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о пушкахъ. Тѣмъ не менѣе въ допросѣ Пояркова встрѣчается упоминаніе одного изъ его товарищей о томъ, что онъ ходилъ на охоту съ пищалью (Дополн. къ Акт. Историч., 1848, III, 1646, № 12).

и значительное число пищалей. Вмѣстѣ съ пороховыми минами онъ употреблялъ въ дѣло и старинныя стѣнобитныя орудія — двухколесныя телѣги; подвигаясь на штурмъ съ лѣстницами и поджигательными снарядами, солдаты прикрывались большими деревянными щитами, обтянутыми кожей и войлокомъ. Кучка Русскихъ состояла не болѣе, какъ изъ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ Степанова, и несмотря на то, непріятель со стыдомъ возвратился восвояси. Русскіе собрали и захватили 730 ядеръ, двѣ пищали и запасъ пороху. Это сраженіе должно считать главной побѣдой Амурскихъ козаковъ; въ-послѣдствіи хотя они и выказывали столько же мужества, однако постоянно терпѣли неудачу, потому что численность давала перевѣсъ непріятелю.

Столь прославленный Албазинъ былъ свидѣтелемъ успѣховъ только однихъ Китайцевъ. Онъ подвергался осадѣ два раза. Въ первый разъ (1685) подступили къ городу опять неизбѣжныя 10,000 непріятелей, но уже со 100 полевыхъ орудій и 40 осадными пушками, тогда какъ у Толбузина было около 450 человѣкъ, при 300 ружьяхъ, 3 пушкахъ и недостаточномъ количествѣ пороха. Русскіе могли считать себя счастливыми, что успѣли выговорить себѣ свободное отступленіе. Животы были спасены; 25 человѣкъ передалось непріятелю. Потеря крѣпости была тѣмъ прискорбнѣе, что отступавшій гарнизонъ встрѣтилъ, во 100 верстахъ за Албазиномъ, подкрѣпленіе во 100 чел., при 5 пушкахъ и 300 мушкетахъ. Этотъ вспомогательный отрядъ не поспѣлъ во время; а пріиди онъ нѣсколькими днями раньше, дѣло могло бы принять иной оборотъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отрядѣ были и солдаты регулярныхъ войскъ.

Какъ чувствительна была для Русскихъ потеря Албазина видно изъ того, что черезъ два мѣсяца послѣ очищенія Албазина, какъ только Китайцы ушли домой, Русскіе снова заняли Албазинъ. Въ-слѣдствіе этого, лѣтомъ (1686) Китайцы снова явились передъ крѣпостью. Гарнизонъ Албазина состоялъ только изъ 736 человѣкъ, подъ начальствомъ одного плѣннаго нѣмца, полковника Бейтона, начальникъ котораго Толбузинъ былъ убитъ ядромъ. Гарнизонъ терпѣлъ не столько отъ непріятеля, сколько отъ цынги и голода [1]). Эти бѣдствія развились въ такой сильной степени, что нечего и сомнѣваться въ томъ, какая участь ожидала храбрыхъ защитниковъ. Когда, годъ спустя (1687), составъ гарнизона уменьшился до 66 человѣкъ, Китайцы отошли отъ крѣпости, такъ какъ въ это время уже начались переговоры на счетъ пограничнаго трактата. Столько-же почетный, какъ и заслуженный исходъ уже давно потеряннаго дѣла!

Мы не станемъ распространяться объ извѣстныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ трактатъ, заключенный въ 1689 году; тѣмъ не менѣе, вникнувъ въ дѣло, мы, кажется, имѣемъ право замѣтить, что еслибы посолъ Головинъ обладалъ хотя на половину тою ловкостью и мужествомъ, какія выказали храбрецы, о которыхъ до сихъ поръ шла

[1]) Кто эти извѣстія о голодѣ найдетъ противорѣчащими показаніямъ Миллера (Samml. Russ. Gesch., II, стр. 403), пусть тотъ справится съ донесеніемъ Бейтона (Акты Историч., 1842, V, стр. 296), къ которому, вслѣдствіе этого донесенія, отправлены были скотъ и хлѣбъ. Большой пирогъ, вѣсомъ въ пудъ, посланный Бейтономъ въ подарокъ непріятельскому военачальнику, былъ не что иное, какъ одна изъ обыкновенныхъ хитростей людей, выдерживающихъ тяжкую осаду. Послѣ перваго взятія Албазина, Китайцы хотя и сожгли всѣ строенія, но не тронули полей; во второй же разъ они скосили, пожгли и уничтожили всѣ посѣвы.

рѣчь, то дѣла приняли бы совсѣмъ иной оборотъ. Тѣ значившіяся на бумагѣ 10,000 Китайцевъ, которыя въ это время, по слухамъ, снова направлялись вверхъ по Амуру, пугали Головина не смотря на то, что козаки такъ часто давали чувствовать настоящее значеніе этой грозной цифры. Если Монголы и были подзадорены и Селенгинскъ подвергся осадѣ, то у Головина было 500 человѣкъ европейскаго войска (стрѣльцовъ), столько-же драгунъ изъ Тобольска и такой-же отрядъ изъ Енисейска и Илимска.

Если разобрать всю исторію обладанія Амуромъ, на которомъ козаки держались болѣе 40 лѣтъ, то невольно приходитъ мысль, что за 10 лѣтъ предъ симъ положеніе Амурскаго края было бы иное, еслибы эта область своевременно предоставлена была Сибирякамъ и правительство своими переговорами не мѣшало ихъ дѣлу. Пусть только вспомнятъ, что было совершено и кѣмъ? Бродяги всѣхъ сортовъ, искатели приключеній, бѣглые враждующіе другъ съ другомъ бунтовщики, съ прибавкою ничтожнаго числа природныхъ козаковъ, выходили изъ дому едва снабженные самымъ необходимымъ и небольшими толпами проникали, съ отчаянною отвагою, на цѣлыя тысячи верстъ, въ страны неизвѣстныя и, говоря относительно, густо населенныя. И по какимъ путямъ! Со временъ похода Пояркова осмѣлился ли хотя одинъ Русскій подняться по Алдану и провѣрить показанія Пояркова, зимовавшаго въ горахъ и насчитавшаго во время слѣдованія вверхъ по Гонаму 42 большихъ и 22 малыхъ порога? [1]) Не остался ли также до новѣйшихъ временъ неиспытанымъ и другой путь, который Поярковъ совершилъ очертя голову, возвращаясь домой совершенно незнакомымъ моремъ, безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, необходимыхъ для мореплаванія! Девять лѣтъ спустя, Нагибѣ, слишкомъ далеко зашедшему съ своимъ ничтожнымъ отрядомъ, ничего не осталось, какъ только избрать тотъ-же самый путь. Его судно раздавлено льдомъ еще вблизи Амура; онъ теряетъ все, даже свои огнестрѣльные снаряды, и, постоянно терпя голодъ, всетаки пробирается домой [2]). Предпринятая въ одно время съ Поярковымъ попытка проникнуть въ Амурскій край, направляясь вверхъ по Витиму, не удалась, что и не удивительно: недавно Шварцъ показалъ намъ, какъ трудно подняться по этой рѣкѣ, даже одному человѣку. Нужно было найти новые, болѣе удобные пути, и этого скоро добились. Уже Хабаровъ съумѣлъ достигнуть Амура, сначала поднявшись по Олекмѣ и Тунгиру, а за тѣмъ спустившись по Уркѣ [3]). Не вдалекѣ отъ горнаго водораздѣла, скоро возникло нѣсколько лачугъ и укрѣпленныхъ складочныхъ мѣстъ, которыя въ нѣкоторой степени облегчили сообщеніе съ Амурскимъ краемъ, и тутъ-то съ неудержимой силой ринулись въ эту страну свѣжія толпы удальцовъ. Прошло еще пять лѣтъ, и только теперь (1654) открылся надлежащій естественный путь къ Амуру чрезъ Байкалъ посредствомъ Шилки. Въ 1658 году возникаетъ Нерчинскъ и мало по малу принимаетъ на себя роль посредника между Амурскимъ краемъ и Россіей.

---

[1]) Дополн. къ Акт. Историч., 1848, III, № 12.

[2]) См. письменныя донесенія его товарища Уварова отъ 1652 года, въ Дополн. къ Акт. Историч., 1848, III, № 100 и 101. Одно изъ этихъ донесеній, написанныхъ съ величественною классическою простотою перепечатано было, безъ показанія откуда именно, въ Отечественныхъ Запискахъ (1849 Отд. VIII, стр. 265).

[3]) См. Дополн. къ Акт. Историч., 1848, III, № 26 Штукенбергъ Hydrogr. des Russ. Reiches, 1844, II, стр. 775 и Миллеръ Samml. Russ. Gesch., II, стр. 305.

Между тѣмъ, эти необузданныя шайки потеряли все, что вначалѣ судьба дала имъ. чтобъ утвердиться на Амурѣ; ихъ безсмысленный грабежъ, хищничество, звѣрство и убійства возстановили противъ нихъ туземцевъ, которые вначалѣ приняли пришлецовъ дружелюбно. Хабаровъ какъ дикій звѣрь нападалъ на беззащитныя населенія нижняго Амура; онъ приставалъ всюду, гдѣ видѣлъ селенія, и его донесеніе постоянно твердитъ: «много людей мы побили и порубили». За то онъ былъ и не менѣе храбръ въ часъ бѣды, встрѣчая хорошо вооруженное войско Манджуровъ, и потому съ удовольствіемъ читаешь, напр., нисколько неизукрашенное описаніе того пренебреженія къ смерти, съ какимъ козаки выстроиваются противъ непріятеля въ ту минуту, когда въ первый разъ ихъ пробудили отъ сна пушечные выстрѣлы: не надо забывать, что въ теченіе цѣлаго столѣтія они слышали выстрѣлы только своихъ, а не вражескихъ пушекъ.

Амуръ въ нижней своей части былъ густо населенъ и сверхъ того рѣка Сунгари доставляла туда многочисленныя и хорошо вооруженныя войска, особенно съ тѣхъ поръ, какъ наши хищники, живущіе только настоящей минутой и нерасположенные къ земледѣлію, приняли за правило ежегодно входить въ Сунгари и посредствомъ грабежа запасаться тамъ хлѣбомъ. Въ-слѣдствіе того ихъ положеніе на нижнемъ Амурѣ въ скоромъ времени стало не безопасно, и они должны были засѣсть выше, въ Албазинѣ, плодородныя окрестности котораго были впрочемъ опустошены, такъ какъ мѣстные жители частію разсѣялись, частію же, по распоряженію Китайскаго правительства, отошли къ рѣкѣ Нонь. Начиная съ 1656 года, Русскіе только по временамъ и все рѣже и рѣже являлись налетомъ въ нижней части Амура, чтобы сорвать дань, которая въ верхней части, въ-слѣдствіе малонаселенности края, становилась мало по малу все скуднѣе. Но и такіе набѣги сдѣлались опасными: нѣсколько малыхъ партій были уничтожены среди этихъ попытокъ или отведены въ Китай. По неволѣ, около Албазина должно было развиться земледѣліе, которое, какъ хвалились тогда, давало самъ-50, самъ-60 и даже больше. Въ 1672 году положено было начало первымъ земледѣльческимъ поселеніямъ выше и ниже Албазина (деревня Солдатово); въ-послѣдствіи они распространились даже вверхъ по Амуру (деревня Паново). Въ 1685 году, когда Китайцы подошли къ Албазину, близъ крѣпости было уже около 40 домовъ и до 1,000 десятинъ земли засѣянной хлѣбомъ [1]). При этомъ благословеніи Божіемъ возникли здѣсь церковь и монастырь. Еслибы взялись за умъ раньше и отказались отъ разбойническихъ набѣговъ на Сунгари, то вѣроятно, Китайцы на долгое время оставили бы эту колонію въ покоѣ. Но прошлаго уже не воротишь, а потому взглянемъ лучше на то, какую помощь оказывало въ то время правительство этимъ передовымъ поселеніямъ, которыя посылали отъ себя богатства за богатствами и просьбу за просьбой — помочь имъ въ нуждѣ, такъ какъ они постоянно терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, а равно въ порохѣ и свинцѣ.

---

[1]) Samml. Russ. Gesch. II, стр. 391, 392. Штукенбергъ, Hydrogr. d. Russ. R.. 1848, II, стр. 778. Деревня Паново лежала влѣво, выше устья Олдекона, въ 50 верстахъ отъ Албазина. Здѣсь по островамъ на Амурѣ я видѣлъ даже явственные слѣды грядъ, хотя на нихъ уже росли тамъ и сямъ одинокія старыя деревья.

Завоеванія въ первый приняли разъ оффиціальный характеръ въ 1653 году, именно когда боярскій сынъ Зиновьевъ явился сюда изъ Москвы передовымъ отъ князя Лобанова-Ростовскаго, который долженъ былъ идти къ Амуру съ отрядомъ въ 3,000 человѣкъ. Однако ни этотъ отрядъ, ни его начальникъ не явились и Зиновьевъ привезъ только повышеніе въ чинѣ Хабарову, вмѣстѣ съ устраненіемъ его отъ начальства надъ удальцами, которымъ тоже было роздано 320 золотыхъ медалей. Напротивъ того, близъ устья Олекмы учрежденъ былъ козацкій постъ, которому велѣно было удерживать быстро увеличивавшіеся побѣги на Амуръ. Короче, единственнымъ результатомъ поѣздки Зиновьева на Амуръ, возвратившагося въ томъ-же году въ Москву, было для защитниковъ Амура только кажущееся улучшеніе порядка дѣлъ. Съ этого времени метрополія какъ-бы совсѣмъ забыла объ Амурѣ, чему, впрочемъ, было довольно причинъ, такъ какъ ей и безъ того дѣлала много хлопотъ война въ Польшѣ, потомъ въ Малороссіи и въ Турціи. Любопытно читать между строкъ старинныхъ актовъ, какимъ образомъ Амурскій край, предоставленный собственнымъ средствамъ, старался обратить на себя вниманіе метрополіи. Въ-слѣдствіе кое-какихъ шалостей Тунгусовъ около Албазина (1671), распространилось нелѣпое, но тѣмъ не менѣе оффиціально сообщенное въ Москву извѣстіе о томъ, что будто бы Китайцы уже находятся у Тунгира (къ сѣверу отъ горнаго водораздѣла) въ пяти дняхъ пути отъ Олекминска и что они возвели тамъ крѣпость и собрали много запасовъ [1]). Китайцы, какъ гласило донесеніе, нападали на подвластныхъ Россіи инородцевъ и брали съ нихъ дань. Здѣсь оказалось, какъ мало помощи могъ оказать Якутскъ, такъ какъ въ крѣпости этого окружнаго города были въ то время на лицо только двѣ годныя въ дѣло и двѣ испорченныя пищали. Фактическимъ отвѣтомъ на это донесеніе, кажется, должно считать дарованное, годъ спустя, помилованіе бѣглымъ преступникамъ, поселившимся на Амурѣ, и выдачу 2,000 рублей, въ видѣ награды, гарнизону Албазина, а равно и принятыя съ этого времени болѣе значительныя мѣры къ поощренію земледѣлія въ этомъ краѣ. Въ заключеніе, сюда-же слѣдуетъ отнести и пожалованіе (1684) Албазину герба.

Такъ ничтожно было то, что сдѣлало правительство для поддержки своихъ удальцовъ, завоевавшихъ ему новыя земли; за то, на пути мирныхъ переговоровъ, оно рѣшилось помочь завоевателямъ Амура; и въ самомъ дѣлѣ тутъ нужно было кое-что поправить. Во время перваго похода Хабарова въ Амурскую страну (1649), начальство съ непостижимою смѣлостію выдало ему двѣ грамоты, которыми манджурскіе князья Шамшаканъ и Богдой, обыкновенно упоминавшіеся въ разсказахъ туземцевъ, точно также какъ и ихъ подданные, а равно и названный въ грамотахъ княземъ даурскій старшина Лавкай, приглашались, именемъ царя, покориться [2]). Впослѣдствіи оказалось, что эти два имени манджурскихъ князей означали одно и тоже лицо, а лицо это было не болѣе, не менѣе, какъ самъ Китайскій императоръ. Какой результатъ имѣли эти грамоты — неизвѣстно; но двадцать лѣтъ спустя (1670) получена въ Нерчинскѣ жалоба

[1]) Дополн. къ Акт. Историч., 1857, VI, № 22, стр. 154. [2]) Акты Историч. 1842, IV, № 31, стр. 73.

Китайскаго правительства на насилія Албазинскихъ козаковъ, изъ чего совершенно ясно, что и въ это время со стороны Китайцевъ не было намѣренія мѣшать Русскимъ въ Албазинѣ, еслибы только послѣдніе оставили въ покоѣ область Сунгари. Изъ Нерчинска послѣдовалъ на это отвѣтъ, и тотъ-же самый Игнатій Миловановъ, который, десять лѣтъ спустя, такъ мѣтко описалъ Амурскій край, отправился первымъ Русскимъ курьеромъ въ Пекинъ съ 4 товарищами. Онъ принятъ былъ тамъ какъ нельзя лучше, представленъ Его Величеству и богато одаренъ [1]). Затѣмъ, онъ возвратился въ Нерчинскъ въ сопровожденіи Китайскаго чиновника и 65 человѣкъ свиты. Чиновникъ привезъ съ собою письмо къ царю.

Пять лѣтъ спустя, отправился наконецъ въ Пекинъ первый Русскій посолъ, Спафарій, но вмѣсто поддержки доставилъ амурскимъ козакамъ только стѣсненія [2]). Въ Сибири было мнѣніе, что Спафарій, какъ Грекъ, измѣнилъ интересамъ Россіи. Онъ не только неоднократно запрещалъ подниматься внизъ по Амуру за добычей, что, конечно, можно бы присовѣтовать уже раньше, но даже запретилъ козакамъ брать дань съ Зеинскихъ Тунгусовъ. Это было ужъ слишкомъ, и потому, вопреки этому запрету, именно въ слѣдующіе за тѣмъ (послѣ 1677) годы, мы видимъ возникновеніе цѣлаго ряда небольшихъ укрѣпленій въ области Зеи [3]). Правда, эти укрѣпленія были слишкомъ незначительны, какъ напр. укрѣпленія Долонскаго Острога, длину которыхъ Миловановъ показываетъ въ три сажени, а ширину въ двѣ съ половиною сажени; однако они достаточны были,

---

1) Тамъ же, № 210 и 211.

2) На счетъ переговоровъ Спафарія, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній, что тѣмъ болѣе заставляетъ меня сослаться на мало доступный краткій разсказъ Спасскаго, составленный по Манджурскимъ источникамъ (Повѣствов. о Сибири, Латинская рукопись XVII столѣтія, 1822. Стр. 47).

3) Возведенныя Русскими во второй половинѣ XVII столѣтія на Амурѣ и его притокахъ ясачныя избы и укрѣпленія, которыя, конечно, всѣ разрушены Китайцами, были слѣдующія:

A) На Амурѣ:

a) Зимовье при устьѣ рѣки Торы или Турки, срубленное на Верхнемъ Амурѣ въ 1653 году, до сихъ поръ еще не отысканное (Samml. Russ. Gesch., II, стр. 342).

b) Аргунскій Острогъ, построенный въ 1654 году, при устьѣ Аргуни на правомъ берегу послѣдней (тамъ же, стр. 353, 437). Въ 1689 году переведенъ въ Усть-Стрѣлочную.

c) Албазинъ, см. Витзена, изд. 1692, стр. 27, 31, 34, 41, 433, 434. Samml. Russ. Gesch., II, стр. 371 и т. д.

d) Камарскій (Острогъ), основанный въ 1652 году при устьѣ довольно значительной рѣчки Камара (Хумаръ у Тунгусовъ и Хумала у Китайцевъ), впадающей въ Амуръ съ правой стороны. Послѣ Албазина это было самое сильное укрѣпленіе, возведенное Русскими на Амурѣ; подробное описаніе его тоже дошло до насъ (Samml. Russ. Gesch., II, стр. 333, 339, 345, 346, 351). Вѣроятно разрушенъ Китайцами. Витзенъ (изд. 1692, II, стр. 33), пишетъ: «недавно сгорѣлъ по несчастному случаю». Вѣроятно, это укрѣпленіе подразумѣвается въ извѣстіи Польскаго монаха, упоминаемомъ въ сочиненіи Витзена (тамъ же, стр. 41).

e) Косогорскій (Острогъ), 1655, въ странѣ Гиляковъ (Samml. Russ. Gesch., II, стр. 355).

B) На Зеѣ (вверхъ отъ ея устья. — Уже Витзенъ, 1692, II, стр. 41, сообщалъ о раззореніи этихъ мѣстъ Китайцами).

f) Долонскій (Острогъ), выстроенный въ 1679 году, нѣсколько ниже впаденія Силимджи въ Зею, при ручьѣ Долонцѣ. Въ 1682 году разрушенъ китайскими Даурами (тамъ-же, стр. 376, 377).

g) Селимбинскій (Острогъ), выстроенный въ 1679 году, повыше на Силимджи, на мѣстѣ, не указанномъ точнѣе (тамъ-же, стр. 376). По показаніямъ Милованова, на разстояніи семи дней пути водою, вверхъ по рѣкѣ отъ Долонскаго острога.

h) Гилюйское (ясачное зимовье), основанное въ 1676 году, при Гилю (по-китайски Киле) безъ подробнѣйшаго указанія мѣста, хотя, конечно, и не далеко отъ устья. (Тамъ-же, стр. 376). Можетъ быть при

чтобы обезпечить дань съ инородцевъ, начинавшихъ сопротивляться. Того же самаго Милованова, который посѣтилъ Пекинъ (см. стр. 148), видимъ мы въ 1681 году въ области Зеи поспѣшно перебирающимся изъ одного острожка въ другой, съ цѣлію предупредить Китайскихъ сборщиковъ дани, Дауровъ, показавшихся въ значительномъ числѣ при устьѣ Силимджи; отсюда могъ бы возникнуть достаточный поводъ къ ссорамъ, еслибы и не былъ въ 1682 году снова отправленъ изъ Албазина отрядъ внизъ по Амуру къ Буреѣ (Быстрой) и къ Амгуну. Дѣла уже приняли такой опасный оборотъ, что этотъ отрядъ не рѣшился возвратиться вверхъ по рѣкѣ, а направился черезъ Тугуръ и Удской въ Якутскъ. Второй отрядъ, отправившійся слѣдующимъ лѣтомъ по слѣдамъ перваго, былъ схваченъ Китайцами, которые въ тоже время разрушили всѣ острожки, находившіеся на низовьѣ Амура, и двинулись, какъ извѣстно, къ Албазину.

Въ-слѣдствіе всего этого я никакъ не могу согласиться съ Свербеевымъ, который утверждалъ недавно (стр. 143, прим. 1), что причиною потери Амура была единственно дальновидная политика Китайцевъ, а не буйный образъ дѣйствій козаковъ. Конечно, мы никакъ не можемъ отрицать того, что китайское правительство вело свои вооруженія и дипломатическіе переговоры съ настойчивостію, которая и доставила ему успѣхъ въ данномъ случаѣ; мы должны принять во вниманіе, что оно со времени вторженія козаковъ въ Амурскій край старалось обезпечить прочность своихъ предпріятій посредствомъ заложенія городовъ въ Манджуріи, основанія земледѣльческихъ колоній, учрежденія почтовыхъ сообщеній, постройки судовъ и т. д.; но мы не должны забывать и того, что рѣчная область Сонгари въ то время была уже стариннымъ владѣніемъ Китайскаго государства, и что въ томъ самомъ году (1644), когда Русскіе въ первый разъ спустились по Амуру, свергнута была династія Минъ, правившая $2\frac{3}{4}$ столѣтія, и престолъ достался именно Манджурамъ. Это еще вопросъ, были ль бы ведены дѣла съ такою энергіею, еслибы престолъ не достался кореннымъ туземцамъ Амурскаго края и еслибы не явился именно

Дабукытѣ, который впадаетъ въ Гилю и при которомъ я видѣлъ какую-то избушку.

i) Верхозейскій (острогъ), построенъ въ 1678 году, при впаденіи рѣки Амумыша въ Зею; перенесенъ въ 1681 году къ озеру Бабакъ, ниже устья Бырранты (Бирянда; тамъ-же стр. 376, 377). Это озеро Тунгусы мнѣ называли Бебаки и давали ему длины 10 верстъ. Этою же цифрою, вѣроятно, можно опредѣлить его ближайшее разстояніе отъ Зеи, такъ какъ оно лежитъ въ 7 верстахъ выше ручья Дункáна, находящагося тоже на лѣвой сторонѣ Зеи.

C) На Амгунѣ и Тугурѣ:

k) Усть-Дукиканское (зимовье), 1682, при впаденіи Дуки или Дукикана въ Амгунъ. (Тамъ-же, стр. 380). Мнѣ кажется, я могу довольно точно опредѣлить мѣсто, на которомъ находилось это зимовье. Съ возвышенностей полуострова Токореý среди залива Академіи пеленговалъ я (см. л. XVII) горную цѣпь Мейдачáнъ въ юговосточномъ направленіи. По показанію Тунгусовъ, на южномъ склонѣ этихъ горъ беретъ свое начало рѣка Дюкъ, которую я считаю за Дуку старинныхъ козаковъ. Она течетъ на разстояніи двухъ съ половиною дней пути (около 100 верстъ) и вливается за тѣмъ посредствомъ озера Чилехá, имѣющаго въ окружности 10 дней пути (350 верстъ), и его истока Эврéка — въ Амгунъ. Въ своемъ теченіи Дюкъ принимаетъ въ себя сначала, съ правой стороны, Ниваглý, а потомъ съ лѣвой, Эсмалъ, истоки котораго сходятся съ однимъ ручьемъ, впадающимъ вблизи устья Амура прямо въ море.

l) Усть-Немиленское (ясачное зимовье); построено въ 1682 году, при впаденіи Немилена въ Амгунъ (Тамъ-же, II, стр. 380).

m) Тугурскій (острогъ); заложенъ въ 1653 году, разрушенъ Китайцами въ 1683. (Тамъ-же, II, стр. 330, 381, 385.

изъ ихъ среды одинъ изъ величайшихъ государей Китая Кан-Си. И при всемъ томъ, однакожъ, развѣ не зависѣло до послѣдней минуты, какъ уже мы показали выше, отъ самихъ-же неугомонныхъ грабителей укрѣпиться и засѣсть спокойно въ Албазинѣ? Не пошли ли бы дѣла совершенно иначе, еслибы козаки не вздумали, по старинной системѣ, годной только въ отношеніи Сибирскихъ инородцевъ, возбуждать противъ себя туземныя населенія посредствомъ терроризма? Что значили, спросимъ мы наконецъ, всѣ эти восхваляемыя нами усилія Китайцевъ, если результатъ ихъ былъ таковъ, что, подоспѣй къ Русскимъ вспомогательныя войска, будь у нихъ немного больше пушекъ, имѣй они настоящихъ артиллеристовъ, нѣсколько сотенъ регулярныхъ солдатъ и хотя одного человѣка, свѣдущаго въ постройкѣ крѣпостей на европейскій ладъ,—всѣ усилія Китайцевъ пропали бы даромъ и навсегда? Небольшимъ, не сформированнымъ на военный ладъ, шайкамъ почти удалось собственными средствами отбиться отъ Китайцевъ. Хотя Пекинъ отстоялъ отъ Амура на столько дней пути, сколько нужно было недѣль для того, чтобы доставить съ Амура вѣсть въ Москву, хотя за Амуромъ лежала Сибирь обширною пустыней, которая сама нуждалась въ поддержкѣ во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе нужно было случайное стеченіе обстоятельствъ для того, чтобы помѣшать Россіи подать помощь своимъ выдвинутымъ постамъ на Амурѣ, или вѣрнѣе, помѣшать серьезно подумать объ этой помощи.

Въ числѣ этихъ обстоятельствъ укажемъ на одно, замѣчаемое во всѣ времена: каждый начальникъ до такой степени привыкаетъ смотрѣть на себя и на свою область, какъ на отдѣльное государство, что не рѣдко его интересы становятся въ противорѣчіе общимъ государственнымъ интересамъ.

Со времени заключенія вышеупомянутаго, столь невыгоднаго трактата (1689), наше правительство старалось всѣми способами укрѣпиться по крайней мѣрѣ въ Забайкальскомъ краѣ. Для сохраненія мира, подтверждено было строжайше соблюдать опредѣленную пограничную черту. Набѣги цѣлыми толпами и съ вооруженной рукой, сдѣлались невозможными; что же касается отдѣльныхъ лицъ, то и у нихъ пропала охота прокрадываться за границу, гдѣ они должны были подвергаться необузданной мести и хищничеству инородцевъ, которыхъ они возстановили противъ себя своими прежними поступками, а въ то-же время имѣть опасность и въ тылу у себя. По трактату Головина (пунктъ 6-ой), нарушители границъ впредь должны были быть выдаваемы взаимно начальникамъ пограничныхъ городовъ и наказываемы ими строжайшимъ образомъ, даже съ лишеніемъ жизни, въ томъ случаѣ, если они произвели грабежъ или убійство [1]). Въ 1728 году это соглашеніе, по 10-му пункту договора, заключеннаго графомъ Рагузинскимъ, было значительно усилено еще тѣмъ, что условились каждаго нарушителя границы, смотря по обстоятельствамъ, казнить или вѣшать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ пойманъ; пойманный воръ въ первый разъ подвергался штрафу въ десять разъ больше противъ стоимости украденнаго, во второй разъ штрафу, въ двадцать разъ превышающему эту стоимость; въ третій разъ былъ наказываемъ смертію. У охотниковъ, переступившихъ хотя немного

[1]) Samml. Russ. Gesch., II, стр. 439; Сибирскій Вѣстникъ, II, въ концѣ стр. 216.

границу, отбирался весь уловъ въ пользу казны, и они наказывались, по приговору суда, смотря по обстоятельствамъ. Хотя въ сущности дѣло и осталось по старому, однакожъ помянутый десятый пунктъ былъ дополненъ въ 1768 году слѣдующимъ образомъ: постановлены были болѣе точныя опредѣленія, назначено было всякому, кто поймаетъ нарушителя пограничной черты, въ награду все то, что при послѣднемъ будетъ находиться, напр. лошадь, сѣдло, оружіе и т. д. Даже сторожевые посты, между которыми удалось бы пробраться ворамъ, должны были на основаніи новаго условія платить ту-же значительную денежную пеню, которой подверглись бы сами воры. Изъ этого условія, между прочимъ, видно, что плеть, китайское спеціальное орудіе наказанія, приравнивается къ русской палкѣ.

При такой строгости постановленій, случаи нарушенія пограничной черты должны были сдѣлаться рѣдкостью, хотя пограничная стража была слишкомъ недостаточна для границы Забайкальскаго края, растянутой почти на 3,000 верстъ. Напр. въ 1832 году численность пограничной стражи почти равнялась цифрѣ года заключенія Головинскаго трактата: она состояла изъ 1698 человѣкъ [1]). Но даже и эта стража расположена была только до крѣпости Горбицы, далѣе которой все пространство на сѣверъ и востокъ оставалось совершенно свободнымъ. Тѣмъ не менѣе случалось, что изъ сосѣдняго Нерчинскаго округа, въ которомъ собирается весь цвѣтъ русскихъ преступниковъ, многіе пытались перебраться за границу. Въ-послѣдствіи я освѣдомлялся о томъ у крестьянъ помянутаго округа; они увѣряли меня, что у Китайскихъ пограничныхъ кочевыхъ племенъ вошло въ обычай, безъ дальнихъ околичностей, убивать Русскихъ перебѣжчиковъ, частію для того, чтобы отдѣлаться отъ опаснаго преступника, а частію, чтобы избѣгнуть хлопотъ съ мѣстными приказами въ томъ случаѣ, еслибы дѣло дошло до формальной выдачи бѣглеца. Дѣло не въ томъ, составляло ли это упрощенное судопроизводство общее правило или было только исключеніемъ, которое молва выставила въ болѣе яркомъ свѣтѣ; довольно того, что въ мое время, какъ я убѣдился изъ разговоровъ съ крестьянами, опасеніе лишиться жизни въ Китайскихъ владѣніяхъ было вѣрнѣйшей преградой побѣгу тѣхъ, которые чувствовали себя въ невыносимомъ стѣсненіи. Случившееся послѣ меня убійство моего спутника Ваганова, которому поручено было сдѣлать нѣкоторыя съёмки въ Китайской Манджуріи, можетъ служить отчасти оправданіемъ господствующаго между поселянами мнѣнія [2]).

Однакожъ, для того чтобъ изъ сказаннаго нами не вывели заключенія, будто помянутый трактатъ въ самомъ дѣлѣ заперъ границу Амурскаго края, необходимо представить

---

[1]) Ладыжинскій въ своемъ рукописномъ обзорѣ (см. стр. 170, примѣч.) опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ цифру пограничной стражи отъ рѣки Горбицы до Тункинскаго поста: 900 Русскихъ, 400 Бурятъ и 398 Тунгусовъ. Эта военная сила раздѣлена была въ 1832 году по разнымъ укрѣпленіямъ и постамъ, именно на протяженіи 2836 верстъ.

[2]) Еще почти за сто лѣтъ предъ симъ Палласъ (Reise d. Versch. Provinz., III, 1776, стр. 240) разсказывалъ о хлопотахъ, сопряженныхъ съ выдачею, и о томъ, какъ уже тогда эти хлопоты удерживали Тунгусовъ отъ перехода за Аргунь. При Инкани (на Силимджѣ) указывали мнѣ стараго Тунгуса, который гордился тѣмъ, что въ концѣ прошедшаго столѣтія застрѣлилъ пятерыхъ бѣглыхъ. Онъ объяснялъ мнѣ, какъ разрѣзывалъ убитымъ предплечія и вѣшалъ ихъ, «какъ дѣлаютъ это съ зайцами», на деревья.

нашимъ читателямъ и обратную сторону этого запиранія. Касательно бѣгства преступниковъ мнѣ извѣстны только два такіе примѣра, что преступники, бѣжавшіе изъ рудниковъ, прошли Амуръ вдоль всего его теченія и все-таки были возвращены въ Россію. Изъ этихъ примѣровъ особенно замѣчателенъ слѣдующій. Лѣтъ за сорокъ предъ симъ, одинъ изъ сосланныхъ въ Нерчинскъ преступниковъ провелъ на Амурѣ около 6 лѣтъ и проплылъ эту рѣку на всемъ ея протяженіи [1]). Если мы и не безусловно примемъ показанія этого бѣглеца, Гурья Васильева, утверждавшаго, что онъ встрѣчалъ въ Манджуріи нерѣдко такія лица (вѣроятно тоже бѣглецовъ), которыя свободно говорили и писали порусски, какъ природные Русскіе [2]), если мы, далѣе, въ его показаніяхъ обратимъ вниманіе на то, что и его приглашали вступить въ Китайское подданство, то все-таки ясно, что Васильевъ былъ не единственный бѣглецъ, на счетъ котораго можно доказать, что онъ пробылъ на Амурѣ долгое время и притомъ въ безопасности. Въ Удскомъ мнѣ тоже разсказывали о бѣглецахъ, которые возвращены были съ другаго конца рѣки, съ низовьевъ Амура [3]). Какъ часто могло случаться подобное, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда! Если я здѣсь и касаюсь этого вопроса, то собственно только ради типа жителей нижняго Амура, о чемъ я буду говорить подробнѣе въ этнографическомъ отдѣлѣ.

---

[1]) Важныя показанія этого бѣглаго, кажется, Ладыжинскій спасъ отъ совершеннаго пренебреженія; онъ упоминаетъ объ нихъ и полагаетъ, что Гурій Васильевъ былъ на Амурѣ между 1815 и 1826 гг. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій о томъ, какимъ путемъ и какимъ образомъ Васильевъ былъ возвращенъ въ Россію. Если же мы сравнимъ его донесенія съ описаніемъ Амура, составленнымъ Іакинѳомъ (Статистическое описаніе Китайской имперіи, 1842, II, стр. 216), то не остается никакого сомнѣнія, что Іакинѳъ пользовался показаніями ссыльнаго. А предыдущій случай произошелъ въ 1795 году; впрочемъ свѣдѣнія, полученныя отъ этихъ бѣглецовъ, Русинова и Сѣркова, крайне неудовлетворительны (см. Штукенберга, Hydrogr. d. Russ. Reiches, 1844, II, стр. 774).

[2]) Предположеніе, что это были Китайскіе переводчики изъ школы, учрежденной въ Пекинѣ, опровергается положительнымъ объясненіемъ Ладыжинскаго, основаннымъ на его личныхъ наблюденіяхъ. Онъ утверждаетъ на стр. 170 (въ примѣч.) помянутой рукописи слѣдующее: «Болѣе 100 лѣтъ существуетъ школа для преподаванія русскаго языка, въ которой 24 ученика изъ лучшихъ манджурскихъ фамилій слушаютъ курсъ въ продолженіи 15 лѣтъ. На основаніи экзамена и соединенныхъ съ нимъ привилегій, ученики получаютъ значительныя мѣста въ государствѣ. Экзаменъ происходитъ публично, въ присутствіи сановниковъ, избираемыхъ на этотъ случай самимъ императоромъ; даже тему для переводовъ назначаетъ самъ императоръ; однако между этими такъ называемыми профессорами Русскаго языка, до сихъ поръ не было ни одного, а равно нѣтъ и теперь, который могъ бы безъ труда прочесть написанное по-русски или правильно переписать, и, тѣмъ болѣе, перевести на другой языкъ, хотя все это и требуется экзаменомъ».

[3]) Въ 1822 году отправленъ былъ изъ Удскаго, какъ я развѣдалъ, козакъ Александръ Атласовъ съ 6 Тунгусами, для поимки солдата, убѣжавшаго изъ Охотска вмѣстѣ съ двумя Японцами, съ цѣлію пробраться въ Японію. Одинъ изъ находившихся при этомъ козаковъ разсказывалъ мнѣ, что они 6 дней ѣхали на собакахъ внизъ по Амгуну, хотя эта рѣка отдѣлена отъ Амура полосою земли не болѣе какъ въ 40 верстъ ширины. На Амурѣ прибывшій сюда въ-послѣдствіи Китайскій чиновникъ наказалъ Китайскихъ подданныхъ за то, что они укрыли Русскихъ бѣглецовъ; Японцы же и солдатъ пробрались черезъ Шантарскіе острова къ устью Тугура и построили себѣ тамъ шалаши. Двое изъ нихъ умерли, объѣвшись китоваго жира; оставшійся въ живыхъ перешелъ къ Гилякамъ, которые дали о томъ вѣсть соседнимъ Русскимъ Тунгусамъ. Козакъ говорилъ, что, если его не обманываетъ память, они доставили бѣглеца отъ устья Тугура къ устью Уди съ шестою водою (приливомъ).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь шла рѣчь объ убѣжавшемъ въ 1811 году изъ Охотска Японцѣ Леонзаймо, любопытную судьбу котораго, на основаніи его-же разсказовъ, описалъ Рикордъ. Это описаніе напечатано только недавно (Морской Сборникъ, 1856, Апрѣль, часть неоффиц. стр. 61). Бѣглецъ, о которомъ врачъ Станкевичъ упоминаетъ въ рукописномъ извѣстіи, присланномъ въ 1841 году изъ Удскаго, былъ, кажется, совсѣмъ другой. Въ этомъ извѣстіи рѣчь идетъ о поселенцѣ близъ устья Амура, которому проѣзжавшіе на Сахалинъ туземцы доставляли жизненные припасы и табакъ.

Впрочемъ показанія Васильева оправдываются теперь въ такой степени, что ему можно вѣрить во всемъ. Какъ доказательство правдивости его показаній и точности наблюденій и какъ образчикъ того жалкаго секретничанья, которое хоронило столь достойныя благодарности свѣдѣнія, приведемъ здѣсь въ краткихъ словахъ дѣльное и по нынѣ еще цѣнное содержаніе записки, составленной на основаніи показаній Васильева. Теченіе Амура онъ описываетъ очень ясно, отрицаетъ всѣ препятствія къ судоходству по этой рѣкѣ, пороги и быстроту, и указываетъ множество притоковъ, которые онъ, впрочемъ, очень рѣдко можетъ назвать по имени. Ширину рѣки у ея устья онъ показалъ въ 30 верстъ. Островъ Сахалинъ, по его словамъ, лежитъ въ 60 верстахъ противъ устья. Во время ледохода, говоритъ онъ, прибыль воды въ Амурѣ незначительна, но въ Іюнѣ и въ Іюлѣ, когда въ горахъ идетъ дождь, вода поднимается такъ высоко, что затопляетъ острова. Въ одномъ мѣстѣ онъ описываетъ весьма подробно подземную гарь, сколько мнѣ извѣстно, еще ни кѣмъ не видѣнную изъ новѣйшихъ путешественниковъ по Амурскому краю, и теперь уже вѣроятно потухшую. Съ небольшимъ въ 200 верстахъ внизъ по рѣкѣ на правомъ берегу отъ города Сахалянъ-Улы онъ видѣлъ низменную возвышенность съ отлогими склонами, имѣвшими длины не болѣе 100 саженъ. Изъ разсѣвшихся камней синеватаго цвѣта выходили постоянно дымъ и тяжелый сѣрный запахъ, такъ что вечеромъ рѣка покрывалась густымъ дымомъ; въ-слѣдствіе этого холмъ оставался совершенно безъ растительности, и даже въ окружности его вся растительность была блеклая. По временамъ раздавался грохотъ, какъ-бы пушечный выстрѣлъ, однакожъ безъ сотрясенія земли.

Также удовлетворительно узнается изъ разсказа Васильева луговое низменное мѣстоположеніе по Амуру. Направляясь внизъ по рѣкѣ, онъ показываетъ прежде всего на правомъ берегу рѣчки Албачи (Эмуръ) низменность; затѣмъ отъ излучины Амура (вѣроятно излучина Цянь по китайскимъ картамъ) до рѣчки Кудинъ или Дянь (выше Зеи) рѣка течетъ ровными мѣстами съ хорошими «поставами», такъ какъ горы не подходятъ вплоть къ рѣкѣ. Начиная отъ Кудина, рѣка вовсе покидаетъ горы. Ниже города Сахалянъ-Улы до мѣстечка Тэлдая или Чэкэдэ (выше Нюмани) Амуръ течетъ тише между ровными берегами, покрытыми травою и камышемъ. Даже у Нюмани продолжаются еще луга, и только около 200 верстъ ниже Нюмани лѣвый берегъ Амура дѣлается гористымъ. Затѣмъ отъ Усури до рѣки Доньдони опять идетъ ровная низменность, поросшая травою, и частію кустарными растеніями и камышемъ. Все это, какъ мы видимъ, болѣе по-

Въ Удскомъ получилъ я свѣдѣнія объ Амурѣ, которыя чиновникъ Уваровскій, хорошо знакомый читателямъ третьяго тома этого путешествія, собралъ изъ разсказовъ принадлежащаго къ Удскому крестьянина Кудряшева, находившагося около 1817 года на Шантарахъ по порученію купца Лопатина (см. стр. 104). Этотъ крестьянинъ въ-слѣдствіе голода, дѣйствительнаго или вымышленнаго, перебрался къ устью Амура и, какъ кажется, пробылъ тамъ до 1821 года. Онъ утверждалъ, что ширина нижняго Амура отъ одной до трехъ верстъ, что рѣка съ правой стороны окаймлена горами и даже иногда утесистыми берегами, на которыхъ растутъ дубъ, кленъ, вязъ, лиственница, сосна и т. п.; и что съ лѣвой стороны берега плоски, песчаны и покрыты превосходными лугами. Самую большую глубину рѣки онъ опредѣлялъ, по рыболовнымъ снастямъ Гиляковъ, въ 30 саж., быстроту теченія сравнивалъ съ теченіемъ Лены. Онъ разсказывалъ объ осьмиугольныхъ домахъ, о примѣрномъ согласіи, съ какимъ отъ 3 до 10 семействъ жило въ одномъ и томъ-же домѣ. Далѣе онъ говорилъ объ ихъ лодкахъ, сколоченныхъ изъ трехъ досокъ и т. п.

дробное развитіе замѣчательнаго донесенія, присланнаго уже въ 1681 году, тоже отъ простаго человѣка — козака Милованова [1]), который еще въ то время писалъ: «а отъ Зеи и... ниже Тома рѣки ялани сильныя, большія, неисповѣдимыя, сильно добрыя хлѣбородныя мѣста».

Показанія ссыльнаго Васильева по части лѣса и хозяйственныхъ растеній тоже можно назвать весьма дѣльными. Направляясь отъ Шилки внизъ по рѣкѣ, онъ видѣлъ сосну, лиственницу, черную березу, черёмху; на островѣ въ 3 версты длиною, лежащемъ при устьѣ Албачи, кромѣ сосны видѣлъ тополь и илемъ, а немного пониже, еще не доходя до устья Хумара (Комала), — малорослый дубнякъ и низкій, но плодовитый орѣшникъ. У Сахалянъ-Улы дубъ являются уже во множествѣ и вмѣстѣ съ нимъ кленъ, липа, орѣшникъ, сибирскія яблони и смородина. Въ 200 верстахъ ниже устья Нюмани (тамъ, гдѣ Буреинскій хребетъ подходитъ къ Амуру) насъ изумляетъ присутствіе краснаго лѣса, а ниже деревни Цикдохи (выше Горина) являются, кромѣ лиственницы, ель, сосна тополь, осина, береза, до этого мѣста еще незамѣчаемый сибирскій кедръ. Только виноградной лозы мы пока еще не видимъ. Что же касается хлѣбныхъ и огородныхъ растеній, то Васильевъ опровергалъ господствовавшее въ Нерчинской области повѣрье, будто бы посѣянный нѣкогда въ окружности стараго Албазина хлѣбъ сохранился и растетъ самопадкой. На поляхъ Китайцевъ у Сахалянъ-Улы нашелъ онъ пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, волчьи бобы, горохъ и, кромѣ обыкновеннаго, еще особый сортъ проса, точно также какъ и два названныя иностранными именами хлѣбныя растенія — гаолянъ и конжутъ, изъ которыхъ первое есть не что иное какъ прославленное въ новѣйшее время сорго. Въ огородахъ того-же города разводились: похожая на салатъ капуста, огурцы, тыквы, дыни, арбузы, лукъ, чеснокъ, рѣдька, морковь, брюква, стручковый перецъ и различные виды турецкихъ бобовъ. Скота было очень мало; свиньи и куры, точно также какъ и дичь, были употребляемы въ пищу; но водяная птица, какъ домашняя такъ и дикая, считалась нечистою. Ослы и лошаки употреблялись для ѣзды; сѣно, просушивая, связывали въ снопы.

Хотя ниже Хумара были уже поселенія, заключавшія въ себѣ отъ 2 до 5 домовъ, но въ нихъ жили только дровосѣки, занимавшіеся рубкою строеваго и дровянаго лѣса. Не ранѣе какъ у Гудина, съ правой стороны, встрѣтилъ Васильевъ новое, длиною около полуторы версты, поселеніе, и начиная отсюда сильно развитое земледѣліе простиралось нѣсколько ниже за городъ Сахалянъ-Улу. Далѣе, внизъ по рѣкѣ, вплоть до небольшой деревни Тэлдай или Чэкэдэ (повыше Нюмани), берега снова оставались безъ населенія и точно также, какъ выше по Амуру, посѣщаемы были только рыбаками въ лѣтнюю пору. Между Сонгари и Усури было множество селеній, но каждое изъ нихъ состояло не болѣе какъ изъ 6 домовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ мѣстахъ, точно также какъ и далѣе ниже, уже нигдѣ не существовало ни земледѣлія, ни огородничества, хотя

---

[1]) Нерчинскому воеводѣ, Ѳеодору Воейкову. Игнатій Миловановъ отправился изъ Албазина внизъ по рѣкѣ, описалъ Амуръ вплоть до Зеи и, кромѣ того, составилъ карту главной рѣки. См. Спасскій, Свѣдѣнія Русскихъ о Амурѣ, въ XVII столѣтіи. (Вѣстн. Геогр. Общ. за 1853, II, Отд. II. стр. 39).

здѣсь, точно также какъ и выше въ городѣ, населеніе состояло изъ Манджуровъ и Китайцевъ. До самаго Усури единственнымъ представителемъ домашняго скота является оселъ. Тогда какъ выше Хумара Тунгусскія кочевыя племена, Манегры и Орочоны, прикочевывали къ рѣкѣ только въ лѣтнюю пору, ниже Усури жили уже осѣдлые Тунгусы, и именно до рѣки Дондони племя Янтъ, далѣе внизъ племя Орлихъ, а ниже мѣста Цикдохи уже Гиляки, селенія которыхъ становились все чаще. Чѣмъ далѣе внизъ по Усури, тѣмъ чаще собака является въ роли рабочаго скота. Всѣ осѣдлые обитатели Амура жили въ мазанкахъ, которыхъ стѣны выложены между деревянными столбами изъ необожженнаго глинянаго кирпича, а кровля изъ соломы, обмазанной глиной. Только въ городахъ имѣлись обожженные кирпичи и кровельный гонтъ. Племена Янтъ, Орлихъ и Гиляковъ, Васильевъ описываетъ какъ самыя добродушныя, скромныя и робкія. Многіе изъ членовъ этихъ племенъ такъ походили на Русскихъ, что Васильевъ считаетъ ихъ происшедшими отъ браковъ Русскихъ съ Тунгусками.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о томъ, что Васильевъ даетъ подробныя свѣдѣнія о сторожевыхъ постахъ, содержимыхъ Китайцами на Амурѣ. Тамъ, гдѣ Амуръ около 100 верстъ ниже Хумара выходитъ изъ горъ на равнину, онъ образуетъ крутой изгибъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ лѣвой стороны вдается въ него высокій утесистый берегъ. На этомъ выступѣ находится домъ, занимаемый въ Маѣ мѣсяцѣ пикетомъ изъ 20 человѣкъ. Немного ниже собирается пограничная стража, которая лѣтомъ поднимается вверхъ по Амуру. Около 35 верстъ выше селенія, находящагося у Кудина или у Дяни, лежитъ островъ, длиною около 3 верстъ, котораго верхній конецъ стоитъ высоко надъ водою и занятъ былъ въ то время военнымъ карауломъ, помѣщавшимся въ домѣ, обнесенномъ палисадами («надолбами»). Городъ Айгунь занималъ $\frac{1}{2}$ квадратной версты и былъ окруженъ двойными палисадами, между которыми находились сады. Васильевъ говоритъ, что самый городъ Сахалянъ-Ула тянется вдоль рѣки на 4 версты. Тамъ былъ отдѣленный отъ прочихъ зданій пороховой магазинъ; было укрѣпленіе съ двойнымъ палисадомъ и кромѣ того на нижнемъ концѣ города каменная крѣпость, окруженная стѣнами въ двѣ сажени вышины и вооруженная чугунными и мѣдными пушками. Въ верстѣ выше города находилась военная гавань съ 17 военными судами, изъ которыхъ каждое могло помѣщать до 150 человѣкъ.

Въ свое время это были драгоцѣнныя свѣдѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны предположить, что ссыльный, который доставилъ подобныя свѣдѣнія, не только одаренъ былъ замѣчательной наблюдательностью, но и сохранилъ въ себѣ слѣды прежняго, не совсѣмъ обыкновеннаго образованія.

Отъ этого длиннаго отступленія возвратимся къ дальнѣйшему развитію нашего доказательства, которому и это отступленіе служитъ только подтвержденіемъ: мы видимъ именно, что границы въ Амурскомъ краѣ не были такъ герметически заперты договоромъ, какъ приходилось думать на основаніи доходившихъ до насъ свѣдѣній. Я самъ, въ продолженіи моего путешествія въ этомъ краѣ, совершенно неожиданно сдѣлался очевидцемъ противнаго.

Когда я, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ странствованія по Китайскимъ владѣніямъ, на возвратномъ пути съ востока былъ на рѣкѣ Уричи еще въ 80 верстахъ отъ крайняго Русскаго пограничнаго поста Усть-Стрѣлинскаго, (который, какъ извѣстно, расположенъ при началѣ Амура на краю далеко выдающейся въ чужія владѣнія полосы земли), я былъ пораженъ встрѣчею въ этой глуши съ пьянымъ Тунгусомъ, отуманенную голову котораго, какъ видно, нисколько не удивило мое, конечно, неожиданное присутствіе. Напротивъ, онъ пролепеталъ мнѣ: «что ты?... Сотникъ ѣдетъ. Да молчи; урядникъ ѣдетъ». Откуда взялась водка въ этихъ лѣсахъ? Немногіе инородцы, съ которыми до тѣхъ поръ я встрѣчался кое-гдѣ, увѣряли меня, что тамъ вовсе нѣтъ водки; только они дѣлали подозрительную прибавку, что еслибы здѣсь и была водка, то она стоила бы страшно дорого. Загадка скоро разрѣшилась; нѣсколько верстъ далѣе, въ лѣсу показались густые столбы дыма, и мы наткнулись на отрядъ сибирскихъ пограничныхъ козаковъ, который явился сюда подъ предводительствомъ своего непосредственнаго начальника для того, чтобы, какъ это бываетъ ежегодно и здѣсь и на Олдо, собирать дань мѣхами съ инородцевъ этого края, платящихъ ее Россіи, а вмѣстѣ и для того, чтобы вести столь выгодную мѣховую торговлю.

Итакъ дань берется для Русскаго правительства на землѣ, рѣшительно принадлежащей Китайцамъ! Ужасъ, произведенный моимъ неожиданнымъ появленіемъ, былъ такъ великъ, что мы должны были заботиться только о томъ, какъ бы не разсѣялась вся эта компанія, такъ какъ намъ до крайности были нужны ихъ лошади. Впослѣдствіи, когда я узналъ въ этихъ козакахъ — вмѣсто лукавыхъ пограничниковъ — отличныхъ и даже до простодушія откровенныхъ людей, имѣлъ я случай вывѣдать, много ли они боятся, въ отношеніи пограничныхъ дѣлъ, своихъ собственныхъ начальствъ. Естественныя условія края повлекли за собою то, что богатѣйшій промыселъ козаковъ Усть-Стрелинскаго поста заключался въ торговлѣ мѣхами, производимой ими въ Китайскихъ границахъ; что содержаніе ихъ скота, а равно и лошадей, нужныхъ для ихъ военной службы, зависѣло отъ сѣна, которое они получали точно также на Китайской землѣ — ниже по Амуру, на поёмныхъ лугахъ лѣваго берега этой рѣки. Еще болѣе: ежегодно отправлялась, какъ ниже будетъ объяснено подробно (стр. 168. прим. 2), не малое число забайкальскихъ поселянъ на охоту за звѣрями и проникала какъ по лѣвому такъ и по правому берегу Амура на далекое разстояніе въ Китайскія владѣнія. И тутъ опять, по странному противорѣчію оказывалось, что эти звѣропромышленники встрѣчали кое-гдѣ жителями тамошнихъ пустынь не Китайскихъ, а Русскихъ инородцевъ. А между тѣмъ туземцамъ постоянно дѣлались напоминанія о границахъ, установленныхъ договоромъ.

Вотъ что разсказывали мнѣ козаки Усть-Стрѣлинскаго поста о производствѣ ежегоднаго осмотра границъ Китайцами. Въ началѣ лѣта снизу Амура является Китайская пограничная коммиссія на пяти большихъ полупалубныхъ лодкахъ и двухъ маленькихъ впереди съ барабаньщиками. А барабаны у нихъ, прибавилъ разскащикъ, почти какъ наши сковороды. На одной лодкѣ сидитъ капитанъ Гусейда, на другихъ — всё унтеръ-офицеры: всего на все человѣкъ 70 или 80. Каждую лодку тянутъ бечевой пять чело-

вѣкъ, которые смѣняются въ день трижды. По меньшей мѣрѣ дней 40 плывутъ они отъ Сахалянъ-Улы до Усть-Стрѣлинскаго, и здѣсь двѣ лодки остаются въ виду поста у противоположнаго Китайскаго берега, чтобы положить надпись на стоящемъ тамъ пограничномъ знакѣ, а прочія продолжаютъ путь по Шилкѣ до укрѣпленія Горбицы, употребляя на то еще дней 20. Между тѣмъ сверху Аргуни спускается большая лодка, сдѣланная изъ бересты, футовъ въ 12 ширины, и привозитъ еще человѣкъ 12. Этотъ отрядъ козаки называютъ Маргáнцы, а тотъ первый — Богдои. Отряда Марганцевъ, съ которымъ пріѣзжалъ высшій чиновникъ, Богдои всегда дожидаются; а по соединеніи оба отряда немедленно отправляются внизъ по Амуру и при усердной греблѣ, говорятъ, достигаютъ Сахалянъ-Улы въ 8 дней. До отъѣзда дѣлается, подъ именемъ взаимныхъ подарковъ, небольшой обмѣнъ товарами, и это тѣмъ естественнѣе, что Китайцы за всѣ жизненныя потребности, которыя они берутъ, платятъ хорошо, но всегда лишь товарами [1]). Вслѣдъ за отплытіемъ граничной коммиссіи козаки тотчасъ пускаются внизъ по Амуру для покосовъ и боятся при этомъ больше своихъ начальниковъ, нежели чужихъ.

Въ дополненіе къ вышеописанному смотру границъ, я слышалъ въ Горбицѣ, что Китайская коммиссія, прибывъ туда, сперва приглашаетъ къ себѣ командира крѣпости, потомъ посѣщаетъ его. Угощаютъ другъ друга и обмѣниваются подарками. Потомъ Китайцы берутъ лошадей, платя на каждую по два куска нанки (даба) [2]) и ѣдутъ къ пограничному знаку (пайлоръ) — большой пирамидальной кучѣ камней, находящейся выше устья ручья: Омбóна или Омбóнная, впадающаго въ Горбицу. Такъ какъ Горбица впадаетъ не далеко ниже крѣпости, а къ пограничному знаку ѣздятъ прямой дорогой и даже минуя устье Омбоны, то Китайцы, проѣзжая взадъ и впередъ рысью, оканчиваютъ этотъ осмотръ въ одинъ день [3]).

---

[1]) По рукописнымъ замѣткамъ Ладыжинскаго, эти, такъ называемые, Маргáнцы, подъ которыми, конечно должно разумѣть Манджуровъ и Солóновъ съ порѣчья Нони, пріѣзжаютъ сухимъ путемъ изъ Мергыни (Мергенъ) въ деревню Олочи на Аргуни, не далеко отъ Нерчинскаго завода. Второй отрядъ пограничной Китайской коммиссіи выѣзжаетъ изъ Цицикáра (прежній Наунъ), также на Аргунь, но гораздо выше, (у Старо-Турухайтуевска), и спускается внизъ для встрѣчи съ первымъ отрядомъ; впрочемъ тотчасъ же отправляется обратно. А Маргáнцы, состоящіе подъ начальствомъ чиновника, соотвѣтствующаго нашему пятому классу, ѣдутъ въ Усть-Стрѣлинскій и, какъ сказано, внизъ по Амуру.

[2]) Каждую дабу цѣнили отъ 5 до 6 рублей асс.

[3]) Поэтому надо полагать, что другой пограничный знакъ, находящійся при устьи Горбицы, осматривается мимоѣздомъ къ Горбицѣ. 1805 тамъ служило знакомъ границы дерево, съ котораго отчасти была снята кора. На обнаженномъ мѣстѣ вырѣзаны были Манджурскія письмена. Кромѣ того, на деревянномъ гвоздѣ, вбитомъ въ дерево, утверждалась дощечка съ тою-же рѣзною надписью. Подъ стволомъ дерева хранился еще писаный листокъ бумаги, напередъ тщательно обернутый ивовой корою. Каждый годъ Китайскій дозоръ приходилъ замѣнять дощечку и надписи другими; черезъ три года тоже дѣлалось съ пограничнымъ знакомъ на устьѣ Омбонной (Stuckenberg, Hydrogr. des Russ. Reiches, 1844, II, 791).

Кажется, что съ теченіемъ времени произошла въ этомъ отношеніи нѣкоторая перемѣна, потому что изъ множества пограничныхъ и другихъ картъ, хранящихся въ рукописи въ нашей академической библіотекѣ, ни одна не показываетъ пограничнаго знака на Омбóнной, а всегда только одинъ, на устьѣ Горбицы. Итакъ здѣсь стоялъ онъ первоначально, какъ съ вѣроятностью можно заключать на основаніи атласа Ремезова и еще рѣшительнѣе видно на листѣ Евреинова и Лужина (ср. стр. 45 и 106 въ прим.), изданномъ 1720. Точно также и рукописная «Пограничная Карта» геодезистовъ Кушелева и Зиновьева, бывшая при установленіи границъ въ свитѣ графа Саввы Владиславлевича, слѣдов. 1728. Эта карта служила основаніемъ картѣ границы съ Китаемъ, изданной 1730 въ атласѣ Кирилова. И специальная карта Китайской имперіи 1746, состоящая по крайней мѣрѣ изъ

Что дѣлается на границѣ къ востоку отъ пограничнаго знака, о томъ ничего не могли сказать мнѣ ни въ Иркутскѣ, ни въ Якутскѣ. Объ укрѣпленіяхъ или даже о какихъ-нибудь сторожевыхъ постахъ нечего и думать; а цвѣтная полоса на картѣ, утвержденная обоими правительствами за полтора столѣтія, конечно, не могла удерживать инородцевъ отъ перехода границъ, тѣмъ болѣе, что при заключеніи договора не было обращено ни малѣйшаго вниманія на образъ жизни и изстари ведущіеся обычаи и на естественныя границы звѣропромышленныхъ областей. При заключеніи перваго договора съ Китайской имперіей незнаніе мѣстностей, о которыхъ договаривались, простиралось до того, что сначала принуждены были покамѣстъ принять за границу, безъ дальнѣйшихъ подробностей, высокую цѣпь горъ Становаго хребта, о которомъ слыхали только вообще. Когда же потомъ съ русской стороны было узнано, что Становой хребетъ вдоль западнаго берега Охотскаго моря идетъ далеко на сѣверъ, то хотя Китайскимъ уполномоченнымъ, ни съ того ни съ сего требовавшимъ всѣхъ земель на югъ и востокъ отъ Становаго — слѣдовательно до самыхъ Чукчей — съ успѣхомъ было отказано [1]), однако, по незнанію странъ, пришлось удовольствоваться тѣмъ, что трактатомъ 1689 года было постановлено признавать границу на западѣ начиная съ Горбицы потомъ къ востоку вдоль гребня Становаго хребта по образуемому имъ водораздѣлу; а далѣе къ востоку хотя Удь безспорно признана за Россіей, но что касается до рѣкъ, впадающихъ въ море между Удью и пограничнымъ хребтомъ не вдалекѣ отъ Амура, то порѣшить объ нихъ откладывалось до будущихъ дружественныхъ переговоровъ.

Дѣйствительно, при возобновленіи этого трактата въ 1728 году графомъ Савой Владиславичемъ Рагузинскимъ Китайскіе уполномоченные настоятельно требовали точнѣйшаго опредѣленія границъ на Уди, но наши устранили переговоры объ этомъ подъ предлогомъ неизвѣстности тамошнихъ странъ, и дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Китайскіе уполномоченные настаивали, чтобы объ этомъ по крайней мѣрѣ донесено было въ Русскую столицу обстоятельно и чтобы Ея Величество соизволила выслать уполномоченныхъ для опредѣленія разсматриваемой части границъ общею Китайско-Русскою коммиссіей, потому что это необходимо нужно для сохраненія мира [2]).

Между тѣмъ не только это не состоялось, но, вопреки господствовавшей формальной строгости въ дѣлахъ управленія Восточной Сибирью, познанія о разсматриваемомъ краѣ ни на шагъ не подвинулись до моего туда путешествія. Меня приводило въ изумленіе, когда наши Тунгусы, называя мѣста, посѣщаемыя ими въ ихъ странствованіяхъ, упоминали между прочимъ такія, которыхъ они, по тогдашнимъ понятіямъ о границахъ, отнюдь

---

37 листовъ, которые я видѣлъ (въ рукописномъ переводѣ прапорщика Иларіона Разсохина), на 3-мъ листѣ показываетъ пограничную пирамиду на устьѣ Горбицы, съ надписью: «Бей, т. е. Столбъ». Замѣчу при этомъ случаѣ, что пограничные знаки по-Тунгусски называются пайлоръ. Обо называются они, какъ извѣстно, по-Монгольски, откуда легко объяснить имя Омбóнная, которое на картахъ прошлаго столѣтія не встрѣчается, а вѣроятно явилось въ новѣйшее время. Тамъ, гдѣ Омбóнная вливается въ Горбицу, на древнѣйшихъ картахъ видишь три ручья: Осорхи, Речна и Керáмъ, впадающіе въ Горбицу.

[1]) Müller, Samml. Russ. Gesch. II, p. 433. Ср. также Полное Собраніе Законовъ, изд. 1830, Т. III, № 1346.

[2]) Ср. напр. Сибирскій Вѣстникъ (II, въ концѣ стр. 251), который именно теперь у меня подъ рукой.

не должны бъ были касаться. Освѣдомляясь объ этомъ въ присутственныхъ мѣстахъ въ Якутскѣ и даже у странствующихъ мѣховыхъ торговцевъ, я нисколько не разъяснилъ себѣ этой странности, и вотъ откуда возникло во мнѣ намѣреніе объѣхать всю неизвѣстную, самую восточную часть границы между Россіей и Китаемъ.

Результатомъ этого странствованія было то, что, къ удивленію, я нашелъ въ природѣ совсѣмъ иную границу, чѣмъ та, которая назначена была торжественно утвержденными договорами дипломатовъ и показывалась на нашихъ картахъ, — иную даже, чѣмъ та, которую принимали мѣстныя начальства. Этотъ разладъ съ дѣйствительностью былъ прямымъ слѣдствіемъ географическаго тумана, господствовавшаго при заключеніи договора, которымъ потомъ, противъ всякаго народнаго права и противъ воли, цѣлыя племена отрывались отъ ихъ родной почвы. Да позволено будетъ мнѣ повторить нѣчто изъ того, что я сказалъ объ этомъ въ донесеніи о своемъ путешествіи, обсуживая вопросъ съ высшей, зоо-географической точки зрѣнія.

На разсматриваемой границѣ Русскіе подданные состоятъ исключительно изъ горныхъ народовъ, а Китайскіе — только изъ жителей долинъ съ двумя подгорными племенами. Существованіе Тунгуса неразрывно связано съ существованіемъ оленя и столь-же существенно зависитъ отъ улова извѣстныхъ породъ съѣстныхъ и пушныхъ звѣрей. А эти условія жизни Тунгуса принадлежатъ въ тѣхъ широтахъ строго-опредѣленной мѣстности, на которой водятся горные звѣри. Назначать горному звѣрю границей водораздѣлъ или вершину горы — само по себѣ противно здравому смыслу: только долины, и особенно низменности, составляютъ въ этомъ случаѣ естественную границу. Горные звѣри, каковы: дикіе олени, кабарги, соболи и другіе, не водятся, на половину, одни на сѣверномъ, другіе на южномъ склонѣ хребта постоянно: напротивъ, ихъ природа требуетъ, чтобы они, по различію временъ года, то были по сю сторону хребта, то переходили на другую и вслѣдъ за тѣмъ обратно. Теперь, запретить Тунгусу съ его оленями бродить то по сѣверному склону хребта, то по южному, то по сѣвернымъ отрогамъ его, то по южнымъ — а бродить такимъ образомъ для Тунгуса значитъ жить — запретить ему это значило бы осудить этотъ горный народъ на погибель. Для Тунгусовъ, прикованныхъ своимъ бытомъ къ горнымъ оленямъ, горы столь-же необходимы, сколько онѣ, наоборотъ, недоступны для Китайскихъ рыболовныхъ племенъ на Амурѣ, которые держатъ только собакъ, и для Манджурскихъ Тунгусовъ, владѣющихъ лошадьми. Горы, обильныя оленьимъ мхомъ столько-же, какъ снѣгомъ, погубили бы у послѣднихъ лошадей, точно также какъ травяныя степи погубили бы у нашихъ Тунгусовъ оленей.

Этотъ взглядъ становится еще неопровержимѣе, когда приводишь себѣ на память роковую силу привычки и тотъ вредъ, которымъ даже въ цивилизованныхъ странахъ сопровождаются опыты насильственной замѣны какой-либо старинной и уже отжившей свой вѣкъ, вѣтви народной промышленности другою. Древнѣйшія свѣдѣнія объ Амурѣ сообщены нашимъ козакамъ вблизи нынѣшняго Охотска, тамъ, гдѣ они въ первый разъ дошли до Охотскаго моря. Здѣсь, подъ 59° сѣв. шир. очевидцы разсказывали имъ о томъ, что видѣли и дознали опытомъ въ странѣ на 9 градусовъ южнѣе. Что-же? Случайно ли

они попадали туда? Конечно, не случайно. Не смотря на святость договоровъ и на строгость мѣръ, принимаемыхъ въ-слѣдствіе того начальствами, я черезъ два столѣтія встрѣтилъ тамъ то-же самое: Алданскіе Якуты простирали свои странствованія по горамъ до хребтовъ въ виду Амура [1]).

При всемъ томъ, мы уже упоминали, (ср. стр. 113 и 156), съ какой заболивостью старались Русскія начальства устранить всякое приближеніе къ заповѣдной границѣ, — не говоримъ уже о ея переходѣ, — и мы можемъ подтвердить это цѣлымъ рядомъ оффиціальныхъ документовъ [2]). Въ Удскомъ, гдѣ чаще доводилось слышать о соприкосновеніяхъ

[1]) Изъ Тунгусовъ, съ которыми я былъ вмѣстѣ на устьи Тугура, одни побрели къ полуострову Сегнека́, другіе къ Амгуну, иные наконецъ къ горной цѣпи Меважа́нъ. Съ одного южнаго отрога этой цѣпи, изъ котораго выходятъ Дюкъ и Цилиха, они, по ихъ разсказамъ, видятъ устье Амгуна и посѣщаютъ находящееся тамъ значительное озеро Эмэрэнъ, главное мѣсто жительство Шамагровъ. Якутъ Семенъ Соловьевъ, съ которымъ я говорилъ, на Буруканѣ, самъ былъ тамъ. Тунгусъ Аинкагирскаго рода, Михайло Марковъ разсказывалъ мнѣ объ устьи Амгуна по собственнымъ наблюденіямъ. Одинъ старый Якутъ (Давыдъ) по поводу имени Эммэрэнъ сообщилъ слѣдующую поправку. Озеро, у котораго живутъ Шамагры, называется Эвренъ и необозримо, какъ море; на немъ много островозъ. Оно также близко къ Амуру, какъ и къ Амгуну, и находится на правой сторонѣ Амгуна, изливаясь въ рукавъ Амура. Впрочемъ, продолжалъ онъ, это озеро не должно смѣшивать съ другимъ, которое лежитъ противъ устья Немиле́на по ту сторону Амгуна и называется у нашихъ Тунгусовъ также Эвре́нъ. Это имѣетъ окружность въ 10 дней пути. Вѣрность этихъ описаній, кромѣ выговора имени, доказываетъ, что разсказщикъ дѣйствительно былъ тамъ. По сказкѣ другихъ Тунгусовъ, Дюкъ, истокъ котораго изъ горы мнѣ указывали въ дали, протекши разстояніе дня на $2\frac{1}{2}$ пути (100 верстъ), вливается въ озеро Эвре́нъ, а изъ него посредствомъ истока Чилихи въ Амуръ. Отъ истоковъ Эсмаля, впадающаго въ Дюкъ съ-лѣва, на востокъ пріѣдешь къ истокамъ другой рѣки, которая впадаетъ уже не въ Амуръ, а прямо въ море.

[2]) Замѣчу сперва, въ дополненіе къ стр. 113, что и Крузенштернъ (Reise um die Welt. 1811, II, p. 187) долженъ былъ отказаться отъ своего желанія изслѣдовать южные берега Охотскаго моря, потому что ему запрещено было приближаться къ Китайскимъ берегамъ.

Въ Удскомъ Острогѣ я нашелъ «Опись секретнымъ бумагамъ», которыя были нѣкогда или можетъ быть и тогда еще хранились въ архивѣ, но по недостатку времени мною не отысканы. Изъ этой описи и также изъ другихъ, болѣе подробныхъ бумагъ архива извлекаю слѣдующія, сюда относящіяся данныя.

1744. «О вывѣданіи живущихъ въ Китайской сторонѣ сошедшихъ разныхъ волостей Якутовъ».

«Объ отобраніи съ Удскаго князьца Мологодорова и другихъ, какими случаями на устьѣ Амура Сысайцами разбито судно, и сколько людей погибло и какого государства, обстоятельнаго свѣдѣнія».

1746. О перешедшихъ за границу Якутахъ и Тунгусахъ.

1751. О томъ-же.

1765. «О подтвержденіи о непереходѣ Удскихъ Тонгусовъ за Китайскую границу и о нечиненіи тамъ никакихъ тамошнимъ народамъ обидъ и воровства».

1779. Одинъ Тунгусъ «Китайскаго платежа» съ женою и двумя дѣтьми объяснилъ, что онъ «былъ на промыслу на рѣчкѣ (!) Селимни (очевидно Силимджи), терпѣлъ тамъ голодъ и такъ какъ ему ближе было къ Тунгусамъ Русскаго вѣдомства, то онъ и перешелъ къ нимъ». Затѣмъ значится бумага, которой велѣно было выслать этого Тунгуса за границу; но вслѣдъ за тѣмъ приказано удержать его «впредь до будущей резолюціи», содержать «на казенный коштъ», и «оказывать ласковость». Все-же впрочемъ наконецъ послѣдовало приказаніе выслать его за границу.

Замѣтимъ, что въ томъ-же году пришелъ изъ Якутска въ Удской запросъ на счетъ «слыханныхъ яко-бы отъ Ки-«тайскаго платежа Тонгусовъ словъ о разбитіи Русскими «людьми до основанія состоящаго по рѣкѣ Амуру города «или крѣпости и жителей того города о побитіи и о про-«чемъ». Затѣмъ предписывалось принять предосторожность противъ нападенія, подозрительныхъ людей допрашивать и доносить. Въ-слѣдствіе этой-то бумаги, вѣроятно, обращено было особенное вниманіе на вышеупомянутаго Тунгуса.

1780. Старшина Аэгасскаго рода Егоръ Адега́новъ донесъ, что бывши «за промысломъ на Китайской границѣ на рѣкѣ Керби, онъ видѣлся съ онаго государства народами, называемыми Быралами или Ляками, и они объявляли, что Россійскіе подданные Якуты, переходя за границу, чинятъ обидныя неистовства выжиганіемъ построенныхъ ими юртъ, опромышливаніемъ звѣрей, кражею заготовленныхъ для промысловъ харчевыхъ припасовъ». Они требовали, чтобы это было строго воспрещено, съ угрозой наказаніемъ. И въ томъ-же году по-

Русскихъ инородцевъ съ Китайскими подданными, эти слухи подавали поводъ съ одной стороны къ прижимкамъ, съ другой вызывали обыкновенную фразу въ извиненіе: «голодъ заставилъ перейдти границу». Во всякомъ случаѣ противоестественно и потому безплодно хлопотали въ-продолженіе полутора столѣтія о неприкосновенности границы. Въ мое время наши горные инородцы нисколько не измѣнили своихъ исконныхъ обычаевъ [1]) и развѣ

слѣдовалъ приказъ «объ удерживаніи Якутовъ отъ выхода за границу» и потомъ въ подтвержденіе его другіе: «объ установленіи преграды пріѣхавшимъ въ Удскія покати Якутамъ», «о нехожденіи родниковъ ихъ для промысла за Удь рѣку въ Тонгусскія мѣста» и «о поимкѣ перешедшихъ за границу Якутовъ и о высылкѣ въ Алданскую канцелярію».

1795. Въ-слѣдствіе предписанія выслать въ Якутскъ разныхъ вѣдомствъ Якутовъ, бродящихъ въ Удскомъ округѣ и на Китайской границѣ, равно и Алданскихъ и Майскихъ Тунгусовъ, были-дескать посланы всѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ Тунгусовъ, которые на пути въ Удской задержаны были на зиму глубокими снѣгами у ручья Акишмы, впадающаго въ Силимджу (а будто не въ Ниманъ?). Такихъ бродячихъ людей сосчитано 42 и большая часть ихъ проживала у Удскаго, на Бохорѣ, Торомѣ, у Чумикана и на Половинной, стало-быть все въ Удской долинѣ или по недалеку отъ нея. Что удаленіе ихъ отсюда не было впрочемъ продолжительно, показываетъ записка чиновника по особымъ порученіямъ Уваровскаго, по которой, въ 1827, въ Удскомъ округѣ находилось 84 души, принадлежавшихъ 47 торговымъ Якутскимъ семействамъ, которыя «были тамъ конечно уже лѣтъ 30». (Ср. также стр. 163).

1811. Якутскій купецъ Семенъ Соловьевъ, какъ видно изъ Удскаго архива, былъ штрафованъ 50-ю рублями за то, что перешелъ Китайскую границу. Хотя онъ встрѣтился съ Даурцами случайно и не заводилъ съ ними торговли, «однако 116-й статьей городоваго положенія дозволено купцамъ производить торгъ не иначе, какъ съ вѣдома мѣстнаго земскаго начальства».

Кромѣ всѣхъ вышеприведенныхъ примѣровъ, подтвержденіемъ сказанному служитъ и та осторожность, съ какою Миллеръ писалъ въ 1758 г. (Samml. Russ. Gesch. III, p. 109): «О запрещенномъ соболиномъ промыслѣ, «производимомъ отъ Нерчинска по рѣкѣ Зеѣ, впадающей «въ Амуръ и принадлежащей нынѣ Китаю, я не скажу «ни слова». Стало быть, тогда было точно тоже, что теперь (ср. стр. 163, прим. 2).

Естественно, что иногда были случаи перебѣга, и въ новѣйшее время объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ геніальнаго выродка изъ помѣси Тунгусско-Гиляцкой, Посвейна, коего отецъ ускользнулъ изъ-подъ власти Удскаго начальства (Зап. Сиб. Отд. Географ. Общ. 1856, II, стр. 76) и поселился между Гиляками.

[1]) Да позволено будетъ мнѣ какъ очевидцу, для сравненія съ данными, извлеченными изъ архива, выставить то, что я нашелъ тамъ въ 1844 году. Что наши Тунгусы въ своихъ странствованіяхъ на самомъ крайнемъ востокѣ ежегодно бывали въ виду Амура, это было уже довольно обстоятельно показано (стр. 160, прим. 1), и съ самимъ Соловьевымъ, какъ мы видѣли, штрафованнымъ въ 1811 г., мы опять-таки встрѣтились на Китайской почвѣ. Дальше къ западу наши Тунгусы спускались внизъ по рѣкѣ Тырмы почти до Буреи и встрѣчались тамъ, но только зимою, съ Китайскими Даурами, которые прежде часто пріѣзжали для торговли вверхъ по Силимджи даже въ Инкань, но въ послѣднее время перестали. Мой превосходный проводникъ, Якутъ Ванча́ за 18 лѣтъ до того ѣздилъ съ своимъ приходскимъ священникомъ Гермогеномъ Дьячковскимъ въ Іорахъ (пониже сліянія Нима́на и Буреи́) и на привалахъ былъ съ 20 или 30 пріѣзжими Даурами и торговыми Якутами. Старый Якутъ Трофимъ, съ которымъ я ѣхалъ нѣкоторое время, разсказывалъ мнѣ, что онъ лѣтъ 26 назадъ спускался внизъ по Буреѣ на берестяномъ челнокѣ и останавливался верстъ за 60 отъ устья, гдѣ находился Китайскій сторожевой постъ: не былъ ли это одинъ изъ изъ тѣхъ, о которыхъ говоритъ Васильевъ на основаніи Китайскихъ источниковъ, только не находя возможности опредѣлить ихъ мѣста (Записки Геогр. Общ. 1857, стр. 77)? Въ правдивости показаній Трофима нельзя сомнѣваться, потому что онъ умѣлъ разсказать мнѣ о Айгынъ-Куту́нѣ, куда прибылъ тогда знатный ревизоръ, въ честь котораго былъ пиръ изъ каши и водки. При этомъ случаѣ, по какой-то странности, явилась въ обновленномъ видѣ старая сказка, еще Ремезовымъ пріуроченная къ Тоболу. Какъ тамъ Ермакъ, наткнувшись на протянутую черезъ рѣку цѣпь, подвергался опасности (Samml. Russ. Gesch. VI, p. 267), такъ и нашему Трофиму Дауры умѣли внушить удивленіе разсказами о своемъ большомъ городѣ на Амурѣ, гдѣ рѣка перегорожена огромною цѣпью. Трофимъ удержалъ въ памяти еще названіе какого-то мѣста: Куру́нъ-Хурга, замѣчательнаго по своему хлѣбопашеству. Рѣчки: Инды-Ха́нда (впадающая въ Тырмы) и Тюсня-Муняхъ (не Нюнна́хъ ли, впадающій въ Нима́нъ?) были, по его словамъ, прежде сборнымъ мѣстомъ для Дауровъ.

Во время моего проѣзда Китайскіе Тунгусы-Быралы проживали на Силимджи у Бысы. Не смотря на то, по сосѣдству съ Бысой на ручьѣ Кебели (Нима́нскомъ) жительствовали не только 4 семьи Русскихъ Тунгусовъ, но даже одинъ Якутъ, который вполнѣ водворился здѣсь уже 6 лѣтъ тому назадъ и жилъ безбѣдно. На устьѣ Гилю (впад. въ Зею) меня привѣтствовалъ нашъ Тунгусъ по Китайскому обычаю, колѣнопреклоненіемъ и

только дали имъ еще больше простору, вмѣсто того, чтобы отставать отъ нихъ. Мнѣ кажется, что и это можно заключать изъ того, что во время моего пребыванія на Амурѣ два или три балагана Русскихъ Тунгусовъ, вышедшихъ съ Кебели (притока Буреи), стало-быть, рѣшительно съ Китайской почвы, зимой занимались ловомъ соболей на правомъ берегу Амура, по рѣкамъ Албачи и Пингу (Панга), а лѣтомъ ловили рыбу на Амурѣ. Одного изъ нихъ мнѣ выставляли не только зажиточнымъ вообще, но и особенно богатымъ оленями, такъ что у него не мало было добра, которое могли бы отнять у него Китайцы, въ видѣ наказанія за переходъ границы.

Какъ видно, тамъ еще для всѣхъ довольно было мѣста; къ тому-же, Китайскіе Тунгусы-Быралы отличаются особеннымъ миролюбіемъ [1]), которое отчасти имъ врождено, а отчасти происходитъ, можетъ быть, и отъ того, что Манджуры, завѣдывающіе границами, строго наказывали ихъ, когда наши Тунгусы приносили на нихъ жалобы. Надобно сказать правду: Китайскіе пограничные чиновники, при всемъ своемъ педантизмѣ, въ сущности вели себя въ высшей степени гуманно [2]).

складываньемъ рукъ: онъ безъ сомнѣнія не разъ встрѣчался съ Китайскими пограничными чиновниками, но никогда съ Русскими нач льниками.

Конечно, чѣмъ дальше я подвигался на западъ, тѣмъ слышнѣе были жалобы нашихъ Тунгусовъ, и одинъ Китайскій Тунгусъ-Быралъ, когда я попалъ въ его балаганъ, встрѣтилъ-было меня, какъ человѣкъ, который понимаетъ, что онъ у себя дома, а мы осмѣлились перейти законную границу. Не смотря на то мы скоро сдѣлались добрыми друзьями, и дальнѣйшіе разспросы убѣдили меня, что нарушенія границъ дѣлались Русскими подданными. Впрочемъ этихъ Быраловъ боялись еще во время перваго занятія Амура. Въ 1681 г. Миловановъ (Вѣстн. Геогр. Общ. 1853, VII, стр. 40) писалъ, что «съ Бирярскихъ Тунгусовъ на верхней Силимджѣ не мочно брать ясакъ небольшими людьми».

Къ западу отъ Ура, когда я проѣзжалъ тамъ, вездѣ было много Русскихъ Тунгусовъ.

[1]) Кромѣ того, что Китайскіе Тунгусы-Быралы (можетъ быть, правильнѣе: Гурагры; принадлежатъ къ племени Манéгирь) имѣли на своей сторонѣ право, они почти всегда оставались при однихъ угрозахъ и даже не разрушали засѣкъ, которыя наши Тунгусы устроивали для лова звѣрей на цѣлыя мили явно въ Китайскихъ владѣніяхъ. Если одинъ Быралъ на порѣчьи Ура заставилъ заплатить за свою лошадь, убитую подъ нимъ на такой засѣкѣ самострѣломъ, и изломалъ нѣсколько разставленныхъ луковъ, то онъ, можно сказать, поступилъ еще очень кротко. На Эльгé (притокѣ Бысы) тогдашній мой проводникъ Тунгусъ съ рѣшительной жалобой указывалъ мѣсто, гдѣ въ ту осень Тунгусы-Быралы запретили нашимъ охотиться, говоря: если вы убьете бѣлку, то мясо вамъ, а шкура наша. Не надобно забывать, что Быралы на Бысѣ постоянные жители. Другой, конечно, подъ ничтожнымъ предлогомъ отнялъ, три года тому назадъ, ружье. Но это были исключенія, о которыхъ притомъ толковали цѣлые годы, и сами же наши Тунгусы (напр. на Олдó) утверждали, что ближайшіе сосѣди наблюдали миръ и дружбу и только пріѣзжавшіе издали отъ Амура причиняли обиды. Однажды Быралы и Тунгусы хотѣли отнять у одного изъ нашихъ ружье и дѣло уладилось обѣщаніемъ уплатить полфунта пороха: нашъ Тунгусъ потомъ долго уклонялся отъ исполненія этого обѣщанія.

Въ новѣйшее время, при подробнѣйшемъ изученіи источниковъ, я нахожу извѣстія скорѣе о колебаніи народонаселенія туда и сюда, нежели о постоянномъ движеніи впередъ. Итакъ я странствовалъ по Амурскому краю въ такой періодъ, когда Русскіе подданные именно переступали границу.

[2]) Въ Бюшинговомъ Магазинѣ (Magazin für die neue Historie und Geographie. 1769, II, p. 491) мы находимъ слѣдующее любопытное извѣстіе Миллера о томъ, какъ было на границѣ въ 1738 году. На устьи рѣки Албазихи, говорится тамъ, живетъ Нерчинскій козацкій сынъ Данило Солдатовъ съ своимъ семействомъ, что̀ хотя и противно договорамъ, однако по снисходительности обоихъ начальствъ не воспрещается. У него обыкновенно проживаютъ наиболѣе Тунгусы Нерчинскаго округа. Миллеръ называетъ двухъ Тунгусовъ, которые тогда жили тамъ, и одинъ изъ нихъ еще 30 верстъ ниже на Амурѣ. Послѣ (стр. 503) онъ сообщаетъ, что тотъ козакъ ушелъ на Айгунъ и былъ тамъ пойманъ, но послѣ былъ опять отпущенъ, когда сказалъ, что попалъ туда, заблудившись.

Изъ этой-же статьи мы видимъ далѣе, что въ то-же время геодезисты Скобельцынъ и Шетиловъ нашли у истоковъ Гилю пустой отъѣзжій шалашъ Нерчинскихъ звѣропромышленниковъ, на Джальтулѣ (притокѣ Гилю) — другой, и въ 35 верстахъ отъ него внизъ по

Впрочемъ Китайскіе Тунгусы, живущіе къ западу отъ **Силимджи** по лѣвому берегу Амура, вполнѣ сознавали, что граница, по договору, простиралась до Становаго Хребта, и это сознаніе обнаруживалось все рѣшительнѣе, чѣмъ дальше я подвигался на западъ отъ **Силимджи**, тогда какъ на востокѣ отъ нея не замѣтно было ни малѣйшаго слѣда этого сознанія. Китайскіе пограничные чиновники не упустили сдѣлать съ своей стороны, что нужно было для пробужденія этого сознанія [1]); при всемъ томъ естественное положеніе возобладало надъ умами этихъ сыновъ природы, тѣмъ болѣе, что Китайское правительство, какъ мы видѣли (стр. 146), по своему старинному обычаю, выселило въ XVII вѣкѣ земледѣльческія племена съ лѣваго берега Амура, именно на правый берегъ **Нони**. Въ опорожненную такимъ образомъ, пограничную область пустились за звѣрями наши инородцы, и даже крестьяне Нерчинскаго округа [2]). За Тунгусами потянулись природные торговцы-Якуты и даже ходили дальше ихъ, чтобы вести мѣновую торговлю съ Китайскими инородцами. Въ мое время я насчиталъ около 25 торговцевъ изъ Якутска, которые разъѣзжали то по сю, то по ту сторону Зеинскаго и Буреинскаго хребтовъ. Притомъ на каждаго изъ нихъ должно положить еще по три прикащика въ разъѣздѣ. Съ другой стороны на встрѣчу нашимъ торговцамъ ѣздили Китайскіе Тунгусы-Быралы, которые на верхнемъ Амурѣ покупали у нашихъ пограничныхъ козаковъ муку и продавали ее вмѣстѣ съ лошадьми далеко вверху на **Силимджѣ** (въ урочищѣ **Инкань**) нашимъ Тунгусамъ.

Такъ переплетались между собой пути торговыхъ интересовъ; терпимость была общимъ правиломъ; мшистыя горныя цѣпи были безспорно предоставлены нашимъ Тунгусамъ, которые и не преминули вдаваться на югъ все смѣлѣе, напримѣръ, по **Буреинскому** хребту градуса на четыре широты за границу, и Китайскіе **Дауры** и Тунгусы-Быралы и **Манегры** могли сдержать удаль нашихъ инородцевъ только при помощи опустошительныхъ лѣсныхъ пожаровъ. По крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что Китайскіе инородцы не чужды были этого разсчета, когда для доставленія хорошаго корма своимъ лошадямъ выжигали старую жесткую траву такъ безпощадно, что огонь разливался по лѣсамъ на безпредѣльное пространство. Для ихъ скота тотчасъ выростала молодая сочная трава, но мохъ пропадалъ на многіе годы и это удерживало нашихъ оленныхъ Тунгусовъ. И вотъ объясненіе частыхъ жалобъ, которыя приносили мнѣ наши притязательные Тунгусы. Въ послѣдніе годы они ходили за границу, можетъ быть, съ меньшимъ успѣхомъ и считали это за стѣсненіе своихъ правъ.

Отсюда видно, какъ просто было столь запутанное, повидимому, положеніе, само

Гилю и въ 58 выше устья этой рѣки — третій, въ которомъ проживали для промысла соболей Русскіе изъ Нерчинскаго округа. И на **Бріянду** (**Бырранту**) уже ѣздили тогда и Якуты и Якутскіе Тунгусы.

Касательно одной изъ главныхъ жалобъ я нашелъ, что лѣса жгли не одни Китайскіе инородцы, но и наши были тому причиной, сожигая траву, чтобы подкарауливать оленей, приходящихъ на вновь выростающую.

[1]) На **Гилю** напр. они постоянно напоминали Русскимъ Тунгусамъ, что послѣдніе не въ правѣ жить тамъ. Тунгусы всегда смиренно объясняли, что у нихъ нѣтъ оленей и имъ не на чемъ уѣхать. Этимъ и довольствовались пограничные стражи.

[2]) См. выше, стр. 156. Не мало хлѣбопашцевъ Нерчинскаго округа, съ которыми я говорилъ, въ мое время каждую осень ходили «бѣлковать» не только вдоль Становаго Хребта до Ура, не только внизъ по Амуру на плотахъ почти до **Албачи**, но именно на правый берегъ Амура въ порѣчье Албачи (по-русски **Албазиха**), **Пингу** (по рус. **Понга**) и даже до **Хумара** (по-р. **Камаръ**).

21*

собою установившееся въ дикихъ пустыняхъ вопреки размежеванію ихъ властями. Удаленія 6,000 нашихъ Якутъ за границу въ Амурскій край, донынѣ признаваемаго за несомнѣнное событіе, на самомъ дѣлѣ никогда не бывало: извѣстіе объ этомъ, возникшее изъ недоразумѣнія, нашло довѣріе лишь потому, что сообщено было и развито правдивымъ повѣствователемъ [1]). Сѣверный Амурскій край напрасно изображали убѣжищемъ для недовольныхъ Сибирскихъ инородцевъ.

Чиновники нашихъ Сибирскихъ присутственныхъ мѣстъ остерегались подходить къ Китайской границѣ; но вотъ что замѣчательно: до моего пріѣзда они письменно спорили въ Якутскѣ о томъ, какъ великъ Удской округъ — въ 10 или въ 5 тысячь квадратныхъ верстъ? Наше правительство, конечно, нѣсколько разъ пыталось разъяснить для себя это, но всѣ попытки этого рода не удавались [2]). Петру Великому, къ сожалѣнію не суждено

---

[1]) Voyage fait par le Commodore Billings, redigé par Sauer, traduit par Castéra, 1802, II, p. 225. Штукенбергъ принялъ это извѣстіе въ свою Hydrogr. d. Russ. Reiches (1844, II, p. 761) по Риттеру.

[2]) Уже въ 1735 г. нашъ академикъ Миллеръ отправилъ на лошадяхъ двухъ геодезистовъ, Скобелицына и Шетилова, вверхъ по Горбицѣ къ рѣчкѣ Еловѣ, впадающей въ Олекму. Оттуда они должны были ѣхать вдоль пограничнаго хребта къ истокамъ Уди. Но большая часть ихъ отряда разбѣжалась и они, отзимовавъ тамъ, направились внизъ по теченію рѣкъ въ Якутскъ. Отсюда Берингъ послалъ ихъ обратно въ Иркутскъ съ порученіемъ еще разъ испытать тотъ-же самый путь. Миллеръ предполагалъ отправить ихъ вверхъ по Алдану съ тѣмъ, чтобы отъ истоковъ его одинъ изъ нихъ направилъ свой путь къ западу, другой къ востоку, для сокращенія такимъ образомъ пространства. Берингъ настоялъ на прежнемъ пути и въ 1737 г. они отправились вверхъ по Горбицѣ, на сей разъ богато снабженные запасами и небольшимъ стадомъ скота. Они перешли на рѣку Гилю, шли ею до Зеи, но уже на 350 верстахъ до того истощили свои запасы и силы, что рѣшась воспользоваться болѣе доступными странами, перешли къ югу за Китайскую границу и попали, какъ разъ по своему предположенію, на Русскихъ звѣролововъ. Прибывъ въ Албазинъ, они были приняты Нерчинскимъ козакомъ Буркомъ, бывшимъ тамъ на звѣроловномъ промыслѣ. Отсюда вверхъ по Амуру возвратились они въ Забайкалье, лишась до этого 14 человѣкъ изъ своихъ проводниковъ, которыхъ, какъ кажется, большая часть разбѣжалась. (Зап. Гидр. Деп. IX, 1851 стр. 248).

Въ реестрѣ разныхъ бумагъ, найденныхъ мною въ Удскомъ архивѣ, между прочимъ значится дѣло «объ отправленіи Прапорщика Тетрина въ Удской острогъ за описаніемъ иновѣрческой жизни и для отбиранія сказокъ отъ Тунгусовъ о ихъ промыслѣ на границѣ Китайской». Опредѣлить годъ этого предпріятія я не умѣю; но, увидѣвъ въ одномъ рукописномъ источникѣ, что между 1759 и 1762 годами были посылаемы къ Амуру офицеры геодезіи, полагаю, что и Тетринъ принадлежалъ къ числу ихъ.

Въ 1767 году, какъ видно изъ Удскаго архива, былъ посланъ изъ Якутской воеводской Канцеляріи въ Удской острогъ боярскій сынъ Бурнашевъ «для отбиранія отъ старожиловъ сказокъ о Китайской границѣ».

Въ 1805 году посланникъ Графъ Головкинъ отправилъ (ср. Stuckenberg, Hydrogr. d. Russ. Reiches, II, p. 774 и 782) тогда бывшаго полковника генеральнаго штаба d'Auvray съ порученіемъ осмотрѣть Амуръ и въ особенности развѣдать о состояніи Китайскихъ военныхъ силъ при этой рѣкѣ и въ Манджуріи. Можетъ быть, маіоръ Ставитскій былъ подъ начальствомъ полковника; потому что объ этомъ маіорѣ въ Усть-Стрѣлинскомъ знали, что онъ около 1805 года былъ отправленъ внизъ до Албазина. Академики Адамсъ и Богдановичъ также должны были, по представленію графа, проѣхать по границѣ вдоль сѣвернаго склона хребта отъ Горбицы до Охотскаго моря, посѣтить Шантары и наконецъ прибыть къ устью Альдамы. Хотя все это должно было предпринять въ видѣ подготовки къ установленію границъ и хотя это предпріятіе было Высочайше утверждено, все-таки, по неизвѣстнымъ, вѣроятно скрывающимся въ архивахъ иностранныхъ дѣлъ причинамъ, оно осталось неисполненнымъ. Редовскій, съ которымъ мы уже раньше (стр. 103, прим. 2) встрѣчались, также долженъ былъ посѣтить эти страны, равно какъ и Камчатку, Курильскіе острова, Сахалинъ, даже Матсмай и наконецъ Шантары Это также не приведено въ исполненіе.

Въ 1832 году полковникъ Ладыжинскій проѣхалъ по Амуру. Воспоминанія о немъ въ мое время были еще свѣжи у козаковъ Усть-Стрѣлинскихъ. Онъ, какъ мнѣ разсказывали, съ 15 козаками сплылъ до Албазина, по пространству полагаемому въ 240 верстъ, въ три дня и сдѣлалъ тамъ съёмку (планку наводилъ). Въ одномъ старомъ амбарѣ нашли они какъ-бы обугленныя разнаго рода хлѣбныя зерна, рожь, ячмень, пшеницу и гречиху, очень глубокій колодецъ и т. д., коротко сказать, какъ-разъ то самое, о чемъ повторяютъ намъ и новѣйшія

было распростерть свои планы и въ этомъ направленіи. Еслибъ ему удалось, какъ желалъ онъ, по его словамъ за годъ до своей кончины, съѣздить въ «Сибирь и потомъ дальше и дальше, въ страну Тунгусовъ до Китайской стѣны» [1]), на сколько дѣла приняли бы тамъ совсѣмъ другой оборотъ!

Посмотримъ теперь, какъ съ своей стороны Китайское правительство старалось рѣшить ту же самую задачу. 7-мъ пунктомъ договора 1689 года было предоставлено Его Богдоханскому Величеству поставить для памяти какой-угодно знакъ на границѣ, съ надписаніемъ на немъ условій договора. Съ Русской стороны полагали, что помянутый (на стр. 157) пограничный знакъ на Горбицѣ есть послѣдній на Становомъ Хребтѣ. Единственное, мнѣ извѣстное сомнѣніе было поднято въ 1832 г. Ладыжинскимъ, который сдѣлалъ губернатору Восточной Сибири предложеніе, содержавшееся въ-тайнѣ, — отъискать каменный пограничный знакъ съ надписью на пяти языкахъ, поставленный, по Китайскимъ источникамъ, въ 1691 году Китайскимъ правительствомъ на такъ называемой Большой Горбицѣ (или Амаджáрѣ). Это предложеніе осталось безъ послѣдствій, потому что Ладыжинскій плавалъ внизъ до Албазина безъ всякаго успѣха. А судя по сообщенному имъ свѣдѣнію надобно было полагать, что вышепоказанный пограничный знакъ при впаденіи Омбоны въ (Малую) Горбицу былъ здѣсь полагаемъ только по сходству именъ двухъ рѣкъ, и что сами Китайцы сначала принимали границу, далеко не такимъ остріемъ врѣзывавшуюся въ Русскія владѣнія, которая потому отъ мыса Усть-Стрѣлинскаго должна была идти не къ западу вверхъ по Шилкѣ, а къ сѣверу. Другая же половина предложенія Ладыжинскаго принадлежитъ не ему первому: я нахожу, что ее защищалъ уже цѣлымъ столѣтіемъ раньше (1741) нашъ Миллеръ въ разсужденіи объ Амурѣ, сочиненномъ по собственноручному указу Императрицы: объ этой мысли вспомнили потомъ при заключеніи послѣдняго договора съ Китаемъ. Но положимъ, что намъ удалось бы отодвинуть границу до Амаджара: этотъ выигрышъ нѣсколькихъ сотъ верстъ не имѣлъ бы никакой практической цѣнности. Судя по тому, что я видѣлъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, этотъ взглядъ возникъ изъ мелкихъ нуждъ и потребностей нашихъ пограничныхъ козаковъ (ср. стр. 156) [2]).

извѣстія. Послѣ этого они, смѣняясь дважды въ день на бечевой, въ 5 дней совершили обратный путь. Вотъ что мнѣ тамъ говорили.

Ладыжинскій, прежде бывшій приставомъ миссіи въ Пекинѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ взялся за Амуръ и на основаніи строгаго изученія Китайскихъ извѣстій представилъ подробно обработанный проектъ касательно военнаго занятія Амурскаго края. Этотъ проектъ я имѣлъ въ рукахъ.

1) Des veränderten Russlands zweyter Theil, 1839, p. 124.

2) Миллеръ (Büschings Magazin f. d. neue Historie u. Geographie. 1769, II, p. 483) основываетъ свои доказательства на томъ, что въ латинскомъ экземплярѣ договора, изготовленномъ со стороны Китайцевъ Іезуитами, значится, что рѣка Черная, вблизи которой полагалось начало границы, называется по-Татарски (т. е. по-Тунгусски или по-Манджурски) Урумъ и есть, стало быть, та самая рѣка, которая у козаковъ XVII в. была извѣстна подъ именемъ Урки. Другая р. Черная течетъ верстъ за 15 выше Малой Горбицы. Конечно, Миллеръ, повидимому, правъ, потому что очень невѣроятно, чтобы такой малый горный ручей, какъ Горбица, могъ быть избранъ границей безъ всякаго особеннаго побужденія.

Въ 1805 году, при предварительныхъ справкахъ, сдѣланныхъ для цѣлей посольства графа Головкина, опять было принято предположеніе, что во время перваго договора подъ Горбицей разумѣли Амаджаръ; но этотъ вопросъ, давно рѣшенный не въ пользу Россіи фактическимъ положеніемъ дѣлъ, былъ оставленъ безъ вниманія

Представьте же мое удивленіе, когда я, ничего незная о предложеніи Ладыжинскаго, хранимомъ въ-тайнѣ, нашелъ цѣлый рядъ Китайскихъ пограничныхъ знаковъ на южномъ склонѣ, далеко на югъ отъ гребня Кореннаго Хребта, стало-быть, по тоглашнимъ понятіямъ, въ глубинѣ Китайскихъ владѣній! [1]) Если взять линію этихъ знаковъ, то Рус-

---

(ср. Stukenberg, Hydrogr. d. Russ. Reiches, 1844, II, р. 779).

На 3-мъ листѣ вышеупомянутаго (стр. 157—158, прим.) спеціальнаго Китайскаго атласа имя: Амба-Горбица Бира приписано къ пограничной рѣкѣ или Малой Горбицѣ, хотя другая Горбица на картѣ представлена гораздо больше. Это, конечно, заставляетъ подозрѣвать умышленный подлогъ со стороны Китайцевъ и объясняетъ показанія Клапрота, которыя разбиралъ Риттеръ (Erdkunde, III. Asien II, р. 296).

Наконецъ на всѣхъ Русскихъ картахъ какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго столѣтія постоянно видишь Китайскую границу проведенною по Малой Горбицѣ, хотя на нихъ и Амаджаръ не рѣдко называется, по Китайскимъ источникамъ, также Горбичи. Единственное, мнѣ извѣстное исключеніе составляетъ изданный нашей Академіей «Атласъ Россійской Имперіи» 1745, гдѣ на обоихъ листахъ: «Генеральная карта» и «Иркутская Провинція», граница идетъ по Амаджару и ему ни разу не придано въ видѣ синонима названіе Горбичи. Академія и не могла поступить иначе, потому что только 4 года тому назадъ Миллеръ издалъ вышеупомянутыя доказательства своего взгляда.

[1]) Самый западный изъ найденныхъ мной пограничныхъ знаковъ стоялъ при впаденіи Гилю́ (Киле́) въ Зею, именно на уступѣ крутаго спуска, покрытаго горѣлымъ лѣсомъ и выдающагося мысомъ между лѣвымъ берегомъ Гилю и правымъ Зеи. Знакъ этотъ состоялъ изъ пирамиды въ ростъ человѣка, складенной изъ камней, которыхъ пошло на нее около осьми кубическихъ футовъ; возлѣ пирамиды я нашелъ привязанный къ дереву брусокъ съ конскими волосами, который кругомъ былъ исписанъ. Манджурскія письмена, списанныя мной тщательно, заявляли, что этотъ пограничный знакъ былъ осматриванъ за $2^1/_2$ года до меня. Къ этому везшій меня Тунгусъ могъ прибавить, что черезъ каждые три года сюда пріѣзжаетъ Китайскій чиновникъ на палубной лодкѣ, которую тянутъ бечевой шесть или семь человѣкъ. Остаются-де тамъ очень недолго и дисциплина такъ строга, что по командѣ чиновника въ минуту отваливали, хотя бы котелъ былъ въ полномъ кипѣніи. Эти люди, говорилъ Тунгусъ, пріѣзжали на саняхъ къ устью Зеи, пережидали ходъ льда и потомъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ странствованія, середи лѣта достигали Гилю.

У слѣдующаго за тѣмъ къ востоку, пограничнаго знака я не могъ побывать, хотя проѣзжалъ не далеко отъ него. Тунгусъ, видѣвшій его неоднократно, сказывалъ, что онъ стоитъ при впаденіи ручья Меваа́на въ Нару́, которая, какъ я дознадъ, впадаетъ съ-права въ Силимджи́. Къ востоку оттуда на Силимджи́, говорятъ, есть еще пограничный знакъ, именно на устьѣ Киллéра, о положеніи котораго впрочемъ я ничего не могу сказать обстоятельнѣе.

Дальше къ востоку пограничный знакъ—пирамида изъ камней — стоитъ при впаденіи Нимака́на въ Ниманъ. И сюда, по словамъ Тунгусовъ, ежегодно пріѣзжали Дауры въ берестяныхъ челнокахъ и клали свою граничную запись (пайлоръ). Такъ какъ мы уже цѣлыя недѣли не встрѣчали слѣдовъ какого-либо инородца, то мнѣ не удалось отыскать этотъ маякъ, котораго положеніе мнѣ описывали. Необыкновенная глубина выпавшаго тогда снѣга сдѣлала напрасными всѣ мои усилія. Могло быть даже, что я проѣхалъ мимо маяка, потому что одинъ Якутъ сказывалъ мнѣ о маякѣ, который онъ видѣлъ при впаденіи Умальтина въ Бурею (съ-права, выше сліянія ея съ Ниманомъ). Это была, по словамъ его, куча каменьевъ и въ ней запись, обернутая въ бересту. Спрашивается теперь: этотъ пограничный знакъ не тотъ ли самый, что стоитъ, по словамъ другихъ, на Нимаканѣ?

При этомъ случаѣ приходитъ на мысль еще вопросъ: не совпадаетъ ли съ этимъ маякомъ одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ въ Иркутской рукописи, просмотрѣнной Штукенбергомъ (Hydrogr. d. Russ. Reiches. 1844, II, р. 730), сказано: старики изъ ясашныхъ людей и козаки на Алданѣ и Уди увѣряютъ, что на хребтахъ горнаго водораздѣла между Зеей и порѣчьемъ Алдана, во 130 верстахъ отъ Уди, Китайцы поставили свои каменные маяки и къ каждому приложили свою печать.

Надобно еще, наконецъ, упомянуть объ одной пограничной записи, которая, по словамъ Тунгусовъ въ старину была всего дальше къ востоку. На водораздѣлѣ между Тугуромъ и Немиленомъ, тамъ гдѣ при урочищѣ Укакытѣ издавна былъ волокъ (ср. стр. 176), въ давніе годы стояло старое дерево, которое впрочемъ очень хорошо помнили два старика. Въ стволѣ дерева былъ выдолбленъ шкапикъ, въ которомъ спрятана была Манджурская запись, обернутая берестой; а на деревѣ былъ повѣшенъ брусокъ съ надписями. Съ теченіемъ времени это дерево сгнило.

Сравнивая эти показанія съ вышеописаннымъ (стр. 157, прим. 3) видомъ пограничнаго знака на устьи Горбицы, не находишь никакого повода подвергать сомнѣнію ихъ достовѣрность.

Тѣмъ, которые въ наше время хотятъ доказывать, что и Тугуръ попалъ въ значеніе пограничной рѣки только по недоразумѣнію картографовъ, я указываю на Миллера (Büsching, Magazin für neue Histor. u. Geogr. 1769, II, р. 509), который за сто лѣтъ до насъ по разспросамъ на

скія владѣнія увеличивались, по тогдашнему моему приблизительному счету, по меньшей мѣрѣ на 50,000 квадратныхъ верстъ, и тѣмъ значительно возстановлялось столь существенно важное соотвѣтствіе между страной и ея обитателями. По этой пограничной линіи Русскіе подданные жили на Русской почвѣ, потому что эта линія довольно правильно отдѣляетъ горную область Русскихъ оленныхъ Тунгусовъ отъ луговой низменности, — естественнаго мѣста странствованія Китайскихъ конныхъ инородцевъ.

Спрашивается теперь: какую цѣль имѣли въ виду при этомъ добровольно-уступчивомъ межеванiи границъ Китайцы, въ другихъ случаяхъ столь педантически-точные? При мысли объ этомъ вопросѣ всего прежде замѣчаешь, что всѣ эти пограничные знаки поставлены на сѣверной сторонѣ слiянія двухъ рѣкъ, какъ-будто имѣлось въ виду отмежевать какой-то Сибирскій Китай отъ сосѣдняго съ нимъ южнаго государства. Что это дѣйствительно пограничные знаки, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что они имѣютъ тотъ-же самый видъ, какъ извѣстные Забайкальскіе знаки, каковъ напр. и видѣнный мной знакъ противъ Усть-Стрѣлинскаго [1]). Притомъ многіе изъ Тунгусовъ, съ которыми я говорилъ, сами видѣли, какъ въ эти каменныя пирамиды закладывалась бумага съ красными, желтыми и другими письменами, тщательно завернутая, для охраненія, въ бересту. Наконецъ ежегодный осмотръ этихъ знаковъ, равно и вывѣшиваемая возлѣ нихъ надпись не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ ихъ политическаго значенія. Во всякомъ случаѣ показанія Китайской границы на нижнемъ Амурѣ, которое приводилъ Свербеевъ [2]), нельзя допустить. Изъ отзыва одного Китайскаго Тунгуса онъ старается вывести, что Китайцы считали границей Буреинскій Хребетъ. Такъ какъ за нѣсколько лѣтъ до Свербеева или до плаванія по Амуру генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева, на слiяніи Буреи и Нимана построена была часовня, которой въ мое время еще не было, то Тунгусъ Манегиръ весьма естественно могъ сказать на устьи Буреи: «это ваша рѣка».

Предоставляя будущему изученію Китайскихъ источниковъ разрѣшить загадку, чего хотѣли Китайцы посредствомъ своихъ пограничныхъ знаковъ, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи народовъ, живущихъ по нижнему Амуру, къ Китайскому правительству. До моего путешествія ихъ всѣхъ считали Китайскими подданными. А въ бытность мою тамъ я писалъ, что Гиляки отнюдь не признаютъ себя подвластными Китаю [3]). Здѣсь я долженъ прибавить, что въ мое время эта фактическая независимость простиралась и на

мѣстѣ писалъ: Якуты и Тунгусы Якутской Области говорятъ, что живущіе по Тугуру Китайскіе Тунгусы признаютъ границей рѣку Торонъ (Торомъ), между Тугуромъ и Удью, въ чемъ согласны съ ними и Удскіе Тунгусы, которые въ своихъ странствованіяхъ для промысла звѣрей, обыкновенно не переступаютъ за Торонъ. Соотвѣтственно этому свѣдѣнію показалъ границу и Трескоттъ въ своей Mappa Gubernii Irkutensis 1776, и такъ она перешла и на другія карты. Штраленбергъ въ своей картѣ, изданной 1730, провелъ границу даже еще больше на западъ, по рѣкѣ Тылѣ. Напротивъ, всѣ карты начерченныя во второй половинѣ XVIII столѣтія въ самой Сибири, начиная съ Фрауэндорфовой (ср. стр. 46 прим. 1), гораздо ближе къ естественному роду жизни Тунгусовъ и, какъ мы видѣли, даже къ собственному сознанію Китайцевъ, проводятъ границу на востокѣ, минуя Тугуръ, между имъ и Амуромъ.

[1]) Ср. наприм. Pallas, Reise d. versch. Prov. III, p. 110 и этого нашего сочиненія стр. 166, прим. 1.

[2]) Записки Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ. 1857, III, стр. 59.

[3]) Что эту независимость Гиляковъ признавали сами Китайцы, показываетъ намъ Lettre d'André Kimar-Kim, diacre coréen, datée du 15 Décembre 1844, въ Nouv. Annales des Voyages, 1847, I, p. 81).

Тунгусскія племена рѣчной области Амгуна. Только до Нга́тку, говорили мнѣ, каждое лѣто спускается по рѣкѣ отрядъ изъ 50 Китайскихъ солдатъ, вооруженныхъ мушкетами и даже пушками. Они скрывались въ острожкѣ, окруженномъ палисадами, и принимали мѣха, приносимые имъ добровольно, щедро отдаривая туземцевъ табакомъ, крупой, мукой, тканями, котлами и т. п., и уѣзжали, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла обывателей [1]). Всего яснѣе обнаруживается отношеніе жителей Амгуна къ Китаю изъ слѣдующихъ словъ одного опытнаго Китайскаго Тунгуса изъ Нигидайскаго рода, по имени Элту́нгаба, съ которымъ я видѣлся на Немиленѣ (Амгунскомъ) въ мѣстѣ его жительства и вскорѣ подружился. Подозрѣвая во мнѣ политическаго эмиссара, онъ также обошелся со мной довольно политически. Хотя онъ вошелъ въ мою палатку въ шапкѣ и безъ церемоніи, однако обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами. «Я состарѣлся, а никогда еще не видалъ «чиновниковъ Русскаго Государя: такъ я пришелъ посмотрѣть на тебя. Ваши Тунгусы «давно увѣряютъ, что Русскіе придутъ и возьмутъ насъ. Противъ этого, конечно, намъ «нечего сказать и мы вамъ тотчасъ сдадимся». Когда же я сталъ его разспрашивать о томъ—о семъ, скинулъ съ себя оружіе и обходился съ нимъ дружелюбно, вѣтеръ перемѣнился и старикъ сознался, что имъ не хотѣлось бы впрочемъ быть Русскими, потому что они, подобно Шама́грамъ на нижнемъ Амгунѣ, платили дань, когда хотѣли и когда имъ кстати было ѣхать. Вотъ два года, продолжалъ онъ, остаюсь я дома и только передъ тѣмъ ѣздилъ внизъ по Амгуну и потомъ вверхъ по Амуру и поднесъ только одного соболя, а за это получилъ въ подарокъ табаку гораздо больше, чѣмъ стоилъ соболь. Въ послѣдніе годы пріѣзжали-дескать сверху Амура къ Амгунскому устью Манджурскіе купцы, и тогда ему, какъ и его сосѣдямъ, стало вовсе не нужно ѣздить къ такъ называемому ясашному двору. Мало по малу оказалось, что мое появленіе старикъ ставилъ также въ связь съ Англо-Китайскою войною, и при случаѣ спрашивалъ о неслыханномъ кораблѣ, который разгромилъ цѣлый городъ пушечнымъ выстрѣломъ, а самъ неуловимо нырнулъ подъ воду. Когда я успокоилъ его на счетъ моего прибытія, онъ былъ очень доволенъ и повторялъ, что имъ все-же лучше бы остаться вольными. Въ ихъ отношеніяхъ къ Китаю, очевидно, не было и тѣни подданства. Тунгусовъ на Немиленѣ, какъ Гиляковъ южнаго берега Охотскаго моря, Китайскіе чиновники не навѣщали и не имѣли даже въ своихъ спискахъ.

Между тѣмъ подъ вліяніемъ страха Русскихъ уже начинала показываться пропаганда въ противоположномъ направленіи. Козьминъ (ср. стр. 104) разсказываетъ, что одинъ закупщикъ мѣховъ изъ Удскаго, не могши сбыть съ рукъ большаго запаса мѣдныхъ крестиковъ, распространилъ слухъ, что въ скоромъ времени явится сверху Амура Русское судно, и всѣ, которые не захотятъ креститься, будутъ побиты. И вотъ кресты пошли на расхватъ: Гиляки покупали ихъ за дорогую цѣну, потому что имъ было сказано, что, имѣя на шеѣ

---

[1]) Со времени моего путешествія эти извѣстія подтверждены и дополнены Де-ла-Брюньеромъ (Excursion en Mandchourie, en 1845, въ Nouv. Annales des Voyages, 1848, IV, p. 82, 88, 107), который называетъ мѣсто, куда мандарины пріѣзжали внизъ по Сонгари для полученія подати, именемъ: Mou-tchém. Другая лодка ежегодно спускалась, по его словамъ, къ Jupi-ta-tzé (Рыбьи кожи), слѣдов. къ нашимъ Гилякамъ. И Вено (Venault въ Bullet. de la Société de Géographie, 1852, IV, p. 116) описываетъ этотъ Му-чемъ, какъ домъ, окруженный палисадами.

этотъ талисманъ, какъ у Русскихъ, имъ нечего бояться. Справедливость этого разсказа стала мнѣ явною, когда вышеупомянутый Нигидальскій Тунгусъ за чашкой чая открылъ мнѣ, что «въ старину на ихъ рѣку пріѣзжали и Русскіе; но это были», говорилъ онъ, «другіе Русскіе — дьяволы, которые складывали нашихъ дѣдовъ въ костеръ, зажигали и «жарили на этомъ огнѣ ихъ дѣтей. Для того и пріѣхали Манджуры и повѣсили, въ защиту, «пограничный знакъ на Укакытѣ (ср. стр. 166 прим.). Потому и сосѣдъ мой», продолжалъ старикъ, «крестился и называется Егоромъ. Дочь его вышла за мужъ за моего сына, который «также крестилъ всѣхъ своихъ дѣтей, какъ и Егоръ» [1]). По справкѣ объ этомъ крещеніи оказалось, что Удской священникъ [2]) крестилъ много Нигидальцевъ. Но это было ему потомъ строжайше воспрещено; между тѣмъ какой-то купецъ продолжалъ крестить въ тихомолку.

Необходимость свободнаго судоходства по Амуру для Южной Сибири вообще, и въ особенности для Забайкальскаго края и для обширныхъ береговыхъ пространствъ Восточной Сибири, была такъ очевидна, что объ этомъ обстоятельствѣ естественно не разъ возникалъ вопросъ уже со времени занятія Амура Русскими. Нашей Академіи, въ лицѣ Миллера, принадлежитъ та заслуга, что она сдѣлала первое рѣшительное предложеніе въ этомъ смыслѣ уже болѣе столѣтія тому назадъ. Миллеръ особенно ставилъ на видъ удобство снабженія Охотска и Камчатки съѣстными припасами изъ Забайкальскаго края, указывалъ на торговлю съ Японіей, Индіей и даже Китаемъ черезъ Шингалъ (Сонгари), и выставлялъ полную вѣроятность пріобрѣсть посредствомъ переговоровъ согласіе Китайцевъ на такое свободное судоходство. Только въ началѣ нашего столѣтія, когда въ царствованіе Александра I обратили болѣе вниманія на Восточный океанъ и въ частности на Охотское море (ср. стр. 103), когда берега тѣхъ странъ были сняты съ суши и съ моря, когда они въ-первые посѣщены были изъ Петербурга морскимъ путемъ и когда вмѣстѣ съ тѣмъ туда направлено было много войска, только тогда начали мало по малу, все чаще и глубже входить въ этотъ предметъ съ разныхъ сторонъ [3]), и о свободномъ судоходствѣ

---

[1]) Соотвѣтственно тому, безъ сомнѣнія, должно объяснять и случай 1675 года, когда одинъ Китайскій Тунгусъ добровольно изъявилъ желаніе креститься (Вѣстн. Геогр. Общ. VII, 1853, Изслѣд. стр. 30). Спасскій предполагаетъ слишкомъ благородныя побужденія. Кому преданіе Тунгуса-Нигидальца покажется преувеличеннымъ, тотъ пусть обратитъ вниманіе на показанія Хабарова предъ судомъ: по собственнымъ словамъ его, онъ «пыталъ и жегъ», или «допрашивалъ и пыталъ». Мы узнаёмъ также, что несчастные закалывались, когда имъ удавалось припрятать у себя ножъ. Навѣрное не въ припадкѣ ипохондріи (Ср. Дополн. къ Актамъ Истор., 1848, III. 1652, № 102, стр. 363, 364; № 103, стр. 372). Не старинныя ли воспоминанія заставляли жителей Амура дрожать, какъ осиновый листъ, предъ Русскими, когда они явились къ нимъ сверху Амура въ 1854 году?

[2]) Священникъ назывался Гермогенъ Дьячковскій, купецъ — Михаилъ Поповъ.

[3]) Уже въ 1681 году въ первый разъ была рѣчь о сообщеніи съ Индіей посредствомъ сплава по Амуру (Ср. Relatio de Sibiria, qua continetur notitia dictae provinciae etc. anno 1681 и тоже подъ заглавіемъ: Historia de Sibiria sive notitia regnis (!) Sibiriae etc.: оба сочиненія въ рукописи находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и первое изъ нихъ издано и переведено Спасскимъ подъ заглавіемъ: Повѣствованіе о Сибири, латинская рукопись XVII столѣтія, 1822. Переводъ этотъ помѣщенъ и въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, V, 1822, стр. 92.

Въ 1716 году дѣло шло объ осуществленіи этого взгляда. «Два купца вошли въ Сенатъ съ представленіемъ «о томъ, что Русскіе купцы съ своими товарами могли бы «ѣздить изъ Архангельска въ Восточный Океанъ по соединенію разныхъ судоходныхъ рѣкъ, озеръ и рѣчекъ, что «они такимъ образомъ легко и краткимъ путемъ достигали бы Японіи и Остъ-Индіи и что отъ того произошла бы для государства неимовѣрная выгода. Годными

по Амуру не только возложены были особенныя заботы на посланника графа Головкина, но и въ самой Сибири на этотъ вопросъ повсюду раздавался радостный отголосокъ.

Скажемъ теперь еще нѣсколько словъ о древнѣйшихъ изображеніяхъ теченія Амура на Русскихъ картахъ. Мы уже упоминали (стр. 43, прим.), что первый чертежъ Амура относится къ 1652 году. Ни этотъ, ни сдѣланный 1681 года Миловановымъ доселѣ не отысканы [1]). Хотя Ремезовъ трудился надъ своимъ атласомъ (стр. 35) вскорѣ послѣ

«для того рѣками отъ Архангельска были бы: Двина, «Тавда, Иртышь, Обь, Кетъ, Енисей-Ангара, озеро Бай-«калъ, Шилка и Амуръ, который чрезъ Даурію изли-«вается въ океанъ. И такимъ образомъ впредь не было «бы нужды думать объ открытіи пути чрезъ Новую «Землю, который до нынѣ находили почти невозмож-«нымъ» (Das veränderte Russland 1744, Erster Theil, p. 219). Но на этомъ и остановились.

Миллерово предложеніе 1741 года находится въ Büsching's Mag. f. die neure Hist. u. Geog., 1769, II, p. 517.

1746 Чириковъ расширилъ предложеніе Миллера, выставляя, какъ необходимо испросить у Китайскаго правительства свободу судоходства по Амуру и дозволеніе заложить на его устьи пристань; потому что иначе было бы невозможно продолжать предпріятія на Восточномъ Океанѣ, не говоря уже о томъ, чтобы ихъ расширить (Зап. Гидрогр. Деп. IX, 1851, стр. 106) Берхъ (Первое Морск. Путеш., стр. 106) приписывалъ это предложеніе самому Берингу.

Въ 1753 году, въ-слѣдствіе указа принять надлежащія мѣры къ снабженію Охотска и Камчатки провіантомъ, Сибирскій губернаторъ Мятлевъ возобновилъ предложеніе Миллера и подалъ проектъ, по которому провіантъ для войскъ, стоявшихъ въ Охотскѣ, въ Камчаткѣ и въ отдаленныхъ странахъ Якутской области, предполагалось перевозить внизъ по теченію Амура. Сенатъ утвердилъ это представленіе; при всемъ томъ оно не было приведено въ исполненіе.

Въ 1757 году начальникъ Охотска Шипиловъ будто бы получилъ даже порученіе привлекать въ русское подданство племя Гиляковъ, числомъ около 40,000 душъ, обитающихъ между устьемъ Уди и Амура; но были ли предприняты какія-нибудь на то попытки, ничего не слышно (Словцовъ, Истор. Обоз. Спб. 1844, II, стр. 420).

Если я не ошибаюсь, то Сарычеву (Путешествіе, I, стр. 146) принадлежитъ честь въ первый разъ въ 1802 г. печатно высказать намекъ на то, какъ измѣнилось бы положеніе Сибири, еслибы Амуръ принадлежалъ Россіи.

1805 Крузенштернъ (Reise um die Welt. 1811. II, p. 71), столько дорожившій изслѣдованіемъ устья Амура, начерталъ планъ овладѣть на южномъ берегу Сахалина Анивой — планъ самъ собою, безъ объясненія, предполагавшій свободное судоходство по Амуру.

1806 года на посланника графа Головкина было возложено вести переговоры съ Китайскимъ правительствомъ о правѣ свободнаго судоходства по Амуру. Въ крайнемъ случаѣ онъ долженъ былъ, по меньшей мѣрѣ требовать согласія на то, чтобы нѣсколько судовъ ежегодно могли спускаться по рѣкѣ для доставки провіянта въ Камчатку и въ Американскія колоніи. На тотъ случай, еслибы рѣка оказалась слишкомъ мелкою для морскихъ судовъ, графъ Головкинъ долженъ былъ выхлопотать дозволеніе устроить на устьи Амура складочное мѣсто, гдѣ бы можно было перегружаться.

Въ то-же время гражданскій губернаторъ Сибири Корниловъ предлагалъ снарядить на Шилкѣ флотилію изъ канонерскихъ лодокъ, которая, конечно, каждую минуту была бы въ состояніи спуститься внизъ по Амуру.

1816 года главный коммиссіонеръ Сѣверо-Американской Компаніи Шемелинъ осмѣлился печатно и весьма рѣшительно говорить о крайней необходимости для Россіи имѣть въ своемъ владѣніи Амурское судоходство и рѣку Амуръ (Путешествіе Шемелина, глава V, стр. 201, или Журналъ перваго путешествія Россіянъ вокругъ Земнаго шара, С.-Пб. 1816, I, стр. 201). Онъ основываетъ свой взглядъ на томъ, что въ-слѣдствіе значительнаго умноженія войскъ на Восточномъ Океанѣ (въ Камчаткѣ напр. въ-десятеро) должно было умножиться и число лошадей для перевозки нужнаго провіянта (30,000 пудъ муки и т. п.) и такелажа, вмѣсто прежнихъ 3—4,000 лошадей до 14 — 15,000, полагая на каждую по 5 пудъ. Плата за перевозку сдѣлалась въ-пятеро дороже, отъ чего впрочемъ Якуты не получаютъ барыша, и транспортъ стоитъ отъ 7 до 9 рублей за пудъ на 1,000 верстъ; такимъ образомъ мука поднялась до невыносимой цѣны— 13-ти рублей за пудъ и т. д.

1830 года взялся за это дѣло Геденстремъ (Отрывки о Сибири, стр. 146 и сл.) съ жаромъ, который дѣлаетъ полную честь какъ нескрушимой юношеской силѣ этого путешественника по льду морскому, такъ и смѣлости тогдашняго петербургскаго цензора Анастасевича.

Статья Щукина 1848 года (Сынъ Отечества, Сентябрь, 1848, стр. 1) была отголоскомъ тогдашнихъ умствованій на счетъ Амура и заслуживаетъ вниманія потому, что изъ нея сдѣланы буквальныя выписки о необходимости Амурскаго судоходства въ оффиціальномъ Журналѣ Народнаго Просвѣщенія 1848, LX, отд. VI, стр. 202. Вскорѣ потомъ явилась зрѣлая статья въ Отеч. Записк. 1849, отд. VIII, стр. 265.

[1]) Карта Милованова была въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ присланъ былъ въ Москву въ Сибирскій Приказъ, другой — въ Енисейскъ (Büsching, Magaz. f. neuere Hist. u. Geogr. 1769, II, p. 469). Можетъ быть, не найдется ли она?

Милованова, однако невѣроятно, чтобы онъ пользовался чертежемъ его, который былъ, вѣроятно, точнѣе.

У Ремезова мы находимъ Амурскій край на трехъ листахъ атласа. Сводный 23-ій листъ при устьи Амура показываетъ большой городъ и возлѣ его имѣетъ надпись: «до «сего мѣста царь Александръ Македонскій доходилъ и ружье спряталъ и колоколъ оставилъ». Здѣсь, какъ видно, опять повторилось обыкновенное въ средніе вѣка въ западной Европѣ приноровленіе историческихъ преданій къ географическимъ представленіямъ, начертанія которыхъ и безъ того были подъ сильнымъ вліяніемъ гаданій. Какъ же однако попалъ сюда Александръ, когда самъ Ремезовъ хорошо зналъ, что за Амуромъ лежитъ Китай и Пекинъ, а не Индія? Такъ какъ Витзенъ не рѣдко смѣшиваетъ имена Аму и Амуръ, то я думалъ-было здѣсь именно найти ключь къ открытію тайны, силою которой Александръ переносится на картахъ съ права на лѣво въ самые отдаленные концы. Между тѣмъ мнѣ пришлось усомниться въ правильности моего объясненія, когда я въ первомъ изданіи Витзена (1692, II, стр. 29), между другими подтвердившимися свѣдѣніями, нашелъ слѣдующее извѣстіе. «Тамъ разсказываютъ, что лѣтъ 30 или 40 тому «назадъ Русскіе военные люди около устья Амура, днища на два пути южнѣе, на мор«скомъ берегу, на мѣстѣ, которое повидимому было окопано, нашли большой колоколъ, «вѣсомъ въ 660 голландскихъ фунтовъ; при этомъ лежали различные камни, въ кото«рыхъ выдолблены были Китайскія письмена. Живущіе тамъ туземцы говорили, что въ «старинныя времена въ рѣку Амуръ пріѣзжалъ изъ Китая на судахъ моремъ какой-то «Императоръ, который и соорудилъ тамъ и оставилъ эти надписи и колоколъ на память». Такъ какъ козаки въ томъ самомъ краѣ нашли на берегу остатки выброшеннаго Европейскаго корабля, то отсюда можно было во времена Витзена объяснять и колоколъ.

Важныя свѣдѣнія, недавно привезенныя съ Амура Пермикинымъ [1]), рѣшаютъ здѣсь всѣ затрудненія. Пермикинъ нашелъ «различные камни» Витзена на правомъ берегу Амура въ виду Амгунской дельты и срисовалъ ихъ: это памятники, искусно высѣченные изъ порфира, гранита и мрамора. Монгольскія и старо-Тибетскія надписи свидѣтельствуютъ, что на томъ мѣстѣ во времена династіи Юань было построено Буддійское капище. Эта находка повела къ справкамъ въ старинной рукописи 1678 года, хранящейся въ Сибирскомъ Отдѣлѣ Русск. Географическаго Общества и очевидно послужившей основаніемъ разсказу Витзена.

Хотя на разсматриваемомъ листѣ Ремезовскаго атласа показаны бо́льшіе и даже нѣкоторые ме́ньшіе притоки Амура, а Горбица названа уже границей, при всемъ томъ ни изъ чего не видно, чтобы ему основаніемъ послужилъ чертежъ очевидца, особенно когда рѣка Силимджи показана притокомъ Зеи съ-права. Не смотря на то, на этомъ листѣ при устьи рѣки Мазара (Амаджара) стоитъ городъ Капкаевъ (Лапкаевъ), а близь его, внизу, впадаетъ въ Амуръ р. Урка, которую передаетъ и древнѣйшая печатная карта Витзена. На позднѣйшихъ картахъ она потерялась и съ нею главный путь

[1]) Записки Сибир. Отдѣла, Кн. II, стр. 68, 78.

козачьихъ походовъ. Между Зеей и Быстрой (Нюманью) довольно ясно обозначается луговая мѣстность семью озерами. Замѣчательна еще рѣка Ламка, принимающая въ себя рѣку Людмы и впадающая между Тугуромъ и Амуромъ въ море. Этой рѣки, равно и Учалды, на которой жили Гиляки и Тунгусы [1]), мы до сихъ поръ не знаемъ.

21-й листъ Ремезовскаго атласа, представляя Нерчинскій округъ, занятъ почти исключительно Амурскимъ краемъ и роскошно изображаетъ Китайскую стѣну и страну до Пекина; но этотъ чертежъ неправильнѣе, такъ что даже Горбица, съ расписанными здѣсь пограничными столбами, отодвинута подъ Албазинъ. Между тѣмъ этотъ листъ замѣчателенъ поразительною точностью въ начертаніи Китайскихъ рѣкъ съ ихъ притоками; именно, изгибъ верхняго теченія рѣки Шингали (Сонгари́) такъ удаченъ, что я полагаю, у Ремезова былъ какой-нибудь Китайскій чертежъ, которымъ онъ пользовался.

Наконецъ листъ 19-й, самый ошибочный, есть, конечно, самый старшій по выполненію: онъ могъ быть вычерченъ не раньше 1683 года, такъ какъ на немъ при устьи Тугура показаны двѣ избы, съ надписью: «Тугурское зимовье бывшее Русскихъ людей». Этотъ листъ замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь у Тугура сверху надписано: «Волокъ»: это доказываетъ, что волокомъ Укакытъ, на которомъ я былъ, козаки уже пользовались.

Какъ ни грубы были эти карты, однако Витзенъ, издавъ свой трудъ еще до окончанія Ремезовскаго атласа [2]), могъ назначить устью Амура положеніе около 54° с. ш. Только черезъ 40 лѣтъ послѣ того, результаты Беринговой экспедиціи дали Миллеру возможность спустить устье Амура ниже 53°, такъ что въ этомъ отношеніи даже новѣйшія опредѣленія широтъ на обыкновенныхъ картахъ не произвели существенныхъ измѣненій.

Не теряясь болѣе въ подробностяхъ, замѣчу только вообще, что карты, составленныя въ началѣ XVIII столѣтія, обнаруживаютъ, безъ сомнѣнія въ-слѣдствіе заключеннаго графомъ Рагузинскимъ договора о границахъ, гораздо больше знакомства съ Амуромъ, нежели карты половины и третьей четверти того-же столѣтія: многое забылось, что прежде было ясно [3]).

Въ наше время устье Амура открыто для всемірнаго сообщенія. Я считалъ бы за лишнее говорить объ немъ, еслибы не чувствовалъ себя обязаннымъ опредѣлительно показать, что безспорно нашему флоту принадлежитъ заслуга блистательнаго исправленія ошибки, которая его-же знаменитымъ гидрографомъ если не пущена въ ходъ, то все-же

---

[1]) Samml. Russ. Gesch. II, p. 330 и принадлежащіе сюда акты. Штукенбергъ (Hydrogr. d. Russ. Reiches, II, 1844, p. 749) на этой Учалдѣ спутался, полагая, что такъ называется Удь въ своемъ началѣ. Очень понятно, что послѣ такой посылки слѣдующее объясненіе, само по себѣ очень ясное, стало для него непонятно.

[2]) Ср. Витзена изданіе 1692, стр. 3 предисловія, и Samml. Russ. Gesch., II, 1736, p. 293.

[3]) Замѣчу здѣсь, что академическій атласъ изданъ 1745, слѣд. не могъ принять въ себя пополненій съ картъ капитана Зурова и лейтенанта Шаховскаго. На ихъ картѣ, черченной въ 1749 году, ясно показана рѣка Урка и сліяніе ея съ Негсей, тогда какъ на позднѣйшихъ картахъ этотъ главный путь XVII столѣтія изчезъ и имъ перестали пользоваться.

Пользуюсь случаемъ задать вопросъ: карты Амура, начерченныя въ Иркутскѣ между 1761 и 1763 гг., о которыхъ упоминаетъ Штукенбергъ (Hydrogr. d. Russ. R. II, 776, 777), были ль дѣйствительно составлены на основаніи поправокъ, сдѣланныхъ нашими геодезистами?

была распространена. Взглядъ, въ-первые высказанный Лаперузомъ, Крузенштернъ снабдилъ цѣлымъ рядомъ доказательствъ [1]), тогда казавшихся неопровержимыми, и съ тѣхъ поръ проливъ, значившійся на картахъ, должно было полагать обмелевшимъ, островъ Сахалинъ принимать за полуостровъ, Татарскій проливъ считать заливомъ.

Утверждали, что истинное положеніе устья Амура уже раньше нашихъ моряковъ опредѣлено было въ 1808 и 1809 году Японскимъ астрономомъ Маміа-Ринзоо, и такъ какъ Зибольдъ уже въ 1832 г. ознакомилъ Европу съ описаніемъ и картою этого Японца [2]), то помянутый взглядъ имѣлъ видъ очевидной истины. Между тѣмъ тутъ надобно различать два обстоятельства. Свѣдѣніемъ о томъ, что Сахалинъ какъ въ прошломъ столѣтіи былъ, такъ и нынѣ есть островъ, мы, конечно, обязаны Японцамъ. Но самъ Зибольдъ не смѣлъ-же признать устье Амура доступнымъ съ юга и для большихъ морскихъ судовъ. Дознать это и тотчасъ-же воспользоваться тѣмъ — было дѣломъ нашихъ моряковъ и остается заслугой русскаго флага. Когда въ послѣднюю войну Англійскія военныя суда гнались за нашими кораблями въ Татарскій проливъ, они даже и не подумали слѣдовать за ними къ устью Амура.

Открытіемъ Амурскаго судоходства Россія воздвигла себѣ прочный памятникъ въ исторіи народовъ. Предыдущія страницы ясно показали, что это великое дѣло по естественному ходу вещей принадлежало только Россіи, и искать писаныхъ доказательствъ ея правъ на это въ кипахъ актовъ шаткихъ договоровъ значило бы пускаться въ мелочную игру словами. Пусть лучше воздадутъ справедливую дань удивленія могуществу предпріимчиваго духа, который въ такое короткое время успѣлъ оживить первобытныя пустыни Амурскаго края. Когда Николай I, весною 1845 года, прочитавъ общій отчетъ о моемъ путешествіи, потребовалъ отъ меня подробнѣйшихъ свѣдѣній объ Амурскихъ странахъ, кто взялся бы предсказывать, что не далѣе, какъ черезъ десять лѣтъ [3]), при-Амурская область откроется для всемірной торговли и что дать ей значеніе въ этомъ смыслѣ и постепенно заселить ее предоставлено будетъ свободной дѣятельности Русской компаніи съ богатымъ капиталомъ? Знаемъ, что иные упрекаютъ управленіе Восточной Сибири въ нетерпѣливой поспѣшности. Но не забудемъ, что невыгоды всѣхъ поспѣшныхъ и напряженныхъ предпріятій падаютъ только на современниковъ, а выгоды ихъ остаются для всѣхъ позднѣйшихъ поколѣній.

Оканчивая разсужденія объ Амурѣ, сообщаю здѣсь топографическое описаніе моего

---

[1]) Reise um die Welt, II, p. 52, 64, 159, 168, 171, 172, 189, 190, 191, 195.

[2]) Nippon I, Erste Abtheilung, p. 26, 127, 139; Nippon VII, p. 167 (Nachrichten über Krafto und das Amurland, 169, 172, 179, 189, 197, 199 и Nippon VII, Taf. XXV.

Укажу при этомъ случаѣ на извѣстіе у Штукенберга (Hydr. d. Russ. Reiches, VI, 1849, p. 177) о томъ, что адмиралъ Нагаевъ занесъ на бумагу устье Амура и что его карта хранится, должно быть, въ архивѣ нашего адмиралтейства. Нагаевъ имѣлъ порученіе только свести прежнія съёмки: Беринга, Шпанберга и др.

[3]) Первыя извѣстія о русскихъ предпріятіяхъ на устье Амура сообщилъ миссіонеръ Вено (Venault, Voyage fait en 1850 dans la Mandshourie septentrionale въ Bullet. de la Soc. de Géographie, 1852. IV, p. 109, 115 etc.; также въ Annales de la propagation de la foi, 1852; и въ Аугсбургской Allgem. Zeitung, 1852, Прибавленіе къ № 323, стр. 5163). Вено, которому привелось подтвердить умерщвленіе де ла Брюньера, слылъ за русскаго, которые уже неоднократно показывались, отыскивая мѣста для своихъ поселеній.

пути отъ Тугура черезъ сѣверные притоки Амура. Хотя по нѣкоторымъ участкамъ этого пути прошелъ послѣ меня одинъ — другой путешественникъ изъ членовъ многолюдной и многосложной экспедиціи, снаряженной послѣ моего странствованія, — въ томъ числѣ и самъ Шварцъ, — при всемъ томъ объ этихъ странахъ ничего не было сообщено; потому что всѣ интересы еще сосредоточены на одной главной рѣкѣ, которая теперь сдѣлалась предметомъ подробныхъ топографическихъ съёмокъ и занимаетъ нѣсколько натуралистовъ исключительно [1]).

---

[1]) Прилагая здѣсь кстати небольшой перечень новѣйшихъ статей, касающихся Амура, сколько ихъ есть у меня подъ рукою. Думать о полнотѣ было бы теперь вовсе не кстати, когда съ каждымъ днемъ прибываетъ что-нибудь новое въ этомъ отношеніи.

Аносовъ и Пермикинъ, Обозрѣніе Амура въ Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ. за 1855. Изслѣдованія и Матеріалы, стр. 227. Статья редижирована Семеновымъ.

Абрамовъ, Свѣдѣнія о рѣкахъ Шилкѣ и Амурѣ. Тамъ-же, въ Смѣси, стр. 79.

Пермикинъ, Плаванія по Амуру, въ Зап. Сибирск. Отдѣла Имп. Р. Геогр. Общ. 1856, II. Изслѣд. и Матер. стр. 3.

Свербеевъ, Описаніе плаванія по рѣкѣ Амуру экспедиціи генералъ-губернатора Восточной Сибири, въ Зап. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. 1857, Изслѣд. и Матер. III, стр. 5.

О новомъ пути изъ Николаевскаго поста въ Удской Острогъ. Тамъ-же, въ Смѣси стр. 1.

Герстфельдъ, О прибрежныхъ жителяхъ Амура, въ Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ. за 1857. Изслѣд и Матер. стр. 289. Обѣщано продолженіе.

Радде, Озеро Байкалъ, въ Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ. 1857. Изслѣд. и Матер. стр. 107. Принадлежитъ сюда, сколько касается Байкальскихъ Тунгусовъ.

О пути по рѣкѣ Амуръ въ 1857 г. Тамъ-же, стр. 25. Изъ Морск. Сборн.

Паргачевскій, Поѣздка зимнимъ путемъ вверхъ по Амуру, въ Вѣстн. Имп. Р Геогр. Общ. за 1857. Изслѣд. и Матер. стр. 157.

Орловъ, Баунтовскіе и Ангарскіе Бродячіе Тунгусы. Тамъ-же, стр. 192.

Орловъ, Амурскіе Орочоны. Тамъ-же, стр. 193.

Васильевъ, Описаніе Манджуріи, въ Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. 1857, стр. 1.

Васильевъ, Описаніе большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ, въ Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ. 1857.

Максимовичъ, Primitiae Florae Amurensis въ Memoires présentés à l'Acad. Imp. des Sc. St.-P. par divers savants, T. IX, 1859, p. 356 и сл.. пользовался слѣдующимъ въ текстѣ (стр. 175) описаніемъ моего пути вдоль южнаго склона Кореннаго Становаго Хребта, равно и нѣкоторыми данными изъ предшествовавшаго пути черезъ береговое пространство Охотскаго моря, еще до изданія настоящаго сочиненія.

Въ чужихъ краяхъ новѣйшія статьи объ Амурскомъ краѣ, иныя переведенныя, другія переработанныя съ Русскаго, являлись исключительно въ слѣдующихъ двухъ географическихъ журналахъ:

Petermann, Mittheilungen 1856, V, p. 175. Die neuesten Russischen Erwerbungen im Chinesischen Reiche, съ картой устья Амура. 1) Schrenk's Bericht. 2) Die Amur-Flottille. 3) Die englischen Kreuzfahrten in der Nähe der Amur-Mündung.

Тамъ-же XI, p. 472. Peschturov, Aufnahme des Amur-Stromes im Jahre 1855, съ картой. На этой картѣ ошибочно представленъ Нимиканъ впадающимъ въ Нюманъ съ юга, и на сліяніи ихъ показанъ Китайскій пограничный камень; точно также ошибочно поставленъ, по Штукенбергу, другой пограничный камень между рѣками Половинною и Удью (близь впаденія Шевелея) съ подписью: Hier etwa chinesischer Gränzstein. Показана и граница на Усть-Стрѣлочномъ по указаніямъ О. Струве въ статьѣ о географическихъ положеніяхъ на Амурѣ. Русско-Китайская граница по мирному договору 1689 и 1727 гг., по Штукенбергу. Русско Китайская граница по Миддендорфу въ 1845. Русско-Китайская граница въ 1856 г.

Тамъ-же, стр. 486. Ertrag der Russischen Besitzungen im Stillen Ocean.

Тамъ-же, 1857, I, стр. 32. Aufnahmen an der Amurmündung.

Тамъ-же, VII, стр. 296. Peschturov, Hydrographie des Amur-Stromes.

Тамъ-же, стр. 298. Permikin.

Тамъ-же, стр. 314. Maximowicz. Vegetation des Amur-Landes.

Тамъ-же, 1858, стр. 334. Liberalität bei der Freistellung des Handels an der Amurmündung, и стр. 474. Weitere Errungenschaften der Russen.

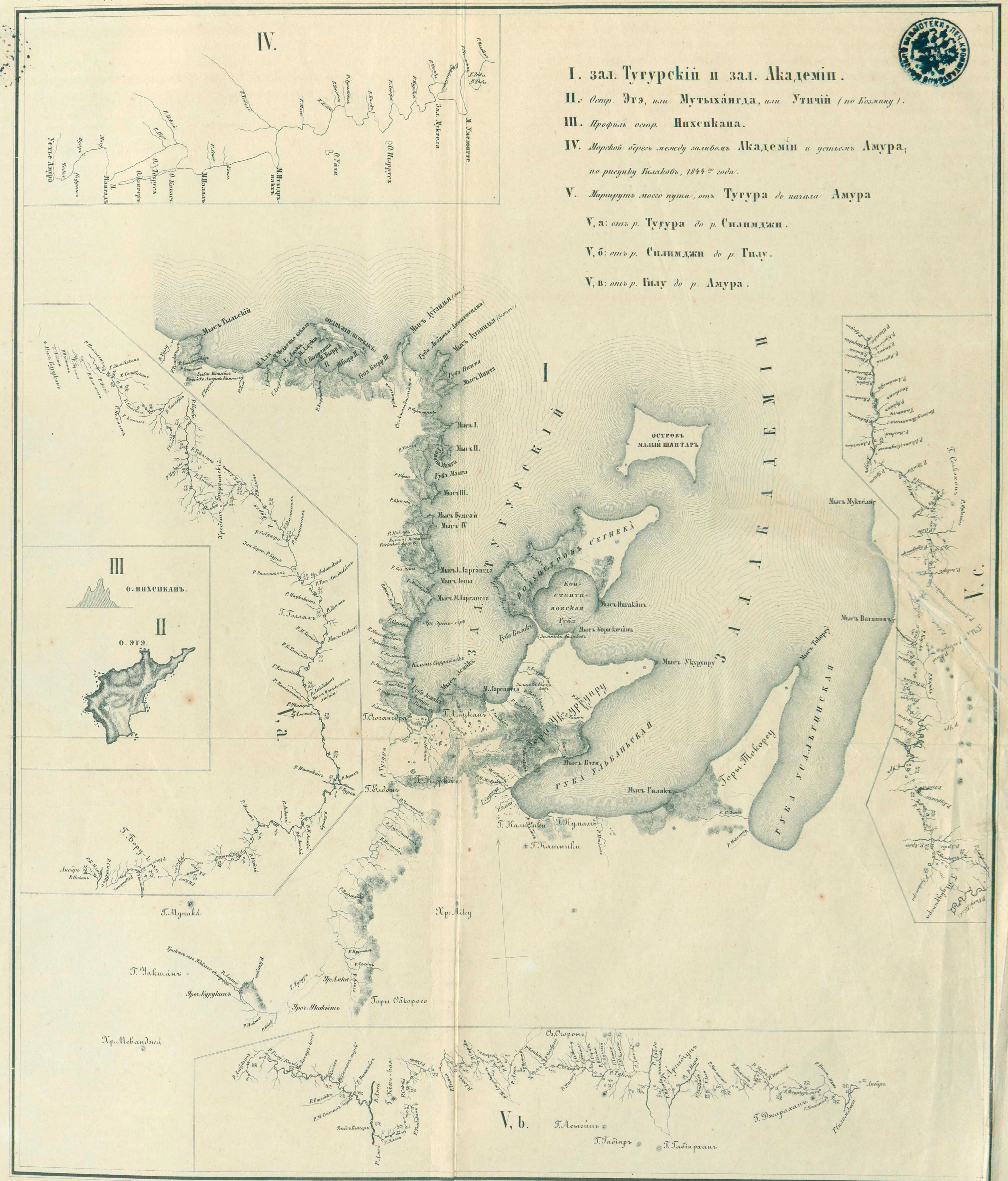
Тамъ-же, 1859, стр. 19. Handelsverhälsnisse am Amur.

Zeitschrift für allgemeine Erdkunde, 1856, стр. 553. Ueber einige wichtige im Fortschritt begriffene russische geographische Arbeiten.

Тамъ-же, стр. 556. Verzeichniss der von Schwarz bestimmten astronomischen Punkte, nebst Middendorff's Karte, von Schwarz berichtigt.

Тамъ-же. 1857, стр. 246. Die ostsibirische Expedition der Russischen Geographischen Gesellschaft.




I. зал. Тугурскій и зал. Академіи.
II. Остр. Эгэ, или Мутыхáнгда, или Утичій (по Козмину).
III. Профиль остр. Нихсикана.
IV. Морской берегъ между заливомъ Академіи и устьемъ Амура; по рисунку Гиляковъ, 1844^го года.
V. Маршрутъ моего пути, отъ Тугура до начала Амура
V, а: отъ р. Тугура до р. Силимджи.
V, б: отъ р. Силимджи до р. Гилу.
V, в: отъ р. Гилу до р. Амура.
IV.
III
О. НИХСИКАНЪ.
II
О. ЭГЭ.
I
ЗАЛ. ТУГУРСКІЙ
ЗАЛ. АКАДЕМІИ
ОСТРОВЪ МАЛЫЙ ШАНТАРЪ
Константиновская Губа
ПОЛУОСТРОВЪ СЕГНЕКА
Губа Ульбаньская
Губа Усальгинская
Мысъ Тыльскій
Мысъ Укурунру
Мысъ Вагапова
Мысъ Муктеля
Горы Токорецъ
Горы Обкоросо
Хр. Певанджа
Г. Мунака
Г. Уакшанъ
Г. Габіаръ
Г. Габіархань
Г. Джараханъ
Г. Асыгинъ
V, а.
V, b.
V, c.

Въ перекрестъ моему пути близь устья Тугура совершены были одно за другимъ два путешествія [1]) отъ поста Николаевскаго черезъ Удской въ Якутскъ въ самомъ прямомъ направленіи. Эти путешествія приводятъ насъ къ изображенной въ нашемъ атласѣ Усальгинской бухтѣ и идутъ къ западу отъ нея по знакомымъ намъ странамъ, но сообщаютъ о двухъ горныхъ притокахъ Торома и Тылы, которые были мнѣ не извѣстны.

Мой путь вдоль южной покатости Кореннаго-Становаго Хребта.

Прежде нежели мы пустимся въ подробный обзоръ южной покатости этого хребта, наклонной къ Амуру, по направленію моего пути въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, съ востока къ западу, мы должны опять перенестись на южный берегъ Охотскаго моря къ устью Тугура, на которомъ мы остановились въ концѣ предыдущей главы, стр. 123. То былъ крайній восточный пунктъ, какъ тамъ замѣчено, до котораго простиралось мое путешествіе. 22 Сентября я началъ свой обратный путь, направляясь отъ устья Тугура къ Забайкальскому краю. Чтобы попасть въ рѣчную долину Амура, я ѣхалъ сначала вверхъ по Тугуру, а потомъ къ истокамъ рѣчки Керби, которая привела меня къ Буреинскому хребту. Керби принадлежитъ къ особой системѣ рѣкъ: посредствомъ Немилена она впадаетъ въ Амгунъ — послѣднюю изъ большихъ горныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ съ-лѣва.

Тугуръ, текущій по долинѣ верстъ въ 20 — 30 шириной, начинается, считая по прямому направленію, верстъ за сто отъ своего устья, при извѣстномъ урочищѣ Буруканѣ, сліяніемъ горныхъ потоковъ Ассыни́ и Конуни́, изъ коихъ послѣдній больше и можетъ считаться за начало Тугура. Такимъ образомъ верхняя половина Тугура имѣетъ теченіе діаметрально противоположное нижней, переламываясь на эти двѣ половины при помянутомъ Буруканѣ. До этого урочища горный характеръ его водъ сохраняется неизмѣнно; да и послѣ притока онъ еще дѣлится на множество рукавовъ, не рѣдко несется мелкимъ разливомъ по широкимъ каменистымъ розсыпямъ и даже главное его русло, саженъ въ 40 шириной, имѣетъ глубину, достаточную лишь для челноковъ.

Урочище Буруканъ лежитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ смыкаются между собой высоты, ограничивающія съ обѣихъ сторонъ широкую долину нижняго Тугура. Этой смычкой служитъ отлогими холмами поднимающаяся мѣстность, которая продолжается и къ хребтамъ, между Ассыни́ и Конуни́, въ видѣ невысокихъ лѣсистыхъ предгорій, прорѣзанныхъ

Тамъ-же, стр. 281. Sachalin.

Тамъ-же, стр. 350. Die neuesten Russischen Erwerbungen im Amurlande.

Тамъ-же, стр. 489. Schirren, Die ost-sibirische Expedition der Kaiserl. Russischen Geographischen Gesellschaft. Превосходное обозрѣніе.

Тамъ-же, 1858, стр. 65. Nikolajevsk und das Gebiet am Amur.

Тамъ-же, 1858, стр. 144. Ussolzow, Reise an die Quellen des Gilui по статьѣ въ Вѣстникѣ И. Р. Геогр. Общ. 1858, № 4. стр. 143.

Тамъ-же, стр. 407. Reise des Hauptastronomen der Ostsibirischen Expedition, H. Schwarz, auf dem Witim, u. Uebersicht der 1855 — 1857 ven den Mitgliedern der Ostsibirischen Expedition ausgeführten Reisen.

[1]) Записки Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ. 1857, III. Смѣсь, стр. 1. Съ чертежомъ пути.

отлого спускающимися долинами. На югъ отъ Бурукана эти предгорія служатъ низменнымъ, едва замѣтнымъ водораздѣломъ между водами побережья Охотскаго моря и Амуромъ, при посредствѣ вышеупомянутаго притока Амгуна, рѣки Немиленъ. Эта послѣдняя, однимъ изгибомъ своего теченія, подходитъ верстъ на 6, или по высшей мѣрѣ на 8 къ Тугуру, именно верстахъ въ 20 ниже Бурукана, при урочищѣ Укыкатъ, гдѣ Тугуръ, отъ накопившейся воды въ его долинѣ, становится уже довольно значительной рѣкой. При всемъ томъ Немиленъ, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ своего колѣна, говорятъ, больше Тугура. Выгоды этого положенія не преминули переманить на Тугуръ жителей Амгуна, Нигидальцевъ. На Буруканѣ мы нашли на постоянномъ жительствѣ три семьи этихъ Нигидальцевъ, почитаемыхъ Китайскими подданными; но они поддерживаютъ свои связи съ соплеменниками, пользуясь для своихъ лодокъ волокомъ чрезъ небольшую ширину водораздѣла при Укакытѣ. Кромѣ ихъ на Буруканѣ нашлась юрта Русскихъ Тунгусовъ и стояли три анбара, принадлежавшіе Якутскимъ закупщикамъ мѣховъ, которые пріѣзжаютъ сюда въ концѣ Декабря для торга съ собирающимися здѣсь Тунгусами. Путь, которымъ пріѣзжаютъ эти торговцы и много приморскихъ Тунгусовъ, идетъ между Ассыни и Конуни вверхъ, прямо на Удской, до котораго можно положить верстъ 400, тогда какъ Тунгусы, пріѣзжающіе съ устья Тугура, дѣлаютъ верстъ полтораста тѣмъ самымъ путемъ, которымъ и мы проѣхали.

Чтобы объяснить длинноту этого пути, надобно замѣтить, что уже съ высотъ у Тугурскаго устья видишь предъ собой (ср. стр. 122) болотистую долину Тугура, изрѣзанную множествомъ озеръ, которая и продолжается вверхъ по рѣкѣ до самыхъ окрестностей Бурукана. Число озеръ постепенно уменьшается; за то, кромѣ голыхъ топей, развиваются вверхъ по рѣкѣ моховыя болота и своей непроходимостью заставляютъ дѣлать объѣзды: вотъ причина дальняго пути отъ моря до Бурукана [1]). Ищешь, сколько возможно, крѣпкаго грунта, и находишь его на отлогихъ лѣсистыхъ холмахъ, которыми начинается отъ Тугурской долины и идетъ вдоль ея на востокъ горная цѣпь Маку, равно и на отрогахъ этихъ предгорій, которые то тянутся къ руслу Тугура совершенно плоскими, очень мало поднятыми хребтами (какъ напр. Курканъ), то стоятъ близь него остро-

---

[1]) Мы держались восточной стороны Тугурской долины. Версты за $1\frac{1}{2}$ выше Гиляцкихъ шалашей перебрели мы ручей Эваканъ, который вытекаетъ, въ направленіи къ SWtS отъ своего устья изъ горы Курканъ. Прочіе ручьи, которые мы должны были пересѣкать въ бродъ, довольно точно занесены на XVII листѣ и потому не требуютъ дальнѣйшихъ поясненій. Ундыканъ беретъ свое начало изъ NW-склона цѣпи Маку, въ которой его истоки сходятся съ истоками Сырана. Напротивъ, Селинъ, имѣвшій на своемъ устьи около 10 саженъ ширины при $3\frac{1}{2}$ футовъ глубины, течетъ внизъ по SW склону Маку. Ища брода, мы должны были подняться вверхъ по Селину дальше впаденія въ него Эльгé. Дальше вверхъ по Тугуру впадающій въ него ручей Унги идетъ съ SO изъ горъ, составляющихъ водораздѣлъ между Тугуромъ и Немиленомъ; напротивъ, Нюкта, получая начало у высотъ Мевачана и Уякшана, течетъ съ SW на NO.

Впадающій въ Мулликанъ, ручей Мудары сходится своими истоками съ истоками Силимджи. Изъ той-же мѣстности втекаетъ въ рѣчку Ассыни ручей Туймунъ; а ниже, говорятъ, въ Ассыни впадаетъ, кромѣ Отуна, еще Эбгукани.

Нижній Тугуръ я измѣрялъ у горы Эльдонъ посредствомъ базиса, опредѣленнаго шагами, и нашелъ тамъ (24 Сент.) 82 сажени ширины. Бывшее у меня въ рукахъ донесеніе изъ бумагъ Удскаго Острога сообщаетъ, что Тугуръ происходитъ изъ сліянія трехъ ручьевъ: Смындры, Токуни и Муйлакана. На чемъ основано это свѣдѣніе и гдѣ находятся помянутые ручьи, мнѣ неизвѣстно.

вами (какъ напр. площади Эльдо́нъ и Амка́). При всемъ томъ и даже не смотря на то, что и самый водораздѣлъ Укакы́тъ надобно считать за непрерывное продолженіе урочища Бурукана, — при всемъ томъ непроходимыя нагія болота вдоль Тугура проникаютъ даже въ пространство между обоими помянутыми урочищами. Да и по ту сторону водораздѣла ниже устья Немилена, на Амгунѣ, говорятъ, еще показываются такія-же болота, и эта рѣка течетъ тамъ медленно и очень глубока.

Соотвѣственно этому характеру всей долины, Тугуръ, въ своемъ нижнемъ теченіи, есть равнинная рѣка порядочной величины, но съ лѣсистыми берегами, какъ впадающіе въ нее ручьи, хотя лѣсъ этотъ состоитъ изъ чахлыхъ деревьевъ водянистаго грунта. На немногихъ мѣстахъ, въ которыхъ я приближался къ нему, я находилъ въ немъ $\frac{1}{6}$ версты ширины. Своими водами онъ нерѣдко намываетъ песчаные острова, и хотя уже близь Бурукана встрѣчаются мѣста футовъ въ 10 глубины, однако онъ еще при Укакы́тѣ дѣлится на нѣсколько рукавовъ и отъ того становится мельче. Урочище Укакы́тъ, какъ увидимъ ниже (и ср. выше стр. 166 прим.), замѣчательно еще тѣмъ, что на немъ, по разсказамъ Тунгусовъ, стоялъ будто-бы пограничный знакъ, на которомъ Манджуры положили надпись.

Около 26 верстъ отъ Бурукана дорога въ Удской идетъ мимо господствующей надъ краемъ горной вершины Мунака́; я предпринималъ къ ней поѣздку, чтобы обозрѣть какъ сдѣланный, такъ и предстоявшій мнѣ путь, что̀ и удалось вполнѣ удовлетворительно [1]).

Начиная съ Бурукана мы оставили Тугуръ и продолжали путь въ направленіи къ SWtS ($147\frac{1}{2}$°) по низменному водораздѣлу, который отдѣляетъ эту рѣку отъ области Амура. Хотя мы проѣхали чрезъ этотъ водораздѣлъ на-искось, все-же разстояніе Тугура отъ Немилена, исключая кривизны нашего пути, было верстъ 28, изъ которыхъ $\frac{6}{7}$ приходились на область Тугура. Только на послѣдней седьмой мы спустились къ Немилену, и неожиданная близость его тѣмъ болѣе удивила меня, что я нашелъ въ немъ уже до-

[1]) Для тѣхъ, которымъ приведется посѣтить тѣ мѣста, прилагаю здѣсь нѣсколько пеленговъ:

А) Отъ высоты на лѣвомъ берегу Тугура у Бурукана:

Горная вершина Мунака́	NtW	20°
Гора Тюрыма	NOtN	30°
Верхнее теченіе Ассыни́	NWtN	36°
Гора Уякшанъ	NWtW	62°
Гора Мевачанъ	WtS	93°
Горная цѣпь Меванджа	SWtW	$117\frac{1}{2}$° 120°

(Двѣ вершины, изъ которыхъ послѣднюю мы и послѣ пеленговали нѣсколько разъ).

Горная цѣпь Меванджа́ (переходъ къ Буреинскому хреоту)	WtS	109°
Гора Хамыканъ	SWtS	150°
Истоки Керби́	StW	154°
Гора Колтоу́ръ	StW	168°
» Угдака́нъ	StO	178°
» Люнкоду	SOtS	$155\frac{1}{2}$°

В) Отъ вершины Мунака:

Главная вершина Ма́ку въ горной цѣпи того-же имени	OtS	$93\frac{1}{2}$°
Высота Эльдонъ на Тугурѣ	NOtO	$62\frac{1}{2}$°
Гора Гургули́ на Малмакитѣ	NOtN	40°
Истоки Кануни	NtO	14°
Гора Тюрыма	NtO	6°
» Уякшанъ	StW	168°
» Колтоуръ	StW	179°
» Угдаканъ	StO	169°
Высота у Бурукана	StO	$159\frac{1}{2}$°
Урочище Буруканъ	SOtS	152°
Выдающаяся вершина Меванджа	SWtS	150°

Ручей Талы́нъ, впадающій въ Кануни́ посредствомъ Мулика́на, выходитъ изъ спусковъ горы Мунака́ и обтекаетъ ее съ юга и востока.

вольно значительную горную рѣку. По широкой лѣсистой долинѣ, простирающейся отъ SWtW къ NOtO, Немиленъ течетъ стремительнымъ и излучистымъ потокомъ. Разбиваясь на множество рукавовъ, онъ охватываетъ много острововъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ, и нѣсколько разъ преграждаетъ путнику дорогу на протяженіи $^3/_4$ версты. Впрочемъ наибольшая глубина его не превосходитъ 6 футовъ. Большою извѣстностью пользуется находящееся въ этомъ краю урочище Хамыканъ, въ которое осенью собираются тамошніе Тунгусы для улова, въ многочисленныхъ рукавахъ рѣки, рыбы кеты — лосося, который, поднимаясь съ моря, въ ту пору достигаетъ туда. По окончаніи рыболовства, многіе Тунгусы отправляются на высокія горы Зеинскаго хребта для звѣринаго промысла, въ-слѣдствіе чего отъ урочища Хамыкана вверхъ по ручейку Унмягакану идетъ торная дорога, какъ начало всѣмъ общаго пути къ разнымъ истокамъ рѣки Силимджи. Какъ Тугуръ у Бурукана изгибается колѣномъ, такъ и Немиленъ по ту сторону волока Укакыта, по собраннымъ мной свѣдѣніямъ, вдругъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ къ SSO и удерживаетъ это главное направленіе во всемъ своемъ нижнемъ теченіи до самаго впаденія въ Амгунъ.

Отъ урочища Хамыкана мы старались, сколько дозволяла гористая мѣстность, какъ можно прямѣе держаться югозападнаго направленія, въ которомъ должно было полагать отъ насъ Бурею за главнымъ кряжемъ, тамъ и сямъ мелькавшимъ предъ нами вдали. Такимъ образомъ съ Немилена мы перешли на притокъ его, Керби, который своими истоками сходится съ истоками Силимджи, равно и Буреи. Чѣмъ дальше мы подвигались по долинѣ Керби, тѣмъ труднѣе становилось странствованіе, потому что намъ преграждалъ дорогу валежникъ еще больше, чѣмъ крутые спуски и обрывы скалъ. Тамъ, гдѣ Керби принимаетъ въ себя Джаэ́ръ, намъ трудно было прокладывать себѣ дорогу даже съ топоромъ въ рукахъ. Между тѣмъ, вѣроятно, еще больше затруднили бы нашъ путь топкія мѣста, еслибы намъ не благопріятствовало въ этомъ отношеніи самое время года — вторая половина Октября. По крайней мѣрѣ мы миновали горный перевалъ очевидно по болотной низменности, хотя въ-слѣдъ за тѣмъ принуждены были въ узкомъ оврагѣ карабкаться со скалы на скалу съ нашими вьючными животными, чтобы взобраться на плоскій перевалъ черезъ хребетъ [1]).

---

[1]) Отъ Бурукана продолжали мы свой путь 8 Октяб. на SWtS ($147^1/_2$°), въ 8 верстахъ отъ него переѣзжали ручей Нюкта, вытекающій изъ SW-склона высотъ Уякинáна и Мевачана. Едвали 3 версты дальше, мы переѣхали чрезъ ручей Оганнáнъ, впадающій въ Нюкту́, поднялись по плоской возвышенности Бункáнъ и верстахъ въ 5 отъ Оганнана переѣхали ручей Торгáне, впадающій также въ Нюкту. Сдѣлавъ потомъ $10^1/_2$ вер. переправились черезъ Нгантаглú, также притокъ Нюкты, а черезъ $3^1/_2$ версты переѣхали въ бродъ Уйгú, впадающій въ Тугуръ.

Въ шести верстахъ отъ Уйги достигли мы Немилена не вдалекѣ отъ урочища Долгыку, отъ котораго мы взяли пеленги: на гору Колтоу́ръ къ SOtO, 133°; на гору Хамыканъ къ SWtS, 147°. Мы слѣдовали вверхъ вдоль лѣваго берега Немилена 9 в. до урочища Хамыканъ, при которомъ въ эту рѣку впадаетъ съ-лѣва ручей Унмягакáнъ, котораго начало сходится съ истоками Уйги.

Верстахъ въ двухъ отъ урочища Хамыканъ къ SW мы взошли на высоту, съ которой пеленговали:

Горную высоту у Бурукана	NOtN	$33^1/_2$°
Урочище Буруканъ	NOtN	$32^1/_2$°
Гору Уякшáнъ	NtO	16°
Выдающуюся вершину Маванджи	NtW	19°
Гору Колтоу́ръ	OtS	92°
» Укдаканъ	NOtO	62°
» Люнкóлу	NOtO	$36^1/_2$°

Мы продолжали путь по одному изъ двухъ притоковъ, которыми начинается Бурея,— по южному. Верстъ за 25 съ небольшимъ по прямой линіи отъ перевала (въ пяти верстахъ ниже Большаго Алы́на) этотъ притокъ имѣлъ уже саженъ 30 ширины и огибалъ лѣсистые острова, въ долинѣ только саженъ во 100 шириной. То стѣсняютъ его отвѣсныя скалы, то онъ жмется къ тому или другому изъ крутыхъ спусковъ въ долину, поросшихъ густымъ лѣсомъ, изъ-за котораго однако повсюду виднѣются голые камни. Можно принять вообще, что правый берегъ рѣчной долины Буреи крутыми скатами, градусовъ въ 35 наклоненія, и узкими ущельями достигаетъ высотъ, воздымающихся выше предѣла лѣса. На лѣвомъ берегу горныя высоты находятся на большемъ отъ него разстояніи: вообще онъ больше отлогъ, но нерѣдко однако ограничиваетъ долину небольшими обрывами скалъ. При соединеніи двухъ помянутыхъ истоковъ Буреи ширина ея увеличивается уже въ-двое и постоянно дѣлится на множество рукавовъ, въ которые впадаютъ ручьи, тогда какъ ширина долины очень медленно прибываетъ [1]). Хотя отъ ручья Тасъ-Хандывы́тъ по теченію Буреи отлогіе склоны иногда позволяли намъ прямой путь черезъ нихъ для избѣжанія значительныхъ объѣздовъ, однако до мѣстности устья Люкди-

---

Вершину на горѣ Маку	NOtO	59°
Колѣно Немилена у волока	NOtO	47½°
Горный выступъ на лѣвомъ берега Тугура	NO	45°
Вверхъ по долинѣ Немилена	WtN	87½°
Гора, у которой истоки Хамыкана	SWtS	159°
Истоки рѣчки Куябты	SWtW	124°

Я счелъ за нужное вполнѣ сообщить эти пеленги потому, что отъ этого мѣста по всей области Амура намъ уже нигдѣ не было открытыхъ видовъ въ даль. Мы принуждены были заносить на бумагу нашъ маршрутъ (см. листъ XVII) по часамъ и бѣгу оленей, а съ 13 Ноября, когда наши послѣдніе часы неисправимо остановились (на притокѣ Силимджи, Бысѣ), опредѣляли продолженіе времени пеленгами солнечнаго и луннаго теченія, или только приблизительно наугадъ.

Отъ урочища Хамыканъ сдѣлали мы по правому берегу Немилена 26 верстъ въ направленіи къ SWtW, 124°, до впадающаго въ эту рѣку справа ручья Куябты́, по которому мы слѣдовали вверхъ 15 в. до высоты горной вѣтви. Отъ перевала черезъ гору мы взяли пеленги: на выдающуюся вершину Меванджа къ NtO 14°; по направленію долины Чалабу́ла къ StO 167°; впрочемъ ниже, черезъ 11 верстъ по прямой линіи, Чалабулъ переходитъ изъ этого направленія въ другое, на SOtS 138°, съ того мѣста, гдѣ сходятся пять притоковъ этого ручья. До этого слiянія мы сдѣлали отъ перевала 15 верстъ. Слѣдуя отсюда вверхъ по другому притоку Чалабула 18 верстъ, мы достигли высоты гористаго водораздѣла между Чалабуломъ и Котю́, спустились отъ нея на три версты къ означенному ручью Котю́ и слѣдовали еще 14 верстъ вдоль его до впаденія его въ Керби́. Отсюда Керби внизъ идетъ на OtS 102°, а вверхъ на WtS 113° и долина черезъ нѣсколько верстъ поворачиваетъ на WtN, 89½°. Отъ устья Котю мы поднимались долиной Керби, по лѣвому берегу рѣки, 19 верстъ до впаденія Токола́на, который идетъ съ SWtS, 145°. На этомъ мѣстѣ теченіе Керби шло къ намъ съ WtN, 82°, но долина поворачиваетъ и черезъ 4½ версты вверхъ по прямой линіи она шла къ намъ уже съ WtS, 100°. Въ 11-ти верстахъ отъ устья Токолана переѣхали мы рѣчку Мудалы́, которая впадаетъ въ Керби съ лѣвой стороны, съ NWtN, 30°. Черезъ три версты дальше впадаетъ въ Керби съ правой стороны, съ StW, Джаэ́ръ. Еще черезъ 24 вер. вверхъ по Керби, мы достигли соединенія двухъ ручьевъ, которымъ образуется Керби; тотъ изъ нихъ, который составляетъ собственно начало самого Керби, течетъ съ NWtW, 65°, а по другому мы слѣдовали къ SWtW, 133½°. За 17 верстъ выше этого раздвоенія мы попали на другое такое-же, отъ котораго одна долина лежитъ къ SWtS, 137°, а другая, по которой мы взяли путь, къ StO, 176°; но она скоро поворачиваетъ къ SOtS, 157°. Еще за 12 верстъ выше мы мы перевалили черезъ главный хребетъ горы и вошли въ область Буреи́.

[1]) Ужъ въ мѣстности ручья Сивангра́ одинъ истокъ Буреи имѣлъ 50 саженъ ширины; а по соединеніи обоихъ истоковъ мы насчитали по льду 60 саженъ, но рѣка при всемъ томъ ниже сжимается иногда до 40 саженъ ширины, какъ напр. повыше Наукакы́та и скалистаго выступа Телляха.

Рѣчная долина между Малымъ Алы́номъ и Ымганáхомъ имѣетъ лишь 200 саженъ ширины, а въ мѣстности Сивангры уже 300. Въ этомъ мѣстѣ верстахъ въ 2½ отъ лѣваго берега стоятъ скалы.

Изъ обрывистыхъ утесовъ упомянемъ одинъ, верстъ за 10 выше Наукакыта на лѣвомъ берегу Буреи, въ пять саженъ вышиной; другой стоитъ недалеко отъ Сивангры.

ка́на рѣка все еще стѣсняется сопровождающими ее горами и потому принуждена извиваться множествомъ поворотовъ, и только уже версты за двѣ до помянутаго ручья, и еще рѣшительнѣе у ручья Умальти́на, самаго значительнаго до Нимана притока Буреи, крутыя горы удаляются отъ рѣки, отдѣляемыя отъ нея предгоріями, похожими уже на плоскую покатость. Эти покатости кажутся спусками къ рѣчной долинѣ отъ волнистой горной равнины. Только подъ Умальтиномъ долина Буреи начинаетъ расширяться до $2\frac{1}{2}$ верстъ и рѣка течетъ теперь въ своемъ главномъ направленіи довольно прямо къ WtS, хотя все еще раздѣляясь на множество рукавовъ, огибающихъ лѣсистые острова и нерѣдко отбивающихся другъ отъ друга версты на двѣ. Ниже Джепко́са и дальше опять появляются въ долинѣ болотистыя озера [1]). При всемъ томъ и здѣсь я постоянно находилъ въ рѣкѣ среднимъ числомъ только 2 фута глубины и по высшей мѣрѣ не больше 4, при чемъ впрочемъ, конечно, надобно принять въ соображеніе, что тогда были открыты еще только мелкія мѣста, тогда какъ на болѣе глубокихъ ледяной покровъ давно установился.

Тамъ, гдѣ Бурея около половины своего продолженія отъ своихъ истоковъ до впаденія Нимана, изгибается на югъ наидалѣе, тамъ она наиближе подходитъ къ верховью Амгуна, котораго истокъ, называемый Холу́къ, показывали мнѣ къ StO (165°), когда я былъ верстахъ въ 8 по прямолинейному направленію, ниже устья Тасъ-Хандывыта [2]).

Хотя есть другой ближайшій путь, которымъ Тунгусы переѣзжаютъ съ Буреи на Ниманъ [3]), однако мы, по незнанію дорогъ, должны были держаться главной долины, которая сопровождаетъ Бурею почти до слиянія ея съ Ниманомъ, и только самую край-

---

[1]) Сдѣлавъ 3 версты по перевалу черезъ Буреинскій хребетъ, мы стали спускаться по долинѣ, только 50 саженъ шириною, изъ которой выходитъ Бурея. Голыя возвышенности спускаются въ долину крутыми, высокими, лѣсистыми спусками. Сначала долина идетъ въ среднемъ направленіи къ SO, потомъ къ StW, $179\frac{1}{2}°$. За 18 верстъ дальше переѣхали мы Большой Алы́нъ, а за $7\frac{1}{2}$ верстъ оттуда—Малый Алы́нъ, текущій съ SOtO. 29 верстъ ниже устья Малаго Алына также съ-лѣва течетъ въ Бурею Ымганна́хъ. Въ 8 верстахъ отъ этого ручья, съ-лѣва же впадаетъ въ рукавъ Буреи ручей Балаганна́хъ, который течетъ съ SO, 136°, и за 2 версты до своего устья принимаетъ въ себя ручей, текущій съ SSWtW, 152°. 3 версты ниже въ Бурею вливается съ-права ручеекъ Сивангра́ съ N. Черезъ 16 верстъ оттуда достигли мы сліянія Буреи съ другимъ своимъ истокомъ, который идетъ съ NNO. 6 верстъ дальше впадаетъ съ правой стороны Умальтеки́тъ, идущій съ NtW, а въ 4-хъ верстахъ отъ него съ-права-же весьма незначительный ручей Онконджа́. 7 верстъ дальше съ-лѣва впадаетъ Тасъ-Хандывы́тъ съ SO, 148°, а 18 верстъ ниже его Наукакы́тъ съ N и еще 2 версты — Усминъ съ StW, 171°. Черезъ $17\frac{1}{2}$ верстъ отъ Усмина мы достигли устья Малаго Таста́ха, проѣхавъ по склону Телляхъ и по кормовищу Хадага́, а еще черезъ 10 верстъ достигли Большаго Таста́ха, который съ-права же впадаетъ въ Бурею съ NOtN, 41°. Черезъ 26 верстъ пути прибыли мы на устье Люкдика́на. $4\frac{1}{2}$ версты ниже пересѣкли мы Умалти́нъ, идущій съ NOtN, 38°, $3\frac{1}{2}$ версты дальше — Уванграу́, также притокъ съ-права, и еще 7 верстъ дальше — Джепко́съ. Сдѣлавъ верстъ 50 отъ послѣдняго ручья, мы увидѣли предъ собой съ-лѣва устье Іо́раха въ Бурею и переваливъ на пространствѣ 4-хъ вер. прямо черезъ высоты въ направленіи къ NWtW, достигли Нима́на, гдѣ впадаетъ въ него Ниманканъ, текущій съ NtW.

Нынѣшнее имя: Бурея, для всего ея теченія въ мое время совершенно уже вытѣснило ея названіе Быстрою, подъ которымъ она извѣстна была только стариннымъ козакамъ и перешла на всѣ древнѣйшія Русскія карты. Нѣкоторое время ее смѣшивали также съ Амгуномъ (Müller, Samml. Russ. Gesch. II, стр. 380).

[2]) Обыкновенная тропа, которой ѣздятъ Тунгусы, идетъ отъ Буреи вверхъ по Люкдикану къ истокамъ Дольника́на и отъ него на Эяки, который впадаетъ уже въ Амгунъ недалеко отъ колѣна ея у горнаго выступа Мольджу.

[3]) Эта дорога идетъ вверхъ по Увангрѣ́, потомъ черезъ плоскій хребетъ на Ниманканъ, затѣмъ внизъ по этой рѣкѣ до Октаглы и вверхъ по этому ручью, а оттуда по другому плоскому хребту къ притоку Нимана Балаганнаху.

нюю оконечность раздвоенія осмѣлились перерѣзать проѣздомъ на-прямикъ, версты въ 4, по лѣсной низменности и отчасти даже по болотамъ. Только на сѣверѣ и сѣверовостокѣ видны были холмы, ограничивающіе эту низменность. Нимаканъ, на который мы выѣхали немного выше его устья, есть довольно значительная горная рѣчка саженъ въ 40 шириной; она изливается между незначительными по высотѣ, но крутыми обрывами скалъ въ Ниманъ, на которомъ полотно льда, по счету шаговъ, имѣло больше 80 саженъ ширины. Напрасно искалъ я здѣсь пограничныхъ знаковъ, о которыхъ мнѣ говорили.

На устьѣ Нимана мы достигли самаго южнаго пункта, до котораго доводило меня мое странствованіе [1]). Почти подъ прямымъ угломъ своротили мы съ прежняго направленія и пустились къ NNW, чтобы попасть въ извѣстное на Силимджѣ урочище Инканъ, гдѣ я еще лѣтомъ договорилъ себѣ смѣну свѣжихъ оленей, такъ какъ бывшіе съ нами должны были изнуриться отъ продолжительнаго пути, а я не могъ останавливаться для отдыха. Притомъ ниже сліянія Нимана съ Буреей, горы, повидимому, должны были отойти отъ насъ и замѣниться низменностью травяныхъ болотъ, по которымъ слѣдовало бы ѣхать на лошадяхъ, а не на оленяхъ. Ниже этого сліянія рѣка у туземныхъ жителей Амура называется Нюмань: такъ выговариваютъ ея названіе у горныхъ Тунгусовъ: Ниманъ, не только на нижнемъ Амурѣ, но и Дауры, какъ слышалъ я изъ устъ Быраловъ. Русскіе напротивъ считаютъ главною рѣкою второй изъ двухъ истоковъ и говорятъ, чтъ Ниманъ впадаетъ въ Бурею. Расширеніе сліянія обоихъ истоковъ, приблизительно занесенное мною на карту (ср. л. XVII), равно и сказанное на послѣднихъ страницахъ о ширинѣ обоихъ, показываетъ, какъ трудно рѣшить, который изъ двухъ взглядовъ сообразнѣе съ природой. Во всякомъ случаѣ на сліяніи Нимана и Буреи измѣнился и видъ страны и оставался одинаковымъ, не смотря на то, что оттуда мы повернули къ сѣверу. Только начало нашего пути къ Силимджи шло, какъ прежде, вдоль русла главныхъ рѣкъ: Нимана и впадающей въ нее Кебели. Правда, и Ниманъ былъ еще съ обѣихъ сторонъ спертъ высотами, круто спускавшимися къ рѣкѣ, и его теченіе на нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ 15 верстахъ выше устья Нимакана) такъ стѣснено, что въ его долинѣ оставалось не болѣе 50 саженъ ширины, которая потому даже зимою вся занята была русломъ рѣки. Иногда и самая долина ограничивается хотя невысокими обрывами скалъ. Не смотря на все это, идущіе по краямъ ея горы не высоки, спускаются отлого и смѣняются иногда низменными лѣсистыми берегами. Чѣмъ дальше подвигаешься вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ сильнѣе кажется, будто идешь по долинѣ, врѣзавшейся въ волнистую горную равнину. Нѣсколько верстъ ниже устья Кебели долина Нимана хотя и шире, чѣмъ подъ самымъ устьемъ, но все-же она шириной лишь $\frac{1}{4}$ версты. Поднимаешься по извилистому, шириною саженъ въ 30, Кебели, вдаешься вверхъ по ручью еще меньшей величины — Кочулыну, и видишь себя въ долинѣ, увеличившейся въ ширину уже до $2\frac{1}{2}$ верстъ,

[1]) По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, Бурея ниже устья Тырмы уже довольно глубока. Есть мѣсто, говорили мнѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ такую излучину, что на проѣздъ по ней надо употребить день, тогда какъ дорога на прямикъ составляетъ только $\frac{1}{2}$ версты. Эта излучина называется Хочыя́. Отъ этой петли Бурея течетъ дальше прямыми плесами, подъ именемъ Икаджакытъ и (дальше внизъ) Сараджакытъ. Сказывали также, что на Буреѣ есть хлѣбопашество при селеніи Курунъ-Хурга́, не очень далеко отъ города Айгунъ-Хотонъ.

которая окружена легкими покатостями и обнаруживаетъ въ себѣ рѣшительно болотистое свойство. Только въ дали лѣваго берега видъ преграждаютъ воздымающіяся, даже безлѣсныя вершины, тогда какъ по низменнымъ и ровнымъ хребтамъ ѣдешь безпрепятственно и въ-слѣдствіе того отъ Кочулына до Силимджи пересѣкаешь множество рѣчекъ и водораздѣловъ, вмѣсто того, чтобы по прежнему робко держаться глубокихъ впадинъ главнѣйшихъ рѣчныхъ долинъ.

Съ тѣхъ поръ какъ мы покинули Тугуръ, мы въ первый разъ встрѣтили людей на Кебели: на его устьи стоялъ балаганъ Якута, который проживалъ здѣсь зимы и приманилъ къ себѣ въ сосѣди Тунгуса. Другимъ жилымъ мѣстомъ на нашемъ пути былъ анбаръ въ Инкани, принадлежавшій торговому Якуту [1]). Мы достигли до него черезъ нѣсколько верстъ по переѣздѣ черезъ рѣку Силимджи, которая дѣлится здѣсь на нѣсколько рукавовъ, огибающихъ лѣсистые острова. Тамъ, гдѣ мы перебрались черезъ нее, и на нѣкоторомъ пространствѣ внизъ, покуда мы держались вдоль ея, скалистые берега круты, но средственной высоты. Урочище Инкань служитъ временнымъ сборнымъ мѣстомъ для горныхъ инородцевъ, которымъ нѣкоторые промышленные Якуты привозятъ разныя житейскія потребы изъ Якутска и чрезъ Удской [2]).

Оставивъ Силимджи, мы пустились на WNW, чтобы попасть на Зею. И на этомъ участкѣ пути мы имѣли дѣло не съ крутыми гребнями горъ, а только съ отлогими и невысокими хребтами, которые дозволяли намъ покидать рѣчныя долины и даже пересѣкать главнѣйшія изъ нихъ. Переѣзжая съ одного водораздѣла на другой, съ одного горнаго ручья къ другому, мы уже не встрѣчали глубоко врѣзанныхъ рѣчныхъ долинъ, какъ на Буреѣ, но тотчасъ послѣ того, какъ мы разстались съ Силимджей (возлѣ горной возвышенности Джараха́нъ), ручеекъ Усоурду́ръ текъ уже по долинѣ въ $^5/_4$ версты ширины, а долина противня его, Усо́ра, была еще шире. При всемъ томъ здѣсь, на Усорѣ мы

---

[1]) Проѣхавъ отъ устья Нимака́на вверхъ по Ниману 21 версту, мы достигли притока его съ-права, Олонку́. Верстъ 17 выше съ-права-же впадаетъ Малая Аимка, а въ 9-ти верстахъ отъ нея — Большая Аимка. 7 вер. выше Большой Аимки на лѣвой сторонѣ — устье Акдыни́, а въ 18-ти верстахъ отъ него — довольно значительная рѣчка Кебели́. Слѣдуя вверхъ по этой рѣчкѣ, черезъ 22 версты мы попали на Кочулынъ, по которому поднимались 33 версты, а потомъ, черезъ плоскій хребетъ, пріѣхали на Эльге́. За 19 верстъ оттуда переѣхали Бысу́ и въ 10-ти верстахъ отъ нея прибыли на Ынгарынду́. Въ 13-ти верстахъ отъ этой рѣчки переѣхали черезъ Сингилитка́нъ, къ которому мы прибыли черезъ рѣчку Карагынду́; еще черезъ 13 верстъ достигли мы Гербика́на, черезъ 14 верстъ отъ него были наконецъ на Силимджи и потомъ слѣдовали $3^1/_2$ вверхъ по притоку его Мяну до того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него съ-права Инкань. По Инкани мы поднялись 5 верстъ отъ устья, гдѣ и встрѣтили жилье.

[2]) Отъ урочища Инкань бралъ я пеленги по указанію Якутъ, и нашелъ: устье Силиткана и верхнее теченіе Силимджи на ONO, 67°; нижнее теченіе Силимджи и устье Бысы на SW, 135°; истоки Юсяка́на, т. е. переваль черезъ главный хребетъ къ Удскому на NtO, 20°.

Взявъ въ руки мои чертежи на л. XVII, сображенные по возможности съ собранными свѣдѣніями о горныхъ перевалахъ, можно приблизительно указать мѣстности, къ которымъ относятся слѣдующія два показанія. Одинъ изъ прибывшихъ въ Инкань Якутовъ покинулъ дорогу, ведущую изъ Якутска въ Удской на верхнемъ Уя́нѣ, своротивъ на притокъ его Улаха́нъ-Кьэхъ-Юрэхъ, и ѣхалъ долинами слѣдующихъ рѣкъ: Чиркача́нъ, Тирка́нъ, Сурамакытъ, Сура́, Половинная, Чайда́хъ, Иннагали (или Ингагли), Неуча (или Люче́), Удюга́нъ, Бусъ, Нара́, Джектала́, Еранграʹ (Джерангда́), Селаньи́, Ингуя́къ, Мелянъ, Нижній Мянъ, Инка́нь.

Другой Якутъ, своротивъ съ той-же дороги у Солурпа́я, проѣхалъ Чавырха́нъ, Половинную, Кысыръ, Чирирынъ, Удь (по которой поднимаются до урочища Джарма́нъ, находящагося 20 верстъ выше устья Галла́ма), Эльге́, Гербика́нъ, кормовище Орчи́ на Шивили, Хатынна́хъ, Кысайканъ и Унми.

были очень близко, казалось не болѣе какъ въ 60 или 70 верстахъ къ SWtW (50°) отъ истоковъ рѣчки Шивили, впадающей въ Удь уже по ту сторону Становаго водораздѣла. Единственными горными ручьями большей величины до самой Зеи были Нара́ и Дукда́, и хотя первый считается главнымъ изъ нихъ, однако я нашелъ въ его руслѣ между невысокими, но крутыми и отчасти скалистыми берегами только 60 саженъ ширины, а его воду въ то время убывшею, тогда какъ Дугда́ имѣла около 100 саженъ ширины. Можетъ быть, Нара́ глубиной вознаграждала то, чѣмъ уступала въ ширинѣ, потому что ея нераздѣльное и необыкновенное прямое теченіе было для меня поразительно, тогда какъ Дукда, при одинаковомъ качествѣ береговъ, дала отъ себя рукавъ и на мѣстѣ нашего перехода огибала островъ. Всѣ прочія, судя по длинѣ ихъ, большаго объема рѣки мы переѣзжали такъ близко къ ихъ истокамъ, что я не находилъ въ нихъ больше 10 (Дэпъ), 12 (Тымга), 15 (Тукси) саженъ ширины. Берега ихъ покрыты густымъ лѣсомъ. Пока не завидѣли горную возвышенность Кюэхъ-Кая, насупротивъ устья Гилю (или Киле́), мы безпрепятственно держались принятаго направленія пути. А тутъ мы должны были обогнуть высоту большимъ объѣздомъ къ югу и потому попали на Зею около 15 верстъ ниже Гилю и потомъ опять должны были подниматься къ устью послѣдней [1]).

---

[1]) Отъ урочища Инканъ мы взяли направленіе на SWtW и верстъ черезъ 10 выѣхали на рѣку Силимджи, по которой внизъ слѣдовали потомъ $3^1/_2$ версты до устья Артыкъ-Юріэ; затѣмъ по теченію этого ручья держались, въ среднемъ направленіи, на NW, но скоро оставили ручей и черезъ 13 верстъ прибыли на Нижній Мянъ. Переѣхавъ чрезъ этотъ послѣдній, мы нашли въ 12 верстахъ отъ него ручей Утянна́хъ; черезъ 6 верстъ дальше мы достигли ручья Усоурду́ръ-Сала́, и держались его теченія верстъ 20, до тѣхъ поръ, пока не поднялись на высоты хребта Джараха́нъ. Отсюда частію держась долины Усора, частію же переѣзжая на перерѣзъ высоты и слѣдуя по притокамъ Нимгана, мы оставили Нимганъ въ 36-ти верстахъ отъ Джарахана, а за семь верстъ дальше достигли истоковъ Этматы́, а еще черезъ 13 верстъ — истоковъ Ели́, по которому мы слѣдовали 7 в. до того мѣста, гдѣ сливаются два его истока.

Тунгусъ, котораго мы встрѣтили здѣсь, показалъ намъ слѣдующія направленія: Устье Нары́ на StW, $177^1/_2$°; пограничный знакъ при впаденіи Мевана въ Нару́ на SWtS, 155°; истоки Нары на NOtN, 35°; перевалъ черезъ Становой хребетъ, отъ Нары къ Темтіону на Якутскъ къ NWtN, 35°; устье Гилю на WtN, 73°.

Съ Ели мы переѣхали на Еликанъ, слѣдовали по немъ внизъ, потомъ оставили его и въ 11 верстахъ отъ Ели достигли Нары́. Внизъ по Нарѣ́ мы ѣхали верстъ $8^1/_2$, повернули отъ нея въ направленіи къ западу и черезъ 7 верстъ пріѣхали на ручей Улёкива Тинитжа́къ; черезъ $13^1/_2$ в. частію вверхъ по нему, частію по плоскимъ возвышеніямъ достигли мы Дукды́. Въ разстояніи около 40 верстъ отъ этого ручья, мы нашли рѣчку Тукси, между устьями впадающихъ въ нее Нёкчёли́ и Сирика, именно верстахъ въ 4 ниже Нёкчёли По Тукси мы поднимались вверхъ и верстъ черезъ 10 достигли устья Сирика; 5 верстъ дальше — устье Ютьяна, еще $1^1/_2$ версты устье Хачали и наконецъ въ 4-хъ верстахъ отъ него устье Чомпулы́. Послѣднимъ ручьемъ мы слѣдовали вверхъ 11 верстъ и черезъ цѣпь плоскихъ и лѣсистыхъ возвышеній достигли небольшаго ручья Чатканграа́; внизъ его слѣдовали 13 верстъ до впаденія Чалбуглы. Отсюда мы переѣхали опять по очень плоскимъ хребтамъ на Усминъ, а этотъ оставили, сдѣлавъ вдоль его верстъ 10. Въ 15-ти верстахъ отъ Усмина мы переѣхали Дэпъ, верстъ за 30 выше горы Чаткалана, которая стоитъ на лѣвомъ берегу его къ StO, 177° отъ мѣста нашего перехода черезъ него. Черезъ 8 верстъ отъ него мы прибыли на ручей Джугдаги́нъ, слѣдовали вверхъ его еще 8 верстъ и пріѣхали къ водораздѣлу; переѣхавъ на другую сторону его, слѣдовали притоками Сирика и черезъ 14 верстъ достигли другаго водораздѣла, который спускался уже къ Джэсу. Послѣдняго достигли мы черезъ 5 верстъ. Отъ Джэса, чрезъ плоскіе хребты, которыми раздѣляются многочисленные притоки Тымги́, сдѣлали мы 27 верстъ до водораздѣла, ведущаго своей покатостью къ Сekeке́; отсюда—37 вер. черезъ разные мелкіе притоки Секеке́ до Тендика́на. Въ 5 ти верстахъ отъ послѣдняго достигли мы Эльге́, слѣдовали этимъ ручьемъ до его устья 34 версты и наконецъ очутились на Зеѣ въ виду стоящей за 3 версты на правомъ берегу ея отвѣсной скалы, называемой Таяге́ръ.

Другой путь огибаетъ Кюэхъ-Кая съ сѣвера и именно идетъ внизъ по Секеке́ до Зеи, потомъ внизъ по Зеѣ къ Амынджаку, потомъ вверхъ по этому ручью, а отъ него по Ютяннаху, либо по Степанъ-Тэрдэ на Гилю́.

Зея у Русскихъ, Дже-(юрэхъ) у Якутъ, Джи-(оникáнъ) у Тунгусовъ течетъ ниже устья Гилю по долинѣ, только въ $1\frac{1}{2}$ версты шириной, сжатой высокими горами и крутыми спусками, которые поперекъ изрѣзаны оврагами. При средней ширинѣ во 100 саженъ, рѣка жмется то къ тому, то къ другому берегу, и потому то у одного то у другаго омываетъ утесистые склоны, и иногда отвѣсные, или опять низменныя лѣсистыя покатости. На половину ýже ея Гилю, которымъ вверхъ мы нѣсколько дней слѣдовали къ NW, послѣ того какъ я осмотрѣлъ на его устьи пограничный знакъ, поставленный Китайцами. Теченіе Гилю сдавлено высокими, крутыми, скалистыми, даже иногда лишь скудно пріодѣтыми лѣсомъ спусками, такъ что приводилось рабски слѣдовать его чрезвычайно извилистымъ поворотамъ, и только мало по малу можно стало сокращать путь небольшими проѣздами на-прямикъ, именно по отлогимъ покатостямъ, которыя начинаютъ показываться лишь выше, именно выше устья Кохáна. За нѣсколько верстъ до впаденія Дабукыта въ Гилю мы могли наконецъ своротить съ завладѣвшаго нами Гилю и поѣхали на западъ къ серединѣ всего протяженія Дабукыта, чтобы отсюда дня два держаться направленія къ югу, которое съ прежнимъ нашимъ, невольнымъ направленіемъ по Гилю составляло острый уголъ. Теперь только получили мы возможность безпрепятственно слѣдовать направленію къ западу, по которóму мы разсчитывали возвратиться къ началу Амура въ Русскія владѣнія.

Еще на верхнемъ теченіи Аимкáна, откуда началось это направленіе, мы находились въ узкой долинѣ, хотя съ невысокими горами. Но съ Эракúнгры, впадающей въ Аимканъ, опять стала попадаться стихія, которая уже за нѣсколько мѣсяцевъ скрылась у насъ изъ глазъ и даже почти забылась. Не смотря на множество горъ, не рѣдко высокихъ, и не смотря на то, что онѣ не рѣдко были скалисты, дорога шла теперь, въ рѣчной области Ура, каждый день по травянистымъ, болѣе или менѣе пространнымъ болотамъ и даже по небольшимъ озерамъ, а хребты, въ тоже время, и ихъ спуски становились вообще все площе и отложе [2]. Рѣчка Тенди, которую намъ представляли вообще очень богатою островами, на мѣстѣ нашего перехода дѣлилась на два рукава низменностью. Въ каждомъ

---

[1]) 15 верстъ мы должны были подниматься вверхъ по Зеѣ, чтобы достигнуть устья Гилю, отъ котораго намъ показали мѣстность устья Ура на SWtW (133°), а устье Быранты (у старинныхъ козаковъ — Брянда) на ONO (30°). Слѣдуя вверхъ по Гилю, мы прибыли черезъ 17 в. къ Ютяннаху; версты за $3\frac{1}{2}$ выше — къ Малому Степанъ-Тэрдэ, а за 6 верстъ дальше — къ Отобóку. Отъ Отобóка до Большаго Степанъ-Тэрдэ — 14 в. пути, а отъ послѣдняго до Кохáна—$8\frac{1}{2}$. Въ 23 верстахъ отъ Кóхана — хорошее кормовище Сахáръ-Кочэ; за $21\frac{1}{2}$ версты выше его, поворотомъ къ западу, мы оставили Гилю, а въ $6\frac{1}{2}$ верстахъ достигли водораздѣла; переѣхавъ его, мы слѣдовали притоками Дабукыта, равно и по этому ручью вверхъ, 19 верстъ до водораздѣла между Гилю и Уромъ. Отъ этого водораздѣла спустились мы по долинѣ Аимкáна на $24\frac{1}{2}$ вер. до впаденія Эракингры и еще на $19\frac{1}{2}$ верстъ до впаденія Аимкана въ Арбú. Арбú течетъ здѣсь въ главномъ направленіи съ N къ S. Въ $18\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Арбú мы проѣхали Тендикáнъ, за $15\frac{1}{2}$ верстъ дальше — Бургалú, а въ 4 верстахъ отъ него — Тенди, отъ котораго мы должны были сдѣлать еще $23\frac{1}{2}$ вер. до Ура. Поднимаясь по Уру, мы проѣхали черезъ 9 верстъ Чеале, еще черезъ $9\frac{1}{2}$ — Нижній Кудучú, черезъ другія 15 в.— Верхній Кудучи. Черезъ $18\frac{1}{2}$ верстъ отъ устья послѣдняго мы пріѣхали къ третьему Кудучи, который течетъ въ Керáкъ, а черезъ $5\frac{1}{2}$ в. отъ этого — къ Талдáну. Отъ Талдана сдѣлали мы 19 верстъ до Кевелú, отъ этого 7 верстъ до Джактангры́, а потомъ 15 вер. вверхъ по Кераку до водораздѣла между Зеей и Амуромъ.

[2]) Такія травяныя болота пересѣкли мы у Нижней Эракингры и Аимкана, у Тендикана, Бургали, Тенди, Керака и даже еще у Олдó.

рукавѣ было до 25 саженъ ширины. Главное русло Ура [1]) имѣло 45 саженъ ширины; онъ также течетъ очень извилисто и дѣлится на рукава. То идетъ онъ между крутыми, даже скалистыми склонами береговъ среди волнистой горной мѣстности, то среди болотныхъ низменностей съ небольшими озерами. Когда поднимаешься по притокамъ Ура какъ напр. по Кера́ку, то видишь, что долины становятся все площе и шире. У истоковъ помянутаго ручья поднимаешься по весьма легкому наклону безлѣсной плоскости, между широкими возвышенностями, которыя простираются съ сѣвера къ югу.

По этимъ склонамъ мы вышли изъ рѣчной системы Зеи, на перерѣзъ которой должны были употребить $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, и вступили въ самую область Амура, который отсюда вверхъ, до своего начала при сліяніи Шилки съ Аргунью, принимаетъ въ себя, особенно съ лѣвой стороны, лишь рядъ незначительныхъ притоковъ. Впрочемъ въ рѣчкахъ Олдо и Уричи на мѣстѣ нашей переправы мы нашли саженъ 40 ширины, въ Амаджарѣ, который мы переѣхали на его устьи, — около 50 с. Всѣ три, по количеству воды, по видимому равны и казались единственными бо́льшими притоками Амура съ-лѣва отъ его начала до устья Зеи. Да и свойство поверхности долины не позволяетъ ожидать притоковъ изъ значительной дали: не смотря на то, что водораздѣлы состоятъ лишь изъ мало-выпуклыхъ, иногда почти плоскихъ хребтовъ, всѣ рѣчки, черезъ которыя мы переѣхали: Ливе́ръ, Кутума́нгра, Олдо́ и Уричи́, заключены между высокими, и съ правой стороны иногда крутыми берегами. Самый Амуръ, по льду котораго мы могли теперь ѣхать, получивъ на Уричи возможность замѣнить нашихъ оленей лошадьми, течетъ также между высокими и крутыми, нерѣдко скалистыми и притомъ отвѣсными берегами [2]). Отъ Обкани вверхъ до сліянія Шилки съ Аргунью мы находили въ Амурской долинѣ только отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ верстъ ширины. Омывая въ своемъ стремительномъ и извилистомъ теченіи высоты то лѣваго, то праваго берега, Амуръ, при своей ширинѣ только въ полверсты, оставляетъ на противоположной сторонѣ Амурской долины травянистую низменность, среди которой тянутся иногда небольшія озера. Эти луговыя низменности я считаю намывными: онѣ прилегаютъ къ краямъ Амурской долины рѣшительно горнаго свойства. Уже при началѣ Амура ясно видѣнъ этотъ способъ образованія, такъ какъ здѣсь, въ-правѣ отъ устья Аргуни опускается въ воду высокій скалистый берегъ, а по лѣвому берегу Шилки идутъ луга, за которыми крутые спуски означаютъ берегъ долины. На низменной оконечности, выдающейся стрѣлкой между обѣими рѣками, образующими своимъ сліяніемъ Амуръ,

---

[1]) Во времена нашихъ козаковъ Уръ назывался: Шилова, какъ показываютъ многія мѣста ихъ донесеній, равно и многія карты XVIII столѣтія.

[2]) Проѣхавъ 10 верстъ отъ водораздѣла рѣки Ура къ западу, мы перебрели черезъ рѣчку Депеке́, долина которой имѣетъ 1 версту ширины, потомъ, 19 верстъ дальше, черезъ принимающую ее въ себя рѣку Ливеръ, спустившись къ ней по Джанглыраджаку. Въ 12-ти верстахъ отъ Ливера мы были уже на другомъ водораздѣлѣ и сдѣлавъ отъ него большой объѣздъ къ сѣверу, почти въ 25-ть верстъ, мы прибыли на Олдо. 29 верстъ отъ него мы ѣхали черезъ притоки Большаго Бургали къ истокамъ Карагинчи́ка, по которому потомъ слѣдовали 24 версты до его впаденія въ Уричи́. Затѣмъ мы продолжали путь 13 верстъ внизъ по Уричи́, потомъ, когда онъ верстъ на пять отъ Амура дѣлаетъ колѣно къ SO, своротили съ него и достигли Амура около версты ниже устья Обкани (по рус. Омутная), которая дробится на много рукавовъ, огибая нѣсколько малыхъ лѣсистыхъ островковъ. Отъ Обкани до начала Амура при Усть-Стрѣлочномъ Караулѣ, по нашему счему, мы сдѣлали 68 в.

лежитъ пограничный Караулъ Усть-Стрѣлочный, называемый Тунгусами Хаджá, какъ и самый Амуръ называютъ они не этимъ именемъ, а Шилкéръ. Какъ эти луговыя низменности, такъ и острова, которые не рѣдки по Амуру, я считаю намывными, хотя нѣкоторые изъ нихъ, поднятые выше и очень лѣсистые, особенно при устьяхъ большихъ притоковъ, могли образоваться отъ промоинъ окружающими ихъ потоками воды [1]).

Проѣзжая по льду Амура, мы, не смотря на спѣшность пути, съ особеннымъ тщаніемъ старались занести его теченіе на бумагу. Но такъ какъ эта часть нашего странствованія нынѣ открыта для самыхъ живыхъ спошеній и для пароходства, то я не издаю своихъ чертежей этого пути и откладываю ихъ въ кучу разныхъ попытокъ, которыя при успѣхахъ нашего времени стали ненужны [2]). Само собою разумѣется, что я тогда уже по преимуществу обращалъ вниманіе на судоходность Амура. Вездѣ доходили до меня самыя благопріятныя объ этомъ свѣдѣнія, и въ Усть-Стрѣлочномъ рыбаки увѣряли меня, что не только здѣсь, но и вверхъ по Шилкѣ, даже до Нерчинска фарватеръ на самыхъ мелкихъ быстринахъ и въ самую низкую воду не бываетъ меньше двухъ аршинъ ($4\frac{2}{3}'$).

---

1) Плоскій островъ Могдáнъ, при сліяніи Шилки и Аргуни, обязанъ своимъ происхожденіемъ, очевидно, наносу изъ упомянутыхъ рѣкъ, точно также, какъ и самая стрѣлка. Рукавъ, отдѣляющій этотъ островъ отъ Усть-Стрѣлочнаго, называется Безъимяннымъ.

2) Будущимъ обработывателямъ географіи этихъ странъ указываю на малодоступный трудъ Миллера (въ Büsching's Magazin f. d. neue Hist. und Geogr. 1769, II, p. 483), и мнѣ самому лишь въ послѣднее время сдѣлавшійся извѣстнымъ чрезъ сочиненіе Штукенберга. Миллеръ собралъ на Шилкѣ самыя точныя свѣдѣнія и, какъ кажется, оставилъ намъ единственный положительный взглядъ на результаты неудавшагося путешествія двухъ геодезистовъ, отправленныхъ къ Становому водораздѣлу. Мы имѣемъ въ этой статьѣ топографическое сокровище. Рядъ рѣчекъ, которыя Миллеръ не зналъ куда помѣстить, я нашелъ на своемъ пути, какъ напр. Дэпъ, Унага, Джелтула, притоки Уди и т. д.

Относительно рѣчекъ, впадающихъ въ Амуръ вскорѣ послѣ его начала, собранныя мной названія не совсѣмъ согласуются съ названіями въ донесеніяхъ старинныхъ козаковъ, ни съ выспрошенными Миллеромъ. Причиной этой путаницы служитъ не столько время, а собственно, безъ сомнѣнія, названія ихъ на разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, тамъ употребляемыхъ (Русскій, Китайскій, Манджурскій, Даурскій, Тунгусскій).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Читатель вспомнитъ, въ какой рѣшительной противоположности я выставлялъ (стр. 26, 176) судьбы двухъ крайнихъ концовъ моего сибирскаго путешествія. При основномъ различіи во внутреннемъ существѣ, а потому и въ послѣднемъ ихъ назначеніи, я въ обоихъ видѣлъ безплодныя пустыни, близко родственныя между собой во многихъ отношеніяхъ.

Какъ тамъ глубокій сѣверъ, такъ и здѣсь Амурскій край я нашелъ почти одинаково неизмѣнными въ томъ первобытномъ состояніи, въ какомъ они были уже за нѣсколько тысячелѣтій, еще тогда, когда лишь наступалъ нынѣшній періодъ человѣческой жизни на земномъ шарѣ. Старинный образчикъ первобытныхъ состояній этихъ пустынь сохранился донынѣ. Кто имѣетъ въ немъ надобность, тотъ пусть теперь отправится, или хоть черезъ сто лѣтъ побываетъ по моимъ слѣдамъ на Таймырѣ. Тамъ лежитъ образцовая мѣра, тамъ она безопасно охраняется отъ насильственныхъ вторженій нашего времени. Что я оттуда вывезъ, то и донынѣ также ново, также свѣжо, какъ и тогда, какъ я собиралъ; что говорю я объ этихъ странахъ, то и теперь столько же годится, и самыя скудныя свѣдѣнія, которыя съ нуждой успѣлъ я нахватать тамъ, даже невѣрности, вкравшіяся въ мои воззрѣнія, вѣроятно, много много лѣтъ будутъ служить для образованнаго міра самою надежною точкою опоры для познанія этого недоступнаго края.

Совсѣмъ иное вышло, со времени моего путешествія, изъ Амурскаго края; совсѣмъ иначе смотритъ теперь Россія на свои дальніе восточные берега. 15 лѣтъ назадъ, когда я осмѣлился переступить цвѣтную полосу, означавшую на картахъ Русскую границу, и когда я цѣлые мѣсяцы странствовалъ за этой мнимой границей по такъ называемой Китайской Манджуріи, Академія не отважилась даже взять на себя оффиціальную отвѣтственность за этотъ шагъ. Потомъ, когда я черезъ годъ воротился оттуда и первое зерно настоящаго нашего Географическаго Общества, публично выразило свое ко мнѣ участіе, когда и самъ Государь пожелалъ узнать отъ меня обстоятельнѣе о при-Амурскихъ странахъ, оффиціальные блюстители нашихъ пограничныхъ отношеній съ Азіей оставались при своемъ неодобреніи всякаго другаго рода свѣдѣній, кромѣ негласныхъ, указывали на неоднократно повторявшійся прежде запоръ воротъ Маймачина Китайскимъ правительствомъ, выставляли происходившій отъ того вредъ для Кяхтинской торговли, рѣшительно защищали необходимость необитаемаго нейтральнаго промежутка земли и вмѣстѣ

съ тѣмъ по прежнему были въ пользу строжайшаго подтвержденія тѣхъ самыхъ мѣръ, безплодность которыхъ испытывалась, какъ объяснено выше (стр. 161), въ-продолженіе цѣлаго столѣтія.

За годъ до того, какъ я приступилъ къ изданію предлагаемой части путешествія, положеніе дѣлъ на Амурѣ было еще прикрыто хотя уже прозрачною занавѣсью. Теперь наконецъ она поднята. Съ стремительной быстротой совершилъ здѣсь свое дѣло духъ времени. Передовымъ вождемъ напора въ тѣ края, безъ отдыха и безъ устали, даже предупреждавшимъ духъ времени, во всемірную лѣтопись внесенъ будетъ графъ Муравьевъ-Амурскій.

Великая рѣка, единственный судоходный водяной путь, открывающій внутренность Сибири для всемірной торговли, постановлена границей, и тѣмъ вѣковыя преграды, воздвигнутыя варварствомъ, разрушены. Для спасенія отъ суровой зимы, царствующей на устьѣ рѣки, корабли находятъ, до десяти градусовъ южнѣе по тому-же берегу, превосходныя гавани, въ которыхъ они спокойно могутъ стоять на якорѣ, защищаемые Европейскою силой и съ тыла прикрываемые мѣстностью до рѣки Усури. Сообщеніе уже въ полномъ ходу. Параходы разсыпаютъ дары тропиковъ по материковому Забайкалью; заведена правильная почтовая гоньба; съ увѣренностью разсчитываютъ, что въ скоромъ времени мысли отдаленныхъ колоній будутъ перелетать въ метрополію съ телеграфной молніей. Одно за другимъ и одно лучше другаго являются сочиненія о произведеніяхъ того края, — плоды терпѣливаго изслѣдованія и основательнаго знанія. Объявленъ періодическій листокъ — «Амурскій Вѣстникъ». Питаются даже дерзкія надежды на желѣзную дорогу по низовому теченію Амура.

Заводятся поселки, деревни, даже города. Тысячи за тысячами сплываютъ по Амуру поближе къ открытому морю; населеніе малолюдной Сибири раздвигается, чтобы примкнуть передними рядами вплоть къ Великому океану.

Великое, хотя и тихое переселеніе народовъ нашего времени теперь сомкнулось кольцомъ вокругъ земнаго шара. Американцы и Русскіе съ гостепріимныхъ береговъ переглядываются чрезъ океанъ, какъ сосѣди. Славяне, которымъ три столѣтія суждено было напирать, противъ солнца, къ востоку, стоятъ теперь съ своимъ неизмѣримымъ царствомъ предъ Соединенными Штатами, отраслю Германскаго племени, которая между тѣмъ столь-же неудержимо стремилась въ-слѣдъ за солнцемъ, къ западу. Межи проведены; но назади осталось еще пусто, и въ Сибири, конечно, гораздо пустѣе, чѣмъ въ Америкѣ. Столѣтія могутъ пойти — и пойдутъ на замѣщеніе этой пустоты. Не трудно предсказать, кто прежде покончитъ эту напередъ заданную работу,—старый или новый свѣтъ?

Но прежде нежели она покончится, серединное царство совершитъ свое перерожденіе: его сжатое народонаселеніе должно раздвинуться. Возрожденіе отжившей и окаменѣвшей Азіи есть задача, рѣшеніе которой достается нашимъ грядущимъ поколѣніямъ. А потомъ?...

ПРИБАВЛЕНІЕ I.

Журналъ (пути) отъ рѣки Хатанги черезъ тундру до рѣки Таймуры и устья ея около берега морскаго моремъ и къ западу на нартахъ до устья рѣки Енисея, содержимый отъ флота лейтенанта Харитона Лаптева (съ) описаніемъ онаго берега морскаго.

(Текстъ Журнала передается, какъ стоитъ въ рукописи; только, для удобства чтенія, исправлено кое-гдѣ правописаніе и поставлены знаки препинанія тамъ, гдѣ нельзя ожидать разныхъ толкованій. Слова, внесенныя при изданіи, поставлены въ скобкахъ).

Числа.	Румбы.	Версты.	Случаи отъ устья реки Таймуры къ востоку мѣсяца Мая 1741 году.
10	ONO	15	Погода пасмурная. Пополудни въ 3-мъ часу командующій лейтенантъ, солдатъ Хорошевъ (и) Якутъ Никиѳоръ Ѳоминъ отправились на 3-хъ нартахъ къ востоку около берега морскаго для описанія. Путь былъ сперва чрезъ тундру понеже берегъ въ сихъ местахъ описанъ прошлаго 1740 года.
			Въ 11-мъ часу вечера, переехавъ тундру, пріѣхали на губу морскою; на берегу стали начевать. Здесь берегъ лежитъ до Метьведжеву яру по сей губе западней WtN. Берега отлогіе горы, весма невысокіе. Погода мрачная съ просіяніемъ солнечнымъ. Въ 11-мъ часу утра поехали около берега губою въ пораллель, какъ значитъ въ столпахъ.
11			Погода пасмурная съ туманомъ; ехали въ пораллели берега.
Убили	белаго ме	дведя.	Въ 10-мъ часу вечера стали начевать; въ полночи убили белаго медведя.
			Въ 11-мъ часу утра поехали въ путь около берега въ пораллели.
12			Погода малотуманная (съ) сіяніемъ солнца. Переехавъ вышепоказанныя растоянія,
			Въ 11-мъ часу вечера стали начевать на берегу.
			Въ 12-мъ чзсу утра поехали около берега въ пораллель.
Маякъ	Ѳомиче	въ.	Здесь моякъ наехали Ѳомичевъ; отсель пошли берега нискіе.
Ледъ	гладкой.		Здесь начелся ледъ гладкой, старыхъ годовъ, не малой, съ летними на немъ проталинами; а прежде по сему морю видны были и на настоящемъ пути торосы и льды свежіе.
13			На вышепоказанные румбы растояніе переехавъ, въ 10-мъ часу вечера стала быть пурга, чего ради и начевали.
14			Во весь день стояли за пургою, чего ради отъ дыму въ чюму и отъ ветра вешняго у лейтенанта и у солдата глаза перебило, такъ что на полсажень можно что видеть; а по объявленію якута у него мало глаза поздаровѣя, видетъ, что земля до NW кажется настоящая отъ нашего румба, и для опои очной болѣзні возвратились паки назадъ до устья Таймурскаго. Въ 11 часу вечера погода стала тиха съ туманомъ; назатъ ехали прямо чрезъ мысы и губу, не наблюдая за помянутую очную болезнію румбовъ.
15			Погода пасмурная была въ пути, назатъ ехали.
16			Были въ пути.
17			Пополудни въ 9-мъ часу пріехали на устье Таймурское въ зимовье.
18			Имели отдыхъ отъ пути.
19			Имели отдыхъ отъ пути.
			Ясное описаніе устья Таймурское значитъ на литу.

Часы.	Румбы.	Версты.	20 Мая случаи отъ устья Таймурскаго къ западу 1741 году.	Усмотреніе земли.	Румбы.	Версты.
4	WtZ	15	Погода мрачная. Сполудни въ 4-мъ часу, оставя въ зимовье на лабазе для пріезду геодиста Чекіна корму собакамъ его: рыбы свежей 150, юколы 300, хахты мешокъ, правіанта: сухарей 10 пудъ, крупъ яшныхъ $1/_2$ пуда и притомъ ордеръ, лейтенантъ со всею командою отсель поехалъ къ западу около берега моремъ во первыхъ отъ зимовья чрезъ устье Таймуры реки до другова берегу.	Отъ зимовья видно того берега чрезъ небольшой прилугъ мысъ Полушковъ....	WtN$^2/_4$W	6
Лейте отселе дою по около	нантъ Ла со всею ехалъ къ берега м	птевъ коман- западу оремъ.		Отъ толь до Медвежняго яру чрезъ прилугъ.... Берегъ лежитъ вездѣ отъ воды пологого, нарочетой высоты; а Медвежей яръ утесъ состоитъ чрезъ сію губу. Тороса свежіе, въ каждомъ лете ломаетъ.	NW$^3/_4$W	8
9			Въ 9-мъ часу пріехавъ къ берегу, проехали около берега.			
	WZW	10		Сей берегъ полого-высокіе горы земленые, а подли реки пріяро.		
12			Въ 12-мъ часу стали начевать.			
Усмот 75° 33′	рена ши	рина	Около полудни стали. Сіяніе солнца, погода изрядная; въ полдень усмотрена ширина 75° 33′.			
			21 Мая около берега моремъ 1741 г.			
2	W	15	Погода тажъ сполудни во 2 часу поехали моремъ чрезъ губу на чаемую землю.	Берегъ пошелъ таково же состоянія. По объявленію Якута видѣлъ туленя.	WtZ	
7	NW	15	Въ 7-мъ часу увидевъ землю румбъ переменили.			
11	N	15	Въ 11-мъ часу паки увидѣли простиранія земли; теперь румбъ переменили.	На которой берегъ пріехавъ сталъ видомъ идетъ на....	ZW	
1	WNW	5	Въ 1-мъ часу увидевъ окончаніе земли поехали къ ней.	Берега высокіе и отлогіе и каменныя горы круглого камня.		
3			Въ 3-мъ часу пріехавъ на мысъ стали начевать, сыскавъ мало дровъ; въ полдень усмотрена ширина 75° 49′; склоненіе компаса восточное 2 R.			
Усмот 75° 49′	рена ши	рина				
			22 Мая около берега моремъ 1741 г.			
			Погода съ полдня стало пасмурно. Въ 4 часу поехали около берега.	Здесь начелся летъ неломаной въ лете, ибо проталины летніе на немъ значутъ.		
4	N	10	Здѣсь сыскали на льду бревно которое въ летніе время полою водою внесло.			
9	W	8				
10	ZW	2				
12	Z	1	Въ 1-мъ часу съ полуночи стали начевать; во время езды погода туманная и снегъ идетъ великой.	Берега лежатъ отлогіе каменныя.		
1						
			23 Мая около берега 1741 г.			
4	NW	10	Погода туманн я и мрачная; въ 4-мъ часу съ полдня поехали чрезъ губу на видимую землю, понеже погода прочистилось отъ туману.	Настоящей берегъ, отъ котораго поехали, пошелъ каменнымъ.	WZW	
8	NWtN	15	Въ 8-мъ часу проехали на большой видимой островъ.	Каменной, лежитъ....	ZW	3
1			Съ полуночи пріехавъ стали начевать на острове на северномъ мысу, где дровъ нетъ, а довольствовали завозными. Около полудня стало ясно; усмотренно ширины здесь 76° 04′.	Каменной, глина сего острова....	ZW	5

Часы.	Румбы.	Версты.		Усмотреніе земли и состоянія.	Румбы.	Версты.
			24 Мая около берега моремъ 1741 г.			
1	NW	20	Погода ясная, а потомъ мрачная. Поехали чрезъ губу на чаему землю по состоянію упомянутаго неломанаго лда въ летнее время.	Которой (берегъ) лежитъ собою низокъ по земли мохомъ чернымъ, а подле воды мелкой камень. Сей берегъ виденъ на...	ZZW	
	NOtN	8				
8	NNO	10	Пріехали къ настоящему берегу, около котораго поехали.			
10	NtO	9	Съ полуночи погода ясная.			
2	NW	14	На море увидевъ белаго медведя інде			
4			убили и стали начевать. Здесь начели быть торосы свежіе, где чаятельно быть море открытое и въ летніе времена ломаетъ. Въ полдень усмотрено ширины 76° 38′; склоненіе компаса 2 R восточное.	Наноснаго лесу по нужде на дрова сыскали.		
			25 Мая около берега моремъ 1741 г.			
4	WtN	1	Съ полудни съ 3 часа стало мрачно; поехали около берега.	Отъ насъ именованной северной западной мысъ собою отлежитъ, какъ и прежней берегъ, низокъ, не выше 5 сажень по перпендикулярно.		
5	WZW	1	Въ исходъ тогожъ часа пріехали на мысъ;			
6	ZW	2	на которой поставили моякъ съ подписаніемъ года, числа, ширины места; отъ			
8	ZZW	6	него поехали около берега.			
9	W	2		Берегъ лежитъ такова жъ состоянія.		
	ZZW	5				
10	ZW½W	4	Пріехавъ къ мояку, которой въ 1740 году отъ геодезиста Чекина поставленъ, стали начевать, где и отъ насъ подписанъ годъ и число.			
Маякъ	Чекина					
			26 Мая около берега моремъ 1741 г.			
				Отъ сего мыса берегъ лежитъ	OZO	10
			Погода облачная съ просіяніемъ солнца. Съ полудня поехали въ путь.	въ губу (. Съ) того жъ мыса видно высокіе отлогіе холмы, межъ которыми чаятельно быть никакой земли; а оной мысъ собою высокъ, пріярой.		
			Пріехали на мысъ; отъ него поехали чрезъ губу на окончапіе земли къ морю.			
Убили	белаго м	едведя.	Пріехали на малой островъ каменной, стали начевать. Будучи здесь убили белаго медведя.	1.	ZO	15
				2.	ZOtZ	18
			Около полудни погода изрядная. Ширина усмотрена 76° 23′.	3.	Z	18
				4.	ZtW	20
				Съ которыхъ (румбовъ) пріехали (къ) острову. Отъ мыса берегъ лежитъ на	W	5
2			**27 Мая случаи 1741 году.**			
	Z	5				
3			Погода изрядная, сіяніе солнца съ полудни поехали по берегу морскому, потомъ около берега.	Ледъ гладкой; берегъ лежитъ ниской съ мелкимъ камнемъ; а берегъ пошелъ настоящій на	OZO	
	ZZW	10				
6						
	ZW	2	Поехали на видимой островъ.	между которымъ и островомъ проливъ не шире....		5
10			Пріехали на мысъ острова, стали начевать, понеже чрезъ губу значитъ великое растояніе пути. Здесь сыскали плавнику гнилаго съ нуждою (въ) 10 саженяхъ перпендикулярьно отъ ватерлиніи. Съ полудни сталобыть туманно и снегъ и дождь.	Сей островъ каменной, высокой пріярой. Отсель начелись торосы въ море великіе, прежнихъ болше.		
Здесь ку гни въ 10 с дикуля линіи.	сыскали лаго съ н аженяхъ рно отъ	плавни- уждою перпен- ватер-				

Часы.	Румбы.	Версты.	28 Мая случаи моремъ 1741 г.	Усмотреніе земли и состояніе.	Румбы.	Версты.
1			Погода туманная и снегъ идетъ. Поехавъ на вчерашней усмотренной румбъ, а здесь для нужды дровъ не преждали погоды, наехали на мель 2 фута воды, которая отделяетъ морскіе торосы отъ стоячихъ льдовъ въ губѣ, и оные торосы въ большой ветръ мало колеблятся. Съ полуночи отъ великой броди снежной не переехавъ губу, отъ туману берегу не видеть, стали на льду начевать (съ) заводными шестами на дрова. Съ полуночи ветръ менше и погода прочистилась. Увидевъ берегъ поехали въ путь.			
	ZZW	20				
9 Ск	ольскіе т	оросы.				
	DO	15				
2						
	ZtW	10				
			29 Мая случаи моремъ 1741 г.			
3			Съ полудни пріехали къ берегу на мысъ; здесь сыскавъ дровъ пловинку стали дневать, чтобъ собакъ варенымъ кормомъ накормить.	Отъ сего мыса берегъ и(зъ) губы вышелъ сколько было его видеть можно, такожъ до....	ONO	
10			Около полудни погода изрядная. Въ полдень усмотренно ширины места 75° 37′, при чемъ обсервовано склоненіе компаса 2 R восточное.	(Въ) настоящемъ месте, где горы весьма высокіе каменные плитные, противъ настоящаго мысу лежитъ большой островъ, межъ которыхъ протока лежитъ....	ZZO	8
Усмот 75° 37′	рена ши	рина		шириною....		
			30 Мая случаи 1741 г.			
3			Съ полудни стало туманъ великой и снегъ идетъ, и ездели въ путь; но токмо отъ туману чрезъ 6 часовъ паки назать возвратились на прежнее место начевать.	Отъ мыса въ губу лежитъ протока глухая отъ берега на Въ сей протоки и въ большой видно торосы свежіе, чрезъ что мненія былъ, въ летнее время оные ломаетъ.	ZOtO	2 5
			31 Мая случаи 1741 г.			
			Сего числа погода тажъ, туманъ великой, чего ради стояли на одномъ месте.			
			1 Іюня случаи моремъ 1741 г.			
6						
	W	8	Съ полудни прочистилась погода, чего ради поехали въ путь чрезъ протоку на островъ; поехали около берега острова.	Сей островъ, такъ какъ и берегъ, высокой каменной; на немъ плавнику довольно.		
8						
	WZW	5		Берегъ лежитъ отъ насъ на....	NO	
9			Проехали прежде помянутую протоку большую.	шириною она здесь....		2
	ZW	7		а берегъ пошелъ на....	ZZO	
11			Потомъ поехали чрезъ губу на видимую землю.	На сей корге плавнику весьма много; здесь сыскали старое огнища. Видны высокіе отлогіе горы.		
	WZW	20				10
6			Съ полуночи погода стала туманная, чего ради на корге стали начевать.			
12			Около полудни прочистилось. Въ полдень усмотренно ширины 75° 21′.			
Усмот 75° 21′	рена ши	рина				

Часы.	Румбы.	Версты.	2 Іюня случаи около берега 1741 г.	Усмотреніе земли и состояніе.	Румбы.	Версты.
5			Погода изрядная. Съ полуночи пріѣхалъ къ намъ на встрѣчу, по данной ему инструкцы, штюрманъ Челюскинъ, и накормя собакъ поехали въ путь около берега, возвратя (съ) собою онаго штюрмана у котораго пришедшіе съ нимъ собаки весьма худы и корму малое число съ нимъ пришло.	Берега лежатъ нискіе съ малыми отлогами; отъ берега въ растояніи верстъ около 10 высокіе горы.		
8						
	ZWtW	1				
	1/2W					
	W	2				
9						
	ZW	1				
	ZWtZ	2				
10			Погода стала туманная.			
	WtN	1				
11	Z	2				
	ZZW	2				
	Z	1				
12			Стали начевать на корге, где лесу наноснаго довольно.			
3			Погода прочистилась около полудни облачно.			
			3 Іюня случаи около берега моремъ 1741.			
	SW	3	Погода стала быть мрачная.	Берега состоятъ противъ прежняго нискіе; ледъ наносной изредка есть.		
	WNW	1				
5						
	NW	1				
	W	2				
	WtS	2				
6						
	WtN	2				
	WtS	1				
	SSO	1				
7						
	WSW	1				
	W	1				
	StO	1/2				
	SW	1				
8						
	WtS	1				
	SSW	1/2	Отсель поехали чрезъ заливъ.	Остался заливъ отъ насъ	OtS	1
	StW	2				
	SW	2				
9						
	S1/2W	2	Отсель поехали чрезъ заливъ.	Остался заливъ отъ насъ	S	1
	NWtW	2				
10						
	NNW	1/2				
	NW	2				
11						
	NSW	4	Берегъ пришолъ мысомъ.	Противъ мыса въ близости два островка малые въ растояніи около		
12						
	SWtW	3				2
	SSW	1				
1			Съ полуночи прочистилось.			
	SWtS	3				
2						
	SW	4				
3						
	WSW	2				
4			Отсель поехали чрезъ заливъ.	Остался заливъ отъ насъ	SSW	2
	WNW	4				
5			Пріѣхавъ на мысъ, сыскали плавнику, стали начевать, где зделавъ лабазъ оставили юкалы полтараста для чаемаго быть геодезиста Чекина.	Здешній мысъ мало прикрутъ; противъ сего мыса въ близости два острова малые; отъ берега въ растояніи		
Ширин	а усмотр.	75° 09′	Въ полдень усмотренно ширины 75° 09′.			3

Часы.	Румбы.	Версты.	4 Іюня случаи около берега.	Усмотреніе земли и состояніе.	Румбы.	Версты.
5			Съ полудня стало быть мрачно; поехали въ путь чрезъ заливъ.			
	WtS	6		Съ половины сего растоянія на данной румбъ въ заливъ видно	SSO	3
7						
	WNW	1				
	WtS	1				
	SWtW	3				
8						
	WSW	2				
	SWtW	1				
9						
	SW	6				
11						
	NWtW	2				
	W	3				
12						
	WtS	5				
4			Сыскавъ дровъ стали начевать.			
8			Прочистилась погода мало.	Берега таково же состоянія.		
			5 Іюня случаи около берега моремъ 1741.			
8			Съ полудня мрачно; поехали въ путь.			
	ZW	9				
10						
	W	3		Здесь мысъ, противъ котораго лежатъ два острова отъ берега		5
11				Паки островокъ отъ берега		2
	WZW	7				
1				Еще островъ отъ берега		2
	ZWtW	½				
				Виденъ островъ въ море	NWtN	20
	ZW	8	Чрезъ заливъ.	Другой островъ	WtN	23
3				Иногда были въ половине растоянія въ губу состоитъ	ZOtZ	6
	Z	3				
4			Чрезъ заливъ.	Губа лежитъ	OtN	5
	WZW	2		Небольшой островъ отъ берегу		8
	ZWtW	2	Погода ясная.			
5						
	ZWtZ	8	Чрезъ губу.			
7						
	WtZ	2				
	ZWtW	6				
9						
	ZZW	½	Чрезъ заливъ.	Въ губу видно	OZO	3
10			Стали собакъ кормить. Въ полдень усмотрено ширины места.	Берега ниские противъ прежняго; подъ водою мелкой камень ледъ глаткой.		
			6 Іюня случаи моремъ около берега 1741.			
6			Погода изрядная, сіяніе солнца съ полудня; поехали въ путь.			
	ZZW	3				
	ZWtZ	3				
7				Берега пріярые, каменные средней высоты и(зъ) плитняка.		
	ZZW	10				
9						
	W	2				
	ZWtW	6				
11				Видно небольшой островъ		2

Часы.	Румбы.	Версты.	6 Іюня случаи моремъ около берега 1741.	Усмотреніе земли и состояніе.	Румбы.	Версты.
	WtZ	2	Чрезъ заливъ.	Отъ берега близко въ губу видно	ZtO	5
	W	2				
12			Мрачная погода.			
	W	2				
2						
	WtZ	2				
	WZW	2				
3				Видны два острова отъ берега		
	ZWtW	3		близъ		5
4				Берега нискіе отлогіе.		
	ZW	2				
	ZZW	1				
	ZW	1				
5			Ясная погода.	Съ половины растоянія въ заливъ	NNO	3
	WZW	2				
	ZOtZ	3				
6			Чрезъ губу.			
	ZO	8				
8						
	W	6				
	ZWtZ	7				
11			Пріехавъ на коргу, стали собакъ кормить. Въ полдень усмотрено ширины места 74° 21′.			
			7 Іюня случаи около берега моремъ 1741.			
			Погода чистая, сіяніе солнца, и теплая съ полудни.			
6			Поехали въ путь.			
	WNW	4	Чрезъ заливъ.	Въ заливъ видно	ZZW	2
7						
	WZW	10				
9						
	WtN	2				
	WtZ	2				
10						
	WtW	4				
	ZW	2				
12						
	WZW	1		Здесь состоитъ мысъ пріярой каменной.		
-	ZWtW	12	Чрезъ губу.	Въ половине растоянія видно въ губу на	ZZO	8
3			Пріѣзжали къ мысу.	Пріярой, противъ котораго островъ		
	WtZ	3			NNO	2
4						
	WtN	6	Чрезъ губу на мысъ.	Съ половины въ заливъ видно	ZZW	5
5						
	WZW	3				
6						
	ZWtW	10	Отехалъ 2 версты чрезъ губу.	Виденъ островъ	NNW	5
8				Въ половине въ заливъ видно	OZO	4
	ZWtZ	2				
	WZW	4		Начались острова, много, въ растояніи отъ берега....		3
10						
	ZtW	½				
11			Пріехавъ на коргу, стали собакъ кормить. Въ полдень усмотрено ширины места 74° 14′.	Берега противъ пологіе, тундренные места.		

Часы.	Румбы.	Версты.	8 Іюня случаи около берега моремъ 1741.	Усмотреніе земли и состояніе.	Румбы.	Версты.
4			Погода чистая, сіяніе солнца съ полудня Поехали въ путь межъ берега и острова.	Острова состоятъ частыя, между ими протоки въ море; здесь льды ломаетъ въ летнее время.		
	ZO	1				
	ZOtO	2				
	ZOtZ	1				
5				Берега отлогіе.		
	ZOtO	3				
6				Здесь состоитъ мысъ каменный, пріярой и(зъ) плитнику аспиднаго, на которомъ безъ нужды писать можно, но точію не очень крепокъ.	аспи	дъ.
	ZO	10				
8			Ехали межъ острова большова и отъ берегу протока не шире $1\frac{1}{2}$ версты; на берегу здесь поставлены козлы рыбные, которые чаятельно быть каманды штюрмана Минина.			
	OtZ	2				
	ZO	3		Ускaя протока окончилась; берегъ острова пошелъ	ZW	
9						
	O	5				
10						
	OZO	4				
11						
	ONO	5				
12			Чрезъ губу.	Съ половины видно въ заливъ	ZO	3
	WNW					
2			Чрезъ мало выгибной заливъ.			
	ZWtW	4				
3						
	ZW	5		Отсель упомянутаго острова мысъ можно видеть	N	5
4						
	ZWtW	5				
5			Приступили къ мысу.	Отсель видно островъ съ моря	WNW	5
	ZW	2			NNW	4
	Z	2				
6			Пріехали (въ) заливъ шириною $1\frac{1}{2}$ верст., где поставленъ моякъ штурманомъ Мининымъ въ 1740 году.			
	WZW	2		Видно лежитъ къ	O	
	ZWtZ	4				
8				Отъ сеи губе Устьпосенскіе жители объявляютъ въ близости быть вершиною конечнаго зимовья; берега все стоятъ отлогіе средней высоты.		
	ZZW	$1\frac{1}{2}$				
	Z	2				
9			Во все сутки погода изрядная, (съ)сіяніемъ солнца; въ полдень усмотренная ширина $73^\circ 56'$.			
	ZZO	1				
	ZZO$\frac{1}{2}$O	1				
10	ZOtZ	2				
			9 Іюня случаи около берега моремъ 1741.			
6			Погода чистая, сіяніе солнца съ полудня Поехали въ путь.	До нижеписаннаго мыса горы состоятъ отлогіе тундренные.		
	ZO	1				
	ZOtO	3				
7						
	OZO	4		Сей мысъ состоитъ съ обѣихъ сторонъ губъ, на которомъ плавнику великое множество годнаго на строеніе; противъ сего зимовья въ близости островъ отъ берега....		4
8			На мысу поставленъ моякъ штурманомъ Мининымъ.			
	OZO	6				
10			Начались лаушни Устьпосенскаго промышленника Ѳедота Тобольскаго: здесь бологанъ отъ промышленника.			
	ZOtO	1				
	ZO	3				
11			Проехали отъезжее зимовье тогожъ Тобольскаго.			
	ZtW	2				
	ZZW	3	Ехали межъ острова и берега.			
12						
	ZWtZ	5	Окончаніе острова.	Пріярые берега.		

Часы.	Румбы.	Версты.	9 Іюня случаи около берега 1741 г.	Усмотреніе земли и состоянія.	Румбы.	Версты.
	WZW	1				
	ZO	2				
4						
	ZZO	2				
5			Пріѣхали къ зимовью Верхнепосенскому помянутаго Тобольскаго, стали собакъ кормить.	Отлогіе горы невысокіе. Берегъ вверхъ реки пріярой пошелъ.		
	ZZO	1				
6						
			10 Іюня случаи около берега моремъ 1741.			
4			Погода изрядная, сіяніе солнца съ полудня поехали усть реки Посенги чрезъ потоку.	Протока свежая, видно на....	OtZ	
	WtZ	5				
6						
	ZZW	7	Ехали островомъ и многими протоками небольшими.	Сей островъ собою весьма низокъ надъ водою.		
8						
	ZWtZ	1	Пріѣхали на островъ, на которомъ коренное зимовье онаго Тобольскаго.	Въ зимнее время оныхъ протокъ за низостію земли узнать невозможно.		
9						
Пріѣха къ зим реки П	ли на ос овью въ ясинги.	тровъ устью	По пріезде принято отъ служилаго Карпа Кузукова для корму собакъ сухарей $6^1/_2$ пуда, крупъ овсяныхъ $2^1/_2$ пуда. Въ полдень обсервована ширина места 73° 39′, склоненіе компаса 2 R. восточное. По сіе место отъ реки Хатанги употреблены вышепоказаныя румбы по исправленіи коршевъ, склоненіе компаса 2 R восточное.			

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
8	25 сверху	по Таймыру	по Таймырѣ
18	5 —	на востокъ	на западъ
23	18 —	на Удѣ	на Уди
24	5 и 6 снизу	бывшаго	большаго
25	6 сверху	Урукунду́	Укурунду́
33 1 столб.	8 снизу	считаемъ	читаемъ
53	9 сверху	то	тотъ
64	22 —	передовавшія	передававшія
103	1 снизу	Головина	Головнина
—	3 —	Головину	Головнину
134	22 сверху	Солурпая	Солурная
140	5 —	подвигались	подвигалось
—	19 —	источниковъ	истоковъ
155	20 —	у Дяни	Дяни
156	12 снизу	(стр. 168.	(стр. 163
163 1 столб.	8 —	на Бріянду	на Бряиду
168	7 сверху	Нигидайскаго	Нигидальскаго

ОГЛАВЛЕНIЕ.